

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Актуальные проблемы марксистского
изучения

34

Ленинская национальная политика в СССР
и великодержавный шовинизм в Китае

Коллективная безопасность в Азии

Новая маоистская «кампания»

Экономическое положение Японии

На общей платформе антикоммунизма

4

1975

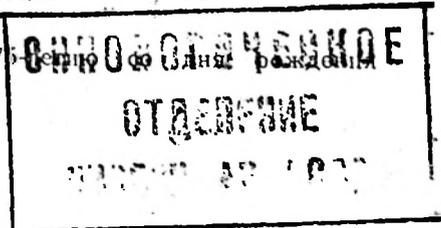
ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

НАУЧНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД НА РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ

4 [16] 1975

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 О некоторых актуальных вопросах марксистского китаеведения
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- 18 Торжество ленинской национальной политики в СССР и великодержавный шовинизм в современном Китае
Т. У. Усубалиев
- 39 Коллективная безопасность в Азии
В. Б. Воронцов, Д. Т. Капустин
- 52 Социально-экономические аспекты кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» в Китае
П. Б. Капралов
- 62 Япония: экономика, энергетический кризис, перспективы развития
Ю. П. Шипов
- 76 К вопросу о советско-китайском научно-техническом сотрудничестве
Л. В. Филатов
- ИДЕОЛОГИЯ**
- 86 На общей платформе антикоммунизма: альянс маоистской и империалистической идеологий
В. Нойберт (ГДР)
- ИСТОРИЯ**
- 104 О совещании в Цзуньн
А. С. Титов
- 116 Пекин и «второй Бандунг»
Б. А. Соборов
- КУЛЬТУРА**
- 122 Лу Синь и Цюй Цю-бо
В. В. Петров
- 135 Послевоенная японская поэзия: реализм или модернизм
А. Г. Долин
- ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ**
- 144 Тибет и «культурная революция»
В. А. Богословский
- 149 Великое наследие (к 47-летию со дня рождения У Чэн-эня)
А. П. Рогачев

- 153 За линией фронта
И. Н. Никитин
- ПУБЛИКАЦИИ И ДОКУМЕНТЫ**
- 157 Из законодательных актов Китайской советской республики (1931 г.)
Э. Е. Майстрова
- ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**
- 164 Международные связи русских синологов
П. Е. Скачков
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**
- 170 Летопись героического подвига
А. Д. Макаров
- 173 Преображенный край
Ч. И. Таксами, К. Е. Черевко
- 175 Борьба монгольского народа против маньчжур (XVII—XVIII вв.)
Б. О. Гатанов
- 176 Новый китайско-русский словарь
В. М. Солнцев
- 180 Библиография работ Ван Мина
А. П. Киреев
- 184 Новый этап эволюции маонизма
- НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**
- 190 II Международный семинар молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана
А. Г. Луньков
- 193 **НОВЫЕ КНИГИ**
- 196 **СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1975 ГОД**

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

О некоторых актуальных вопросах марксистского китаеведения

В последние годы китайская проблема приобретает все более острый характер. С начала 60-х гг. пекинское руководство развернуло широкую подрывную деятельность против братских партий, против социалистических стран. В этих условиях вопрос отношений с Китаем приобрел принципиально иное содержание, чем это имело место в 50-е гг.

Если прежде речь шла о развитии всестороннего сотрудничества всех стран социализма с Китаем, координации действий в общей борьбе против империализма, то после узурпации власти группой Мао Цзэ-дуна стало вынужденной необходимостью оказание противодействия подрывной, раскольнической линии маонистов, открывших, по существу, второй фронт против мирового коммунистического движения, социалистической системы и выступающих объективно пособниками самых реакционных, агрессивных кругов империализма. При этом вновь актуальное значение приобрел также вопрос о борьбе за социалистическую перспективу развития Китая. Все это вместе взятое выдвинуло проблемы положения в Китае и судеб революции в этой стране в число острейших вопросов современности.

Анализ главных тенденций развития международной обстановки указывает на важную роль китайского фактора в международной политике. В связи с этим без преувеличения можно сказать, что проблемы дальнейшего развития ситуации в Китае, вопросы отношений Китая с социалистическим сообществом, советско-китайских отношений приобретают все более возрастающее значение. Глобальное значение этих проблем для социалистической системы определяется в конечном счете тем, что для сил социализма далеко не безразлично, на чьей стороне будет Китай в противостоянии двух социально-политических систем.

Начиная с 60-х гг. и особенно после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС наша партия призвала коммунистов, всех марксистов-ленинцев повысить бдительность в отношении антисоциалистических происков китайских руководителей, встать на защиту чистоты марксистско-ленинского учения, социалистических идеалов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на Международном Совещании братских партий, проходившем в 1969 г. в Москве, подчеркивал: «Всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае за последние годы и корней нынешнего курса руководителей КПК, ставящего под угрозу социалистические завоевания китайского народа, — большая и серьезная задача»¹.

---

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 2. М., 1973, с. 392.

В последние десять лет советское китаеведение проделало определенную работу в этом направлении. В опубликованных в журнале «Коммунист» и газете «Правда» редакционных статьях, в новых монографиях советских китаеведов, по существу, изложена принципиальная концепция, содержащая марксистскую оценку положения в Китае, новейшей истории Китая, истории КПК, истории советско-китайских отношений. В этих работах обобщены итоги научных исследований советскими китаеводами идейных, теоретических истоков и исторических корней маоизма, нынешних событий в Китае. Эти фундаментальные выводы легли в основу дальнейшей теоретической разработки вопросов критики теории и практики маоизма, новой и новейшей истории Китая, экономического развития КНР и т. д.

Большую помощь нашей партии в борьбе против маоизма оказали работы советских китаеведов, освещающие проблемы советско-китайских отношений и истории отношений России с Китаем.

Для правильного понимания проблем новейшей истории Китая, условий, в которых победила китайская революция, имеют принципиальное значение новые материалы и выводы, относящиеся к периоду 1945—1949 гг., в частности, — о роли Советского Союза в достижении победы революционно-демократических сил Китая в 1949 г., о значении в этом деле Маньчжурской военнореволюционной базы, показ подлинного образа действий Мао Цзэ-дуна в этот ответственный период в развитии китайской революции.

В опубликованных работах по истории советско-китайских отношений 1945—1970 гг. содержатся важные научные выводы о продолжении борьбы двух линий в Компартии Китая — националистической, во главе с Мао Цзэ-дуном, и интернационалистской, марксистско-ленинской, которая была представлена другими деятелями КПК, выступавшими против курса Мао Цзэ-дуна и его сторонников.

Большое политическое значение имеет объективное научное исследование вопроса об истории территориального разграничения между Китаем и соседними странами, в особенности истории формирования границы между Россией и Китаем.

Исключительную важность приобрело изучение вопросов истории китайской революции и истории КПК.

Крупный вклад в разоблачение националистических антисоветских истоков деятельности группы Мао Цзэ-дуна внесли работы китайского коммуниста-интернационалиста тов. Ван Мина, бывшего военного советника Коминтерна при ЦК КПК О. Брауна, воспоминания советских специалистов и корреспондентов, в разное время работавших в Китае. Особо заслуживают быть упомянутыми дневники П. П. Владимирова «Особый район Китая». Эти работы позволили восстановить научную истину, опровергнуть фальсификации группы Мао Цзэ-дуна относительно событий в Китае 30-х и начала 40-х гг., в них показана предательская роль Мао Цзэ-дуна и его сторонников в тяжелые для Советского Союза годы накануне и в период Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии (измена интернациональному долгу, антисоветская кампания в Яньани, избиение марксистских кадров в ходе «движения за упорядочение стиля работы»).

В области критики теории и практики маоизма, его извращений материалистической диалектики советские ученые-китаеведы проделали значительную работу. Институты Дальнего Востока, Востоковедения, Международного рабочего движения и др. опубликовали ряд монографий и сборников статей. В содружестве с марксистами из братских стран советские ученые осуществляли детальный разбор теории и прак-

тики маоизма, разоблачили опасный характер этого антисоциалистического, антимарксистского явления. Итоги этих исследований были изложены, в частности, в коллективном труде марксистов ряда социалистических стран «Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма», в сборниках «Маоизм глазами коммунистов», «Опасный курс» и др.

Буржуазное китаеведение ныне выполняет важный социальный заказ — использовать теорию и практику маоизма для дискредитации международного опыта социализма, клеветы на Советский Союз и коммунистические партии, стоящие на марксистско-ленинских позициях. Поэтому необходимо критически относиться к использованию буржуазных источников, к буржуазному китаеведению. Это важно и с той точки зрения, что советское китаеведение верно принципам пролетарского, социалистического интернационализма, проникнуто духом дружбы и уважения к китайскому народу, служит целям борьбы за социалистическую перспективу Китая. Борясь против маоизма, мы не выступаем против Китая. В нынешних условиях анимаоизм и есть последовательное выражение дружбы к китайскому народу, к Китаю.

После пресловутого X съезда маоистской партии и инсценировки сессии Всекитайского собрания народных представителей в развитии обстановки в Китае наступил новый этап. Сущность этого этапа во внутреннем плане выражается прежде всего в ужесточении маоистского режима, углублении антисоциалистического процесса, дальнейшем дрейфе КНР в сторону от социализма. Во внешнем плане маоисты скатились на позиции самых оголтелых агрессивных империалистических кругов, стали на путь блокирования с ними на антисоветской и антисоциалистической платформе.

Новый этап эволюции маоизма и маоистского режима, растущая угроза делу мира с его стороны ставит перед марксистами задачу углубления идейно-теоретического разоблачения антинаучной сущности этой «теории». Все это говорит за то, что новый этап идеологической эволюции маоизма выражается прежде в том, что социал-шовинистические «идеи Мао Цзэ-дуна» объявлены единой государственной идеологией Китая, а сами эти идеи по своему содержанию превратились в разновидность антикоммунизма.

Идеологическим обоснованием борьбы маоистов против мировой социалистической системы служит выдвинутый ими тезис о «трех мирах», клеветническое утверждение о том, что «социалистический лагерь больше не существует», а также попытки представить Советский Союз как пекую «социал-империалистическую державу». Тем самым маоисты хотели бы освободить Китай от всяких обязательств перед мировым социализмом и оправдать применение любых средств для борьбы против Советского Союза, всего социалистического содружества, растащить страны социалистической системы по так называемым «трем мирам».

Факты говорят о том, что маоизм, как антимарксистское идейно-политическое течение, не только перерос рамки внутренней проблемы самого Китая, но мировой социалистической системы и международного коммунистического движения, превратился в фактор, наносящий ущерб всем миролюбивым государствам и всем прогрессивным силам.

Решительная, бескомпромиссная борьба против теории и практики маоизма становится пробным камнем отношения коммунистов к задачам мирового коммунистического движения на нынешнем этапе, мерилom верности принципам пролетарского и социалистического интернационализма.

Однако политика социальной мимикрии, проводимая группой Мао Цзэ-дуна, использование социалистических знамен и лозунгов и даже некоторых методов и институтов, которые аналогичны применяемым в соцстранах, в интересах великодержавной, шовинистической, по существу, антисоциалистической политики — все это иногда затрудняет правильное понимание сущности того, что происходит в Китае, не всегда позволяет верно оценить тот огромный ущерб, который нанесли и наносят маоисты развитию Китая. Не удивительно также, что некоторые люди в силу ли искреннего заблуждения или политической корысти пытаются выступить в роли популяризаторов маоистских «потемкинских деревень», трубадуров «культурной революции» и т. д., то есть становятся на позиции промаоистского оппортунизма.

Пекин ведет большую работу среди политических деятелей Запада и западной интеллигенции, пытаясь обработать их в промаоистском духе, добиться положительных оценок «культурной революции» и маоистского режима. Одновременно китайская пропаганда насаждает свои антисоветские тезисы о некоей «реставрации капитализма в СССР» и о том, что «культурная революция» является, дескать, гарантией от «реставрации». Любопытны в этом смысле материалы конференции по вопросам нынешнего внутривосточного положения в Китае, проходившей в Принстонском университете (США) в марте 1975 г. Выступавший на этой конференции профессор У. Хинтон (он же национальный президент Ассоциации дружбы между народами США и Китая) повторял слово в слово тезисы маоистов о сущности «культурной революции».

Канадский профессор Лин вслед за Хинтоном всячески превозносил Мао Цзэ-дуна, отождествлял его линию с опытом «китайской революции», убеждая, что Мао открыл «китайский путь к социализму».

Такие платные пропагандисты маоизма, как небезызвестная антикоммунистка Хань Суин, непрерывно совершают вояжи по странам Азии, Европы и Америки, пытаясь с помощью вуали буржуазного либерализма облагородить человеконенавистническую, антисоциалистическую природу маоизма и одновременно оклеветать научный социализм. Вот как антикоммунисты, буржуазные профессора используют маоизм, «маоистскую культурную революцию» для дискредитации научного социализма. Теперь уже пекинские лидеры с радостью воспринимают похвалы классовых и идейных противников рабочего класса и марксизма-ленинизма.

К сожалению, не разобравшись в существе дела, аналогичные взгляды о «культурной революции» иногда высказывают и некоторые деятели прогрессивных движений.

В современной обстановке вопросы идеологической борьбы против теории и практики маоизма представляют особую важность и актуальность. Главной на нынешнем этапе является задача идейно-теоретического, политического разгрома маоизма как антимарксистского и антиленинского течения, враждебного всему современному революционному движению, по существу превратившегося в разновидность антикоммунизма. Борьба против теории и практики маоизма — это борьба за отстаивание принципов научного социализма, за чистоту марксистско-ленинского учения. Это, по сути своей, защита завоеваний китайской революции и интересов мирового революционного движения.

Борьба марксистов-ленинцев против маоизма, за социалистическую перспективу развития для Китайской Народной Республики, за возвращение этой страны в общий строй борцов против империализма — это способ поддержки китайской революции в трагический для

нее период. Такая борьба требует проведения четкого водораздела между научным социализмом в китайской революции, мировом революционном движении, с одной стороны, и теорией и практикой маоизма — с другой. Вместе с тем борьба против маоизма неразрывно связана с борьбой против империализма, поскольку маоистское руководство открыто перешло на позиции, отстаиваемые самими реакционными империалистическими силами, настойчиво добивается союза с ними.

Нарушения правильного сочетания интернациональных и национальных интересов, уступки националистическим предрассудкам и настроениям создают благоприятную почву для появления промаоистских тенденций в политике отдельных политических деятелей, способствуют возникновению нейтралистского безразличия в борьбе между марксизмом и маоизмом. Поэтому противодействие распространению промаоистского оппортунизма, «идеологического нейтрализма» имеет особую важность. Оголтелый маоистский антисоциализм и открытый антисоветизм фактически сомкнулись с антикоммунизмом и изнутри пытаются подорвать социалистическую систему. Поэтому решительная и бескомпромиссная борьба против теории и практики маоизма является пробным камнем для всех прогрессивных сил человечества, ибо маоизм — это великодержавный шовинизм, маскируемый социалистической фразеологией, маоизм — это угроза войны, это — преграда на пути разрядки и мира.

Критика теории и практики маоизма давно стала одним из необходимых условий борьбы за дело социализма в Китае, за сплочение международного коммунистического и национально-освободительного движения, всех антиимпериалистических сил.

Марксистско-ленинские партии решительно разоблачают антисоветизм маоистов, пытающихся представить его как некое выражение борьбы за «чистоту» революционных принципов и даже некий «антиимпериализм». Марксисты-ленинцы подчеркивают, что исходным идейно-политическим критерием в понимании пролетарского, социалистического интернационализма была и остается истина: не может быть антисоветского социализма. Всемирная поддержка усилий СССР и стран социализма в их борьбе за единство революционных сил, за укрепление социализма и построение коммунизма, отстаивание дела мира и демократии были и остаются мерилем верности принципам интернационализма, линией водораздела между марксистами-ленинцами и ревизионистами, ренегатами всех мастей.

Исследуя обстановку в Китае и тенденции ее развития, важно проанализировать углубляющийся антисоциалистический процесс, показать его органическую связь с кризисом маоистского режима, который, видимо, в силу многих причин будет носить затяжной характер. Важно раскрывать перед мировой общественностью реальные масштабы опасности, исходящей от маоистского Китая, от ставки пекинских лидеров на обострение международной напряженности, на войну. Необходимо постоянно раскрывать также внутреннюю нестабильность положения в Китае, борьбу в маоистской верхушке, возникающую не только из-за претензий на власть, но и из-за разногласий вокруг вопросов будущего страны, выбора пути и методов дальнейшего развития. В этом — диалектическая сложность научной и пропагандистской работы.

В связи с тем, что пекинские лидеры для камуфлирования своей антисоциалистической политики и укрепления своего режима активно используют марксистско-ленинскую фразеологию, фальсифицируют труды основоположников научного коммунизма под вывеской «кампании по изучению теории диктатуры пролетариата», дискредитируют междуна-

родный опыт научного социализма, перед китаеоведами-марксистами и всеми обществооведами стоит актуальная задача — дать решительный отпор маоистским наскокам на марксизм-ленинизм.

Разработка вопросов истории китайской революции и Компартии Китая по-прежнему сохраняет свою актуальность. Определенная популярность маоизма и в самой КНР и за рубежом в значительной мере объясняется спекуляцией маоистов на авторитете китайской революции и будто бы решающей роли в ней Мао Цзэ-дуна. Пекинская пропаганда изображает последнего в качестве «бессменного» вождя КПК, возглавившего революцию с самого начала и приведшего ее к полной победе. В свою очередь империалистическая пропаганда, а также ревизионисты сейчас всячески возвеличивают Мао Цзэ-дуна и тем самым способствуют распространению маоизма. Все это требует разоблачения подобных фальсификаций и объективного освещения подлинного места Мао Цзэ-дуна в истории китайской революции и Коммунистической партии Китая. Как показывает опыт, Мао и его сторонникам нечем ответить на объективные свидетельства и факты. Поэтому они со страхом замалчивают важные антимаоистские работы и выступления.

Ни для кого не секрет, что маоизм сделал антисоветизм разменной монетой своей предательской политики. Антисоветизм является стержнем маоизма. При подходе к вопросу о советско-китайских отношениях следует учитывать особое значение, которое имеет вопрос отношения к СССР в Китае. Если для нашей страны, как и для других социалистических стран, отношения с Китаем являются проблемой внешнеполитической (хотя и оказывающей определенное влияние на внутреннее положение — провокации маоистов на советско-китайской границе и их курс на подготовку к войне вынудили СССР уделять больше внимания укреплению обороноспособности пограничных с Китаем районов, что, естественно, потребовало отвлечения значительных средств от коммунистического строительства), то для Китая вопрос отношений с СССР — это проблема также и внутривластная, внутривластная.

Известно, что одним из главных объектов разногласий Мао Цзэ-дуна с его противниками внутри партии был вопрос об отношении к СССР. При этом речь идет не только о разногласиях Мао Цзэ-дуна с подлинными коммунистами-интернационалистами КПК, такими, как Гао Ган, Пын Дэ-хуай, Ван Мин, но и с теми, кто также в основном стояли на националистических позициях, но кто более широко, чем Мао Цзэ-дун, понимали национальные интересы Китая и поэтому видели, что эти национальные интересы требуют не обострения и доведения до крайнего накала советско-китайских отношений, а, напротив, поддержания нормальных отношений с СССР и развития сотрудничества с нашей страной.

Мао Цзэ-дун изображает Советский Союз «главным социально-политическим врагом Китая». Под эту враждебность маоисты хотят подвести историческую базу, пытаются возвести антисоветизм в доктрину. Для маоистов антисоветизм не только принцип, но и цель борьбы, поэтому Мао Цзэ-дун ставит задачу создания широчайшего единого фронта, включая даже США, направленного против Советского Союза.

Маоисты пытаются внушить китайскому народу идею о том, что СССР является «врагом Китая № 1»; наше социалистическое государство представляется в качестве извечного врага Китая. Маоисты объявили расхождения между Китаем и СССР «антагонистическим и самым главным противоречием в наших отношениях с внешним миром». Так подводится теоретическая база под антисоветский курс Пекина. СССР называют «наследником политики царской России, самым крупным современным колонизатором, основной опорой современного колониализ-

ма». Чжоу Энь-лай в беседе с группой видных американских китаеведов назвал Советский Союз «более царистским государством, чем царская Россия», «большим колонизатором, чем старые колонизаторы».

Пекин ведет беспрецедентную по ожесточению, даже если сравнивать с профессиональным антикоммунизмом, пропаганду, враждебную Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Особенно заметны возрастание количества и ужесточение антисоциалистических, антисоветских пропагандистских выступлений из Пекина и из инспирируемых маонистами зарубежных источников в последние год-полтора.

Маонисты выдвигают в качестве главной задачи после поражения империализма США в Индокитае перенос центра тяжести на борьбу против советского «социал-империализма», утверждая, что он также (как и империализм США) «может быть разгромлен». С этой целью они призывают народы мира сплотиться с Китаем в единый фронт для борьбы против Советского Союза и «довести до конца эту борьбу».

Надо учитывать и нарастание потока враждебных материалов в возобновленных за последние несколько лет в Китае изданиях политических и научных журналов, в книгах и брошюрах, выпускаемых громадными, миллионными тиражами для сети внутривластного просвещения, для нужд общеитайских политических кампаний «критики Линь Бяо и Конфуция», «изучения теории диктатуры пролетариата».

О нарастающей интенсивности антисоветской пропаганды маонистов говорят следующие цифры. Уже в течение 1973 г. в двух центральных китайских газетах и журнале «Хунци» было опубликовано более 900 статей антисоветского содержания или с антисоветскими выпадами. За 1974 г. таких статей насчитывалось 1700, то есть почти вдвое больше. В течение первого полугодия 1975 г. — свыше 1100, то есть больше, чем за весь 1973 г. Причем в мае нынешнего года — месяце великого праздника социалистического содружества и всего прогрессивного человечества — 30-летия Победы над фашизмом, установлен бесславный «рекорд»: наивысший уровень антисоветских публикаций китайской прессы — 200 статей только в трех указанных ведущих органах.

В ходе политико-идеологических кампаний, посредством ежедневной обработки по всем каналам пропаганды масс населения, в том числе с помощью широко практикуемой ныне системы формирования и специальной подготовки «отрядов теоретиков» (в которых, по оценкам, насчитывается несколько миллионов человек, прежде всего из молодежи), прибегая к самому широкому препарированию и фальсификации отдельных работ классиков марксизма, маонистское руководство придает все новые импульсы процессу, опасность которого и уже сегодня, и для будущего мы не вправе недооценивать. Это — гигантская попытка массового оболванивания многомиллионного народа, воспитания в нем враждебности и ненависти к социалистическому миру, к Советскому Союзу, чувств великодержавного превосходства и ксенофобии, реакционно-утопических представлений о социализме, о ходе мирового развития.

Пекинская пропаганда приняла совершенно разнузданный по враждебности к социализму, к нашим странам характер. Дело дошло до того, что 9 мая 1975 г. «Жэньминь жибао» напечатала передовую статью, основной смысл которой сводится к попыткам поставить на одну доску гитлеризм и Советский Союз, отрицать решающий вклад Советской Армии в разгром фашизма. До такой глубины морального падения маонистская пропаганда, пожалуй, еще не скатывалась.

Злобный антисоветизм идеологии и политического курса пекинского руководства очевиден. По этому вопросу теперь нет двух мнений. Но

продолжаются попытки исказить суть дела в другом плане — в части, касающейся причин и истории развития маоистского антисоветизма. Нет нужды говорить здесь о различного рода измышлениях и фальсификациях империалистической пропаганды и заведомых ревизионистов. К сожалению, определенное недопонимание существует и у некоторых коммунистов.

Действительный источник коренного изменения характера отношений между СССР и КНР с конца 50-х гг. лежит во многом за пределами собственно советско-китайских отношений. Вопреки утверждениям буржуазных советологов, ревизионистов и маоистской пропаганды, отнюдь не политика СССР в отношении Китая породила ожесточенный антисоветизм Пекина.

Можно было бы привести длинный перечень инициатив КПСС и Советского Союза, направленных на то, чтобы восстановить сплоченность с КПК и КНР, «начать все с чистой страницы». Однако все эти инициативы были отвергнуты и сопровождались дальнейшим нарастанием антисоветизма и антисоциализма. А как гласит китайская пословица, «одной рукой в ладоши не хлопнешь».

При всех возможных наслоениях непосредственно в советско-китайских отношениях их коренная трансформация — это исключительно следствие столкновения националистической, мелкобуржуазной, экстремистской линии Мао Цзэ-дуна и его группы с последовательной марксистско-ленинской, интернационалистической линией КПСС и других марксистско-ленинских партий.

Можно даже сказать, что маоизм неизбежно должен был избрать в качестве своего непосредственного противника Советский Союз и другие социалистические государства.

Бросая ретроспективный взгляд на историю разногласий с маоистским руководством Китая, можно со спокойной совестью сказать, что наша партия, во-первых, делала все, что было возможно, для того, чтобы предотвратить опасный поворот развития событий, не дать себя спровоцировать маоистам, сохранить дружеские связи с КПК, китайскими коммунистами. Не наша вина, что этого не удалось достичь. Это было бы возможно только в условиях обоюдосторонних усилий. Во-вторых, наша партия вместе с другими марксистско-ленинскими партиями с самого начала подчеркнула опасный характер маоистской ревизии марксизма-ленинизма. Наша партия отметила серьезную угрозу делу социализма, исходящую от маоистской политики. В открытых и закрытых письмах нашей партии, выступлениях руководящих деятелей и партийной печати подчеркивалась теоретическая несостоятельность политической платформы китайского руководства. Жизнь подтвердила правильность этой критики.

Выработка перспективной политики в отношении Китая требует глубокой научной оценки социально-экономических особенностей нынешнего этапа развития страны, а это в свою очередь обязывает анализировать соотношение базиса и надстройки Китая, определить их характер, выяснить перспективы развития. Это достаточно сложные и трудные вопросы. Для правильного ответа на них необходимо располагать достаточной информацией об экономическом и социально-политическом положении в стране, характере власти, роли рабочего класса и других классов в политической жизни. К сожалению, получить такую информацию не всегда возможно. Не удивительно, что среди специалистов, занимающихся китайской проблемой, а также практических работников возникают дискуссии о характере и направленности общественно-политических процессов в КНР.

Внутренняя политика группы Мао серьезно деформирует социалистическое развитие Китая, придает этому развитию уродливый, милитаристский характер, тормозит решение главных социально-экономических проблем страны — преодоление культурной и экономической отсталости, национальной розни, мешает консолидации главных социалистических сил в Китае — рабочего класса, трудового крестьянства и социалистической интеллигенции. В целях обеспечения условий для своего господства — политического маневрирования на противоречиях между рабочим классом и крестьянством, интеллигенцией — маоисты искусственно разобщают трудящиеся классы, расслаивают рабочий класс, противопоставляют его крестьянству и интеллигенции, искусственно создают между ними различные противоречия.

Тщательный анализ истории китайской революции, истории КПК и строительства социализма в Китае подтверждает высказанную мысль о непримиримом столкновении маоизма с социалистической тенденцией в китайской революции и с социалистической перспективой развития Китая.

Группа Мао Цзэ-дуна, узурпировав руководство в Коммунистической партии Китая, обескровив интернационалистическое направление в КПК в ходе «культурной революции», привела Коммунистическую партию Китая к националистическому, мелкобуржуазному перерождению. Анализ нынешнего положения в КНР приводит к выводу о том, что социалистические основы в Китае деформируются.

В Китае предпринимается попытка осуществить на практике концепцию мелкобуржуазного «милитаристского социализма». Эта концепция неосуществима и неизбежно вызовет политический кризис в Китае. Дальнейшее развитие Китая может пойти или в сторону возвращения к научному социализму, если здоровые силы китайского общества смогут организовать и повести рабочий класс и сознательные слои крестьянства на борьбу против маоистских извращений, или в сторону установления милитаристской диктатуры фашистского или полуфашистского типа.

В результате проводимой сегодня Пекином антисоциалистической внутренней и внешней политики происходят частичные изменения в характере общественных форм собственности на средства производства. Государственная форма собственности постепенно утрачивает черты общенародной собственности, поскольку в условиях военно-бюрократического режима и милитаризации страны она перестает непосредственно служить экономическим и прочим интересам широких трудящихся масс; распределение результатов труда в государственном секторе подчинено не целям улучшения условий труда и повышения уровня жизни работников, а используется правящей военно-бюрократической верхушкой главным образом в своих эгоистических политических и идеологических интересах.

В результате объективно происходит процесс отчуждения непосредственных производителей от общественной собственности на средства производства, утрачиваются элементы непосредственного общественно-го, социалистического характера труда.

На состояние и перспективы социально-экономического развития КНР непосредственное влияние оказывает милитаризация общественной жизни в стране.

Милитаризация экономики ведет к отчуждению непосредственных производителей от государственной собственности на средства производства.

Одним из важнейших аспектов китайской проблемы в последние

10 лет, требующих самого серьезного изучения, стал вопрос о милитаризации Китая и ее направленности.

Факты свидетельствуют о нарастающей тотальной подготовке к войне в Китае. Сами маоисты не скрывают этого, осуществляя военные приготовления открыто и вызывающе. Встает вопрос, каковы могут быть последствия этой опасной политики.

Первое. Несмотря на попытки изобразить кампанию по подготовке к войне как «оборонительную операцию» против «агрессии СССР», эти утверждения повисают в воздухе, ибо даже пекинские лидеры сами не верят в распространяемую ими клевету о намерении СССР напасть на КНР. Эти утверждения тем более несостоятельны, что наша страна многократными акциями и конкретными предложениями о заключении договоров о ненападении и неприменении силы и т. д. продемонстрировала и перед китайским народом, и перед международной общественностью свою добрую волю.

Кроме того, китайские лидеры, наверное, понимают, что любое столкновение с СССР или с союзными с ним государствами обрекает такого рода маоистскую авантюру на неизбежное поражение.

Можно предполагать, что военно-стратегические, агрессивные устремления Пекина имеют и другой адрес, а именно район Южной и Юго-Восточной Азии.

Второе. Тотальная подготовка маоистского Китая к войне осуществляется исходя из стратегической установки Мао о «неизбежности мировой войны» и политической линии, рассчитанной на провоцирование военной конфронтации между СССР и США. При этом маоисты рассчитывают остаться в стороне от мирового конфликта, заняв позицию «мудрой обезьяны, сидящей на горе и наблюдающей за схваткой двух тигров».

Третье. Маоистская политика подготовки к войне ведет к накоплению заряда экспансионизма и агрессии, что неизбежно создает потенциальную угрозу в первую очередь малым государствам, прежде всего Юго-Восточной Азии, а также возможным конкурентам маоистского Китая в этом регионе — Японии и Индии.

Четвертое. Развернувшаяся в КНР подготовка к войне, если она будет сопровождаться авантюристическими акциями нынешних или будущих лидеров Пекина и если народы мира, и Китая в том числе, не поставят ей заслон, может вызвать локальный или мировой военный катаклизм, последствия которого трудно предугадать. Вот почему маоизм ныне стал синонимом угрозы войны, противника разрядки. Маоизм несет опасность для всех государств, независимо от их общественного строя. Вышесказанное ставит перед миролюбивыми народами задачу вовремя остановить потенциального агрессора, поджигателя и провокатора войны.

Тезис Мао о «готовности к войне» возведен на уровень государственной и партийной политики. Новая конституция КНР, по существу, представляет собой манифест откровенного милитаризма. Власти сознательно нагнетают среди населения атмосферу военного психоза, приучают трудящихся к мысли о неизбежности войны. Жизнь и работа населения строятся на военизированный лад. Каждая семья обязана иметь недельный запас продовольствия и пресной воды «на случай войны», который меняется после проверки представителем уличного ревкома. Жители города в рамках каждого квартала объединяются по нескольким дворов круговой порукой. Это своеобразное восстановление системы «баоцзя», «дворовой защиты», введенной еще императором Цинь Ши-хуаном в III в. до н. э.

Антисоветизм маоистов, их непримиримую враждебность к Советскому Союзу и всей социалистической системе стремятся использовать наиболее воинственные империалистические круги, западно-германские реваншисты и реакционеры. Их действия чем-то напоминают маневры правящих кругов Англии и Франции накануне второй мировой войны, когда они всячески стремились «канализировать» агрессию гитлеровской Германии в сторону Советского Союза.

Любопытно в этой связи отметить метаморфозу антикоммунистической, империалистической пропаганды и буржуазного китаеведения. Когда КНР шла вместе с социалистическими странами и действительно прилагала усилия в защиту всеобщего мира и международной безопасности, выступала единым фронтом со всеми прогрессивными силами против агрессивной политики империализма, на Западе КНР изображали как «агрессора».

Теперь же, когда маоисты взяли курс на подталкивание мира к войне, на всеобщую милитаризацию страны, те же олсопы, сульцбергеры и другие сделали разворот на 180 градусов, полностью оправдывают такой курс Пекина, изображают Китай как некую «жертву» советского давления. Такие «миролюбцы», лидеры американских и западногерманских «ультра», как Джексон, Штраус, наперегонки устремились в Китай, чтобы выразить свою солидарность с этой «жертвой».

Буржуазная печать на все лады популяризирует «оборонительный» характер военных приготовлений в Китае. Пекинские власти с готовностью показывают западным корреспондентам свои подземные сооружения, расписывая, как они готовятся отразить «внезапное нападение Советского Союза».

Чтобы придать своей политике более гибкий характер и расширить сферу для маневров, в последнее время маоисты стали утверждать, что, дескать, в результате принятых ими мер по «защите» китайской границы Советский Союз «переключил свои экспансионистские устремления с Востока на Запад». Этот пропагандистский блеф позволяет пекинским политикам выступать в роли радетелей безопасности западных стран, оправдывает их курс на солидарность с военно-политическими империалистическими блоками. Пекин хотел бы заставить таскать для него каштаны из огня те самые империалистические круги, которые в свою очередь рассчитывают, что эту роль для них сыграет Пекин.

Политика группы Мао не имеет ничего общего с научным социализмом, пролетарской классовой политикой, поэтому наша партия считает, что борьба против маоизма, против антисоциалистической политики нынешнего китайского руководства — это одновременно борьба и за социалистический Китай, борьба за создание условий для подлинной нормализации отношений Китая с другими социалистическими странами и в том числе для восстановления дружбы и добрососедства между СССР и КНР.

Проявляя бдительность в отношении опасных последствий политики нынешних китайских руководителей, советские люди вместе с тем не теряют исторического оптимизма. На чем основывается наш оптимизм? Мы считаем, что успехи первых десяти лет развития КНР продемонстрировали перед китайским народом единственно возможный путь решения тех огромных задач, которые стоят перед ним, задач преодоления многовековой отсталости, — путь социализма. Несмотря на маоистские эксперименты и огромный ущерб, нанесенный социализму в Китае политикой маоистов, вера китайского народа в социализм, несомненно, сохраняется.

Наличие государственной и кооперативной собственности, несмотря на то, что ныне они подчинены антисоциалистическим целям, в целом, однако, сохраняет благоприятные предпосылки для продолжения развития Китая по социалистическому пути.

Развивающаяся, хотя и медленно, индустриализация КНР неизбежно будет сопровождаться качественным ростом рабочего класса, повышением культурного уровня народа, объективным повышением роли рабочего класса в китайском обществе.

Разрыв между маоизмом и объективными потребностями развития страны будет усиливаться, что неизбежно поведет к углублению кризиса в этой идеологии и политике, росту оппозиционных настроений здоровых, марксистско-ленинских сил, выступающих за подлинный социализм.

Это внутренние факторы, которые действуют и будут действовать в пользу возврата Китая на путь подлинного строительства социализма и интернационализма.

Среди международных факторов, способствующих этому, прежде всего следует назвать укрепление мировой социалистической системы. Международная политика Советского Союза и других социалистических стран направлена на укрепление мира, позиций социализма. Эта политика сковывает авантюристический курс не только империализма, но и китайского руководства на мировой арене.

И наконец, принципиальная, научно-обоснованная политика Коммунистической партии Советского Союза в китайском вопросе позволяет вести борьбу не только за нормализацию отношений Советского Союза с КНР, но и за социалистическую перспективу Китая.

Разумеется, говоря об этих факторах, мы не можем не учитывать и факторов, противодействующих вышеназванным. Это прежде всего политика антисоветизма и великодержавного шовинизма, культ личности Мао Цзэ-дуна, милитаризация и подготовка к войне, сближение Китая с империалистическими державами на антисоветской и антисоциалистической основе. Все это, разумеется, создает преграды на пути возврата КНР на социалистический путь. Это говорит о том, что предстоит сложная, трудная и длительная борьба, борьба за осуществление истинных чаяний китайского народа, за социалистическую перспективу развития Китая.

* * *

Глубокое и всестороннее изучение китайской проблематики требует от нас внесения некоторой ясности в ряд сложных исторических вопросов, связанных с решающими этапами истории КПК. Это требует от нас также проведения правильной классовой линии в анализе исторических событий.

Не секрет, что в 50-х гг. были в известной мере нарушены принципы русской и советской школы китаеведения, для которой всегда было характерно сочетание принципиальности, глубокой научности в изучении истории, культуры Китая с искренним доброжелательством, дружелюбием в отношении китайского народа.

В силу ряда субъективных факторов в 50-х гг. эмоциональный момент, связанный с победой китайской революции и успехами китайского народа в строительстве новой жизни, стал мешать некоторым советским

китасведам всесторонне, по-партийному оценивать как причины победы китайской революции, роль интернационального фактора, прежде всего помощи Советского Союза, так и тех сложных противоречивых процессов, которые происходили в китайском обществе, в Коммунистической партии Китая.

Ныне перед нашим китаеведением продолжает стоять задача классового анализа общественно-исторического развития Китая, особенно изучения социально-экономических процессов в КНР, истории КПК и китайской революции, новой и новейшей истории Китая, идеологической борьбы на основе всех имеющихся в распоряжении науки фактов. Важность этой работы возрастает, поскольку в самом Китае подлинно научное изучение этих проблем не только не ведется, но, напротив, развернута широкая кампания фальсифицирования, пересмотра истории в угоду социал-шовинистической политике группы Мао Цзэ-дуна. С другой стороны, буржуазное китаеведение, антикоммунизм выступают, по существу, с маоизмом единым фронтом против прогрессивного китаеведения, пытаются обелить маоизм и его практику, вдохновить маоистов на борьбу против социализма и мира.

Наши ученые вместе со своими коллегами из братских стран проделали уже немалую работу для восстановления исторической правды в области новейшей истории Китая и истории КПК. Однако есть еще вопросы, которые требуют дополнительного внимания.

Среди мифов, существующих в маоистской и буржуазной науке почти на правах аксиомы, характерно утверждение о роли Яньани как революционной базы, сыгравшей решающую роль в окончательной победе китайской революции.

Спору нет, Яньаньская база имела важное значение в консолидации революционных сил Китая в период антияпонской войны до 1945 г. Однако перед историками стоит задача разоблачить маоистские фальсификации о роли личности Мао в образовании этой базы, ее действительном вкладе в антияпонскую войну, в победу китайской революции. Что здесь можно сказать?

Во-первых, революционная база в Шэньси была образована не Мао Цзэ-дуном, а возникла в результате борьбы китайских коммунистов и патриотов против японской агрессии. Основателями этой базы были выдающиеся китайские коммунисты-интернационалисты Гао Ган и Лю Чжи-дань. Воспоминания Ван Минна и немецкого коммуниста-интернационалиста Отто Брауна показывают, что Мао Цзэ-дун перебазировался из революционной базы в провинции Цзянси на Северо-Восток, в Шэньси, вынужденно, не имея какого-то плана «перевода революционных сил на Север для организации борьбы против японской интервенции», как утверждают маоисты.

Во-вторых, уездный город Яньань был передан КПК по указанию Чан Кай-ши в порядке проведения политики единого фронта. Обосновавшись в Яньани, Мао Цзэ-дун всячески подрывал линию Коминтерна и китайских коммунистов-интернационалистов на создание единого фронта борьбы против японской агрессии.

Мао лелеял надежды спровоцировать войну между СССР и Японией и ликвидировать японскую агрессию руками Советского Союза. Когда началась Великая Отечественная война, Коминтерн обратился с призывом к ЦК КПК сделать все возможное для отвлечения сил Японии от нападения на СССР, но Мао Цзэ-дун уклонился от координации действий с Коминтерном и Советским Союзом, отказался предпринять реальные шаги к активизации военных действий на антияпонском фронте в Китае и, по существу, взял курс на так называемое «сидение», «накоп-

ление сил». За весь период войны с Японией силы, контролируемые Мао Цзэ-дунем, понесли потери, которые исчисляются цифрой немногим более тысячи человек.

В-третьих, что касается значения Яньаньской базы для заключительного этапа китайской революции, то о нем вообще едва ли можно говорить, так как после 1947 г. эта база перестала существовать.

Роль действительного плацдарма, с которого китайские революционеры во главе с Компартией Китая смогли осуществить решающий штурм гоминьдановского режима, играла Маньчжурская военно-революционная база, возникшая после разгрома Квантунской армии и освобождения Северо-Востока Китая Советской Армией в тесном сотрудничестве с Монгольской Народно-Революционной Армией.

До сих пор значение военно-революционной базы в Маньчжурии было слабо показано в нашей исторической литературе. Мао Цзэ-дун и его группа замалчивает вопрос о Маньчжурской базе потому, что сам Мао к ее возникновению не имел фактически отношения. Не случайно и то, что Мао ликвидировал видных деятелей Китайской компартии (начиная от Гао Гана и кончая Линь Бяо), которые принимали непосредственное участие в создании этой революционной базы, формировании ее армии, налаживании экономической жизни Северо-Востока.

Еще один вопрос, уходящий корнями в историю КПК, — о «движении за исправление стиля» («чжэнфын») и месте в маоистской тактике методов «чжэнфына». Кампания проходила в 1941—1945 гг. (по уточненным данным). В то время как Советский Союз вел тяжелую войну против фашизма и вынужден был держать значительные вооруженные силы на восточных границах на случай нападения Японии, маоисты вместо того, чтобы сковывать Японию, оккупировавшую значительную часть Китая, занялись подготовкой условий для утверждения своей диктатуры в партии и истреблением друзей Советского Союза в Китае — китайских коммунистов-интернационалистов.

В советской литературе «движение за исправление стиля» в общем получило правильное освещение. Следовало бы лишь добавить, что метод «чжэнфына» Мао Цзэ-дун с 40-х гг. рассматривает как универсальное средство идейно-политической борьбы со своими противниками в партии и стране. С этой точки зрения так называемая «культурная революция» 1966—1969 гг. строилась и развертывалась по тем же рецептам, что и «чжэнфын» 1941—1945 гг. Не будет преувеличением назвать кампанию 1941—1945 гг. первым вариантом так называемой «культурной революции» Мао.

Действительно, то, что происходило в Яньани в 40-х гг., во многом дает ключ для понимания процессов, развернувшихся в последующие десятилетия. И там и тут один и тот же почерк — маоистский. Массовые гонения против всех, кто смеет ставить под сомнение установки Мао Цзэ-дуна и его своевластие. Тот же метод стравливания различных социальных слоев и групп, одних лидеров с другими. То же бесчеловечное отношение к своим недавним соратникам, в том числе и «самым близким». Лю Шао-ци был правой рукой Мао на VII съезде КПК, но в ходе «культурной революции» подвергся полной политической дискредитации; Линь Бяо был на IX съезде партии в 1969 г. объявлен «преемником» Мао, но пал его жертвой в 1971 г. Совпадает в определенной мере и выбор маоистами времени для своих атак: в 40-х гг. они использовали занятость Советского Союза и мирового коммунистического движения борьбой против фашизма, а в 60-х гг. — сосредоточение усилий всех прогрессивных сил на борьбу против агрессии империалистов во Вьетнаме и Индокитае, на Ближнем Востоке и в других районах мира.

Характерным является и то, что в обоих случаях Мао Цзэ-дун и его сторонники шли на открытый флирт с правящими кругами империалистических государств, демонстрируя одновременно свой крайний национализм.

* * *

Советскими китаеоведами за последнее десятилетие сделано немало. Собственно, на подлинно марксистско-ленинской основе советское китаеведение обрело новую жизнь.

Центральный Комитет нашей партии, постоянно уделяющий внимание положению в Китае, вопросам советско-китайских отношений, ставит перед нами задачу поднять уровень научно-исследовательской работы по Китаю. В силу исторических обстоятельств китаеведение оказалось в ряду тех общественных наук, которые находятся на самом остром фронте идейно-политической борьбы нашей партии, всего мирового коммунистического движения — против одного из опаснейших противников марксизма-ленинизма, научного коммунизма, которым выступает ныне маоизм.

Сложные и ответственные задачи, стоящие перед нами, мы сможем выполнить только в том случае, если поднимем научно-исследовательскую работу по Китаю на качественно новый уровень и будем вести ее на основе марксистско-ленинской методологии.

СНПОМОЛОВАЧЕВНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИИЧУБОИ АН СССР

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Торжество ленинской национальной политики в СССР и великодержавный шовинизм в современном Китае

---

*Т. У. Усубалиев,
Первый Секретарь ЦК Компартии Киргизии*

Велика наша Родина — от Балтийского моря до скалистых берегов Камчатки, от бескрайней тундры Заполярья до заоблачных вершин Памира. И куда ни глянь — повсюду кипит творческий труд, замечательные плоды которого приумножают наше общее достояние. Русские и украинцы, белорусы и узбеки, казахи и грузины, киргизы, туркмены, таджики, молдаване, представители всех братских советских народов — граждане единой, родной для всех социалистической державы.

В Советском Союзе, который по численности населения занимает третье место в мире, имеется свыше 100 наций и народностей. Народы СССР формировались на протяжении веков из многочисленных племен и народностей, отличавшихся друг от друга по уровню социально-экономического развития, по своей культуре, обычаям и языку.

Объединить все эти народы в одну семью, обеспечить для всех равные права, возможности и условия для свободного развития — такую задачу поставила история перед Коммунистической партией, перед Советской властью. И эта задача была блестяще решена. Ныне наше государство — образец принципиально новых отношений между нациями и народностями.

Мир еще не знал такого духовного единства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются и крепнут в братском союзе советских республик. Построение в нашей стране развитого социалистического общества стало для трудящихся подлинной школой интернационализма.

Каждая из советских социалистических республик является примером того, как благотворно влияет и сказывается на судьбе народов последовательное и неуклонное осуществление ленинской национальной политики. Все нации, народности нашей страны ощутили реальные плоды этой высокогуманной политики, проникнутой заботой об их жизненных интересах, преследующей цели их теснейшего сплочения и братского сотрудничества.

Советский Киргизстан, как и другие республики Средней Азии, недавно в братской семье советских народов широко и торжественно отметил свое 50-летие. Ныне это цветущая Советская Социалистическая Республика с высокоразвитой промышленностью, механизированным сельским хозяйством, передовой культурой, высоким жизненным уровнем народа.

И разве не поразительно, что вчерашние скотоводы-кочевники, уделом жизни которых всего каких-то несколько десятков лет назад являлись нищета и полное политическое бесправие, сегодня наравне со всеми

советскими народами практически осуществляют самую светлую мечту человечества — строят коммунизм.

Когда задумываешься над этим знаменательным, поистине сказочным историческим фактом, на память приходят слова Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Леонида Ильича Брежнева, сказанные им на торжествах, посвященных 50-летию СССР, о том, что курс партии в решении национального вопроса состоял в том, чтобы «...идти к сплочению, единству, всестороннему сближению наций через их полное освобождение от социального и национального гнета, через создание максимально благоприятных условий развития каждой из них»¹.

Да, счастье киргизов, счастье всех советских народов в том и состоит, что Коммунистическая партия неуклонно и последовательно осуществляла ленинский курс, подняла многонациональные трудящиеся массы на борьбу за построение социализма и обеспечила их экономической, социальной и культурный расцвет в рамках единого, нерушимого Союза Советских Социалистических Республик.

Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу с честью выдержало проверку временем, жизнь доказала его глубокую научность, всеобщий характер.

Разрешение национального вопроса в СССР неопровержимо доказало, что активное историческое творчество доступно всем нациям и народностям, малым и большим народам, показало всю вздорность деления мира на «избранные» и «неполноценные» нации и народы. Ленинская партия добилась разрешения национального вопроса на единственно верной и справедливой основе — на основе марксистско-ленинских принципов пролетарского интернационализма, равенства и взаимного уважения народов.

Сильнее кровных уз роднят народы нашей Родины социальное и идейно-политическое единство, общность интересов и целей, верность коммунистическим идеалам, доверие и взаимная забота, которые характеризуют сущность национальных отношений в стране развитого социализма.

Опыт Советского Союза свидетельствует, что только на путях социализма национальный вопрос получает полное и последовательное разрешение во всех основных сферах общественной жизни: экономической, политической и духовной.

Главная позиция марксизма-ленинизма при решении национального вопроса заключается в том, что это — часть общей проблемы социалистической революции. Великий Ленин неоднократно указывал, что, поскольку угнетение слабых наций сильными, национальная рознь и вражда порождаются эксплуататорским строем, попытки решить национальный вопрос в рамках этого строя обречены на неуспех.

«Социализм, — писал В. И. Ленин, — организуя производство без классового гнета, обеспечивая благосостояние *всем* членам государства, тем самым дает *полный простор* «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций»².

Весьма знаменательно, что в программе нашей партии, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г., наряду с требованием диктатуры пролетариата было выдвинуто и требование права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства. Выдвижение таких программных положений по своему значению выходило далеко за пределы России.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М., 1974, с. 45.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 21.

В. И. Ленин решительно отстаивал марксистскую позицию в национальном вопросе, неустанно разъяснял жизненную необходимость завоевать для коммунистов полное доверие со стороны ранее угнетенных народов, указывал на недопустимость каких-либо уклонов в сторону национализма.

В целях единения трудящихся всех наций В. И. Ленин требовал решительно преодолевать все, что разъединяет их. Он призывал исходить из общности интересов трудящихся, независимо от их национальной принадлежности, и вместе с тем учитывать особенности каждой нации, внимательно налаживать равноправное сотрудничество народов. Союз наций, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства и согласия, — такой союз, указывал он, нужно выработать неуклонно, проявляя терпеливость и осторожность.

В этой связи особый интерес представляет опыт строительства новой жизни в республиках советского Востока.

В глубь столетий уходит своими корнями историческое прошлое народов Средней Азии: узбеков, киргизов, таджиков, туркменов. Многие были пережиты ими на длительном пути своего развития, много было общего в их исторических судьбах: опустошительные вторжения иноземных завоевателей и сражения с ними, губительные междоусобные распри местных феодалов, вековая борьба за орошение пустынных земель и создание очагов земледелия, скотоводства. Жестокий социальный и национальный гнет, несправедливость и нищета всегда были неизбежным уделом трудящихся масс.

Лишь Великий Октябрь принес киргизам, равно как и другим окраинным народам России, свободу и свет и приобщил их к подлинной цивилизации.

Говоря об исключительном значении Великого Октября в жизни и судьбах народов Средней Азии, в том числе киргизского народа, необходимо иметь в виду своеобразие революционного процесса здесь, его специфические черты, обусловленные национальными и историческими особенностями. Нужен был конкретный подход к каждому народу, учет степени его развития и особенностей; следовало внимательно определить формы связей с трудящимися коренного населения в борьбе против феодалов и буржуазных элементов; необходимо было выковать теснейший союз с русскими трудящимися массами.

ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин постоянно и внимательно следили за осуществлением национальной политики партии. «...Приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского...», — указывал В. И. Ленин в своем письме «Товарищам коммунистам Туркестана»³.

Курс партии был тверд, ясен и непреклонен: народы Средней Азии, как и все народы Страны Советов, имеют полное и неоспоримое право на равенство и суверенность, на обретение своей национальной государственности. Цель большевиков — вывести народы советского Востока на широкий путь социалистического строительства, ликвидировать их технико-экономическую отсталость, приобщить широчайшие массы коренного населения к управлению государством, добиться установления отношений дружбы и взаимопомощи между всеми народами нашей стра-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 39, стр. 304.

ны. Превращение Средней Азии из отсталой колониальной окраины в очаг социализма на Востоке являлось, по словам В. И. Ленина, не только внутренним делом Страны Советов, но и делом колоссальной международной важности.

Решение национального вопроса сопровождалось ускоренной ликвидацией былого фактического неравенства между народами Советского Союза в области экономики и культуры. Политика Коммунистической партии обеспечивала бывшим национальным окраинам более быстрые темпы роста народного хозяйства. По единому плану, при огромной бескорыстной братской помощи более развитых народов страны, и прежде всего великого русского народа, невиданно быстрыми темпами осуществлялись в республиках Средней Азии социалистическая индустриализация, перевод кочевого и полукочевого коренного населения на оседлость, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция.

Следует подчеркнуть, что специфика превращения ранее отсталых районов страны в цветущие индустриально-аграрные республики заключалась не в искусственных попытках образования в каждой республике замкнутую хозяйственную систему, а в том, что задачи создания всех отраслей крупной машинной индустрии, завоевания технико-экономической независимости и укрепления обороноспособности решались в масштабах страны. Все советские республики обретали высокое индустриальное развитие в соответствии с принципами социалистического разделения труда, с учетом их природных богатств, сырьевых и других возможностей. Сама жизнь глубоко убеждала народы в том, что залог силы и могущества их социалистического Отечества коренится в усилении и развитии братской взаимопомощи, в объединении трудовых усилий.

Результаты плодотворного сотрудничества советских народов в строительстве социализма и коммунизма, их братской взаимопомощи можно видеть и на примере Киргизии, историческая судьба которой, как в зеркале, отражает весь путь и замечательный опыт поистине титанической борьбы ленинской партии за свободу и счастье народов советского Востока.

Киргизстан — отсталая, аграрная в прошлом страна с зачаточной промышленностью — получал щедрую помощь из центральных районов России. В республику непрерывно поступали промышленное оборудование и продовольствие, сюда направлялись специалисты и квалифицированные рабочие. Постоянное внимание к нуждам трудящихся молодой Киргизской республики со стороны ленинской Коммунистической партии и Советского правительства привели к тому, что уже через 15—16 лет после образования республики былые полукустарные предприятия обработки сельскохозяйственного сырья и примитивные угольные штольни уступили место сотням реконструированных и вновь построенных современных промышленных предприятий. А ныне экономика Киргизстана, связанная тысячами животворных нитей с экономикой братских республик, носит ярко выраженный индустриальный характер, она обладает мощной производственной базой и высоким научно-техническим потенциалом, обеспечивающим успешное решение новых сложных социально-экономических задач.

В 1974 г. объем промышленного производства в республике по сравнению с 1924 г. возрос в 384 раза. Ныне наша промышленность насчитывает более 100 отраслей, производящих важнейшие средства производства и предметы народного потребления. На ее долю приходится около 57% валового общественного продукта, она дает примерно половину национального дохода. Ее продукция, воплощающая совокупный труд всего советского народа, экспортируется почти в 50 зарубежных стран.

В республике производится сейчас почти в 2 раза больше электроэнергии, чем ее вырабатывалось во всей дореволюционной России. По производству электроэнергии на одного жителя Киргизстан опережает десятки капиталистических стран Азии и Американского континента.

Немалые достижения в капитальном строительстве. Только за последние 10 лет в различные отрасли народного хозяйства Киргизстана вложено более 7 млрд. руб., что в 1,7 раза больше, чем за предыдущие 40 лет.

Огромным завоеванием киргизского народа является создание рабочего класса, крупного отряда инженерно-технических работников. И в этом деле большую помощь оказали братские народы страны. Всеми ими руководило высокое чувство интернационализма, искреннее стремление помочь киргизскому народу в строительстве новой жизни. Тысячи молодых людей, вчерашних скотоводов-кочевников, настойчиво осваивали технику, сложные машины.

В 1924 г. в Киргизии имелось 17 тыс. рабочих. Сегодня рабочий класс Киргизстана насчитывает в своих рядах свыше 630 тыс. человек. Дети народа, который всего четыре-пять десятков лет назад вел кочевой и полукочевой образ жизни, ныне рука об руку с трудящимися других национальностей выплавляют лучшую в мире сурьму, создают точнее физические приборы и автоматические линии, собирают автомобили, производят станки и другие сложные машины, добывают нефть, уголь, редкоземельные металлы.

Перевод сельского хозяйства на социалистические рельсы открыл неисчерпаемые возможности для развития производительных сил. Сегодня на полях колхозов и совхозов Киргизии работают более 25 тыс. тракторов, 8 тыс. различных комбайнов, свыше 16 тыс. грузовых автомобилей, множество других сельскохозяйственных машин. В среднем на каждый колхоз и совхоз республики сейчас приходится 34 автомобиля, 67 тракторов, 22 комбайна и более 250 других сельскохозяйственных машин.

У нас, как и в других братских республиках, в огромных масштабах проведены ирригационные работы, на важное социальное и экономическое значение которых в свое время указывал В. И. Ленин. Именно орошение сделало Киргизстан одним из крупных районов высокоразвитого земледелия. Сотни тысяч гектаров пустынных земель превратились в плодородные нивы и цветущие сады. Только после майского (1966) Пленума ЦК КПСС, разработавшего широкую программу мелиорации земель, на орошение было направлено 400 млн. рублей, построены крупные водохозяйственные объекты. Сейчас в республике насчитывается около миллиона гектаров орошаемых земель.

Современное сельскохозяйственное производство республики характеризуется высокой продуктивностью. Валовая продукция его по сравнению с дореволюционным периодом возросла в 1973 г. в 6,2 раза и превысила 1 млрд. руб.

Характерно, что темпы роста производства продукции земледелия и животноводства нашей республики, как и всей страны, значительно ускорились в последнее десятилетие, после мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС. Намного увеличилось производство зерна. По урожайности сахарной свеклы Киргизстан вышел на первое место в Союзе. Наши колхозы и совхозы собирают высокие урожаи хлопка, табака, эфиромасличных культур, стали больше производить фруктов, овощей, картофеля.

Ведущей отраслью сельского хозяйства республики является животноводство. Благодаря усилиям потомственных животноводов, вооруженных новейшими знаниями зоотехнической науки, достигнут значитель-

ный рост общественного поголовья скота, его продуктивности. Количество овец, например, увеличилось с 2 млн. в 1913 г. до 10 млн. в 1975 г. Киргизстан является крупным производителем высококачественной баранины, а по производству шерсти занимает одно из первых мест в стране.

В настоящее время в народном хозяйстве республики занято более 200 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, или больше, чем их было во всей дореволюционной России.

Следует подчеркнуть, что экономика Советского Киргизстана развивается в полном соответствии с Директивами XXIV съезда КПСС. Трудящиеся республики досрочно, 25 августа, выполнили задания пятилетки по росту общего объема промышленного производства. Выпуск промышленной продукции за пятилетие возрастет на 52% против 45—48, предусмотренных Директивами съезда. Сверх заданий пяти лет киргизстанцы дадут Родине немало сверхплановых промышленных изделий, продуктов земледелия и животноводства. Сейчас они ведут самоотверженную борьбу за досрочное выполнение заданий завершающего года девятой пятилетки.

В содружестве братских народов расцвела культура древнего Киргизстана, произошли поистине разительные перемены в духовной жизни народа, который до революции находился на крайне низкой ступени культурного развития. Достаточно сказать, что еще в 1920 г. из 510 тыс. киргизов 489 тыс. не умели читать и писать. Партия и правительство сделали все, чтобы создать необходимые условия для просвещения киргизского народа, помогли ему в короткие сроки полностью ликвидировать неграмотность.

Ныне немыслимо представить даже самое отдаленное горное селение без школы. В республике действуют более 1600 общеобразовательных школ, 45 высших и средних специальных учебных заведений. Всеми видами обучения охвачено свыше миллиона человек, или каждый третий житель республики.

Благодаря братской помощи ученых Российской Федерации и других республик в Киргизии ныне действует широкая сеть научных учреждений во главе с Академией наук. Ученые республики плодотворно решают актуальные проблемы дальнейшего развития экономики и культуры, активно участвуют в осуществлении задач коммунистического строительства.

Далеко шагнул вперед киргизский народ в развитии своей культуры. В крае, где до революции не было своей национальной письменности, теперь на родном языке издаются газеты, журналы, книги, широко развито телевидение и радиовещание. За прошедшие годы в республике выпущено около 23 тыс. названий книг общим тиражом более 144 млн. экземпляров. Киргизы получили возможность читать на родном языке труды Маркса, Энгельса, Ленина, произведения классиков русской и мировой литературы.

Сейчас 93% жителей Киргизстана смотрит телевизионные передачи, радиоточки и радиоприемники встречаются практически в каждом доме, на каждую тысячу населения приходится 1115 экземпляров газет и журналов.

Взаимовлияние, ведущее к выравниванию духовных уровней наших народов, глубоко проникает в сферу просвещения, науки. При этом следует отметить, что огромную роль в процессе сближения наших социалистических наций играет русский язык, без которого невозможно представить себе столь тесное духовное общение всех советских народов,

их духовный расцвет. Изучение русского языка стало насущной потребностью во всех советских республиках. И они добровольно избрали его языком межнационального общения и братского сотрудничества.

Таким образом, киргизский народ за годы Советской власти прошел огромный путь, и ясно, что без помощи более развитых народов нашей страны он не мог бы решить в столь короткие сроки задачу социалистических преобразований.

«...На основе ленинской национальной политики, ценой напряженного труда всего советского народа мы добились того, что столь обычное для старой России понятие, как отсталая национальная окраина, перестало существовать. Это, товарищи, замечательное завоевание нашей партии, завоевание социализма, социалистической дружбы народов!»⁴, — сказал в своем докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Эти слова Леонида Ильича Брежнева вызывают у киргизов, равно как и у всех советских народов, чувство безмерной радости и гордости.

Киргизский народ за годы Советской власти достиг не только огромных успехов в развитии экономики и культуры. Выдающимся социальным завоеванием является то, что киргизы впервые в своей многовековой истории сложились в нацию, в социалистическую нацию, нацию интернационалистов, спаянную единством цели, единой идеологией — марксизмом-ленинизмом.

«В социалистической Киргизии, как и повсюду в нашей стране, выросли поколения людей с высокой политической сознательностью, новым отношением к труду, воспитанные в духе коллективизма, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, — говорится в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в связи с 50-летием образования Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии. — Трудящиеся республики внесли и вносят свой достойный вклад в укрепление дружбы народов, в развитие экономики и культуры Союза Советских Социалистических Республик — незыблемой основы процветания и могущества страны, каждой советской республики».

Киргизский народ гордится тем, что он является неотъемлемой частью новой исторической общности людей — великого советского народа. Киргизскому народу, как и всем другим советским народам, присуще большое патриотическое чувство — чувство общенациональной гордости советских людей.

Конечно, советским людям отнюдь не чужды законные и исконные чувства национального самосознания, любви к своим родным местам, к своему народу, к его культурным и другим достижениям. Но в том и заключается глубочайшее значение идеологии пролетарского интернационализма, что эти здоровые и естественные национальные чувства не порождают узконациональных воззрений, не противостоят чувствам любви ко всей Стране Советов, ко всем другим населяющим его народам, а органически сливаются с ними.

В Советском Киргизстане дружной семьей живут и работают представители почти 80 национальностей. Из почти 3-миллионного населения, по данным переписи 1970 г., насчитывается 1 млн. 285 тыс. киргизов, почти 856 тыс. русских, более 332 тыс. узбеков, более 120 тыс. украинцев, остальные — немцы, татары, казахи, таджики, дунгане, уйгуры, азербайджанцы, корейцы, курды, евреи, белорусы, мордва и представители других национальностей.

⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М., 1974, с. 54.

Исторически сложилось так, что все они поселились на территории нынешней Киргизской ССР, и сейчас, естественно, наряду с киргизами пользуются равными правами и возможностями, определенными Советской Конституцией.

Например, различные национальности представлены в Верховном Совете республики. Из 340 депутатов, избранных в июне 1975 г., киргизов — 204, русских — 86, украинцев — 19, узбеков — 13, других национальностей — 18.

Также многонационален состав любой категории работающих в народном хозяйстве и культуре. И это — одно из ярких свидетельств торжества ленинской национальной политики нашей партии.

В Киргизстане, как и во всей нашей стране, высоко оценивается труд человека любой национальности. Например, у нас в республике Героями Социалистического Труда являются в настоящее время 135 киргизов, 44 русских, 42 узбека, 26 украинцев и 5 представителей других национальностей.

Представители всех национальностей, проживающих в республике, окружены большой заботой и вниманием, вовлечены в активную производственную и общественно-политическую жизнь. Сегодня они объединены единой целью, решают величественные задачи, поставленные XXIV съездом КПСС.

Возьмем дунганскую часть населения, которая насчитывает в республике всего около 20 тыс. человек. Дунгане проживают также в других республиках Средней Азии и Казахстане. Известно, что они переселились сюда в 70—80-х гг. прошлого столетия, спасаясь от жестокой расправы и физического уничтожения, в связи с поражением народного восстания на северо-западе Китая против Цинской династии⁵.

Обретя новую родину, дунгане нашли в лице русского, киргизского, казахского, узбекского и других народов России верных друзей и защитников. Впоследствии многие из них стали активными участниками борьбы за Советскую власть.

В братской семье советских народов дунгане совершили огромный скачок от феодальных отношений к новому общественному строю — социализму, оформились в социалистическую народность и ныне принимают активное участие в коммунистическом строительстве.

...На левом берегу реки Шархансай в Кара-Суйском районе раскинулись земли колхоза имени Таширова. Основанная в 1923—1924 гг. безземельными дунганями трудовая артель имела в ту пору 2 быка и 40 га пустующей земли.

Ныне это крупное высокоразвитое хлопководческое хозяйство. Приведем лишь данные прошлого, 1974 г. На каждом из 2065 га плантаций хлопчатника здесь вырастили по 29,6 ц хлопка-сырца. На колхозных фермах насчитывалось более 22 тыс. овец и коз, около 2,5 тыс. голов крупного рогатого скота и лошадей. Денежный доход колхоза составил почти 3,9 млн. руб., а каждого колхозника — 2026 руб., или почти 170 руб. в месяц. Богато и зажиточно живут сегодня в Кызыл-Шарке (прежнее название колхоза, ныне оно сохранилось за селом). Здесь гордятся своим Домом культуры, универмагом, бытовым павильоном, зимним и летними клубами. Для детей дошкольного возраста — сады и ясли. В них организовано бесплатное питание. Колхозники получают бесплатную медицинскую помощь. В их распоряжении больница, медпункты, роддом.

За выдающиеся успехи в деле повышения урожайности хлопчатника

⁵ М. Сушанло. Дунгане. Фрунзе, 1971. с. 21.

в послевоенные годы колхоз удостоен Золотой медали и 7 дипломов первой степени ВДНХ. Более 200 хлопкоробов и животноводов хозяйства награждены орденами и медалями СССР, 9 колхозникам, в том числе 4 дунганской национальности, присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. А во дворе центральной усадьбы установлен бюст дважды Героя Социалистического Труда дунганина Хайтахуна Таширова, на протяжении многих лет бесценно возглавлявшего это хозяйство. После его кончины в 1973 г. решением правительства Киргизской ССР именем Х. Таширова названы его родной колхоз и средняя школа.

Характерно, что эта школа, тогда еще начальная, была открыта для детей дунган еще в 1931 г. и насчитывала 27 школьников. Заведовал ею батрак Кадыржан Лебизов, сам имевший трехклассное образование. Ныне директором средней школы работает дунганка Тургунай Каримова, заслуженная учительница республики. Теперь тут обучается более тысячи детей! Преподавание ведется на дунганском, киргизском и узбекском языках.

Дунгане ведут активную общественную жизнь. Так, более 80% депутатов Милянфанского и Александровского сельских Советов — представители дунганской национальности, половина из них — женщины. Кстати, много женщин-дунганок в республике награждены орденами и медалями «Материнской славы» всех степеней.

Из среды советских дунган вышли многие ученые, писатели, инженеры и другие специалисты с высшим образованием. Большой отряд дунганской интеллигенции трудится и в нашей республике. Сегодня дунгане читают на родном языке произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Фадеева, М. Шолохова, Ч. Айтматова, А. Токомбаева, книги дунганских писателей. В Киргизии издается на дунганском языке межреспубликанская газета «Шыйуэди чи» («Знамя Октября»).

Равноправными членами большой и дружной семьи советских народов являются уйгуры.

В Киргизии ныне проживает около 25 тыс. уйгуров (в основном они населяют Казахстан). Но где бы ни жили советские уйгуры, факты убедительно свидетельствуют о их бесспорных успехах во всех областях материальной и духовной деятельности, о их заслугах перед новой Родиной.

Широко известны, в частности, имена выдающихся уйгурских революционеров, общественных деятелей, талантливых представителей литературы и искусства, таких, как Абдулла Розыбакиев, Куддус Кужамьяров, Умар Мухаммади, Газиз Дугашев, Изим Искандеров и многие другие.

На предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах Киргизии, Казахстана, Узбекистана и Туркмении немало уйгур — передовиков производства, мастеров высоких урожаев.

Особо хотелось бы подчеркнуть взлет уйгурской культуры, происшедший за годы Советской власти. В настоящее время на уйгурском языке широко издаются учебники, художественная литература, выходит несколько газет, начиная от межреспубликанской «Коммунизм Туги», издающейся в Алма-Ате, и кончая многотиражными в колхозах Панфиловского, Уйгурского и Чиликского районов Казахской ССР.

В районах, где живут уйгуры, создана широкая сеть начальных, восьмилетних и средних школ, многие из которых имеют интернаты, содержащиеся на полном государственном обеспечении. Достаточно сказать, что сейчас на своем родном языке только в Казахстане обучается более 10 тыс. детей уйгуров.

Растет число и специальных учебных заведений. Например, в Казах-

стане уйгурские отделения Папфиловского и Тургеньского педагогических училищ готовят кадры учителей. Уйгурское отделение открыто также на историко-филологическом факультете Казахского педагогического института им. Абая. Сотни уйгурских юношей и девушек получают высшее образование в вузах Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Фрунзе, Ташкента.

Все это следствие ленинской национальной политики КПСС, предопределившей активное, всестороннее и полноправное участие представителей национальных меньшинств в хозяйственной и культурной жизни всех советских народов.

Усилиями представителей многих национальностей в Киргизии строятся электростанции, заводы, фабрики, линии электропередачи. В каждом городе и районе, буквально на каждом предприятии, в колхозе и совхозе дружно живут и трудятся представители самых различных национальностей, помогают друг другу, учатся друг у друга во имя осуществления нашей великой цели — построения коммунизма.

Примечательны такие факты. На берегу бурной горной реки Нарын, где прежде люди с трудом пробирались по узким тропам из одного аила в другой, ныне возводится одно из крупнейших сооружений в Средней Азии — Токтогульский гидроузел, первые два гидроагрегата которого, мощностью 300 тыс. квт каждый, уже введены в строй. Пуск этого гидроузла позволит полнее использовать природные богатства не только Киргизии, но и других республик Средней Азии и Казахстана. На строительстве ГЭС заняты представители более 40 национальностей, и все они окружены вниманием и заботой советского государства.

Характерно в связи с этим высказывание французского журналиста Робера Маскареля, сравнившего с Токтогульской стройкой строительство французской ГЭС Фос-сюр-Мер. Обе эти стройки схожи как по числу занятых на них рабочих, так и по горному ландшафту местности, в которой они возводятся. Вот что пишет французский журналист в еженедельнике Всеобщей конфедерации труда «Ви увриер» («Рабочая жизнь»):

«Вместо деревянных бараков с примитивным санитарным обеспечением, в которых годами ютились большей частью оторванные от своих семей французские гидростроители Фос-сюр-Мер, рядом с Токтогульской ГЭС, у подножия киргизских гор, я увидел современный, с прекрасной планировкой город Кара-Куль, в котором дружной семьей живут представители 46 национальностей. Советское государство и руководители стройки сделали все необходимое для удовлетворения бытовых и культурных запросов киргизских гидростроителей. Наглядным свидетельством этой заботы являются увиденные мною в Кара-Куле школы и библиотеки, детские сады и ясли, стадионы и плавательные бассейны, о которых не могли и мечтать строители Фос-сюр-Мер»⁶.

Это правдивое свидетельство французского журналиста разоблачает лживые измышления буржуазной, а в последнее время и маоистской пропаганды об условиях жизни и работы трудящихся в республиках советского Востока.

Всесторонние экономические связи между советскими республиками, взаимный обмен кадрами, культурными ценностями, совместный творческий труд представителей разных национальностей на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, научных лабораториях, учебных заведениях — все это яркое свидетельство нерушимой братской дружбы народов, ставшей одной из движущих сил советского общества.

⁶ «Советская Киргизия», 5. II. 1975.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует, что только на путях последовательного и неуклонного воплощения в жизнь выработанной нашей партией национальной политики возможно правильное марксистско-ленинское решение национального вопроса. И напротив, там где предали, извратили принципы ленинской национальной политики, заменили их различного рода доморощенными теориями, отвечающими будто бы «духу» данной нации, там при решении национального вопроса неизбежно скатываются на буржуазно-националистические позиции. Примером тому служит проводимая в настоящее время национальная политика нынешних китайских руководителей.

Факты неопровержимо свидетельствуют, что за четверть века, прошедшую после победы китайской революции, в Китае так и не решена проблема установления равноправных, братских отношений между населяющими его народами. Теория и практика маоцзедуновской группировки в национальном вопросе не только не устраняет, а, наоборот, усиливает недоверие и вражду между народами Китая, препятствует укреплению пролетарского интернационализма и представляет собой на деле попрание принципов социализма.

А ведь победа народной революции в Китае и образование КНР открывали путь к социализму и свободному развитию китайского народа и всех других народов Китая, создавали все необходимые предпосылки для последовательного решения национального вопроса на марксистско-ленинской основе. В конституционных документах, принятых в первые годы после образования КНР, декларировалось равенство всех национальностей Китая, запрещалась национальная дискриминация. Кроме того, в этих документах были даны торжественные обещания об оказании всесторонней помощи некитайским народам в их социально-экономическом, политическом и культурном развитии.

Однако события последних лет показывают, что Мао Цзэ-дун и его группа растоптали все эти законодательные акты и зафиксированные в них принципы, в том числе лозунги о равноправии и дружбе народов Китая. Они, по существу, проводят в национальном вопросе великодержавную, националистическую политику императорского Китая, правители которого всегда строили взаимоотношения со своими соседями на высокомерии и чванливости, называя все другие народы, кроме ханьцев (китайцев), «нецивилизованными варварами».

Подобная политика получила название «китаецентризма», конечная цель которого — утверждение «господства Китая на пяти континентах», превращение его в «хозяина мира». Один из лидеров китайского буржуазного национализма Кан Ю-вэй (1889—1927) писал: «У нас четыреста или пятьсот миллионов людей, из которых мы можем на вербовать десять миллионов солдат. У нас неисчерпаемые запасы железа и металлов, из которых мы можем построить тысячи военных кораблей, и тогда мы сможем пройти через пять континентов, на которых вы увидите, как развеваются и танцуют флаги желтого дракона».

Каким же образом китайские шовинисты мечтали достигнуть своих гегемонистских целей? Последователь Кан Ю-вэй Лян Ци-чао предлагал следующие пути «расширения китайской нации». «Первый путь, — писал он, — это ассимиляция бесчисленных народностей внутри и за пределами наших границ; второй путь — это переселение из года в год людей нашей нации к границам и расширение территории».

Нынешнее китайское руководство целиком и полностью восприняло эту и ей подобные реакционные идеи великоханьского шовинизма. В этой

связи небезынтересно высказывание самого Мао Цзэ-дуна, в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу. «Я читал две книги, — говорил Мао Цзэ-дун, — присланные мне моим двоюродным братом, в которых рассказывалось о реформаторском движении Кан Ю-вэя. Одна называлась «Журнал нового народа» («Синьминь цунбао»), издававшийся Лян Ци-чао. Я читал и перечитывал их до тех пор, пока не выучил наизусть. Я поклонялся Кан Ю-вэю и Лян Ци-чао»⁷.

Корни великоханьского шовинизма, как видим, уходят в глубокую старину, а многонациональное китайское государство сложилось в процессе многовековых завоеваний.

В современных границах КНР, кроме китайцев (ханьцев), насчитывается более 50 различных наций, народностей и национальных групп, общая численность которых превышает 50 млн. человек. Все они в официальных китайских документах именуется «национальными меньшинствами», хотя чжуаны, например, насчитывают более 9 млн. человек, уйгуры — 5 млн., дунгане — 4,5 млн., тибетцы — 3 млн. человек, живут компактными группами, имеют свою многовековую культуру и богатый опыт независимого государственного существования.

Некитайские народы расселены в обширных районах, занимающих почти 60% территории Китая. В основном это районы Северного, Северо-Западного, Южного и Юго-Западного Китая. Эти земли издавна были объектом усиленной колонизации, сопровождающейся физическим уничтожением и насильственной ассимиляцией некитайских народов, что не могло не породить у них недоверия и подозрительности по отношению к ханьцам.

Вот почему после образования Китайской Народной Республики от руководства КПК требовались особая осторожность в подходе к национальной проблеме, всесторонний учет интересов всех народов, живущих на территории Китая. Последовательная марксистско-ленинская национальная политика в таких условиях требовала провозглашения права наций на самоопределение, создания государства на основе добровольного объединения с предоставлением некитайским народам права на национальное государственное существование.

Следует сказать, что маоисты не сразу после победы народной революции раскрыли свою подлинную сущность как великодержавных шовинистов и колонизаторов малых народов.

Как известно, национальный вопрос в Китае занимал заметное место в решениях Компартии Китая. Так, II съезд КПК (1922) в программном документе, названном Декларацией II съезда КПК, высказывался за будущее федеративное устройство Китая и за предоставление автономии Монголии, Тибету, Синьцзяну. Право народов, населяющих окраины Китая, на самоопределение было признано также на III съезде КПК (1923).

Во многих документах Коммунистической партии Китая признавались марксистско-ленинские принципы решения национального вопроса. За них активно боролись Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо и другие коммунисты Китая. «Китайский народ, — писал Цюй Цю-бо в 1926 г., — должен в борьбе с империализмом по примеру Советского Союза создать революционную власть, чтобы монгольский, тибетский, маньчжурский, мусульманский народы, живущие в Китае, исходя из принципа свободы и равноправия, присоединились к революционному Китаю... Революционный народ Китая должен признать полное право на самоопределение этих наций».

На VI съезде КПК, состоявшемся в июле 1928 г. выдвигалась как одна из основных задач партии «объединение Китая и признание права на на-

⁷ Цит. по статье М. Непесова «Под тенью великоханьского шовинизма». — «Красная Звезда», 11.1.1975.

циональное самоопределение». Об этом же говорилось и в резолюции состоявшегося в ноябре 1931 г. первого Всекитайского съезда советов по национальному вопросу: «Китайская Советская Республика категорически и безусловно признает право всех наций на самоопределение. Это значит, что в таких районах, как Монголия, Тибет, Синьцзян, Юньнань, Гуйчжоу и другие, в которых большинство населения принадлежит к иной, не китайской национальности, трудящиеся массы этих национально-советской Республики и создать независимое государство, или же они желают войти в Союз Советских Республик, или образовать автономный район в Китайской Советской Республике»⁸.

В ст. 14 Временной конституции Китайской советской республики, принятой на II Всекитайском съезде представителей советских районов, отмечалось, что «советская власть в Китае... признает право самоопределения малых народов вплоть до государственного отделения от Китая и создания самостоятельных государств»⁹.

Следует отметить, что большую роль в разработке политики КПК по национальному вопросу и, в частности, по вопросу о национальном самоопределении, сыграли в те годы решения Коминтерна, который через делегации КПК в ИККИ и своих представителей в Китае оказывал ценную помощь китайским коммунистам в решении с позиций марксизма-ленинизма важнейших проблем китайской революции.

Однако национальная политика КПК изменилась уже в момент освобождения Китая. Принятая 29 сентября 1949 г. «Общая программа Народной политической консультативной конференции Китая» (она до 1954 г. выполняла роль конституции) не упоминала уже ни о принципе самоопределения, ни о федеративном устройстве национальной государственности неханьских народов.

В ней предусматривалось лишь создание автономных административных единиц на территории, где преобладает не китайское население, отбрасывался принцип федерации и не китайские народы лишались права на самоопределение. Только ханьская нация получила право на собственную государственность. Другим народам предоставлялась лишь ограниченная автономия в рамках КНР.

Тем не менее в первые годы после образования КНР и в течение первой пятилетки, когда в руководстве КПК были еще сильны позиции коммунистов-интернационалистов, была проделана определенная работа по подъему благосостояния и развитию культуры не китайских народов. В национальных районах были построены промышленные предприятия, проведена аграрная реформа, открыты учебные заведения, культурно-просветительные, медицинские учреждения. Государственные и партийные органы КНР разработали позитивную программу решения национального вопроса. В частности, национальный вопрос нашел отражение в конституции КНР и в материалах состоявшегося в 1956 г. VIII съезда КПК.

«Все национальности равноправны,— провозглашала ст. 3 конституции КНР.— Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей». В преамбуле к Уставу Компартии Китая, принятому VIII съездом, было записано: «...Особое внимание надо уделять предупреждению и преодолению великоханьского шовинизма среди

⁸ Цит. по: Китайская Народная Республика. М., 1970, с. 173.

⁹ Программные документы китайских Советов. М., 1935, с. 15.

членов партии и работников государственных учреждений ханьской национальности».

Однако в последующем в результате националистической политики Мао Цзэ-дуна и его окружения оказалось не осуществленным все то, что было записано по национальному вопросу в конституции КНР и в решениях VIII съезда КПК.

Были лишены национальной государственности даже такие крупные некитайские народы, как уйгуры, тибетцы, чжуаны и монголы. За основу решения национального вопроса и национального строительства была принята система так называемой местной национальной автономии.

Однако и эта «автономия», являющаяся таковой только по названию (автономный район, например, имеет не больше самостоятельности, чем обычный провинции), была предоставлена всего лишь нескольким не-китайским национальностям.

Конечно, по сравнению со старым Китаем, где некитайские народы были вообще лишены каких-либо прав, районная автономия могла создать определенные условия для самоуправления неханьских народов, способствовать развитию экономики и культуры в национальных районах. Но это могло произойти только при условии строгого соблюдения ленинских принципов, тщательного учета интересов некитайских народов. Маоисты пошли не по этому пути.

В конце 50-х гг., когда уже оформилась великодержавно-гегемонистская платформа маоистов, они стали проводить откровенно шовинистический курс по отношению к некитайским нациям и народностям.

Насколько губительна политика маоистов по отношению к автономным районам Китая, видно на примере Синьцзяна. По занимаемой площади (17% всей территории Китая) он находится на первом месте среди других провинций и автономных районов.

Учитывая, что большую часть населения Синьцзяна составляют уйгуры, руководители КПК еще в 1950 г. запросили представителей Синьцзяна о том, как они мыслят будущее государственно-правовое положение национальностей этого района. Национальные кадры высказывались за предоставление уйгурам самоопределения на основе ленинских принципов и предложили называть Синьцзян Уйгуристаном. Однако маоистское руководство полностью игнорировало это требование уйгурского народа, предоставив Синьцзяну лишь право местной национальной автономии и преобразовав его в 1955 г. в Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Более того, предоставление народам Синьцзяна даже этой куцей автономии, как показало время, на деле было чисто формальным шагом.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживает 13 национальностей¹⁰. Общая численность населения составляет 12 млн. человек¹¹. Самая многочисленная на них — уйгуры. Второе место в Синьцзяне по численности населения среди тюркоязычных народов занимают казахи (более 650 тыс. человек), затем идут дунгане, монголы, киргизы, таджики, узбеки и т. д.

Большой интерес к этому району со стороны руководства КНР вызван тем, что Синьцзян-Уйгурский автономный район и сопредельный с ним Тибет, в официальных документах КПК называемые не иначе как «особыми пограничными районами», являются своеобразными «полнонами», где маоисты осуществляют «проверку действительности» своего великодержавно-шовинистического курса. Кстати, именно здесь они начали

¹⁰ «Миньцзу туаньцзе», 1958, № 4; «Жэньминь жибао», 14.IV.1954; 19.V.1954.

¹¹ См.: А. Л. Соловьев, Г. А. Зантов. История национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна. Алма-Ата, 1972, с. 4.

в 50-х гг. нагнетать и провоцировать пограничные конфликты с соседней Индией, которые закончились вооруженными столкновениями двух сторон. Здесь «проверяется» на практике и линия на отрыв коренных народов Синьцзяна от влияния ленинской национальной политики, проводимой в республиках Средней Азии и Казахстане.

Национальная политика, проводимая КПСС в Киргизии, Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, близка и понятна народам Синьцзяна, которые с большим вниманием относятся к накопленному опыту в разрешении национального вопроса и строительства социалистической национальной государственности в советских республиках. Это связано и с тем, что коренные жители Синьцзяна представляют собой либо часть народов, основная масса которых проживает в республиках Средней Азии и Казахстане (казахи, киргизы, узбеки, таджики), либо имеют многочисленных бывших соотечественников в Советском Союзе (уйгуры, дунгане и т. д.). Кроме того, между народами Синьцзяна и республик Средней Азии и Казахстана издавна существуют исторически сложившиеся экономические и культурные связи.

Победу народной революции в Китае народы Синьцзяна встретили как свой национальный праздник, возлагая на нее большие надежды. «Народ надеялся,— пишет в своих воспоминаниях генерал-майор Зунун Таипов,— что время унижения и угнетения ушло в прошлое, что Народно-освободительная армия Китая пришла не покорять и завоевывать, а освобождать, что наступает время равноправия и уважения достоинства каждой нации, и первые шаги китайской администрации укрепляли эти надежды. Китайские кадровые работники в Синьцзяне в 1949—1950 гг. старались показать, что они ничего общего не имеют с гоминьдановскими притеснителями, что они пришли в Синьцзян как друзья»¹².

Первоначальные успехи в области промышленности, сельского хозяйства и культуры в Синьцзян-Уйгурском автономном районе были достигнуты в значительной степени благодаря бескорыстной помощи Советского Союза, которая выражалась в предоставлении технической документации, обеспечении строящихся предприятий оборудованием, техникой, материалами. В Синьцзяне работало большое количество советских специалистов. При их активной помощи из числа различных национальностей формировались первые отряды рабочего класса, а также технических работников. В период 1950—1955 гг. многие юноши и девушки, представители различных национальностей Синьцзяна, получили высшее образование в Советском Союзе.

Между народами Синьцзяна и народами Средней Азии и Казахстана устанавливались все более прочные связи, практиковался обмен делегациями.

Успехи, одержанные в первом десятилетии существования КНР, убедительно показывали неким народам, что достигались они только в том случае, когда руководители КПК опирались и действовали на основе всеобщих закономерностей марксизма-ленинизма и в тесном союзе с КПСС и Советским Союзом, социалистическими странами. Неудачи и провалы в экономике и в других сферах жизни Китая всегда наступали тогда, когда политика КПК определялась мелкобуржуазным национализмом и авантюризмом.

Урезанная автономия вызывала недовольство широких народных масс Синьцзяна, и, чтобы расправиться с ее противниками, руководство КПК вынесло на обсуждение пленума парткома СУАР вопрос «О борьбе с ме-

¹² З. Та и п о в. В борьбе за свободу.— «Простор», 1972, № 2.

стными националистами». Пленум проходил с 19 декабря 1957 г. по 30 апреля 1958 г. И на нем местным национальным кадрам был приклеен ярлык «правых уклонистов», «буржуазных националистов», «изменников родины».

По завершении работы пленума китайские руководители начали широкие преследования и расправы над национальными кадрами Синьцзяна. Большинство видных борцов за национальное освобождение Синьцзяна было репрессировано, многие из них были направлены в лагеря «трудового перевоспитания». Представителям национальной интеллигенции предъявляли смехотворные обвинения в том, что они якобы «пытались создать свои ханства».

Фальшивка о «ханствах» была пущена в обращение после того, как лопнула маоистская затея с созданием «новой истории» уйгуров, казахов и киргизов Синьцзяна. Эта «история», по замыслу маоистов, должна была «доказать», что уйгуры, казахи, киргизы — это те же китайцы и, следовательно, у них «единая родина» от южной точки Китая до Аральского моря. Иначе говоря, «новая история» была необходима для обоснования великодержавных устремлений китайских руководителей. Ее хотели создать руками самих уйгуров, казахов, киргизов и других народов, живущих в Синьцзяне. Но народы не пошли на эту грубую фальсификацию. И реакция маоистов на это была весьма определенной. Они заявляли: «Синьцзянцы имеют два сердца: одно желтое — русское, другое красное — китайское. Желтое сердце мы растопчем»¹³.

Протест различных национальностей Синьцзян-Уйгурского автономного района против великоханьской национальной политики маоистов в ряде мест вылился в восстания, которые были жестоко подавлены.

Резкое ухудшение материального положения, массовая кампания репрессий под предлогом «борьбы против местного национализма», усиление ханьской колонизации — все это переполняло чашу терпения уйгур, казахов, киргизов и других народов Синьцзяна, в связи с чем многие жители решили выехать в СССР. Но в начале 1962 г. местные власти полностью прекратили выдачу разрешений на выезд в СССР. Этот акт вызвал новую волну возмущения. 29 мая 1962 г. улицы Кульджи — административного центра Или-Казахского автономного округа — облились кровью ни в чем не повинных женщин, стариков, детей. Они были расстреляны из пулеметов перед зданием партийного комитета. По улицам патрулировали танки. Больницы, школы и другие общественные здания были переоборудованы под тюрьмы¹⁴.

После кровавых событий в Кульдже многие жители Синьцзян-Уйгурского автономного района покинули родные места и бежали в СССР, Афганистан, Пакистан и другие страны. В 1962 г. из Синьцзяна в Советский Союз перешло более 67 тыс. уйгур, казахов и киргизов. В ответ на просьбы советских официальных лиц вернуться в КНР они становились на колени. «Умрем здесь, но не вернемся назад!» — заявляли беженцы. Одна женщина-уйгурка, подняв на собой своего истощенного от голода сына, горько рыдая, сказала советским представителям: «Если на этой земле нет места, то дайте место под землей, закопайте живой. Но сохраните жизнь моему сыну, оставьте его здесь — на советской земле!»¹⁵.

В течение 1959—1966 гг. в Советский Союз переселились не менее 200 тыс. жителей из Синьцзяна. С началом «культурной революции» великоханьский шовинизм получил особенно широкий размах. Практи-

¹³ См.: А. Л. Соловьев, Г. А. Зантов. Указ. произв., с. 31—34.

¹⁴ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1.

¹⁵ См.: А. Л. Соловьев, Г. А. Зантов. Указ. произв., с. 33—34.

чески в Синьцзян-Уйгурском районе, как в других автономных районах, вся национальная интеллигенция, партийно-государственные работники из числа некитайцев стали жертвами диких расправ и были сосланы в так называемые «школы трудового перевоспитания», а точнее говоря, — в концентрационные лагеря.

«Культурная революция» сопровождалась резким усилением антисоветской пропаганды. Антисоветизм возведен ныне маоистами в ранг государственной политики. Чтобы держать китайский народ в постоянном напряжении и отвлекать его внимание от внутренних трудностей, они выдумали и распространяют различные клеветнические измышления об «угрозе» Китаю со стороны Советского Союза.

Сейчас китайские руководители усиленно муссируют так называемый «территориальный вопрос», воспитывают китайский народ в духе территориальной экспансии в отношении нашей страны.

Особенно активно пропагандируются территориальные притязания, включающие советское Забайкалье и Дальний Восток, а также обширные территории советской Средней Азии и Казахстана. Среди народов, проживающих на границе с Советским Союзом, распространяются различного рода измышления о «несправедливости» советско-китайской границы, о «захвате» Россией 1,5 млн. кв. км «китайской территории».

В то же время маоисты грубо искажают и фальсифицируют целые периоды китайской истории, оправдывают и даже прославляют политику захвата чужих земель и порабощения других народов, которую в течение многих веков проводили китайские богдыханы.

Одним из объектов такой фальсификации является Синьцзян, «исторические права» на который как на «исконно китайскую территорию» настойчиво пытаются обосновывать маоисты. Так, современные китайские историки Чэн Шо-ло, Фан Ця-шан, Му Гуан-вань и другие в опубликованном ими сборнике «Исторические материалы об уйгурах» пытаются оправдать действия маньчжуро-китайского императора династии Цин, который в 1759 г. ввел войска в Восточный Туркестан и насильственным путем присоединил его в качестве колонии к Китаю, присвоив ей китайское название «Синьцзян», что в переводе на русский язык означает «новая граница».

Эти шовинистически настроенные историки пытаются оправдать кровавые расправы цинских солдат над уйгурами, дунганями и другими народами Синьцзяна, неоднократно восставшими против маньжуро-китайского гнета и боровшимися за свою свободу.

Для фальсификации истории маоисты даже организуют проведение специальных политических кампаний. Одна из подобных кампаний — «по изучению археологических памятников» была развернута и в Синьцзяне. С помощью различных археологических экспонатов маоисты пытаются доказать, что «западные границы Китая доходят до озера Балхаш». Подобные фальсификации маоистских историков превратились в обычный метод их антинаучной деятельности¹⁶.

Стремясь реализовать свои территориальные притязания, маоисты практически делают это всеми доступными им способами, проводя, в частности, политику провокаций на границах с Советским Союзом.

Акции нарушения государственной границы в последние годы в пограничных районах Киргизской ССР (протяженность нашей государственной границы с Китаем на этом участке 963 км) проходили при под-

¹⁶ См.: А. Л. Соловьев, Г. А. Зайтов. Указ. произв., с. 3—4.

стрекательстве маонистами гражданского населения — скотоводов с отарами овец, стадами яков.

В попытках «обосновать» и «доказать» эти территориальные притязания маонисты, подобно китайским богдыханам, объявили себя «наследниками Джунгарского ханства». Но история свидетельствует, что, хотя маньчжуро-китайская империя Цин и претендовала на господство над частью киргизов, киргизы никогда не входили в состав этой империи. Более того, они всегда вели упорную и небезуспешную борьбу против джунгарских и китайских завоевателей, о чем красноречиво свидетельствует величайший историко-эпический памятник устно-поэтического творчества киргизов — «Манас», являющийся, по образному выражению Чокана Валиханова, энциклопедией киргизской жизни. В то же время киргизы всегда играли видную роль в политических событиях Восточного Туркестана. И после его завоевания цинскими агрессорами они выступили совместно с казахами в поддержку насильственно покоренных народов Туркестана.

Следует со всей определенностью сказать, что на территории Киргизии, как и во всей Средней Азии и Казахстане, никогда не проживало китайское население. Наши государственные границы установлены исторически и справедливо.

Лишив, по существу, народы Синьцзян-Уйгурского района, как и других автономных районов, даже тех минимальных прав, которые были закреплены за ними конституцией КНР 1954 г., великоханьские шовинисты не гнушаются ничем, чтобы отвлечь их внимание от действительно острых, животрепещущих проблем внутреннего развития.

Как теперь совершенно ясно, национальная автономия в КНР — по существу, фикция, и за ее фасадом скрывается засилье великоханьских националистов. Об этом красноречиво свидетельствует не только судьба народов, населяющих Синьцзян.

Например, в Тибетском автономном районе насчитывается менее половины тибетцев, проживающих на территории КНР. Остальные живут в граничащих непосредственно с Тибетом провинциях Цинхай, Ганьсу, Сычуань и Юньнань, в которых образовано еще 9 тибетских автономных округов и 2 автономных уезда.

Другой пример. Гуанси-Чжуанский автономный район фактически был создан путем простого переименования провинции Гуанси. В результате чжуанцы в своем автономном районе оказались в меньшинстве (8 млн. из 24 млн. жителей района). В то же время около миллиона чжуанцев так и остались в составе соседних провинций Гуйчжоу, Гуандун и Юньнань.

Наряду с дроблением одной национальности между несколькими, не связанными друг с другом административными единицами, выявилась и другая не менее пагубная тенденция при предоставлении некитайским народам «местной автономии». В этом отношении характерен пример Внутренней Монголии. В 1955 г. под предлогом «братской помощи» монгольскому народу в состав этого автономного района были включены территории провинций Суйюань, Жэхэ, часть провинции Нинся, населенные китайцами. В результате этих административных мер монголы превратились в своем районе в меньшинство и составили не более 8—10% его населения.

Истинное отношение маонистов к национальной автономии высказал Чжоу Энь-лай во время встречи с представителями Синьцзяна, которая состоялась в Пекине 2 сентября 1968 г. Он заявил, что «осуществляемая в Китае территориальная национальная автономия является временной, переходной и в перспективе она будет ликвидирована».

Действительно, в ходе «культурной революции» в Китае практически произошла ликвидация автономии некитайских народов. Были разогнаны конституционные органы власти, призванные осуществлять самоуправление некитайских народов. Их место заняли «ревкомы», во главе которых поставлены китайцы, военные по преимуществу.

Национальная автономия сохранилась лишь в названиях национальных административных единиц. Об этом лишний раз свидетельствует новый произвол маоистов в отношении монгольского народа. В 1969 г., не спрашивая мнения местного населения, маоисты почти втрое сократили территорию Внутренней Монголии, передав отторгнутые от нее монгольские области соседним китайским провинциям (в то же время районы с чисто китайским населением оставлены в составе Внутренней Монголии).

Великодержавный шовинизм современных пекинских руководителей проявляется и в других сторонах национальной политики. Сюда следует прежде всего отнести массовую китайскую колонизацию национальных районов. За последние годы число китайских переселенцев в эти районы достигло многих миллионов.

Доля китайского (ханьского) населения, например в Синьцзяне, возросла с 6 до 45%. Мао Цзэ-дун открыто поставил задачу увеличить численность населения Тибета с 2—3 до 10—12 млн. человек. Понятно, что это может быть осуществлено только за счет китайских переселенцев.

Массовое переселение китайского населения в национальные районы в большинстве случаев не вызывается экономической необходимостью. Оно не направлено на подъем экономики национальных районов, на развитие культуры некитайских народов. Основной целью такого переселения является стремление создать в национальных районах подавляющее численное превосходство китайцев, превратить некитайские народы на деле в национальные меньшинства среди моря китайского населения, насильственно ассимилировать их. Не случайно поэтому в КНР постоянно пропагандируются идеи «слияния национальностей» на базе китайской нации.

Маоисты пытаются даже «теоретически обосновать» свою великодержавную ассимиляторскую политику. «Китайцы составляют 94% всего населения Китая,— писал журнал «Синьцзян хунци»,— и в политическом, экономическом и культурном отношениях они являются более передовыми по сравнению с другими малыми народами. Поэтому при слиянии национальностей китайцы должны стать основным костяком... Особенности китайской нации превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств»¹⁷.

Такова откровенно шовинистическая постановка вопроса маоистами, призывающими к быстрейшему поглощению китайцами всех других народов Китая. Совершенно очевидно, что она не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, коренным образом противоречит марксистско-ленинскому учению, которое принципиально отвергает насильственную ассимиляцию.

Продолжается процесс «китаизации» национальных языков. Всячески ограничивается сфера их применения. Они практически изгнаны из государственных учреждений, средних школ, вузов. Вытравливаются из некитайских языков интернациональная терминология и лексические заимствования из других языков. Китайская лексика искусственно внедряется даже в основной словарный фонд языков национальных меньшинств

¹⁷ «Синьцзян хунци», 1960, № 23.

С целью усилить китаизацию языков некитайских народов Синьцзяна Пекин принимает меры для ускоренного внедрения нового алфавита, разработанного для них на базе китайского алфавита. Введение нового письма должно, по мысли маоистов, способствовать еще более широкому вводу китайской лексики в уйгурский, казахский, киргизский и другие языки. Вместе с тем маоисты всемерно пытаются использовать эти меры также для дальнейшего раздувания злобной антисоветской пропаганды, для окончательной ликвидации культурных связей уйгуров, казахов и других неханьских народов Синьцзяна с тюркоязычным населением республик Советской Средней Азии и Казахстана. По признанию маоистов, переход на новый алфавит диктуется стремлением «усилить борьбу против Советского Союза».

Великодержавная националистическая направленность курса нынешних китайских руководителей, как известно, еще раз была подтверждена на IX и X съездах КПК, в материалах и решениях которых вообще ничего не говорится о национальном вопросе, некитайские народы даже не упоминаются.

Об этом же свидетельствует и новая конституция КНР, принятая на состоявшейся в январе 1975 г. в Пекине первой сессии ВСНП четвертого созыва. Эта сессия была созвана после десятилетнего перерыва. Ее заседания проходили в обстановке полной секретности, в тайне от самого китайского народа. Из этой конституции, в отличие от прежней, выпало даже указание на то, что «в ходе экономического и культурного строительства государство будет проявлять заботу о нуждах всех национальностей»¹⁸.

Коренное отличие новой конституции от прежней состоит также в том, что из нее исключены содержащиеся в конституции 1954 г. принципиальные положения о китайско-советской дружбе и о сотрудничестве с другими социалистическими странами.

Как справедливо указывалось в «Правде», «конституция наносит удар по правам национальных меньшинств в Китае, численность которых превышает 50 миллионов человек. Упразднена комиссия ВСНП по делам национальностей, которая должна была следить за правильным осуществлением национальной политики. Исключены положения о том, что формы органов самоуправления в национальных районах должны строиться «в соответствии с волеизъявлением большинства населения той национальности, которая осуществляет районную автономию». В новую конституцию не вошли также статьи, в которых говорилось о недопустимости дискриминации и гнета в отношении некитайских народов в КНР. Все это создает простор для продолжения в стране политики насильственной ассимиляции малых народов, отказа им в праве на национальное самоопределение, лишает политических и материальных гарантий даже то право на национальную автономию, которое декларируется»¹⁹.

Шовинистическая политика китайского руководства вызывает глубокое недовольство некитайских народов. В связи с этим в настоящее время обстановка в национальных районах Китая — вопреки разглашательствам пекинской пропаганды о «небывалом единстве» всех народов страны — продолжает оставаться неустойчивой. Некитайское население, постоянно подвергающееся политической и культурной дискриминации, относится с глубоким недоверием к новой серии «заигрываний» Пекина. Некитайские народы недовольны низким уровнем

¹⁸ См.: «Правда», 5.II.1975.

¹⁹ Там же.

жизни в национальных районах, засильем армии, политикой постоянного подогревания военного психоза, антисоветизмом.

В результате пагубного курса нынешних пекинских руководителей, в Китае разыгрывается большая трагедия уйгурского, монгольского, тибетского и других некитайских народов. Все это предопределяет дальнейшее обострение положения в национальных районах КНР.

Таким образом, продолжающаяся великоханьская шовинистическая политика руководства КПК создает дополнительные трудности на пути решения насущных социально-экономических и политических проблем в интересах трудящихся всех национальностей и народностей, населяющих КНР. Между тем, решение национального вопроса в духе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, отвечало бы интересам всех народов Китая, включая и ханьский народ, отвечало бы интересам социализма, задачам укрепления позиций революционных, антимпериалистических сил.

Коллективная безопасность в Азии

История и современность

---

*В. Б. Воронцов,
доктор исторических наук*

Д. Т. Капустин

Международный форум в Хельсинки, посвященный вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, всколыхнул мировую общественность, вдохновил народы на новые усилия в деле создания прочного фундамента мира на нашей планете. Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, подводя итоги встречи в Хельсинки, отметили: «Решения совещания имеют большое значение не только для европейцев. Право на мир принадлежит каждому человеку на нашей планете. Разрядка напряженности должна расширяться, углубляться, распространяться на все районы мира. Советский Союз считает своим долгом содействовать развитию международной обстановки именно в таком направлении»¹.

Коллективная договоренность 33 европейских государств, США и Канады по целому ряду самых актуальных проблем мира, безопасности и сотрудничества, воплощенная в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, основана на принципах мирного сосуществования, которые одинаково дороги для миролюбивых народов всех континентов. Итоги совещания убедительно доказывают, что в современных условиях вполне возможно достижение договоренностей, основанных на учете мнений и интересов всех, без исключения, малых и больших государств, вполне возможно достижение общего согласия сторон, отнюдь не стирающее при этом различий в идеологии и общественных системах. Совещание в Хельсинки не только подвело итог прошлому, но — что является главным — оно устремлено в будущее: высшие руководители 35 стран мира выразили свою решимость наполнить достигнутое соглашение реальным содержанием, дополнить политическую разрядку военной, внедрить в практику современных международных отношений правильные и справедливые принципы отношений между государствами, сделать их законом международной жизни.

Первое в мире социалистическое государство, выступившее инициатором созыва общеевропейского форума, призывает народы не успокаиваться на достигнутом, всесторонне содействовать углублению процесса разрядки напряженности, активнее вовлекая в этот процесс иные континенты. «Ставя задачу распространить зону разрядки на весь мир, — говорил в своей речи в Алма-Ате в августе 1973 г. Л. И. Брежнев, — мы считаем важным, чтобы в этот процесс широким фронтом включилась Азия. При этом мы исходим не только из интересов своей страны, две трети территории которой расположены в Азии. Мы учитываем место

---

¹ «Правда», 7.VIII.1975.

этого континента в жизни человечества, роль азиатских государств в мировой политике, интересы самой Азии, ее народов»².

Исторические судьбы определили тесную взаимозависимость Европы и Азии, особенно в новейший период. Крупные социальные сдвиги XX в. ведущим стимулом для которых стала Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом видоизменили политическую сущность взаимодействия Европы и Азии. «Пробудившаяся Азия», являвшаяся некогда безраздельной вотчиной колониализма, стала играть по мере упрочения сил социализма и национально-освободительных движений — все более активную роль в борьбе народов за мир, демократию и социальный прогресс.

У истоков идеи

Советский Союз выдвинул идею азиатской коллективной безопасности в 30-х гг., когда над Европой и Азией начинали собираться тучи второй мировой войны. Эта идея, первоначально принявшая форму проекта регионального Тихоокеанского пакта, явилась логическим продолжением борьбы СССР за обеспечение безопасности в Европе («Восточный пакт») и неотъемлемой частью общей борьбы за коллективную безопасность, с развертыванием которой было принято решение ЦК ВКП(б) в декабре 1933 г.³ Региональные пакты в соответствии с указанным документом не мыслились как замкнутые блоки, заранее нацеленные против других государств для их окружения или изоляции. Смысл регионального соглашения о коллективном обеспечении безопасности заключался в том, что оно должно быть, во-первых, открытым для подписания всеми без исключения государствами какого-то географического района и, во-вторых, в равной степени гарантировать действительную помощь любому его участнику в случае нападения, противопоставляя, таким образом, агрессору единый фронт государств, заинтересованных в сохранении мира.

Советский Союз, выдвинув идею коллективного мира на Дальнем Востоке, начал активную борьбу за конкретное воплощение ее в жизнь. Первоначально мысль о поддержании статус-кво в бассейне Тихого океана и изоляции потенциальных агрессоров была высказана наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым в беседе с послом США У. Буллитом в декабре 1933 г.⁴ Советское правительство, учитывая агрессию Японии против Китая, провокации японских милитаристов на советских границах и понимая, что последствия этих событий могут оказаться трагическими не только для СССР и Китая, предложило заключить пакт о ненападении между США, СССР, Китаем и Японией. Американское правительство, не возражая в принципе против идеи многостороннего пакта обеспечения безопасности на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, не взяло тогда на себя такую инициативу. Вашингтон лишь выдвинул дополнительное предложение расширить круг участников другими европейскими державами.

В течение четырех лет, вплоть до 1937 г., обсуждалась идея Тихоокеанского пакта. В Азии постепенно начинало разгораться пламя второй мировой войны, а позиции западных держав, и особенно США, оставались неопределенными. Непоследовательность в позиции американской

² Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М. 1973, с. 570.

³ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. М., 1970, с. 65.

⁴ См.: История внешней политики СССР. М., 1966, с. 288.

администрации была связана с целым рядом причин. Во-первых, администрация Ф. Рузвельта, столкнувшись с серьезными внутриазиатскими трудностями, рассматривала проблемы тихоокеанской безопасности в качестве дел отнюдь не первостепенной важности. Во-вторых, иллюзии изоляционизма (события в Европе и на Дальнем Востоке — «пожар на другой стороне реки») во многом определяли позицию невмешательства США в азиатские дела. И наконец, в-третьих, влиятельные монополистические круги в США, действуя вопреки национальным интересам своей страны практически попустительствовали возникновению очага войны на Дальнем Востоке.

Не отступая ни на шаг от своей настойчивой и последовательной борьбы за мир и безопасность на Дальнем Востоке, Советское правительство выразило готовность пойти дальше заключения простого пакта о ненападении (путем включения пункта о совместных консультациях в случае угрозы одному из участников пакта). Однако за несколько дней до начала японской агрессии в Китае президент США в беседе с советским послом окончательно отклонил идею коллективного соглашения для Дальнего Востока, заявив, что пактам нет веры, а главная гарантия — это сильный флот⁵.

Весьма противоречивую позицию в отношении Тихоокеанского пакта занимал и Китай, заплативший неисчислимыми жертвами за политиканские уловки своих правителей. Нанкинское правительство уклонялось от какой-либо инициативы в деле достижения коллективной договоренности в Азии, надеясь с помощью сепаратных переговоров отвести угрозу неминуемого вторжения. 16 июня 1937 г. советский полпред в Китае сообщил в НКВД, что, несмотря на словесные декларации в пользу Тихоокеанского пакта, «китайское правительство в настоящее время относится к идее пакта отрицательно» и что причина этого заключается в «нежелании китайского правительства вызвать недовольство Японии и окончательно закрыть дверь к двустороннему соглашению с Японией, на что Чан Кай-ши, по-видимому, еще не потерял надежду»⁶.

Первая попытка выработки коллективного соглашения о мире и безопасности в районе Дальнего Востока и Тихого океана закончилась неудачей. Последовавшее затем развитие событий со всей ясностью продемонстрировало полную несостоятельность аргументов его противников и недалекость многих политиков, а взрывы в Перл-Харборе 7 декабря 1941 г. рассеяли иллюзии тех, кто уповал на умиротворение агрессора и направление его действий против Советского Союза.

Вторая мировая война привела к существенным изменениям на политической карте Европы и Азии. Создание социалистического содружества, мощный подъем национально-освободительных движений, серьезные социально-политические сдвиги в самих капиталистических странах обусловили новое содержание послевоенного развития международных отношений. Первая реакция сил антикоммунизма на итоги мировой войны с достаточной полнотой была отражена в речи бывшего английского премьер-министра У. Черчилля, произнесенной им в Фултоне (США) в 1946 г. Эта речь вошла в историю как акт номинального объявления «холодной войны».

Понадобились годы, чтобы вслед за изменением сил на мировой арене в пользу социализма, «фултонская линия» уступила место «линии Хельсинки». Мировое значение решений в Хельсинки становится особен-

⁵ Там же, с. 290.

⁶ Цит. по: В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, с. 143.

но понятным, если учесть историю суровой борьбы народов за мир в условиях затянувшейся «холодной войны». За этот период мир не раз стоял на грани третьей всеобщей военной катастрофы. Если в Европе проходили суровое испытание временем принципы мирного сосуществования государств с различными социальными системами, то в Азии конфронтация периода «холодной войны» нередко выливалась в непосредственное военное противоборство двух социальных систем. Однако идея азиатской безопасности вопреки усилиям ее противников пробивала себе все эти годы дорогу, принимая вполне зримые для современников очертания.

Мечта Джавахарлала Неру

Во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Индию в 1973 г. видный индийский общественный деятель К. Менон в своем выступлении на встрече актива Индийско-советского культурного общества с высоким гостем из СССР обратил внимание слушателей на традиционный интерес Индии к проблемам коллективной безопасности в Азии. «Если Европа может достичь прогресса в вопросе коллективной безопасности, — говорил он, — то почему же этого не может сделать Азия? Джавахарлал Неру мечтал о единой и обновленной Азии, и одним из первых его шагов как премьер-министра Индии был созыв в Дели конференции по вопросам взаимоотношений между странами Азии. Это было созвучно политике мирного сосуществования, известной под названием «панча шила». На той же основе, но уже с учетом Африки, была проведена Бандунгская конференция. И мы горды тем, наш почетный гость господин Брежнев, что эта великая мечта о создании условий для безопасности в Азии занимает ведущее место в ваших помыслах»⁷.

Лучшие представители национально-освободительного движения, среди которых видное место занимал Дж. Неру, мечтали об упрочении мира в Азии, о ликвидации любых источников конфликтов, локальных междоусобиц, таящих в себе угрозу столкновений глобального масштаба. Участники конференции азиатских стран в Дели, о которой вспомнили в 70-х гг. в связи с идеей коллективной безопасности в Азии, делали все для того, чтобы приблизить мечты Дж. Неру к действительности. Конференция открылась в 1947 г. в Дели, в Красном Форте, созданном в XVI в. За столом этого первого азиатского форума заняли места общественные и политические деятели из 27 стран, в том числе представители советских республик Средней Азии и Закавказья. 10 тыс. человек приветствовали ее открытие. Премьер-министр Индии, обращаясь к соотечественникам и представителям азиатской общественности, заявил тогда: «Широко распространилось сознание того, что настала пора для нас, народов Азии, собраться вместе, держаться вместе и развиваться вместе»⁸. Рождалась концепция мирного, делового сотрудничества азиатских народов.

Участники Делийской конференции смогли воочию удостовериться, какое тяжелое наследие с распадом колониальных империй получает Азия от империалистического Запада. Вспыхивали конфликты между ре-

⁷ Визит Леонида Ильича Брежнева в Индию. М., 1973, с. 56—57.

⁸ «Правда», 14.XII.1973.

лигиозными общинами, вынашивались заговоры против руководителей освободительного движения, агентура колониальных держав всеми силами пыталась укрепить свои позиции внутри молодых государств Азии. В дополнение к этому азиатская общественность была обеспокоена рецидивами китайского национализма.

На конференции в Дели в центре обсуждения оказалась проблема китайской эмиграции и связанная с ней деятельность гоминьдановцев в Азии. Чанкайшисты к тому времени имели уже солидный опыт сотрудничества с иностранными империалистами. Уповав на антикоммунистическую истерию начавшейся «холодной войны», они противодействовали патриотическим силам азиатских государств, предпринимавшим первые шаги к взаимному сотрудничеству на региональной основе.

Делегаты конференции в Дели указывали на отсутствие лояльности по отношению к местной администрации со стороны представителей китайского меньшинства, на отказ его подчиняться законам стран проживания, на нежелание инвестировать свои капиталы в их экономику. Чанкайшисты не скрывали стремления использовать своих соотечественников в качестве орудия для осуществления великодержавной политики в Юго-Восточной Азии. Они представляли контрбвинения, заявляя, что китайское меньшинство в Бирме, например, подвергается несправедливой дискриминации. Гоминьдановские представители объявили о желании китайского правительства добиваться привилегий только для тех представителей китайского меньшинства, которые отказываются стать гражданами страны проживания. Ходатаи от гоминьдановского Китая на Делийской конференции выразили свое, «особое» мнение и по другим вопросам. Гоминьдановцы возражали и против идеи создания постоянного органа регионального сотрудничества, утверждая, что такой орган может появиться лишь после следующей конференции, которая, согласно их расчетам, должна была бы состояться только в Китае⁹.

Тревога азиатских государств перед лицом возможной экспансии со стороны Китая была вызвана и активной чанкайшистской пропагандой, проповедовавшей поглощение Китаем малых народов. Чан Кай-ши, отражая в своей книге «Судьба Китая» великодержавные устремления китайского национализма, писал, например, будто «китайцы, маньчжуры, монголы и тибетцы являются представителями одной и той же расы, ибо происходят от легендарного императора Хуан-ди...»¹⁰. Прославившие себя жестокостью китайские императоры выступали, согласно Чан Кай-ши, в роли носителей прогресса — творцов искусства, ремесел и политики. Нельзя было не удивляться, насколько далеко заходил Чан Кай-ши, демонстрируя свои великодержавные амбиции. «Естественными границами Китая, — заявлял он в своей книге, — являются Памирское плато, Тянь-Шань и Алтайские горы — на северо-западе, Маньчжурия — на северо-востоке, Куэньлунский хребет — на западе и Гималаи и Средне-Южный полуостров (Индокитай, Бирма, Малайя. — Авт.) — на юге... Формоза, Пескадорские острова, четыре северо-восточные провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия — все эти территории вместе и каждая из них в отдельности являются крепостями, необходимыми для обороны и безопасности нации...»¹¹.

⁹ G. H. Jonsen. Nonalignment and the Afro-Asian states. N. Y. — W., 1967, p. 62, 73.

¹⁰ Цит по: The Amerasia Paper: A Clue to the Catastrophe of China. Wash., Vol. 1, 1970, p. 598.

¹¹ Цит. по: Информационный бюллетень Политического управления ДВФ. Хабаровск, 1945, с. 36.

Великодержавные амбиции Чан Кай-ши и его последователей, ярко проявившиеся, в частности, в пропаганде территориальных притязаний, оказались в первые послевоенные годы в вопиющем противоречии с основными гуманистическими принципами нарождавшегося движения азиатской солидарности. Разгром чанкайшистов в 1949 г. и победа китайской революции сняли в то время для государств Азии вопрос о нейтрализации великодержавных амбиций китайских националистов в лице гоминьдановских реакционеров.

Внешняя политика КНР в первые годы ее существования — политика сотрудничества с социалистическими странами, поддержки национально-освободительных движений объективно содействовала созданию благоприятных условий для борьбы народов Азии за превращение этого континента в зону мира и безопасности.

Дух Хельсинки и Бандунга: различные континенты — общие цели

Результаты общеевропейского форума в Хельсинки являются замечательным стимулом для развития делового сотрудничества и борьбы народов Азии за мир и безопасность. Противники углубления разрядки напряженности довольно часто преувеличивают «азиатскую специфику», сложность проблем этого региона, дабы доказать бессмысленность использования европейского опыта для Азии. Но разве путь к европейской безопасности был гладок? И разве на этом пути не воздвигались преграды в виде, например, требований о перекройке послевоенной карты Европы, препятствий в решении вопроса о Берлине и т. д.? Ведь именно в то время, когда в 50-х гг. руководители азиатских государств провозгласили пять принципов мирного сосуществования в качестве основы взаимоотношений государств, в Европе буйствовали западногерманские реваншисты, осложняя политический климат на этом континенте.

Известно, что в своем стремлении остановить рост и влияние сил социализма и национально-освободительных движений империализм пошел на сооружение в Азии громоздкой военно-договорной структуры (военно-политические блоки АНЗЮС, СЕАТО, СЕНТО, политическая группировка АЗПАК, а также двусторонние военно-политические договоры США с Японией, Тайванем, Южной Кореей и Филиппинами). Несмотря на острую конфронтацию в Азии, являющуюся отражением противоборства двух противоположных социально-политических систем, в политической жизни континента пробивала себе дорогу иная тенденция.

Империалистической структуре военно-политических блоков, созданной под вывеской «коллективной безопасности», молодые государства Азии противопоставили движение за мир, за региональное сотрудничество и безопасность. Еще в мае 1950 г. конференция стран Азии в Багню (Филиппины), несмотря на давление сил реакции и антикоммунизма, продемонстрировала своими решениями намерение азиатских народов способствовать развитию именно этой тенденции. Делегаты конференции заявили о своем нежелании закладывать фундамент военно-политических блоков в Азии и продемонстрировали стремление найти новую основу для сотрудничества азиатских народов во имя полного освобождения от всех форм иностранного гнета. Южнокорейский и тайваньский режимы — поборники военно-политических блоков — остались тогда за бор-

том конференции¹². Весомый вклад в историю борьбы народов за мир и безопасность внесла конференция руководителей стран Азии и Африки в Бандунге (1955). Дорогу к Бандунгу открыли, как известно, совместные усилия дипломатии СССР, КНР, Индии. Известные принципы «панча шила» (зафиксированы в коммюнике премьер-министров Индии и Китая 28 июня 1954 г.): взаимное уважение территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство, взаимная выгода, мирное сосуществование — стали знаменем сил возрожденной Азии в борьбе за мир и безопасность в регионе, были положены в основу Бандунгской декларации.

В совместной советско-китайской декларации в октябре 1954 г. обе стороны также решительно заявили, что свои отношения со странами Азии и Тихого океана, как и с другими государствами, они впредь будут строить на основе строгого соблюдения принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, взаимного невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Правительства СССР и КНР особо подчеркивали, что именно такая политика отвечает коренным интересам народов, в том числе и азиатских, что их благополучие может быть обеспечено только на основе совместных усилий государств в деле защиты мира. Правительства двух великих держав обязались тогда приложить все усилия для того, чтобы содействовать урегулированию нерешенных международных проблем, в том числе вопросов, касающихся Азии¹³.

Дух Бандунга в связи с успешным завершением совещания в Хельсинки приобрел новое звучание. Принципы взаимоотношений государств, провозглашенные в Хельсинки, которые являются качественно новым этапом в борьбе за разрядку международной напряженности и наивысшим достижением в деле обеспечения коллективной безопасности и делового сотрудничества стран с различным социальным строем, вобрали в себя и глубоко развили известные принципы Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству из 10 пунктов, принятой в Бандунге в 1955 г.

Кодекс мирных взаимоотношений государств, провозглашенный в 50-х гг. в Бандунге, и принципы, принятые в 70-х гг. в Хельсинки, включают в себя следующие общие моменты.

Во-первых, отказ от применения силы в отношениях между государствами. Заключительный акт совещания в Хельсинки дает самое подробное толкование этому принципу (воздерживаться «от всех проявлений силы», «от любых актов репрессалий с помощью силы»), подразумевая, таким образом, отказ от любых форм применения силы в межгосударственных отношениях — военной, политической, экономической. Это дополнение, учитывая международный опыт борьбы за мир и безопасность, в том числе и неприсоединившихся государств, имеет весьма актуальное значение для Азии, поскольку существенную опасность для мира представляют, помимо вооруженной силы, экономические и политические средства давления.

Во-вторых, уважение суверенитета и территориальной целостности. Настоящие принципы, подробно и четко трактуемые в Хельсинки (1 и 4 статьи Декларации принципов), являются основополагающими в современных международных отношениях и признаны подавляющим большинством государств на всех континентах. Приемлемость их для обеспечения безопасности и сотрудничества на азиатском континенте коллек-

¹² См.: Final act and proceedings of the Baguio conference of 1950. Baguio, 1950.

¹³ «Известия», 12.X.1954.

тивными усилиями стран региона вполне очевидна. Именно в Азии территориальная целостность и суверенитет государств неоднократно в послевоенный период подвергались грубым нарушениям с применением вооруженной силы, причем серьезные рецидивы этого имеют место и по сей день. Признание указанных принципов азиатскими государствами могло бы решить задачу исключения из практики международных отношений в Азии применения силы в территориальных спорах. Опыт истории учит, что военный путь ликвидации разногласий не только не ведет к решению территориального конфликта, но и расширяет его.

В-третьих, невмешательство во внутренние дела. Этот принцип, провозглашенный в Бандунге и в Хельсинки, — важное условие поддержания мира и неприменения силы в любой форме. В Хельсинки он получил дальнейшую конкретизацию. Отказ от любых форм вмешательства (военного, политического, экономического) во внутренние или внешние дела, входящие в компетенцию другого государства-участника, не может не привлечь внимания азиатской общественности. Разве признание необходимости воздерживаться от любой помощи террористической или подрывной деятельности, имеющей целью свержение режима другого государства-участника, не имеет актуального значения для государств Азии и, возможно, Юго-Восточной Азии в первую очередь?

В-четвертых, мирное урегулирование споров. Этот принцип, ставший одним из важных положений Бандунгской декларации, а также в документах конференций глав государств и правительств неприсоединившихся стран — Белградской (1961), Каирской (1964), Лусакской (1971), Алжирской (1973), — находился в центре обсуждения и в Хельсинки. В основе принципа лежит признание необходимости применения широкого спектра мирных средств для скорейшего и справедливого разрешения возникшего спора в соответствии с международным правом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность.

В-пятых, уважение основных прав человека. Более широкое, нежели ранее, толкование этого принципа в Хельсинки имеет важное значение для поиска путей обеспечения азиатской безопасности. Признание, например, в статье VII Заключительного акта совещания в Хельсинки необходимости уважать право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на равенство перед законом, защищать их законные интересы должно иметь, несомненно, актуальное значение для Азии, где проблема национальных меньшинств не раз становилась одной из важнейших причин обострения как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической обстановки (события в Малайзии, Индонезии, Таиланде и на Филиппинах).

В-шестых, широкое развитие различных форм сотрудничества. Признание этого принципа отражает тесное взаимодействие двух непосредственно связанных между собой сторон процесса разрядки напряженности. Развитие экономических и иных межгосударственных связей как внутри региона, так и вне его активно способствует достижению целей коллективной безопасности, и в то же время только в условиях мира и безопасности это сотрудничество может действительно послужить на благо народов. Уже на заре движения афро-азиатской солидарности участники конференции в Багио увидели необходимость создать в Азии такую систему межгосударственных отношений, которая способствовала бы обеспечению «спокойного прогрессивного развития азиатских государств и повышения жизненного уровня их народов»¹⁴.

Позднее Бандунг, а вслед за ним и другие конференции стран Азии и Африки указали на необходимость содействия взаимным интересам и сотрудничеству, налаживанию экономических связей между независимы-

¹⁴ См.: Final act and proceedings of the Baguio conference of 1950. Baguio, 1950, p. 5.

ми афро-азиатскими странами, активизации культурного обмена между ними. В Бандунге, например, выдвигались проекты комплексных программ такого сотрудничества: взаимное направление экспертов, подготовка научных и технических кадров, совместная разработка планов и проектов, обмен знаниями, создание национальных (а где возможно, и региональных) институтов для подготовки кадров и научно-исследовательской работы. В резолюции конференции содержались рекомендации по вопросам развития экспортной торговли, судоходства, обмена информацией и т. д.

Идеи Бандунга о налаживании в Азии мирного сотрудничества получили качественно новое значение в решении хельсинкского совещания. Результаты совещания в Хельсинки окажут большое влияние на развитие европейского хозяйственного сотрудничества в соответствии с требованиями научно-технического прогресса, и это не может не воздействовать на всю систему мировых экономических отношений, в том числе и в сфере азиатского регионального сотрудничества. Тесная взаимозависимость экономических аспектов разрядки в Европе с народнохозяйственными проблемами азиатских государств нашла свое отражение в признании участниками совещания в Хельсинки необходимости «учитывать интересы всех в сокращении различий в уровнях экономического развития и, в частности, интересы развивающихся стран во всем мире»¹⁵.

Принципы безопасности и сотрудничества, принятые в Хельсинки, представляют собой обобщенный опыт борьбы народов всех континентов. Помимо принципов Бандунга, ставших знаменем афро-азиатской солидарности, в фундамент решений общеевропейского совещания были положены результаты целого ряда выдающихся форумов и движений современности — результаты многолетней деятельности Организации Объединенных Наций, международных организаций, движения неприсоединившихся стран, афро-азиатской солидарности и др. Разве не актуально звучит перед лицом нынешних азиатских проблем статья 26 Хартии, выдвинутой XXIX сессией ГА ООН и обязывающей все государства «сосуществовать в условиях терпимости друг к другу и жить в мире, независимо от различий в политических, социальных и культурных системах...»?

33 европейские страны, США и Канада особо подчеркнули в Заключительном акте совещания, что они не собираются замыкаться только рамками Европы, но намерены «осуществлять свои отношения со всеми другими государствами в духе принципов, изложенных в настоящей Декларации»¹⁶.

От этого выигрывают все

Претворение в жизнь идеи коллективной безопасности в Азии поможет расчистить последние завалы «холодной войны» на пути к упрочению мира во всем мире, будет содействовать успешному осуществлению социальных преобразований в развивающихся странах, подъему их жизненного уровня. Как и в условиях европейского мира, в условиях коллективной безопасности в Азии в выигрыше будут все.

¹⁵ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. — «Правда», 2.VIII.1975.

¹⁶ Там же.

Прежде всего, это создаст благоприятные условия для ускорения процесса разоружения, для переключения огромных ресурсов из сферы военной в гражданскую. Не может не вызывать беспокойства всех миролюбивых сил тот факт, что в 1974 г. расходы на вооружение на всех континентах составили 250 млрд. долл., что значительно превышает расходы конца 60-х гг.¹⁷ Напряженное положение в мире привело к тому, что в неприсоединившихся государствах Азии и Африки находится полружьем около 6,6 млн. человек, а на содержание этой армии ежегодно расходуется примерно 25,5 млрд. долл.

Согласно данным Лондонского института стратегических исследований, военные расходы стран Дальнего Востока (без КНР), Южной и Юго-Восточной Азии составили 5 млрд. 844 млн. долл.¹⁸ Для сравнения следует отметить, что уставной капитал Азиатского банка развития, деятельность которого распространяется на этот регион, составляет ныне 3 млрд. 366 млн. долл.¹⁹ Для Азии с ее многочисленными зонами ожесточенной конфронтации не редкость, когда военные бюджеты стран, даже по официальным данным, составляют 10% и более от их валового национального продукта. И это в условиях, когда в мире почти 1 млрд. людей страдают от недоедания или голода, 783 млн. неграмотных, из которых 579 млн. приходится на страны Азии²⁰. Народы Азии сейчас, как никогда, нуждаются в мире, и идея коллективной безопасности служит высокогуманной цели — не только избавлению народов Азии от военных невзгод, но и преодолению вековой отсталости, наследия колониального прошлого.

Инициаторы кампании безысходности и запугивания населения в капиталистических государствах предлагают борьбу не за мир и безопасность в Азии, а за сокращение уровня потребления, торможение роста рождаемости с целью сокращения количества «голодных ртов», отказ от стремления преодолеть тяжкое наследие колониализма — технико-экономическую отсталость и т. д. и т. п. Такого рода позиция сторонников неоколониализма неизбежно смыкается с позицией противников разрядки «слева», пытающихся предложить народам Азии не мирное сотрудничество, а продолжение «холодной войны». Углубление процесса разрядки служит наиболее ярким доказательством беспочвенности такого рода позиции.

В условиях распространения процесса разрядки на Азию и активизации — в качестве важнейшего объективного итога этого процесса — международных экономических связей для азиатских государств, несомненно, увеличится значение развития гражданских секторов экономики как одного из основных показателей роли государства в современных международных отношениях.

В условиях мира и безопасности неизмеримо возрастут возможности азиатских государств в деле внедрения передовых научно-технических достижений в области управления производством, направления крупных капиталовложений в такие капиталоемкие отрасли, как разведка и добыча полезных ископаемых, капитальное строительство, энергетика, транспорт. Ведь именно поэтому на II генеральной конференции ООН по промышленному развитию в Лиме (Перу) в марте 1975 г. участники конференции предложили включить в совместный план «группы 77» пункт о необходимости добиваться прекращения гонки вооружений. Авторы пла-

¹⁷ «Международная жизнь», 1975, № 5.

¹⁸ The Military balance. 1972—1973. The Institute for Strategic Studies. L., 1972, p. 44—55.

¹⁹ Asian Development Bank. Annual report, 1973. Manila, 1974.

²⁰ Statistical Yearbook. 1972. UNESCO, 1973, p. 47.

на «группы 77», понимая, что постоянные военные расходы поглощают огромные средства, столь необходимые для технического оснащения сельского хозяйства, развития здравоохранения и просвещения развивающихся стран, уделили в «Лимской декларации» большое внимание необходимости поддержания мира, прекращения гонки вооружения.

Идея коллективной безопасности в Азии приобретает ныне особую актуальность в связи с опасными последствиями распространения ядерного вооружения. К концу 1974 г., по американским данным, 167 атомных реакторов действовали, обслуживая нужды 17 стран, к концу 70-х гг. должно быть более 500 реакторов, действующих в 52 странах. Их продукция, если она не пойдет на мирные цели, будет достаточно для того, чтобы создать более 50 тыс. взрывчатых устройств²¹. Коллективная безопасность в Азии не случайно поэтому обсуждается в тесной связи с необходимостью создания безъядерных зон в этом регионе. Безъядерные зоны могут стать действенным барьером на пути распространения ядерных арсеналов, которые не только таят угрозу миру, но и тяжким бременем ложатся на плечи трудящихся. Яркое свидетельство тому — ядерная гонка в КНР. На XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН Китай заявил о готовности поддерживать идею создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке, в Южной Азии. «Если бы Китай действительно хотел видеть Южную Азию зоной мира, — отвечала на это в передовой статье непальская газета «Коммонер» 11 октября 1974 г., — он бы свои слова подкрепил обещанием отказаться от производства и испытаний ядерного оружия; но этого не произошло, и поэтому совершеннейшей бессмыслицей звучат призывы превратить Южную Азию в безъядерную зону в устах тех, кто неустанно проводит испытания атомного оружия, наращивая свой ядерный потенциал».

Коллективная безопасность в Азии предполагает также ликвидацию иностранных военных баз, роспуск военно-политических блоков. Меры такого рода, несомненно, помогут азиатским государствам освободиться от военно-политического контроля со стороны сильных в военном отношении империалистических государств, будут способствовать наиболее полному использованию участниками системы коллективной безопасности прав, присущих их суверенитету и охватываемых им. После изменения положения в Юго-Восточной Азии в результате победы вьетнамского народа ряд азиатских государств уже решил пересмотреть свое отношение к иностранным военным базам и военно-политическим союзам, что, несомненно, явилось отражением новых тенденций в международных отношениях в Азии. Американские самолеты, пребывавшие в ЮВА в связи с войной во Вьетнаме, выводятся из Таиланда. Предстоят также в ближайшем будущем переговоры о новых условиях сохранения американских баз на Филиппинах. Естественно, что и на этом пути азиатским государствам еще предстоит преодолеть немалые трудности. «Американские должностные лица уверены, — утверждает «Вашингтон пост», — что ни та, ни другая стороны не хотят поспешно закрывать все американские базы» и что Китай «также одобряет определенное американское присутствие в этом районе в качестве противовеса Советскому Союзу»²².

Уже сам поиск путей к достижению цели создания коллективной безопасности в Азии предполагает расширение и углубление торгово-экономического сотрудничества как между развивающимися странами, так и со странами мировой социалистической системы. В условиях закрепления процесса разрядки усиливаются тенденции к кооперированию

²¹ "Newsweek", 16.VI.1975.

²² "Washington Post", 25.VII.1975.

между азиатскими государствами — производителями сырья. Пример членов Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), добившихся заметного сокращения позиций иностранного капитала и его влияния в нефтедобывающих странах, вдохновляет и другие азиатские страны — производители сырья в их борьбе против кабальных условий, которые навязываются им крупнейшими международными монополиями. Ведь страны ЮВА, например, являются главным поставщиком в развитые страны таких сырьевых материалов, как натуральный каучук (81—85% мирового производства), олово (60—65%), кокосовые орехи (54—55%), манильская пенька (98—99%)²³.

Вслед за победой вьетнамского народа в серии встреч на высшем уровне выявилось, например, стремление ряда государств Юго-Восточной Азии предпринять шаги к активизации экономического сотрудничества среди членов АСЕАН (переговоры премьера Таиланда Кыкрит Прамота и президента Филиппин Маркоса, Кыкрит Прамота и премьера Сингапура Ли Куан Ю). Предложение о более тесном экономическом сотрудничестве стран ЮВА не ново. Оно довольно часто обсуждалось на сессиях АСЕАН с момента создания этой организации в 1967 г. И для этого было немало объективных причин, таких, как стремление к осуществлению странами Юго-Восточной Азии своего неотъемлемого суверенитета над природными ресурсами, к созданию более благоприятных условий для их внешнеторговых операций. В обстановке напряженности, в условиях агрессии в ЮВА, развитие этих тенденций было, по существу, заторможено. Крах империалистической агрессии в этом районе Азии оказал влияние на поляризацию сил в странах ЮВА и повлек за собой в то же время усиление тенденций к мирному деловому сотрудничеству. Прочный мир открывает новые возможности на этом пути. Дальнейшее кооперирование государств Юго-Восточной или иного района Азии (в форме интегрированной региональной организации, ослабляющей позиции империализма) должно служить целям укрепления суверенитета этих государств, их экономической независимости. Такой путь будет отвечать текущим задачам национально-освободительного движения, будет способствовать достижению мира и безопасности в Азии.

Вопреки этим тенденциям действует нынешнее пекинское руководство. Маоистская пропаганда активно расточает призыв не допускать «проникновения в Юго-Восточную Азию... иллюзий разрядки напряженности», предлагает подменить процесс разрядки «великими потрясениями». Пекин решительно выступает против сотрудничества стран Азии с Советским Союзом. Во время встречи в Пекине в июле 1975 г. с премьером Таиланда Прамотом Чжоу Энь-лай заявил, что в Китае озабочены «ростом влияния Советского Союза». В Пекине даже предостерегали тайландских руководителей от развития экономических связей с СССР.

Такого рода позиция Пекина находится в противоречии с жизненными интересами государств Юго-Восточной Азии. Ведь темпы экспорта продовольствия и промышленного сырья из развивающихся стран в социалистические в несколько раз превышают темпы экспорта в другие страны. Закупки Советским Союзом каучука в Малайзии в конце 60-х гг. спасли, по мнению зарубежных наблюдателей, экономику этой страны от тяжелого кризиса. Известно, какой ущерб государствам ЮВА наносил контроль международных монополий над морскими перевозками товаров из Юго-Восточной Азии в Европу. Эти монополии всячески стремились заморозить тарифные ставки на высоком уровне. Малайзия, Сингапур

²³ Lee Soo Ann. New directions in the international relations of South-East Asia. Economic Relations. Singapore, 1973, p. 5.

не раз ставили вопрос о снижении тарифов на 25%. На помощь пришли советские суда. «Россия располагает всем необходимым, — отмечала в связи с этим сингапурская печать, — чтобы обеспечить регулярное обслуживание судами малайзийских и сингапурских грузоотправителей»²⁴. Грузоотправители ЮВА получили возможность пользоваться на льготных условиях советским фрахтом.

Советский Союз является не только естественным и бескорыстным партнером азиатских стран. Американский ученый Дж. Джукс в вышедшей недавно книге подчеркивал миролюбивый характер интересов СССР в Азии. Отмечая укрепление авторитета Советского Союза в Азии (даже в странах, которые были ярыми противниками коммунизма), он приходит к выводу, что это явилось «результатом примера» резкого подъема благосостояния, развития экономики, культуры и науки в советских среднеазиатских и закавказских республиках. Эти достижения, по мнению Дж. Джукса, служат для стран Азии «иллюстрацией того, что может быть достигнуто при оказании надлежащей помощи» без участия «частного предпринимательского сектора»²⁵. Инициатива Советского Союза относительно системы коллективной безопасности в Азии — составная часть общей внешнеполитической стратегии СССР, намеченной в Программе мира, принятой XXIV съездом КПСС. Противники разрядки напряженности умышленно искажают эту инициативу, пытаясь таким путем не только дискредитировать основные внешнеполитические цели первого в мире социалистического государства, но и оказать противодействие углублению процесса разрядки, помешать распространению этого процесса на другие районы мира.

Нередко противники разрядки используют тезис о якобы существующем намерении СССР «изолировать» Китай, опираясь на идею коллективной безопасности в Азии. Разъясняя позицию СССР, Л. И. Брежнев в речи на Московском Всемирном конгрессе миролюбивых сил указывал: «Никто никогда не ставил вопроса о неучастии и тем более о какой-то «изоляции» Китая (не говоря уже о том, что вообще смешно думать об «изоляции» такой большой страны). Что касается Советского Союза, то он приветствовал бы участие Китайской Народной Республики в мерах, направленных на укрепление азиатской безопасности»²⁶.

Советский Союз, верный ленинским принципам внешней политики, сегодня, как и в годы, предшествовавшие второй мировой войне, рассматривает возможную договоренность о коллективной безопасности в Азии как соглашение равных партнеров, главной заботой которого должно стать предотвращение военного соперничества, возникших конфликтов. Пример Европы придает новый импульс Недаром после окончания работы общеевропейского форума ряда азиатских государств — Индии, Индонезии, Афганистана, Шри-Ланка и др., многие азиатские политические деятели, официальные организации и органы печати указывали на приемлемость принципов Хельсинки. От этого действительно выигрывает

²⁴ "Straits Times", 23.I.1969.

²⁵ G. Jukes. The Soviet Union in Asia. University of Calif. p. 64—65.

²⁶ Л. И. Брежнев. За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество. М., 1973, с. 27.

Социально-экономические аспекты кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» в Китае

П. Б. Капралов

На протяжении почти двух десятков лет маоистская группировка в китайском руководстве предпринимает настойчивые попытки перевести развитие всего народного хозяйства Китая на рельсы своего «особого курса», навязать стране «собственную» экономическую политику, идущую вразрез с основными задачами социалистического строительства и противоречащую коренным интересам трудящихся. Одним из неизменных принципов этой политики является применение методов политико-административного, внеэкономического принуждения для эксплуатации китайского рабочего класса и крестьянства.

Каждое новое обострение маоистами внутривнутриполитической борьбы, каждая новая массовая кампания непременно сопровождаются очередным штурмом принципа материальной заинтересованности, очередным наступлением на жизненный уровень трудящихся. Так было в период «большого скачка» и создания народных коммун в 1958—1960 гг., так было в период «культурной революции», то же самое происходит и в настоящее время.

Материальная заинтересованность — это общая для всех способов производства категория, это побуждающий мотив производства, его предпосылка, как указывал К. Маркс¹. Стремление трудящихся к улучшению своих материальных условий, повышению жизненного уровня, более полному удовлетворению своих потребностей есть объективная реальность, объективная экономическая закономерность. Нигде нет и не было рабочего класса или крестьянства, равнодушного к материальным условиям своего существования. Эта закономерность проявляется и реализуется в процессе борьбы трудящихся за наиболее полное осуществление оплаты по труду, а при диктатуре пролетариата в условиях социалистического строительства — в процессе сознательной экономической деятельности пролетарского государства, подчиненной исключительно интересам трудового народа.

Принцип материальной заинтересованности трудящихся в результатах своего труда полностью соответствует основному принципу социализма «от каждого по его способностям, каждому по его труду». Материальная заинтересованность при социализме выступает в качестве важного рычага для стимулирования производства общественно необходимого продукта, служит средством повышения производительности труда и уровня квалификации трудящихся.

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, с. 717.

Личная материальная заинтересованность, нисколько не снижая, а тем более не отрицая моральных стимулов, является одним из важнейших условий успешного социалистического строительства, которое, как указывал В. И. Ленин, осуществляется «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»² В. И. Ленин подчеркивал: «Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина... Нужно заинтересовать также каждого специалиста с тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства... И мы говорим, что надо построить всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности»³. В исключительно трудных условиях восстановления народного хозяйства России, при острейшей недостатке любых продуктов и товаров, В. И. Ленин тем не менее призывал «упорнее работать над изучением и улучшением способов применения премиальной системы, а никак не вести к отказу от нее»⁴.

В своей практической деятельности маоисты всячески пытаются игнорировать основные экономические закономерности социалистического строительства, подменяя их волюнтаризмом. С точки зрения узкокорыстных гегемонистских национал-шовинистических устремлений маоистов повышение жизненного уровня многосотмиллионного китайского народа, рост народного потребления — это крупная помеха. Конечно, наступление на принцип материальной заинтересованности, на жизненный уровень трудящихся — не самоцель для маоистского руководства. За органическим неприятием маоизмом принципа материальной заинтересованности стоит его главная цель — максимальное изъятие прибавочного и даже необходимого продукта, с тем чтобы полученные средства использовать на наращивание военно-экономического потенциала, призванного служить материальной основой внутри- и внешнеполитических притязаний маоистского руководства.

Вместе с тем заложенные еще в первое десятилетие существования КНР первоначальные основы социалистического базиса, на которых сейчас паразитирует маоистская военно-бюрократическая надстройка, все более и более деформируя эти основы, требуют тем не менее определенного учета свойственных социалистическому базису экономических закономерностей. К таким закономерностям относятся принцип оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством и принцип материальной заинтересованности. Попытки маоистов игнорировать эти закономерности и ожесточенная борьба против принципа материальной заинтересованности постоянно приводят маоистскую экономическую политику в острейшее противоречие с коренными жизненными интересами широчайших масс китайских трудящихся.

События последних лет показывают, что между различными группировками, силами, составными элементами китайского руководства на всех его уровнях идет постоянная упорная борьба по вопросам путей, темпов, форм и методов экономического строительства. При этом важнейшей формой борьбы маоистов со своими противниками во всех слоях китайского общества являются регулярные политико-идеологические массовые кампании, нацеленные на подавление всяческой оппозиции маоизму, преследование и репрессии инакомыслящих.

Как свидетельствует история внутривластной борьбы в КНР, за последние годы противоречия между различными группировками, раз-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 151.

³ Там же, с. 164—165.

⁴ Там же, т. 45, с. 180.

личными «составляющими» китайского руководства достигают особой остроты в те периоды, когда перед страной встает необходимость определения очередных долгосрочных планов и перспектив экономического развития. Так было в конце первой пятилетки и в конце периода «урегулирования» народного хозяйства, то же самое происходит и сейчас, в конце «четвертой пятилетки» в Китае. Именно в эти периоды наблюдаются особая активность маоистского крыла в китайском руководстве, его усилия в расширении и упрочении своей власти и влияния на все стороны жизни китайского общества, и прежде всего — на характер его дальнейшего экономического развития.

Экономическую подоплеку имеет и развязанная в феврале 1975 г. очередная идейно-политическая кампания «изучения теории диктатуры пролетариата».

Так, 9 февраля 1975 г. в китайской печати (передовая статья «Как овладеть теорией диктатуры пролетариата» в газетах «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао») было опубликовано «важное указание» Мао Цзэ-дуна «по теоретическому вопросу». Оно, в частности, содержало высказывание о том, что «в настоящее время все еще осуществляется восьмиразрядная система заработной платы, распределение по труду и обмен через посредство денег. Все это мало чем отличается от того, что было в старом обществе. Разница лишь в том, что изменилась форма собственности»⁵.

В более развернутой форме установки новой кампании были изложены в статьях Яо Вэнь-юаня и Чжан Чунь-цяо⁶, деятелей относящихся к лидерам «лево»-маоистской группировки, а также в многочисленных пропагандистских материалах.

Начало новой кампании по «изучению» и «укреплению диктатуры пролетариата» преподносилось маоистской пропагандой как продолжение и углубление кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». «Серьезное изучение теории диктатуры пролетариата, — писала «Жэньминь жибао», — может энергично содействовать широкому, неустанному и углубленному развертыванию кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»⁷.

Для чего же в действительности маоистам понадобилась кампания под лозунгами «изучение теории диктатуры пролетариата», «укрепление диктатуры пролетариата»?

Марксистско-ленинская теория выделяет такие функции диктатуры пролетариата, как политическая, связанная с подавлением сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и с защитой власти трудящихся от империалистической агрессии, а также хозяйственно-организаторская. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал исключительную важность созидательной, хозяйственно-организаторской функции диктатуры пролетариата как работы «налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений» в экономике, являющейся «главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции»⁸.

Анализ материалов нынешней кампании в Китае показывает, что тезис об «укреплении диктатуры пролетариата» используется организаторами этой кампании прежде всего и главным образом для узаконения и оправдания существующего в стране принуждения и насилия, политических репрессий, подавления и чисток в отношении тех, кто на-

⁵ «Жэньминь жибао», 9. II. 1975.

⁶ «Хушци», 1975, № 3, № 4.

⁷ «Жэньминь жибао», 2. II. 1975.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 171.

ходится в оппозиции к маоистскому режиму, для усиления военно-бюрократической диктатуры, диктата политико-идеологических методов управления. В ходе кампании постоянно подчеркивается и по-маоистски интерпретируется функция подавления, насилия над прежними эксплуататорскими классами. О хозяйственно-организаторской функции диктатуры пролетариата («положительная или созидательная работа»⁹), без которой немислимо решение задач диктатуры пролетариата, в ходе этой кампании в Китае практически не упоминается.

Экономические аспекты диктатуры пролетариата в нынешней кампании преподносятся по преимуществу негативно, в виде требований критики и нападков на некоторые элементы существующей социально-экономической действительности, максимального ограничения и сужения сферы применения экономических рычагов и стимулов развития производства, подчинения экономических политическому диктату руководителей. Вся совокупность экономических рычагов и материальных стимулов развития экономики, определяемая организаторами кампании как «буржуазное право», стала объектом безудержной критики и грубых нападков. Основное требование — «всемерное ограничение буржуазного права в условиях диктатуры пролетариата».

Маоистская трактовка термина «буржуазное право в условиях диктатуры пролетариата», разумеется, не имеет ничего общего с тем понятием, которое вкладывал в него В. И. Ленин. Это — типичная для маоизма попытка скрыть за ссылками на марксизм свою глубоко враждебную ему сущность.

Требование всемерного ограничения «буржуазного права», по сути, является не чем иным, как требованием безоговорочного принятия и внедрения экономических концепций Мао Цзэ-дуна, требованием ограничить развитие гражданской сферы народного хозяйства и жизнь народа рамками, предусмотренными маоистской «моделью» социально-экономической организации китайского общества на данном этапе.

Стремясь захватить всю полноту власти над общественно-политической и экономической жизнью страны, организаторы кампании по «изучению теории диктатуры пролетариата» заявили: «Необходимо гарантировать концентрированное, единое руководство всем государством со стороны ЦК пролетарской партии... Это относится к правительственным органам и ко всему остальному... Все: партия, правительство, армия, народ и школы, Восток, Запад, Юг, Север и Центр — должно находиться под единым руководством Центрального Комитета партии во главе с председателем Мао. Все должны выполнять инструкции председателя Мао и Центрального Комитета партии... следуя единой идее, единой политике, единому плану на базе единых действий»¹⁰. Ясно, что это требование «левые» силы в маоистском руководстве выдвигают в расчете на свое преобладание в высших партийных органах — Политбюро и Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК.

После принятия новой конституции, в которой был зафиксирован принцип распределения по труду, и в ходе кампании по «изучению теории диктатуры пролетариата» прямых нападков на этот принцип не было. Однако вся логика «теоретических» построений у инициаторов этой кампании неминуемо приводит к включению принципа распределения по труду в «буржуазное право», а отсюда — к необходимости его «ограничения», то есть к сужению действия объективных экономических закономерностей, свойственных социалистическому обществу и строи-

⁹ Там же.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 21.III.1975.

тельству социализма. Не чем иным, как плохо замаскированной атакой на распределение по труду, является жестокая критика и категорическое отрицание принципа материального стимулирования. В «буржуазное право», помимо распределения по труду, включаются также товарное производство, денежный обмен, различия между городом и деревней, рабочими и крестьянами, умственным и физическим трудом. Такое широкое «ограничение», которое проповедают организаторы кампании, упирая на его политические, административные методы, оборачивается проповедью эгалитаристских и грубо-утопических, а в конечном итоге военно-казарменных идеалов.

Организаторы кампании объявили о широком распространении в стране «капиталистического уклона», «капиталистических тенденций», ведущих к расширению «буржуазного права». «Капиталистический уклон,— говорилось в журнале «Хунци» в феврале 1975 г.,— имеется и в деревне, и в городе; он имеется и в коллективных хозяйствах, и на государственных предприятиях».

Одним из основных объектов нападков в кампании стала деревня, крестьянство Китая. Крестьяне обвиняются в наличии «буржуазных тенденций», деревня объявляется опасным рассадником «капитализма». В народных коммунах, как заявляет китайская пресса, «не прекращаются подрывные акции классового врага», «постоянно поднимают голову стихийные буржуазные силы».

В чем же усматривают организаторы нынешней кампании «капиталистические тенденции» и «буржуазное право» на селе? В качестве пережитков «буржуазного права» атакуются право крестьян иметь личные приусадебные участки и заниматься подсобными промыслами, право продавать свою продукцию на сельских рынках. «Капиталистическими тенденциями» называют стремление крестьян уклониться от изнурительной и почти неоплачиваемой работы в коммунах и бригадах, чтобы уделить больше внимания обработке своих приусадебных участков и подсобным промыслам, а также их желание сбывать свою продукцию на рынке.

Следует отметить, что подобные устремления китайских крестьян далеко не случайны. Они связаны с тем, что экономика коммун и бригад оказывается не в состоянии обеспечить приемлемый уровень жизни крестьянства. В ходе критики «капиталистических тенденций» и «буржуазного права», по существу, обнаруживается, что принципы и методы маоистской экономической политики, навязываемой китайской деревне, объективно тормозят процесс воспроизводства в сельском хозяйстве Китая.

Возложив задачи воспроизводства в сельском хозяйстве на плечи крестьян, маоистское руководство изымает средства из деревни с помощью внеэкономического принуждения. В условиях низкой товарности отсталой сельскохозяйственной экономики, лишенной государственной помощи и поддержки, изъятие распространяется не только на прибавочный, но и на часть необходимого продукта, создаваемого в сельском хозяйстве. Подрывая базу сельскохозяйственного воспроизводства, эта политика ведет к замораживанию и ухудшению жизненного уровня крестьянства, к консервации материальных условий его труда на низком отсталом уровне.

Колоссальные усилия, предпринимаемые китайскими крестьянами, чтобы свести концы с концами, обеспечить минимальное воспроизводство, часто сводятся на нет неблагоприятными погодно-климатическими условиями. Противостоять стихии призван почти исключительно труд самих крестьян. Государство самоустранилось от строительства иррига-

ционных и других водохозяйственных объектов. В результате стихийные бедствия по-прежнему наносят громадный ущерб урожаю и оставляют крестьян на грани полуголодного существования. Нормы продовольственного снабжения в бригадах в таких случаях резко сокращаются. В мае 1974 г. орган ЦК КПК журнал «Хунци» рекомендовал населению для пополнения продовольственного рациона шире использовать дикорастущие растения.

Продовольственные трудности особенно обостряются в семьях, где на одного работающего приходится несколько неработающих, а таких семей в китайских деревнях немало. Эти семьи, как и многие крестьянские дворы, оказавшись не в состоянии выкупать нормы продовольствия, становятся должниками коммуны. По некоторым данным, число крестьянских дворов, имеющих задолженность перед коммуной, составляет от одной трети до половины всех дворов в бригадах с относительно хорошими производственными условиями. В подобной ситуации одним из возможных выходов для крестьян становится ориентация на формы деятельности, связанные с приусадебными участками и подсобными промыслами. Они становятся для крестьян важным средством воспроизводства своих физических сил. Характерно, что после краха «большого скачка» доля подсобного хозяйства также составляла от одной трети до половины общего дохода крестьянской семьи¹¹. Именно эти аспекты деятельности сельского населения, обусловленные поисками путей к воспроизводству своей рабочей силы, подвергаются ожесточенным нападкам в ходе кампании как «зловещее поветрие единоличного хозяйствования», поднимаемое «кучкой классовых врагов».

Другой распространенной в деревне тенденцией является уход крестьян из своей деревни на заработки. Судя по сообщениям китайской печати, в этом их часто поддерживают местные кадровые работники, убеждающиеся в том, что труд в коммуне не обеспечивает прожиточного минимума.

Критика «буржуазного права» и «буржуазных тенденций» в китайской деревне свидетельствует о затяжном кризисе, который переживает вся сельская экономическая политика нынешнего руководства КНР. «Капиталистические тенденции» усматриваются не только в деятельности отдельных крестьян, но и целых сельскохозяйственных коллективов. Такой «капиталистической тенденцией», бичуемой в ходе кампании, является пересмотр многими местными руководителями хозяйственных планов, предусматривающих непосильные поставки зерна по крайне низким государственным закупочным ценам, так называемый «свободный сев» и переориентация хозяйства на выращивание более доходных культур. Часто сельские кадровые работники не выполняют распоряжений о севе и выращивают, скажем, овощи вместо зерна или используют крестьян в различных подсобных промыслах¹². Широкое распространение таких тенденций в китайской деревне свидетельствует о том, что вопреки навязываемым сверху установкам в хозяйственной деятельности сельских единиц проявляется действие объективных законов в развитии экономики. За так называемыми «буржуазными тенденциями к обогащению», «приверженностью к свободному севу», «капиталистической деятельностью под флагом интересов коллектива» стоит желание трезвомыслящих местных руководителей обеспечить условия для возмещения производственных затрат и затрат крестьянского труда, дать возможность крестьянам прокормить себя и свои семьи. Такие действия

¹¹ "The Economist". Vol. 217, 1965, № 6378.

¹² «Жэньминь жибао», 26.III.1975.

местных кадровых работников встречают полную поддержку и понимание со стороны крестьян. В ответ на стандартные обвинения они отвечают: «зарабатывать деньги для коллектива не означает капитализм». Как замечает гонконгский еженедельник «Чайна ньюс анализиз», «сейчас открыто говорят, что крестьяне и кадровые работники выступают совместно, чтобы отстаивать свои общие интересы»¹³.

Таким образом, критика «капиталистических тенденций» в китайской деревне отражает тот реальный факт, что экономическая политика маоистского руководства входит в противоречие как с личными интересами трудящихся, так и с коллективными интересами деревни. Признавая, что так называемые «буржуазные тенденции» сказываются на осуществлении социально-экономического курса пекинского руководства, организаторы кампании тем самым признают банкротство военно-казарменных методов организации сельскохозяйственного производства.

Кампания по «ограничению буржуазного права» в китайской деревне свидетельствует о том, что у ее организаторов, как и прежде, отсутствует сколько-нибудь приемлемая и научно обоснованная программа развития и модернизации производительных сил сельского хозяйства и повышения жизненного уровня основного населения страны — крестьянства. Кампания свидетельствует о неспособности маоистского руководства выработать экономическую программу, которая обеспечивала бы добровольное и активное участие крестьян в сельскохозяйственном труде в коммунах и бригадах. В противовес принципам материальной заинтересованности и оплаты по труду пропагандируется принцип «политика — командная сила», шельмуются те местные руководители, которые отстаивают вместо него принцип «трудоединица — командная сила», принцип распределения по труду.

Другим важнейшим объектом кампании по «ограничению буржуазного права» является рабочий класс Китая. Китайские рабочие стали объектом массированных идеологических обработок, направленных на искоренение в их сознании социалистического принципа оплаты по труду и материального стимулирования. В противовес распределению по труду кампания стремится к установлению максимальной уравнительности в распределении. Об этом свидетельствуют нападки на якобы «изжившую себя» восьмиразрядную тарифную сетку оплаты труда в промышленности, предусматривающую дифференцированную оплату труда рабочих, стремление ввести упрощенную трехразрядную сетку, игнорирующую качество труда. Ожесточенной критике подвергаются премии и сверхурочные, которые якобы представляют собой «буржуазное зло». Прямые политические обвинения адресуются самим китайским рабочим, часть которых обвиняется в «буржуазном перерождении».

Основное требование, которое маоистская пропаганда предъявляет рабочему классу, состоит в том, что «нужно работать, не считая часы и не думая о вознаграждении», «развивать в настоящем и будущем революционный пролетарский "дух голытьбы"», соблюдать строжайшую дисциплину и общественный порядок. А для этого у маоистского руководства есть излюбленное средство: «Чтобы поддерживать общественный порядок... — говорилось в журнале «Хунци», — нужно навязать диктатуру»¹⁴.

Рабочих убеждают, что единственно правильным, необходимым и «полностью соответствующим теории диктатуры пролетариата» является добровольный бесплатный труд: добавление к обязательному вось-

¹³ "China News Analysis", 18.IV.1975.

¹⁴ «Хунци», 1975, № 2.

мичасовому рабочему дню еще нескольких часов неоплачиваемого труда. В качестве источника для повышения производственной активности и производительности труда рабочему классу рекомендуется руководствоваться лишь «пролетарской политикой, революционной линией председателя Мао»¹⁵.

Маоистская пропаганда утверждает, что критика «буржуазного права» и «капиталистических тенденций» должна «полностью опираться на рабочий класс, на бедняков и низших середняков», которые якобы призваны быть ее «главной ударной силой». Однако в действительности все обстоит как раз наоборот. Новое наступление на жизненные интересы трудящихся, на все виды материального стимулирования столкнулись с широким недовольством и сопротивлением со стороны китайских рабочих и крестьян. Крестьяне настаивают на справедливом распределении урожая и оплаты труда «в соответствии с трудовыми единицами». Рабочие отказываются работать сверхурочно без дополнительной оплаты, заявляя, что «это не согласуется с принципом оплаты по труду», «мы работаем ровно столько, сколько нам платят». На усиление нажима и принуждения рабочие ответили саботажем и забастовками. Прежде всего беспорядки приняли широкий размах среди железнодорожников, а затем перекинулись на промышленные предприятия и в сельское хозяйство.

Маоистское руководство само признает наличие серьезного сопротивления, грозя «суровыми наказаниями» всем, кто «саботирует промышленное и сельскохозяйственное производство или наносит вред связи и транспорту». Китайская печать вынуждена констатировать наличие «непонимания» кампании, «нарушений» порядка и дисциплины, «сопротивления» со стороны рабочих и крестьян.

Кампания по «изучению теории диктатуры пролетариата» встретила сопротивление значительного числа кадровых руководящих работников, особенно на местах. В начале кампании была отмечена пассивность многих провинциальных руководителей, отнюдь не тотчас же развернувших ее в своих провинциях. На многих предприятиях руководители разделяют требования и позицию рабочих и не усердствуют в принуждении их к «добровольному» безвозмездному труду. В июне журнал «Хунци» жаловался на то, что в стране имеются «организации и учреждения, чья поступь не столь широка и где еще не взяли вплотную за укрепление диктатуры пролетариата», что «может отрицательно сказаться на обстановке устойчивости и сплоченности...», а «некоторые товарищи... постоянно отстают от развития революционной ситуации и оказываются в пассивном положении»¹⁶.

Теоретическая несостоятельность, путаница и явные противоречия в лозунгах и аргументах, использующихся при проведении кампании, в свою очередь создают для руководителей, не согласных с маоистской политикой, возможность пассивного саботажа этой кампании.

Уже в первом квартале 1975 г. вследствие беспорядков серьезно пострадали железнодорожные перевозки в провинциях Аньхой, Хубэй, Цзянсу, Чжэцзян, Хэнань, Ганьсу, Юньнань и во Внутренней Монголии. По некоторым сообщениям зарубежной печати, потери на транспорте были не менее тяжелыми, чем в 1974 г.

Нарушение работы транспорта и выступления рабочих на многих промышленных предприятиях повлияли на работу промышленности. Неблагополучное положение в выполнении производственных планов сло-

¹⁵ «Гуанмин жибао», 20.III.1975.

¹⁶ «Хунци», 1975, № 6.

жились в Шанхае, Харбине, Гирине, Цицикаре, Урумчи, в провинциях Гуйчжоу, Ляонин, Юньнань, Аньхой и во Внутренней Монголии. Заметно пострадало производство в угольной и электроэнергетической промышленности. Большое беспокойство китайского руководства вызывает состояние дел в металлургической промышленности. В конце июня «Жэньминь жибао» указывала на необходимость обеспечения роста выплавки стали и оказания всемерной помощи металлургической промышленности¹⁷.

Недовольство трудящихся, серьезное противодействие части руководителей на местах и в центре вынуждают маоистскую группировку маневрировать, замедлять темпы кампании, на ходу «подправлять» свои «теоретические» построения, видоизменять аргументацию. Уже в конце марта в печати появились призывы к рабочим и крестьянам: «изучая теорию и повышая свою сознательность», «сократить число собраний и как следует взяться за производство»¹⁸.

Начиная с апреля 1975 г. маоистская пропаганда на страницах китайской печати была вынуждена пойти на «смягчение», «разъяснение» выдвинутых лозунгов, требований и задач. Журнал «Хунци» подчеркивал трудность и сложность, постепенность и длительность процесса «ограничения буржуазного права при диктатуре пролетариата», которое «не может быть ликвидировано еще в течение весьма длительного времени»¹⁹.

Не сумев навязать свои «идеи» одним махом, организаторы кампании начали разъяснять, что «многие вопросы в практической работе довольно сложны и к их разрешению следует подходить осторожно. Это особенно относится к вопросам, связанным с политическими установками, с правилами и распорядком, и если по ним уже разработаны четкие положения, то не надо самовольно вносить в них изменения»²⁰.

Это отнюдь не означает отказа маоистов от их прежних утверждений и требований. Рядом с такого рода вынужденными заявлениями по-прежнему присутствуют указания на необходимость «придерживаться позиции: пролетарская политика — командная сила ...критиковать ревизионизм, выступать против материального стимулирования», против «зарплаты как командной силы».

Приглушив нападки на всевозможные «буржуазные элементы», маоистская печать настойчиво требует достижения «стабильного сплочения»: «дальнейшее осуществление стабильного сплочения отразило потребности развития нынешней обстановки, явилось общим желанием широких масс революционного народа»²¹, — утверждают организаторы кампании по «изучению теории диктатуры пролетариата». Однако за этим требованием они лишь пытаются скрыть свое стремление приглушить широкое недовольство трудящихся, остановить неблагоприятное для них развитие событий, с тем чтобы перегруппировать свои силы, подключить дополнительные резервы, видоизменить тактику и развернуть более широкое наступление.

Это полностью подтверждается, например, подавлением серьезных волнений среди рабочих в Ханчжоу, вызванных отменой на предприятиях материального стимулирования труда. В начале августа пекинские правители послали в Ханчжоу около 11 тыс. солдат, которые вместе

¹⁷ «Жэньминь жибао», 30.VI.1975.

¹⁸ Там же, 26.III.1975.

¹⁹ «Хунци», 1975, № 4.

²⁰ Там же, № 5.

²¹ Там же.

с местным контингентом войск заняли фабрики и заводы. Одновременно для наведения порядка прибыли сразу два заместителя председателя ЦК КПК Ван Хун-вэнь и Дэн Сяо-пин²².

В этом событии, как в зеркале, отразилось существо кампании, проводящейся в Китае,— маоистское руководство, прикрываясь лозунгом «диктатуры пролетариата», в качестве самого «убедительного доказательства» своей собственной «теории» применило насилие военно-бюрократической диктатуры против пролетариата.

В ходе кампании обнажаются многие острые социально-экономические проблемы и противоречия, в основе которых лежит столкновение политики маоистского руководства с объективными экономическими закономерностями, с материальными интересами трудящихся. Эти процессы происходят как в городе, так и в деревне, они затрагивают как интересы отдельной личности, так и интересы целых трудовых коллективов. Маоистская политика встречает противодействие основных классов и социальных групп китайского общества: рабочих, крестьян, кадровых работников города и деревни.

---

²² «Правда», 7.VIII.1975.

Япония: экономика, энергетический кризис, перспективы развития

Ю. П. Шипов,
кандидат экономических наук

Послевоенная история Японии вплоть до последних лет в той или иной мере была связана прежде всего с успехами ее экономического развития. Не знавшая равных по темпам роста экономика этой страны обосновалась на втором после США месте по валовой продукции среди стран капитализма. Термины «японское чудо», «японский феномен», не сходявшие в недавнее время со страниц западной прессы, покрывали ореолом таинственности и необъяснимости факторы, лежавшие в основе стремительного выдвижения Японии в число ведущих индустриальных держав мира.

Ныне, когда «японский феномен» поблек, а японская экономика испытывает серьезнейший кризис, охвативший ее, пожалуй, в большей степени, чем любую другую страну капиталистического мира, анализ стремительного взлета и последующего спада японской экономики представляет особый интерес.

Как и любое другое «чудо», японский экономический прогресс имел в своей основе вполне «земные» и осязаемые причины.

В советской экономической литературе достаточно глубоко и подробно проанализированы источники и причины высоких темпов роста послевоенной экономики Японии. Укажем лишь на основные, на наш взгляд, факторы роста, с тем чтобы иметь возможность оценить серьезность нынешней экономической ситуации в Японии, попытаться дать оценку места Японии в системе мирового капиталистического хозяйства при новых изменяющихся экономических условиях как внутри страны, так и за рубежом, оценить вероятные изменения в структуре экономики в связи с экономическим и энергетическим кризисом.

На одно из первых мест среди причин быстрых темпов роста послевоенной японской экономики, без сомнения, следует поставить высокую норму накопления капитала, определяемую в свою очередь целым рядом факторов — прежде всего более высокой, чем в других высоко развитых капиталистических странах, степенью эксплуатации рабочего класса и более низким личным потреблением (включая паразитическое) при высоком уровне личных сбережений населения, активным участием государства в процессе накопления, широким притоком средств из-за рубежа в виде займов и кредитов, особенно в первые два десятилетия после войны, относительно низким уровнем собственных военных расходов. Важное место в ряду этих факторов занимает система государственно-монополистического регулирования экономики, обеспечившая создание благоприятных условий для японских монополий на внутреннем и внешнем рынках путем целеустремленных мероприятий государства в области льготного кредитования, проведения политики низких отчислений от прибылей, предпочтительного развития опреде-

ленных отраслей промышленности, в частности — ориентируемых на экспорт (в разные годы это были — радиоэлектроника, нефтехимия, черная металлургия, судостроение, автомобилестроение и т. д.), ограждения местной промышленности от конкуренции извне (посредством строгих тарифных и нетарифных ограничений импорта и контроля над иностранными капиталовложениями) и т. д. Именно с помощью государства монополистический капитал обеспечил высокую эффективность использования накоплений. Без такой помощи немислимы были бы серьезные структурные изменения экономики, отвечающие требованиям научно-технической революции, направленный инвестиционный процесс, крупномасштабный импорт зарубежного технического опыта, повышение эффективности всего общественного производства (экономичное использование производственных фондов, низкая капиталоемкость производства, экономия сырья, расходуемого на единицу продукции, рост производительности труда) и др.

Важную роль в ускорении темпов экономического роста сыграла хорошо отлаженная система внешней торговли Японии. Сочетание исключительно благоприятной обстановки на мировых рынках для японских товаров, их высокой конкурентоспособности, с уникальной организационной структурой внешней торговли (наличие специализированных торговых фирм, через которые осуществляется более 50% всего внешнеторгового оборота страны) позволило Японии максимально повысить эффективность своего участия в системе международного разделения труда¹.

Ослабление действия одних факторов, служивших до сих пор двигателями японской экономики, накапливание в ней и прогрессирующее нарастание диспропорций, как результат определенным образом ориентированной политики правящих кругов страны и монополий, ухудшение условий сбыта японских товаров на внешних рынках, кризис мировой валютно-финансовой системы капитализма и в довершение — топливно-сырьевой кризис привели экономику Японии к самому глубокому за весь послевоенный период спаду.

Нынешний экономический кризис в Японии, совпавший по времени с «нефтяным кризисом» охватившим капиталистический мир с конца 1973 г., принял первоначально форму так называемой «стагфляции» — то есть сочетания застоя в основных отраслях промышленности с резким обострением инфляционных процессов. В конце же 1974 г. и начале 1975 г. экономика страны вошла в полосу острого кризиса, характеризующегося спадом производства практически во всех отраслях промышленности, снижением загрузки мощностей, ростом складских запасов нерализованной продукции, сокращением числа занятых и т. д. Впервые за послевоенный период в 1974 г. отмечено абсолютное падение промышленного производства (на 3,1%) по сравнению с предыдущим годом². Валовой национальный продукт в указанном году снизился в реальном исчислении на 1,8%, а в первом квартале 1975 г. это падение оценивается уже в 5% по сравнению с предыдущим кварталом³.

По данным министерства внешней торговли и промышленности Японии (МИТИ), по состоянию на середину января 1975 г. объем сокращения производства в целом по промышленности выразался цифрой по-

¹ Подробнее о факторах роста японской экономики см., в частности: П. Д. Долгоруков. Экономическое развитие Японии: темпы роста и перспективы.— Приложение к БИКИ, 1970, № 10.

² «Тоё кэйдзай токэй гэнпо», 1975, № 9.

³ "The Japan Economic Journal", 18.III.1975; "Asahi Evening News", 3, 6, 7, 8, 10.VIII.1975.

рядка 30—40%. В особо тяжелом положении находились текстильная промышленность (рост запасов нереализованной продукции против уровня год назад составлял около 40%), целлюлозно-бумажная (снижение производства на 40%), нефтехимическая (мощности по производству основного продукта этой отрасли — этилена — были загружены только на 60%, объем продаж упал на одну треть, уровень запасов был вдвое выше обычного), цементная (запасы на 55% превышали уровень год назад), алюминиевая (объем запасов в 3 раза выше обычного), производство бытовых электроприборов (уровень производства упал на 30—50% по сравнению с уровнем год назад) и т. д.⁴

Нынешний кризисный застой в экономике страны — 6-й по счету после окончания второй мировой войны. Он не только самый затяжной по продолжительности (длится с конца 1973 г. по настоящее время, и пока не видно его конца), но и по глубине воздействия основных негативных факторов. Время, потребовавшееся для достижения наивысшего уровня промышленного производства, достигнутого в прошлом, в 1954 г. составило 12 мес., в 1958 г. — 19, в 1962 г. — 13, в 1965 г. — 11, в 1971 г. — 8 мес. В отношении текущего спада пока трудно дать оценку этого показателя, но то, что он будет значительно более продолжительным, в этом нет сомнения.

Важный показатель — глубина спада производства, то есть разрыв между высшей точкой производства и низшей составлял в указанные выше годы соответственно: 7,3%, 8,4, 2,7, 3,1 и 2,8%. Таким образом, во время предыдущих спадов фактически наблюдались относительно небольшие и кратковременные снижения уровня производства. По состоянию же на февраль 1975 г. самый низкий уровень этот показатель для нынешнего спада составлял 27,3%. Индекс производства в феврале 1975 г. составил 104,4 против максимального уровня в ноябре 1973 г. — 132,9⁵.

В стране создалось самое тяжелое за все послевоенные годы положение с занятостью. По состоянию на март 1975 г. число полностью безработных, по официальным данным, достигло рекордной цифры — 1120 тыс. человек, при среднем уровне безработных в последние годы около 700—800 тыс. человек. При этом следует указать, что действительный показатель безработицы намного выше указанной официальной цифры, учитывая тот факт, что в период нынешней депрессии предприниматели широко прибегали к такой форме сокращения занятости их рабочих, как принудительные отпуска с сохранением лишь части заработной платы, работа предприятий неполную неделю, сокращение сверхурочных работ и т. д.

Еще одним показателем глубины спада в японской экономике служит резкий рост числа банкротств преимущественно среди мелких и средних предприятий. За 1974 г. по всей стране потерпело банкротство 11 681 предприятие, или на 42,4% больше, чем в предыдущем году.

Кроме такой особенности текущего экономического кризиса в Японии (в отличие от заминков в развитии экономики в предыдущие периоды происходящего одновременно с кризисом в экономике других капиталистических стран), необходимо указать и на то, что он протекает в условиях резкого роста оптовых и розничных цен в стране, явившегося следствием воздействия как инфляционных, так и других факторов. По росту цен в 1974 г. Япония занимает одно из ведущих мест среди других развитых капиталистических стран. За год индекс оптовых цен

⁴ "Asahi Evening News", 2.II.1975.

⁵ "The Oriental Economist", February 1975; «Тоё кэйдай токэй гэнпо», 1975, № 9.

в стране вырос на 31,3%, а розничных — на 24,5%. Лишь Италия может «похвалиться» более высокими темпами роста оптовых цен в указанном году — 40,3%⁶.

В основе инфляционных процессов в Японии лежат факторы как внешнего, так и внутреннего порядка. Недавно Банк Японии, главный эмиссионный банк страны, опубликовал исследование «Мировая инфляция 70-х годов», в котором две страны — США и Англия, — валюты которых служат основой в международных расчетах на мировом капиталистическом рынке, обвиняются в «экспорте» инфляции в другие страны. Инфляционные процессы, четко наметившиеся в этих странах во второй половине 60-х — начале 70-х гг., были распространены в другие капиталистические страны в результате дефицита их платежных балансов, высоких экспортных и импортных цен и как следствия целого ряда других причин. Не анализируя истоков инфляции в США, Банк Японии указывает на следующие пути распространения инфляционных процессов из США в другие страны: дефицит платежного баланса США содействует росту количества долларов, находящихся у иностранных владельцев; рост импорта в США стимулировал расширение спроса в других странах; рост экспорта товаров американского производства привел к повышению цен на товары в импортирующих странах; общий рост цен на товары, импортируемые США, вызвал общую тенденцию к росту стоимости экспорта стран — поставщиков на американский рынок и соответствующее обострение инфляционных процессов в этих странах.

Среди внешних факторов, оказавших весьма существенное воздействие на усиление всех инфляционных процессов в Японии, а также повлекших за собой целый ряд других последствий (рост себестоимости продукции, особенно в энергоемких отраслях и в отраслях с высокой долей потребления сырья, снижение международной конкурентоспособности японских изделий и т. д.), явилось удорожание японского импорта в целом, и особенно сырья и топлива. Достаточно указать, что если по физическому объему импорт Японии в 1974 г. остался фактически на уровне предыдущего года (рост на 0,4%), то по стоимости он вырос на 62%. Особенно увеличилась стоимость всех видов сырья и топлива, доля которых во всем импорте страны возросла до 62% (в 1972 г. — 55%). Но в еще большей пропорции подскочили платежи за нефть и нефтепродукты — при меньшем количестве завезенной в 1974 г. указанной продукции (275 млн. т против 283 млн. т в 1973 г. в том числе нефти соответственно 250 и 260 млн. т) затраты Японии оказались более чем втрое выше (21,2 млрд. долл. против 6,7 млрд. долл. в 1973 г., в том числе за нефть соответственно 18,9 и 6,0 млрд. долл.).

Если в 1973 г. влияние повышения стоимости импорта на оптовые цены выражалось цифрой порядка 40% (рост оптовых цен в 1973 г. составил 15,9%), то в первой половине 1974 г., по оценке Банка Японии, удельный вес воздействия импорта на ускорение повышения оптовых цен в стране составил уже около 80%⁷.

По существу, это явилось последствием изменения и ломки старой, колониальной структуры цен на мировом капиталистическом рынке, ликвидации неравноправного разделения труда между развивающимися и развитыми капиталистическими странами. Важным шагом на пути ломки прежней системы цен было решение стран — экспортеров нефти о повышении цен на нефть в конце 1973 г. Затем последовало повыше-

⁶ "The Japan Economic Journal", 11.III.1975.

⁷ Там же.

ние цен и на другие виды промышленного сырья и топлива. Для Японии при ее высокой зависимости от импорта основных видов сырья и топлива влияние этого нового фактора, который носит необратимый характер, оказалось очень существенным с точки зрения дальнейших перспектив развития ее экономики. Данный фактор сыграл, видимо, весьма серьезную роль, способствовав окончанию периода высоких темпов экономического развития Японии и поставив ее перед необходимостью серьезной структурной перестройки всей экономики страны.

На протяжении послевоенного периода Япония имела возможность в полной мере пользоваться благами, которые предоставляла развитым капиталистическим странам старая колониальная структура цен — высоких на промышленные товары и низких — на сырье и топливо. Японские потребители сырья и топлива получали большой выигрыш, экономия крупных средств, необходимые для капиталовложений в добывающие отрасли. Большой экономический эффект достигался и путем рационализации доставки сырья и топлива от места добычи до японских портов посредством использования гигантских специализированных судов-танкеров, рудовозов, газовозов и т. д. По подсчетам японских специалистов, доставка тонны угля из Австралии в Японию обходится дешевле, чем ее транспортировка от угольной шахты до завода внутри самой Австралии.

Таким образом, для Японии речь идет о ликвидации влияния одного из существенных факторов, стимулировавших высокие темпы роста ее экономики на протяжении всего послевоенного периода. Сейчас перед страной стоят проблемы не только высокой стоимости импорта сырья и топлива, но и необходимости обеспечения источников их стабильных поставок с вытекающими отсюда последствиями для ее экономики — увеличение доли собственных инвестиций в разработку природных ресурсов и в результате этого — снижение эффективности капиталовложений в целом.

Не менее существенное воздействие на усиление инфляции в Японии сыграли факторы внутреннего порядка. Апологеты японского монополистического капитала утверждают, что повышение заработной платы, которого трудящиеся добиваются в ходе ожесточенной забастовочной борьбы, ведет к росту себестоимости продукции и соответствующему росту цен. Иными словами, «чрезмерные», по их мнению, требования рабочих о повышении зарплаты являются первопричиной всех инфляционных бед в стране. Действительно, в последние годы японским трудящимся, по степени организованности представляющим один из самых боевых отрядов международного пролетариата, удавалось вырывать у японских работодателей весьма существенные уступки в форме повышения зарплаты. По официальным данным, индекс номинальной зарплаты в обрабатывающей промышленности 1972 г. был выше по сравнению с предшествующим годом на 15,6%, в 1973 — на 23,6 и в 1974 г. — на 26,5%. Увеличение это фактически базировалось на росте производительности труда, который составлял в 1972 г. — 16,0%, в 1973 г. — 39,3% и в 1974 г. — 40,4%*. Но завоеванные в жестокой борьбе повышения заработной платы трудящихся в значительной мере уравновешивались ростом потребительских цен. Что же касается реальной заработной платы, то ее рост далеко отстает от роста производительности труда. В 1955—1974 гг. производительность труда в Японии увеличилась почти в 6 раз, а реальная заработная плата менее чем в 3 раза, что обеспечивало монополистическому капиталу высокие прибыли.

* «Тоё кэйдзай токэй гэлпо», 1975, № 9.

Таким образом, истоки инфляции в стране следует искать не в росте зарплаты трудящихся, а в курсе монополий на поддержание высокого уровня цен, что является для них средством получения огромных прибылей. Достаточно вспомнить ситуацию, создавшуюся в начале 1974 г., вскоре после разгорания «нефтяного кризиса», когда в результате махинаций монополий, в частности крупных торговых компаний, в стране была искусственно создана обстановка нехватки ряда потребительских товаров — риса, сахара, керосина, моющих средств и т. д. Крупные компании сосредоточили большие запасы этих товаров на складах, выжидая момента для резкого взвинчивания цен на них. Ситуация приняла настолько скандальный характер, что по настойчивым требованиям оппозиционных партий, профсоюзов, союзов потребителей и других общественных организаций дело об утаивании товаров заслушивалось на очередной сессии парламента с вызовами для дачи показаний президентов крупных компаний и рейдами полиции в эти компании для расследования фактов спекулятивных сделок. Этот пример наглядно свидетельствует, что истинные виновники инфляции в стране — монополии и правящие круги, проводящие экономическую политику в интересах монополистического капитала. Поддержанию высоких монопольных цен в стране способствует малоэффективное антитрестовское законодательство, слабо контролирующее создание корпорациями картелей, в особенности когда речь идет о негласных, «подпольных» картелях.

Таким образом, отнюдь не рост заработной платы стимулирует инфляцию и рост цен в стране, а, напротив, инфляция и удорожание стоимости жизни, как результат деятельности монополий и политики буржуазного государства, предшествует борьбе трудящихся за повышение заработной платы и их жизненного уровня.

Характерна позиция японских монополий в ходе текущего экономического кризиса: в качестве метода преодоления кризисных затруднений они прибегают к сокращению производства, увольнению рабочих, но отнюдь не к снижению цен. Цены продолжают оставаться на высоком уровне, несмотря на общее снижение спроса в стране на основные промышленные товары и услуги. В этом одна из особенностей текущего кризиса, отличающего его от предыдущих экономических спадов не только в Японии, но и в других развитых капиталистических странах.

Нынешний экономический кризис, затронувший в той или иной мере все капиталистические страны, включая Японию, циклический. Он явился закономерным результатом и подготовлен всем ходом развития мирового капиталистического хозяйства. Попытки буржуазных ученых объяснить ухудшение экономического положения нефтепотребляющих стран политикой арабских нефтедобывающих стран, повышением цен на нефть явно несостоятельны. Можно говорить лишь о том, что совпадение во времени экономического кризиса с энергетическим в известной мере обострило течение первого.

Не является в этом отношении исключением и японская официальная пропаганда, пытающаяся свалить все экономические беды на топливно-сырьевую проблему, объяснить инфляционную спираль, в основе которой лежит курс монополий на поддержание высоких цен, исключительно ростом цен на импортную нефть и другие сырьевые товары.

Какова действительная роль энергетического кризиса в обострении экономического кризиса, охватившего капиталистический мир с 1974 г., — этот вопрос еще требует тщательного изучения. Остановившись ниже на некоторых аспектах энергетического положения в Японии, автор хотел бы затронуть данную проблематику не в связи с экономическим кризисом, а как самостоятельную область, играющую су-

ществленную роль в японской экономике и определяющую в известной мере пути ее дальнейшего развития.

Энергетический кризис, охвативший капиталистический мир, особо тяжело отразился на Японии. Для Японии он ассоциируется с вступлением ее в качественно новый этап развития экономики, с завершением периода высоких темпов роста, с возникновением объективной необходимости ломки и изменения сложившейся в послевоенный период экономической структуры, характеризуемой высокой долей продукции тяжелых отраслей промышленности в валовом национальном продукте — отраслей материало- и энергоемких, определяющих высокую зависимость страны от импорта сырья и топлива.

В этом круге проблем особо выделяется положение с обеспечением основного источника энергии — нефти, на которую приходится 73% в общем энергобалансе страны⁸. Почти вся потребляемая в стране нефть обеспечивается импортом, а в целом зависимость Японии от привозного топлива составляет 86,4% (1972 фин. г.; в 1955 фин. г. — 24%).

И в ближайшие годы, по крайней мере в предстоящее десятилетие, положение в энергобалансе вряд ли существенно изменится, несмотря на широкие программы строительства в Японии АЭС, не говоря уже о планах использования солнечных лучей и других новых видов энергии, практическая реализация которых — дело более или менее отдаленного будущего.

Предпринятое после октября 1973 г. арабскими нефтедобывающими странами так называемое «нефтяное наступление» (решение о сокращении добычи нефти, эмбарго на поставки нефти в недружественные страны, повышение цен, движение за национализацию собственности иностранных монополий в этих странах и т. д.) явилось для Японии не только тревожным сигналом, напомнившим о непрочности фундамента японской экономики, базирующейся на привозном сырье и топливе. Был поставлен вопрос о необходимости изменения в определенном направлении внешнеполитического курса страны.

В декабре 1973 г. — январе 1974 г. члены тогдашнего японского кабинета министров вице-премьер Т. Мики, министр внешней торговли и промышленности Я. Накасонэ, министр иностранных дел Д. Косака посетили Иран, Саудовскую Аравию, Кувейт, Иран и ряд других стран Ближнего и Среднего Востока. Они вели переговоры с главами нефтедобывающих стран, стремясь получить гарантии о том, что поставки нефти в Японию не будут снижены. В ходе этих переговоров японской стороной были сделаны широковещательные обещания оказать крупную экономическую «помощь» этим странам в деле индустриализации, в том числе в строительстве нефтеперерабатывающих, нефтехимических и прочих предприятий, строительстве нефте- и газопроводов и т. д. В результате японские потребители смогли в 1974 г. получить достаточное количество нефти, но столкнулись с другой проблемой — повышенном более чем в 4 раза цен на нефть, что, как указывалось выше, резко повысило долю платежей за нефть в японском импорте и оказало серьезное влияние на обострение экономических трудностей в стране.

Однако начатая с большой помпой «ближневосточная дипломатия» не принесла пока сколько-нибудь заметных результатов. Обещания, данные во время визитов японских представителей, практически не выполняются; лишь по нескольким намеченным проектам ведутся переговоры. В качестве одной из причин, задерживающих на неопре-

⁸ Нефть — 67,4%, из которых 67,2% — импортная и импортные нефтепродукты — 6% (по данным за 1972 фин. г.). — Прим. авт.

деленный срок выполнение обещаний японской стороны, указывается отказ частных японских предприятий от участия в ближневосточных проектах экономического сотрудничества в результате образования временных излишков нефти в связи с общим падением спроса в стране и снижением потребления нефти, а также ввиду тяжелого финансового состояния из-за кризисной ситуации, роста стоимости производства и соответствующего роста цен на комплектное оборудование и другие товары, намечаемые для поставок в рамках обсуждаемых проектов. По ряду проектов японская сторона пересмотрела ранее принятые ею условия поставок (преимущественно в том, что касается цен), что заставило эти страны отказаться от японской «помощи». Кроме экономических, существуют и политические мотивы, в силу которых Япония, выражая свою готовность сближения с арабскими странами, на самом деле не желает делать эти отношения более тесными, опасаясь ухудшения отношений с США.

Медленный прогресс в деле оказания Японией экономической «помощи» вызывает сильную критику в адрес последней со стороны арабских стран. Их, в частности, не удовлетворяют условия реализации проектов строительства промышленных предприятий в арабских странах, предлагаемые японской стороной. По данным японского Исследовательского института Ближнего и Среднего Востока, из намечавшихся ранее 17 проектов экономического сотрудничества между Японией и арабскими странами (в Ираке — 6 проектов, Иране — 2, Саудовской Аравии — 4 и т. д.) к настоящему времени заключены контракты или существует реальная вероятность достижения договоренности только по 5 проектам⁹.

О растущем недовольстве арабских стран в связи с невыполнением Японией официальных обещаний об оказании экономической «помощи» свидетельствует такой беспрецедентный случай, как отказ правительства Саудовской Аравии в выдаче виз на въезд в страну японской экономической миссии во главе с одним из лидеров японских деловых кругов — С. Накаяма (советник Банка развития Японии). Кроме него, в состав делегации были включены и другие представители верхнего эшелона японского делового мира — президенты крупнейших компаний и банков¹⁰.

Вскоре после начала «нефтяного кризиса» практически все нефтепотребляющие страны, включая Японию, резко интенсифицировали осуществление программ развития новых нефтяных месторождений в различных районах мира. В результате только в 1974 г. были открыты новые месторождения нефти, оцениваемые примерно в 88 млрд. барр. По данным ОЭСР, нефтепотребляющие страны к 1985 г. смогут за счет «собственных»¹¹ источников довести долю самообеспечения примерно до 80%¹².

Япония в этом плане ставит перед собой более «скромную задачу» — обеспечить за счет «собственных» источников до 30% потребляемой в стране нефти¹³. Эта задача требует резкого увеличения затрат на проведение изыскательских и эксплуатационных работ. Стоимость нефти в данном случае не идет ни в какое сравнение с ценами, по которым Япония покупала нефть до «нефтяного кризиса».

⁹ «Майнити симбун», 4.IV.1975.

¹⁰ «Дайямондо», 12.IV.1975.

¹¹ В Японии к категории «собственных» относят источники, разрабатываемые в других странах при участии японского капитала. — Прим. авт.

¹² «Mainichi Daily News», 24.II.1975.

¹³ «Тоё кэйдзай», 8.III.1975.

Необходимость крупных инвестиций в нефтяные разработки, неопределенность результатов изыскательских работ, активизация в нефтедобывающих странах движения за ограничение деятельности иностранного капитала (в западной прессе это движение называют «нефтяным национализмом») заметно охладили пыл японских компаний в деле реализации программ участия в зарубежных разработках нефтяных месторождений.

Тревожным сигналом для Японии в этом плане послужил случай с компанией «Джэпэн ойл дивелопмент», с которой связаны ряд других крупных компаний, Экспортно-импортный банк и правительственная компания «Оверсиз петролеум корпорэйшн». В феврале 1973 г. указанная компания приобрела за 780 млн. долл. 22,5% акций компании «Абу-Заби марин эреас» («АЗМЭ»), которая имеет концессию на два богатых месторождения в Персидском заливе (подтвержденные запасы нефти — около 80 млрд. барр.).

Японская компания намеряла покрыть все расходы к 1987 году и получить до 2002 года прибыль в размере 876 млн. долл. В течение 30 лет Япония обеспечивала бы себе поставки нефти с указанных месторождений в объеме 350 млн. т. Другими участниками предприятия были правительство Абу-Заби (доля участия — 25%), «Франс петроль» (25%) и «Бритиш петролеум» (27,5%). Однако после «нефтяного кризиса» ситуация резко переменялась. Абу-Заби повысило свою долю в «АЗМЭ» до 60% с перспективой полного вытеснения иностранных участников. Добыча нефти на месторождениях упала более чем на 40%. Япония и другие страны-участницы отказались от дальнейшего финансирования изыскательских и эксплуатационных расходов. Только в 1974 г. дефицит компании «Джэпэн ойл дивелопмент» составил 8,6 млрд. иен, а общий дефицит на конец этого года — 12,7 млрд. иен¹⁴.

Не лучше обстоят дела и у ряда других японских компаний. Не дали положительных результатов изыскательские работы в прибрежном шельфе Таиланда (компания «Мицуи ойл дивелопмент»), оказались бесплодными усилия «Мицубиси ойл дивелопмент» на Мадагаскаре, Суматре и в Перу. Сухие скважины встречали японских искателей «черного золота» и в ряде других районов мира. Те же компании, которым удалось обнаружить нефть, сталкиваются с проблемами роста расходов и необходимости крупных инвестиций в разработку месторождений, а также с проявлениями «нефтяного национализма».

В последнее время в Японии раздаются голоса в пользу предпочтительного импорта не сырой нефти, а готовых для потребления нефтепродуктов, а также строительства нефтеперерабатывающих предприятий в странах, добывающих нефть. Этот курс связан с трудностями в обеспечении стабильных источников поставок нефти и в строительстве в Японии новых нефтеперерабатывающих предприятий из-за нехватки земельных участков и растущего загрязнения окружающей среды. По мнению МИТИ, такая тенденция получит развитие уже в ближайшее пятилетие¹⁵.

Известно, что широкий импорт дешевой нефти для переработки ее на расположенных на побережье страны предприятиях сыграл важную роль в поддержании высоких темпов экономического развития Японии. Прекращение действия этого фактора, несомненно, окажет заметное влияние на дальнейшие перспективы развития экономики страны.

¹⁴ «Asahi Evening News», 31.III.1975.

¹⁵ Там же, 28.III.1975.

Неудачи японских компаний в области эксплуатации нефтяных месторождений за рубежом, а главное необходимость огромных капиталовложений в эту отрасль и соответственно отвлечение средств, которые могли бы быть вложены в более эффективные области, порождают среди деловых кругов страны сомнения в необходимости продолжать курс на участие в заграничных нефтяных проектах. Отмечаются даже попытки «теоретически» обосновать самоновейшую концепцию, что Японии-де выгоднее не иметь собственных ресурсов, а завозить сырье и топливо извне. При этом, естественно, делается примечание: в условиях отсутствия войн и других чрезвычайных обстоятельств. Таким образом, ахиллесову пяту японской экономики — отсутствие ресурсов практически по большинству видов промышленного сырья и топлива — пытаются объявить большим преимуществом Японии.

Энергетический кризис поставил Японию перед необходимостью решать сложные проблемы — как текущие, так и перспективные. Переплетение энергетического кризиса с общеэкономическим усугубляет ситуацию и взаимно ограничивает возможности преодоления того и другого.

В настоящее время правительственные организации, государственные и частные исследовательские учреждения страны активно занимаются поисками путей к преодолению последствий топливного кризиса и выработкой дальнейшего курса в области энергетической политики. Недавно Комитет по энергии (совещательный орган при МИТИ) разработал меры, которые содействовали бы в какой-то степени преодолению или смягчению топливной проблемы в ближайшие годы. В соответствии с этими рекомендациями МИТИ намечает следующие шаги: активные изыскательские работы в прибрежном шельфе Японских островов; увеличение доли закупок нефти на базе межправительственных соглашений; увеличение резервных запасов нефти к 1979 г. до уровня 90 дней (сейчас 60 дней); реорганизация энергетических отраслей экономики, в первую очередь нефтеперерабатывающей промышленности; активизация исследовательских работ в области энергетики¹⁶.

В связи с угрожающей ситуацией в области поставок нефти в стране проводится курс на экономии всех видов энергии. Особенно жестко ограничения потребления энергии осуществлялись в первой половине 1974 г. Затем, по мере того как острота нефтяного кризиса несколько спала, эти ограничения были смягчены, однако курс на экономии энергии как национальная политика продолжает сохраняться.

Большое внимание в Японии уделяется развитию атомной энергетики. Но дальнейшее наращивание производства электроэнергии на АЭС сталкивается с проблемой роста себестоимости. По оценкам специалистов, в ближайшие 6 лет стоимость энергии, генерируемой АЭС, вырастет вдвое в результате повышения стоимости строительства и роста заработной платы обслуживающего персонала. При этом не принимается в расчет динамика цен на атомное топливо. Компания «Токио дэнрёку» считает, что стоимость 1 квт/ч на АЭС в городе Фукусима после пуска в 1981 г. второго реактора (строительство начинается в этом году) составит 10,47 иены (сейчас на действующем реакторе — 3,70 иены). Стоимость электроэнергии, вырабатываемой на ТЭС с применением мазута, оценивается в 7—8 иен за 1 квт/ч (до нефтяного кризиса — около 3 иен). Предполагается, что к 1981 г. себестоимость электроэнергии на ТЭС возрастет до 8—10 иен за квт/ч. Таким образом, привлекательность программ расширения мощностей АЭС заметно

¹⁶ Industrial Review of Japan. Tokyo, 1975, p. 41.

ослабляется из-за роста себестоимости производства энергии на них по сравнению с существующими электростанциями на нефтяном топливе¹⁷.

Сейчас трудно судить, насколько существенными окажутся экономические факторы для развития новых видов энергии, заменяющих нефть. В частности, рассматривая этот вопрос, нельзя сбрасывать со счетов такие проблемы, как стабильность поставок нефти, загрязнение окружающей среды и т. д. Но во всяком случае, удорожание стоимости энергии, получаемой на АЭС, будет сдерживать процессы перехода с традиционных видов энергии на новые, в том числе энергию солнечных лучей, геотермическую, газификацию угля и энергию водорода.

* * *

Текущий экономический кризис, переплетающийся с энергетическим кризисом, обнажил узкие места японской экономики и японского общества в целом. Результатом экономической политики правящих кругов и монополий по мере наращивания экономического потенциала был рост диспропорций в экономике страны (неравномерное развитие отдельных отраслей, концентрация промышленности и населения в ограниченных районах Тихоокеанского побережья, обострение жилищной проблемы, бурный рост загрязнения окружающей среды и т. д.). Нынешняя ситуация объективно ставит вопрос о необходимости изменения сложившейся в послевоенный период структуры народного хозяйства, которую отличает большой удельный вес тяжелых отраслей промышленности с высокой степенью потребления сырья и топлива и отраслей, ориентирующихся на экспорт. Эта необходимость определяется нестабильностью в обеспечении сырьем и топливом, трудностями в дальнейшем наращивании мощностей и строительстве новых предприятий на территории страны в связи с проблемой загрязнения окружающей среды и взвинчиванием цен на земельные участки, снижением экспортной конкурентоспособности ряда профилирующих энергоемких отраслей промышленности, ликвидацией прежнего громадного разрыва в заработной плате по сравнению с другими развитыми странами Запада и т. д.

Экономический и энергетический кризисы предопределили вступление японской экономики в новый этап развития, характеризующийся не только количественными (завершение эры высоких темпов роста), но и качественными изменениями. Перед страной остро возникла проблема оптимального функционирования механизма хозяйства в новых экономических условиях, определяемых в первую очередь обострившейся топливно-сырьевой проблемой в связи с ломкой колониальной структуры цен на мировом капиталистическом рынке.

Экономические проблемы, пути выхода из текущего экономического кризиса находятся в настоящее время в центре внимания японской общественности. Правительство, деловые и политические круги настойчиво пытаются найти панацею от нынешних экономических трудностей, принимают или предлагают одну меру за другой в целях как-то оживить деловую активность в стране, решить по крайней мере текущие экономические проблемы. Однако предлагаемые правительством меры носят как правило конъюнктурный характер, их цель — выйти из текущего кризиса, который явился следствием курса, проводимого правящими кругами под эгидой и в угоду монополистическому капиталу. Выражая классовые интересы капиталистов, буржуазное правительст-

¹⁷ "The Japan Times", 8.IV.1975.

во Японии, естественно, ищет пути выхода из экономического кризиса не на путях кардинальных экономических реформ, а посредством локальных, узких мер, в частности, сдерживания темпов роста инфляции в стране. Как показывает практика последних нескольких месяцев, некоторое снижение темпов роста оптовых и розничных цен в стране, происшедшее в известной мере под воздействием административных мер правительства, не привело к улучшению общеэкономической конъюнктуры. Выступивший недавно с программной речью в парламенте премьер-министр Т. Мики предложил очередной круг мероприятий в области экономической политики, однако как отмечала демократическая печать Японии, эти меры не направлены на улучшение бедственного положения трудящихся, на чьи плечи легла вся тяжесть нынешнего кризиса, инфляции и дороговизны в стране. Демократическая общественность требует принятия государственных экономических реформ, которые бы вывели страну из кризиса, принятия в качестве первоначальных мероприятий таких шагов, как расширение государственных капиталовложений, в первую очередь, в жилищное строительство, аккумуляция государственных средств за счет дополнительного налогообложения корпораций, сокращения таких непроизводительных расходов, как расходы на «оборону», «экономическую помощь», производимую в экспансионистских целях и т. д.

В отношении выдвинутой Т. Мики программы так называемого «жизненного цикла», прокламирующей улучшение социального обеспечения и «богатую жизнь» для японцев, демократическая оппозиция заявляет, что премьер-министр предлагает, по сути дела, этот бессодержательный план лишь в преддверии предстоящей предвыборной кампании.

В последнее время в Японии наряду с текущими ведутся активно и перспективные исследования в области определения путей дальнейшего развития экономики страны, прогнозирования темпов ее роста в ближайшем будущем, направления возможных изменений в структуре экономики и т. д. Из общей массы опубликованных в японской прессе прогнозов такого рода выделяются два исследования — «Долгосрочный прогноз промышленной структуры», подготовленный Комитетом по промышленной структуре (совещательный орган при МИТИ), и «Прогноз развития японской промышленности», составленный Федерацией экономических организаций («Кэйданрэн» — орган японских монополий). Первое (опубликовано в сентябре 1974 г.) рассматривает вероятные перспективы развития экономики в период до 1985 г., второе (февраль 1975 г.) — до 1980 г. Оба прогноза предусматривают заметное снижение темпов экономического роста в предстоящие 5—10 лет. Комитет по промышленной структуре определяет среднегодовой рост валового национального продукта в реальном исчислении в период 1973—1985 гг. в 6,2%, а «Кэйданрэн» — в 1973—1980 гг. — в 4—5,7% (последний рассматривает два варианта в зависимости от темпов развития мировой торговли). Для сравнения — реальный рост ВВП Японии в 1960—1965 гг. был равен 10,1%, в 1966—1970 гг. — 12,1%. Однако в обоих указанных прогнозах более интересными представляются не цифровые выкладки, а наметки предполагаемых в ближайшее десятилетие структурных изменений в экономике Японии, путей вероятного решения возникающих перед страной проблем в связи с изменяющимися внешними и внутренними условиями, попытки нарисовать картину ближайшего будущего экономики страны в целом.

Генеральными направлениями изменения структуры, указывается в обоих прогнозах, будут усложнение технической вооруженности всех отраслей, акцент на развитие наукоемких отраслей, переход на произ-

водство продукции с высокой добавленной стоимостью, в том числе производство ЭВМ, развитие новых видов энергии, порошковой химии, авиационной и космической техники, техники по защите окружающей среды и т. д. Нестабильность и ограниченность природных ресурсов ставит задачу перехода к структуре с максимальной степенью экономии сырья и энергии. Оба доклада предусматривают более интенсивное развитие науки и техники с преимущественным использованием отечественных разработок и технического опыта.

Предусматривается усиление влияния японской экономики на международную экономику и соответствующее возрастание роли экономического сотрудничества с зарубежными странами, расширение участия Японии в международном разделении труда. В этой связи предполагается заметный рост японских заграничных инвестиций, особенно в сфере разработки природных ресурсов, а также осуществление программ строительства за рубежом предприятий с высоким уровнем потребления сырья и энергии, продукция которых затем будет поставляться в Японию или третьи страны (заводы черной и цветной металлургии, целлюлозно-бумажные, нефтеперерабатывающие, нефтехимические предприятия и др.).

Ставится задача более рационального размещения промышленности. Сейчас около 75% промышленной продукции производится преимущественно в районах Тихоокеанского побережья. К 1985 г. эта доля должна снизиться до 55% за счет перемещения некоторых производств и предприятий в районы побережья Японского моря.

Важной предпосылкой реализации намечаемых указанными прогнозами задач является заметное увеличение государственных расходов (то есть расходов налогоплательщиков) в таких областях, как программы участия в разработке природных ресурсов за рубежом, развитие исследовательских работ в области науки и техники, мероприятия по защите окружающей среды и т. д., то есть в отраслях, требующих крупных малоэффективных и связанных с большим риском (политическим и экономическим) капиталовложений¹⁸.

* * *

Если попытаться хотя бы в общих чертах представить картину вероятного развития японской экономики в ближайшем будущем, то, по-видимому, прежде всего надо проанализировать степень сохранения или снижения воздействия тех сил и факторов, которые определяли динамизм японского хозяйства в предшествующие периоды, эффект комплекса новых явлений и условий, уже успевших оказать серьезное воздействие на мировое капиталистическое хозяйство в целом и отдельные его подразделения, в частности на японскую экономику.

Указанные выше основные факторы, сыгравшие существенную роль в росте японской экономики в послевоенное 30-летие — высокая норма накопления капитала, эффективное участие в международном разделении труда через систему внешней торговли, использование государственно-монополистических рычагов с целью форсированного развития тяжелых отраслей промышленности с вытекающими отсюда структурными перекосами и т. д., — в последние годы, особенно после энергетического кризиса, начинают претерпевать весьма заметные трансформации.

¹⁸ См.: «Дайямондо», 22 II 1975; The Future Direction for Japan's Industrial structure. Industrial Structure Council, MITI, Tokyo, 1974.

Определяющим, без сомнения, следует считать снижение нормы накопления капитала под воздействием целого комплекса негативных для японской экономики факторов — сокращения производственного спроса и соответственно программ промышленных инвестиций в связи с завершением экстенсивного периода развития промышленности (трудности в строительстве новых и расширении имеющихся предприятий из-за проблемы нехватки земли под строительство и проблемы загрязнения окружающей среды), роста непроизводительных инвестиций (в инфраструктуру, в оборудование по защите окружающей среды, в развитие науки и техники, поскольку выяснилось, что базироваться преимущественно на импорте научно-технических достижений становится невозможно, разработку природных ресурсов за рубежом и внутри страны), ограничения кредитных ресурсов для продолжения широких инвестиционных программ как государственных, так и частных, в связи с резким ростом расходов на импорт сырья и топлива, снижением конкурентоспособности японских изделий из-за роста стоимости сырья и энергии, роста заработной платы и других слагаемых себестоимости и т. д.

Все без исключения оценки японских специалистов сходятся на том, что эра высоких темпов роста японской экономики миновала.

Предсказывая картину развития экономики страны в ближайшие годы, вице-премьер Т. Фукуда говорит, что впредь основным курсом правительства Японии будет «сдерживание потребления, переход к спокойным темпам роста, учитывая проблему неограниченных природных ресурсов и экономические трения с другими странами. В дальнейшем темпы будут нивелироваться до уровня США и Западной Европы»¹⁹.

¹⁹ «Тоё кэйдзай», 19.IV.1975.

К вопросу о советско-китайском научно-техническом сотрудничестве

Л. В. Филатов

В китайской и зарубежной прессе, речах и высказываниях китайских официальных представителей искажается истинное состояние советско-китайских внешнеэкономических отношений и принижается значение советской научно-технической помощи, оказанной Китаю в 1949—1966 гг.

От лозунгов «борьбы со слепой верой в установленные технические нормы и правила, в зарубежный опыт» и «борьбы с консерватизмом», выдвинутых в период «большого скачка» руководством КПК и имевших целью подорвать доверие к советским научно-техническим достижениям и опыту, а также к работе советских специалистов в Китае, пекинская пропаганда перешла к ведению постоянной антисоветской кампании, направленной против советской внешнеэкономической политики. Достаточно сказать, что только газета «Жэньминь жибао» поместила в 1974 г. свыше 10 публикаций, в которых, в частности, советские внешнеэкономические связи изображаются как одна из форм «эксплуатации и угнетения» социалистических стран¹, а СЭВ как орудие «неоколониалистской политики» Советского Союза². Одновременно маоистская пропаганда свои внутренние экономические неудачи пытается объяснить отъездом из Китая советских специалистов и допущенными будто бы ими просчетами и ошибками, а всю вину за срыв советско-китайского научно-технического сотрудничества возложить на Советский Союз, который якобы в одностороннем порядке аннулировал соглашения по внешнеэкономическим связям с Китаем³.

* * *

Общеизвестно, что КПСС и Советское правительство, неизменно проводя ленинский курс в отношении Китая, предпринимали и продолжают предпринимать неустанные усилия для развития и укрепления дружбы и всестороннего сотрудничества между нашими странами и народами. Советский Союз искренне стремился помочь китайскому народу в строительстве новой жизни, в создании основ социалистической экономики. Важную роль в этом сыграло советско-китайское научно-техническое сотрудничество, возникшее и развивавшееся в 1949—1961 гг.

Передавая свой богатый опыт развития науки и техники в условиях строительства социализма, советский народ бескорыстно делился своими достижениями в этой области. Это была подлинно интернационали-

¹ «Жэньминь жибао», 24.IV.1974.

² Там же, 23.VI.1974.

³ «Хунци», 1974, № 8.

стская помощь, которая способствовала ускоренному развитию экономики молодой народной республики. Вместе с тем научно-техническое сотрудничество СССР и Китая было взаимовыгодным. Оно способствовало успешному продвижению наших стран по пути научно-технического прогресса.

Ниже читатель найдет ряд высказываний руководящих деятелей КПК, в которых правильно оценивалось значение научно-технического сотрудничества между СССР и Китаем для наших стран и, конечно, для развития современной научно-технической мысли в Китае.

Однако с конца 50-х гг., когда Мао Цзэ-дуну и его сторонникам удалось навязать партии и государству свой националистический курс, в Китае стали всячески охаивать характер и результаты научно-технического сотрудничества между нашими странами, принижать его роль в развитии народного хозяйства Китая. Грубо искажая общеизвестные факты, пекинская пропаганда пытается даже взвалить вину на СССР за тот громадный ущерб, который был нанесен народному хозяйству Китая маоистскими экспериментами.

В данной статье предпринята попытка показать основные направления, характер и некоторые результаты советско-китайского научно-технического сотрудничества 1949—1961 гг., его громадную экономическую эффективность, особенно для развития народного хозяйства Китая.

* * *

Установление после создания КНР тесных научно-технических связей между СССР и КНР явилось ярким отражением интернационалистической политики Советского Союза, базирующейся на ленинских принципах классовой солидарности и братской взаимопомощи. Эти связи имели четко выраженный взаимовыгодный характер. Советская страна, которой чужда погоня за наживой и получение каких-либо политических и экономических выгод в ущерб интересам других стран, щедро делилась с китайским народом своими передовыми достижениями и богатым опытом. Пожалуй, нельзя назвать такую область достижений науки и техники, где бы Советский Союз не оказывал помощи Китаю.

Хотя КНР не входила в СЭВ, Советский Союз руководствовался в своих экономических отношениях с Китаем основными принципами, принятыми социалистическими странами в рамках СЭВ, и распространял на Китай все вытекающие из этих решений льготы и привилегии. Научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом давало Китаю прямую материальную выгоду. Так, в соответствии с принципом безвозмездности научно-технического обмена, установленным решением II сессии СЭВ в Софии в 1949 г., СССР еще до подписания соглашения от 12 октября 1954 г. о научно-техническом сотрудничестве с КНР передавал Китаю информационные материалы и литературу в порядке книгообмена и научно-техническую документацию. Китайской стороной были возмещены лишь расходы, связанные с изготовлением и размножением копий. Тогда же Советский Союз командировал в Китай специалистов и принимал на обучение в СССР китайских граждан на льготных условиях. Советский Союз передавал также в дар Китаю в значительных объемах научно-техническую документацию и литературу, принимал на себя во многих случаях расходы по содержанию китайских делегаций, предоставлял в безвозмездное пользование различное научное и экспедиционное снаряжение и оказывал бесплатно многие другие услуги.

В сотрудничестве между обеими странами по межправительствен-

ным соглашениям от 12 октября 1954 г., 18 января 1958 г. и от 19 июня 1961 г. в рамках Советско-Китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству принимали участие около 500 советских организаций. Кроме того, около 20 советских министерств и ведомств и около 160 научно-исследовательских и проектных организаций поддерживали непосредственные связи примерно с 90 китайскими организациями. Нередки были случаи, когда непосредственные контакты устанавливались между отдельными заводами, лабораториями и т. п.

Научно-техническое сотрудничество, предусмотренное межправительственными соглашениями, осуществлялось примерно по 15 тыс. темам. В результате Китаю было передано 14 915 комплектов, или свыше 150 тыс. наименований научно-технической документации, включая 1408 комплектов проектов по капитальному строительству, 5513 комплектов чертежей на машины и оборудование, 1536 комплектов технологической документации, 4933 комплекта ведомственной технической документации и 1525 комплектов документации по линии научно-исследовательских институтов. Кроме того, были проведены 102 экспертизы по научным исследованиям и изысканиям китайских научных учреждений, переданы 4261 программа советских учебных заведений, 375 образцов научных приборов и аппаратов и 4602 государственных стандарта, принявшихся в СССР.

Значительная помощь на тех же льготных условиях оказывалась китайской стороне в порядке осуществления научно-технического сотрудничества, установленного по соглашениям 5 советских ведомств, в том числе АН СССР, с соответствующими учреждениями КНР. По этой линии производилась, в основном бесплатно, передача китайской стороне научно-технической документации по нескольким тысячам тем, в том числе по 92 научным проблемам, которые разрабатывались АН СССР в порядке осуществления соглашения от 11 декабря 1957 г., и по 42 научным проблемам — по соглашению от 21 июня 1961 г.

Как известно, с 1950 по 1966 г. с помощью СССР в Китае сооружались и реконструировались 256 промышленных объектов. В связи с этим Советский Союз безвозмездно передал Китаю лицензии, рабочие чертежи на новейшие машины и оборудование, описания технологических процессов, инструкции и предписания, а также за умеренную плату — проектную документацию. По отдельным объектам проектная документация передавалась бесплатно. Ответственный работник АН КНР Мэн Чжао-ин так оценивал советскую помощь в строительстве Пекинского завода радиоламп: «Оборудование этого завода является современной-шим советским оборудованием, некоторых его видов нет еще на предприятиях Советского Союза. Проектная документация и правила эксплуатации были также предоставлены нам Советским Союзом безвозмездно»⁴.

Наряду с этим советские ведомства, научные и проектные организации высылали аналоги проектной и технической документации, рабочие чертежи, инструкции и правила эксплуатации машин и оборудования для пополнения технических библиотек Китая.

Значительное место в оказании помощи Китаю занимали уникальные приборы, машины, оборудование и прочий научный инвентарь, имевшийся в Советском Союзе порой в единичных экземплярах, а также различная справочная литература для проведения совместных научных исследований и полевых экспедиций, многие из которых затем

⁴ «Дружба». Пекин, 22.XI.1956.

передавались Китаю в дар либо списывались ввиду невозврата их китайской стороной.

Существенную роль в комплектации китайских научных и технических библиотек сыграли поставки советских научных и технических изданий и информационных материалов, которые производились в порядке книгообмена и обмена научной информацией между обеими странами.

По книгообмену между библиотеками АН СССР и АН КНР было поставлено в Китай около 600 тыс. и получено из Китая около 300 тыс. библиотечных единиц. Кроме того, большое количество советской литературы высылалось различными советскими учреждениями в дар китайским. Исходя из объемов книгообмена и ценности советской научной литературы, стоимость изданий, переданных библиотекой АН СССР и ФБОН АН СССР китайской стороне, минимум вдвое превышала стоимость изданий, полученных из Китая. Стоимость же переданных Китаю информационных материалов и научных публикаций ВИНТИ АН СССР превышала стоимость полученных из Китая материалов в конце 50-х гг. почти в 12 раз, что составило только за 1959 и 1960 гг. сумму около 350 тыс. руб. (в старом масштабе цен).

Советские специалисты разрабатывали в китайских научно-исследовательских и проектных организациях новую научно-техническую документацию, правила и предписания по эксплуатации техники, а также составляли отчеты о результатах научных исследований (общий объем их учесть не представляется возможным) и передавали бесплатно китайской стороне.

Стоимость многих видов советской документации, переданной КНР, могла бы составить в соответствии с мировыми ценами десятки миллионов рублей, а отдельные виды ее по своей уникальности не поддаются точной оценке. Разница между расходами по размножению основной массы советской технической документации, взимавшаяся с китайской стороны, и мировыми ценами на аналогичную документацию достигала примерно 500 раз. По предварительной оценке, стоимость советской научно-технической документации, переданной в 1949—1966 гг., без учета стоимости документации на военную технику и ядерные исследования, лицензии составила более 2 млрд. руб.

В целях ускорения темпов развития китайской экономики, науки и техники, культуры, обеспечения высокой экономической эффективности внедрения советских новинок науки и техники и наиболее рационального использования советской научно-технической документации Советский Союз командировал в Китай видных ученых и лучших специалистов. С 1950 по 1960 г. в Китай выезжало свыше 10 тыс. советских ученых и специалистов, каждый из которых проработал в среднем 2—3 года.

В соответствии с межправительственными соглашениями для разработки важнейших научных и технических проблем и тем, остро необходимых Китаю, Советский Союз командировал в 1950—1962 гг. в Китай 868 видных советских ученых, включая академиков с мировым именем, и высококвалифицированных специалистов для оказания помощи по внедрению новейших достижений и передаче передового опыта, для консультаций, чтения лекций и докладов. Одновременно в Советском Союзе в научно-исследовательских институтах и учреждениях и на ведущих промышленных предприятиях были приняты 1235 китайских ученых и специалистов. Они знакомились с новейшими открытиями и изобретениями, приобретали практические навыки управления производством и

технологическими процессами, участвовали в работе советских научных конференций и совещаний.

Со времени образования КНР Советский Союз для оказания помощи при строительстве и реконструкции промышленных объектов командировал в Китай 8089 советских специалистов. Кроме того, по линии межведомственных связей в порядке взаимного обмена только АН СССР направила в Китай за 1956—1962 гг. 722 ученых и приняла 446 китайских ученых. Советские ученые участвовали в совместных разработках научных проблем и тем, в научных исследованиях и экспедициях, в составлении научных программ и планов для научных учреждений и 12-летнего плана развития науки и техники КНР.

Советский Союз, руководствуясь чувствами доброй воли и принципами товарищеской взаимопомощи, командировал своих специалистов в Китай на максимально выгодных для него условиях. Оплата услуг советских специалистов была в 3—4 раза меньше, чем мировые расценки того времени. Зарубежные эксперты оценивали стоимость этих услуг в сумме не менее 500 млн. долл.⁵ Более того, во время пребывания в Китае советские ученые и специалисты, помимо прямых своих обязанностей, оказывали китайской стороне ряд услуг, не предусмотренных в контрактах. Они бесплатно читали лекции и доклады, вели подготовку местных кадров и научно-разъяснительную работу, давали квалифицированные консультации по интересующим китайскую сторону вопросам.

Во многих случаях советские организации полностью оплачивали все расходы по содержанию китайских делегаций, отдельных ученых и специалистов, приезжавших в Советский Союз. Только в 1957 г. научные учреждения АН СССР приняли за свой счет 92 научных сотрудника АН Китая.

Важным моментом в подготовке высококвалифицированных научных и технических кадров для народного хозяйства Китая явилось обучение китайских специалистов на ведущих советских промышленных предприятиях, в научных учреждениях и вузах. С 1950 по 1960 г. в СССР было принято для учебы и стажировки свыше 38 тыс. китайских граждан. С 1949 по 1966 г. в СССР закончили обучение около 10 тыс. китайских инженеров, техников, рабочих и свыше 11 тыс. студентов и аспирантов. В Советском Союзе прошел производственно-техническую практику и стажировку 591 китайский специалист.

Для каждого строившегося с советской помощью промышленного объекта как в Советском Союзе, так и в Китае велась подготовка технического персонала от директора предприятия до рядового специалиста. С этой целью в СССР было принято 8173 человека для прохождения производственно-технического обучения.

В системе АН СССР с 1952 по 15 апреля 1963 г. находились на обучении 522 китайских специалиста, в том числе 318 аспирантов, из которых было подготовлено 206 кандидатов наук.

Советский Союз предоставлял значительные льготы за обучение в СССР китайских граждан. Размер китайской компенсации за производственно-техническое обучение был примерно в 6 раз ниже мировых расценок. Что касается обучения в СССР китайских студентов и аспирантов, то советская сторона брала на себя 50% всех затрат. Сюда входили: выплата стипендии, заработная плата профессорско-преподавательскому составу, учебные, хозяйственные и коммунально-бытовые расходы.

⁵ «Экономическая газета», 5.X.1963.

ды. Все китайские граждане, находившиеся в Советском Союзе, пользовались бесплатной медицинской помощью.

Оказание Советским Союзом научно-технической помощи с предоставлением вышеуказанных льгот и привилегий, несомненно, способствовало преодолению Китаем исторически унаследованной отсталости, развитию экономики, науки и техники и созданию в стране прочной материально-технической базы социализма.

Советская научно-техническая помощь содействовала общему научно-техническому прогрессу Китая во всех областях экономики, науки и техники. Полученная от СССР научно-техническая документация и заимствованный опыт позволили Китаю при освоении новых производств избежать во многих случаях значительных затрат времени на поисковые, научно-исследовательские, проектные и конструкторские работы и на разработку технологических процессов, а также непосредственно использовать эту документацию для строительства новых и реконструкции действующих предприятий, для организации производства машин, оборудования и других видов промышленной продукции.

В период наибольшего расцвета экономического, торгового и научно-технического сотрудничества между обоими странами (1954—1959) среднегодовой прирост валового национального продукта Китая по нашим расчетам достигал примерно 12%. (В 1960—1966 гг., после свертывания сотрудничества с Советским Союзом он составил всего 1%, а в 1967—1970 гг. — 4—5%⁶). За годы первой пятилетки (1953—1957) годовой прирост валовой продукции в машиностроительной промышленности в среднем составил примерно 30%. В 1957 г. производство в области машиностроения возросло на 264% по сравнению с 1952 г.⁷ Высоко оценив советскую помощь на VII сессии Советско-Китайской комиссии, представитель китайской стороны Цзян Цзэ-минь отметил: «Такие высокие темпы развития неотделимы от всесторонней, горячей и бескорыстной помощи Советского Союза... До освобождения китайская машиностроительная промышленность могла заниматься только ремонтными и сборочными работами. Благодаря помощи Советского Союза и других братских стран мы постепенно перешли на самостоятельное изготовление значительной части машинной продукции, а также на самостоятельное конструирование некоторой необходимой продукции (автомобили, тракторы, паровые турбины, локомотивы, гидротурбины, морские суда и т. д.) с учетом особенностей КНР... Советский Союз нам передал усовершенствованную технологическую документацию и командировал отличных советских специалистов в КНР для оказания помощи в работе на месте. Благодаря этому мы имели возможность быстро осваивать современную технику»⁸.

С первых лет образования КНР решение проблем индустриализации Китая занимало ведущее место в научно-техническом сотрудничестве между нашими странами. Хотя заявки китайской стороны на советскую научно-техническую документацию и командирование советских специалистов практически охватывали по своему назначению все отрасли народного хозяйства КНР, основное внимание китайского руководства было сосредоточено на развитии промышленности. Распределение китайских заявок по основным отраслям промышленности характеризовалось нижеследующими данными.

⁶ A. Eckstein. Economic growth and change in China: a twenty-year perspective. — "China quarterly". L., 1973, № 54.

⁷ Центральный Государственный архив народного хозяйства СССР.

⁸ Там же.

Т а б л и ц а

Отрасль	Научно-техническая документация, переданная Китаю (в %)	Советские специалисты, командированные в Китай (в %)
Машиностроение	35,8	20,1
Строительство и стройматериалы	11,6	15,4
Химическая промышленность	10,6	8,3
Металлургическая и горнорудная промышленность	10,4	13,7

Из общего количества переданной Китаю документации на долю тяжелой промышленности приходилось около 70%. На начало 1958 г. 95% технической документации по машиностроению, полученной из Советского Союза, были использованы Китаем или находились в стадии использования.

Использование советского опыта и практики, заимствование структурно-организационной системы и методики планирования позволили Китаю в короткий срок и на самом высоком техническом уровне создать такие отрасли промышленности, как авиа-, автомобиле- и тракторостроение, энергетика, тяжелое и точное машиностроение, приборостроение, радиотехника и различные отрасли химической промышленности, а также создать научно-исследовательские институты автомобильной, тракторной, судостроительной, инструментальной промышленности и многие другие.

Китайские специалисты на основе переданной из СССР в 1950—1959 гг. проектной документации разработали комплексные проекты более 400 промышленных предприятий и объектов, в том числе предприятий металлургии, машиностроения, нефтяной и угольной промышленности, путей сообщения, связи, водного хозяйства и другие. В первой пятилетке на 140 машиностроительных заводах КНР по советской документации было освоено производство 2620 новых видов продукции.

В соответствии с информацией китайской стороны на VII сессии Советско-Китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству 60% машиностроительной продукции изготавливались по зарубежной технической документации, из которых на долю советской приходилось 85%. Только в области станкостроения по советским чертежам было освоено производство 119 наименований, или 50% общей номенклатуры выпускаемых станков. Из общего количества 51 521 станка, выпущенных китайской промышленностью с 1952 по 1957 г., по советской документации были изготовлены 43 486 станков, то есть свыше 84%.

На основе советской научно-технической документации и опыта, приобретенного в ходе производственно-технического обучения или ознакомления с технологическими процессами на советских предприятиях, китайские специалисты освоили в 1958 г. производство сложной продукции машиностроения: комплексного оборудования для завода азототуковых удобрений с годовой производительностью 50 тыс. т, включая реактор высокого давления до 320 атм, воздушный компрессор 10 тыс. м³/ч; прецизионных координатно-расточных станков модели 2430; мостовых кранов грузоподъемностью 250 т; паротурбинного и электрогенераторного оборудования мощностью 50 тыс. квт; океанских судов грузоподъемностью 10 тыс. т; высокоэкономичных скоростных пассажир-

ских паровозов; гидротурбинного и электрогенераторного оборудования мощностью 72,5 тыс. квт; крупных трансформаторов 40,5 тыс. кв/а, 154 кв; высоковольтных выключателей мощностью 220 тыс. квт; точных электросчетчиков класса 0,5; разных тракторов; газогенераторных и газобаллонных автомобилей; легковых автомобилей и т. д. В 1959 г. Китай приступил к конструированию и изготовлению собственными силами доменных печей емкостью 1386 и 1513 м³, блюминга 1150 и более 250 видов металлорежущих станков.

К этому времени Китай уже самостоятельно проектировал металлургические предприятия, выплавлял 500 марок стали и производил 6 тыс. профилей проката из разных марок стали. За счет собственного производства проката потребности Китая удовлетворялись на 90%.

В 1959 г. были спроектированы гидроэлектростанция мощностью около 1 млн. квт и теплоэлектростанция мощностью 650 тыс. квт. В области химической промышленности по советской технической документации было налажено производство химических удобрений, химического волокна, пластмассо-изоляционных материалов, авиационных красок, органического стекла и др. В области угольной промышленности Китай приобрел опыт самостоятельного изготовления сложного угледобывающего оборудования, проектирования современных шахт и добычи угля гидравлическим способом.

Огромное значение советской научно-технической помощи Китаю подчеркивали ответственные государственные, партийные и научные деятели КНР. Так, 10 февраля 1958 г. Премьер Государственного Совета КНР Чжоу Энь-лай заявил: «Необходимо особо отметить важность заключенного между Китаем и Советским Союзом в январе 1958 г. соглашения о научно-техническом сотрудничестве. На основании этого соглашения Советский Союз окажет огромную помощь развитию науки и техники в нашей стране. Развитие отношений между нашей страной и другими социалистическими странами за прошедшее полугодие явилось образцовым воплощением духа сплоченности и единства, взаимной помощи и сотрудничества в большой социалистической семье»⁹.

В интервью президента АН КНР Го Мо-жо корреспонденту журнала «Новое время» говорилось о том, что успехи научно-технического прогресса в Китае неотделимы от советской помощи. Го Мо-жо заявил: «Нет слов, которыми мы могли бы выразить свою благодарность Советскому Союзу за проделанную советскими учеными огромную работу, значение которой для нашей страны неопределимо»¹⁰.

Плодотворный и доблестный труд советских людей, отдавших много сил и энергии на благо процветания Китая, и достигнутые с их помощью замечательные результаты в подъеме китайской экономики вызывали восхищение китайского народа, о чем неоднократно писалось в прессе КНР. Выдающиеся заслуги многих советских ученых и специалистов перед Китаем были отмечены высокими наградами китайского правительства. Отдавая должное создательному труду советских специалистов, начальник управления комплектного оборудования МВТ КНР Чан Янь-цин говорил в 1959 г.: «Технически высокообразованные и обладающие развитым чувством интернационального долга, советские специалисты искренне, бескорыстно и самоотверженно передают нам свой опыт, знания и навыки. Великое дело построения социализма в нашей стране они рассматривают как свое кровное дело. Их коммунистическое отношение к труду, деловой и скромный стиль в работе стали образцом для широких масс рабочих и техников нашей промышленно-

⁹ «Дружба». Пекин, 1958, № 10, приложение, с. 4.

¹⁰ «Новое время», 1957, № 50.

сти. Многочисленные факты убедительно свидетельствуют о том, что такая помощь оставляет в сознании китайского народа глубокий след»¹¹.

Огромный вклад Советского Союза в развитие китайской экономики, науки и техники признают и буржуазные экономисты. Итальянский исследователь Лугато писал, что Китай «получил от СССР большую техническую помощь, но прежде всего он смог сберечь много времени и средств благодаря свободному доступу к советским научным и промышленным данным, не говоря уже о патентах, проектах, моделях»¹². Дж. Эмерсон отмечал большой вклад Советского Союза в подготовку китайских кадров, в оснащение китайских вузов и школ советскими учебными пособиями и программами, в использовании советской методики обучения¹³.

Безусловно, нельзя отрицать, что сотрудничество СССР и КНР, несмотря на значительное отставание Китая по научно-техническому уровню, принесло определенный экономический эффект и для Советского Союза, особенно в конце 50-х гг., когда в КНР появилась довольно широкая сеть научно-исследовательских и проектных институтов, учреждений и лабораторий с квалифицированными научными кадрами, современным оборудованием, аппаратурой и приборами. В конце 50-х гг. многие научные учреждения КНР были в состоянии самостоятельно вести научно-исследовательские, проектные и конструкторские работы и делиться своим опытом с советскими организациями. Тем не менее китайские обязательства по объему были незначительны и по большей части относились к сельскому хозяйству, текстильной, легкой и пищевой промышленности, а также здравоохранению.

Первые затруднения с выполнением взаимных обязательств по научно-техническому сотрудничеству возникли в 1959—1960 гг. по вине китайского руководства, которое в 1958 г. стало проводить авантюристическую экономическую политику «большого скачка», характеризовавшуюся отказом от научно обоснованного, планомерного осуществления программы подъема народного хозяйства и волюнтаристическим переходом к форсированным методам развития экономики, науки и техники. Это отразилось и на советско-китайском научно-техническом сотрудничестве. В 1959—1960 гг. резко возросло количество заявок китайской стороны на научно-техническую помощь. Китайские представители к каждой основной теме прилагали огромные списки с перечислением от 10 до 200 и более подтем. Это означало фактическое увеличение советской помощи более чем в 10 раз по сравнению с предыдущими годами. Только за 5 месяцев 1959 г. по заявкам китайской стороны было передано в стоимостном выражении 72% всего объема документации, переданной СССР зарубежным странам.

В то же время китайская сторона в силу главным образом дезорганизации производства и научно-исследовательской деятельности в годы «большого скачка» отказалась от выполнения своих обязательств. Обязательства Китая, принятые в 1958 и 1959 гг. и предусматривавшие передачу документации советской стороне, были выполнены менее чем на 8%.

Экономический спад, оказавший пагубное воздействие на общий уровень внешнеэкономических связей Китая, усугублялся проведением «особого» политического курса, который пекинское руководство стало

¹¹ «Внешняя торговля», 1959, № 10.

¹² «Civitas», 1970, № 7.

¹³ J. Ph. Emerson. Manpower training and utilization of specialized cadres, 1949—1968.— The City in Communist China. Stanford, 1971, p. 186.

переносить в область научно-технических отношений с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Уже в 1960 г. маонисты, прибегая к методам политического шантажа и произвола, создали нетерпимую обстановку для работавших в Китае советских ученых и специалистов, в результате чего Советское правительство было вынуждено отозвать их на родину. Стали часто наблюдаться такие отрицательные явления, как одностороннее аннулирование тем, хотя они уже находились в стадии разработки или завершения; отказ от передачи советским организациям многих научно-технических материалов; прекращение совместных научных исследований; отказ от участия в ряде экспедиций и т. п. По вине китайской стороны очередная XI сессия Советско-Китайской комиссии не проводилась с октября 1959 г. до сентября 1961 г. Все это повлекло за собой срыв выполнения взаимных обязательств в 1960 г. По подсчетам советских экономистов, они были выполнены всего на 25—30%.

В 1961 г. по настоянию китайской стороны научно-техническое сотрудничество начало свертываться. Вместо ранее действовавших двух межправительственных соглашений, подписанных 12 октября 1954 г. и 18 января 1958 г., а также пяти межведомственных соглашений, подписанных в 1957—1960 гг., были заключены два новых соглашения: межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве от 19 июня 1961 г. и межакадемическое соглашение от 21 июня 1961 г. Круг взаимных обязательств по этим соглашениям был ограничен, а масштабы сотрудничества незначительны. К 1966 г. практически полностью прекратились научно-технические связи между обеими странами. В 1961 г. объем взаимных обязательств был в 3 раза меньше, чем в 1959 г., а в последующие годы он продолжал неуклонно падать.

Прекращение научно-технического сотрудничества между нашими странами явилось результатом шовинистической антисоветской политики китайского руководства. Встав на путь милитаризации народного хозяйства, китайское руководство взяло курс на изоляцию Китая от стран социалистического содружества, и в первую очередь от Советского Союза. Такая недальновидная политика наносит ощутимый ущерб научно-техническому прогрессу Китая, препятствует подъему его производительных сил и пагубно отражается на жизненном уровне трудящихся. Эта политика нарушает консолидацию сил социалистических стран в мирном экономическом соревновании с капиталистической системой и в конечном итоге играет на руку врагам социализма. Совершенно очевидно, что капиталистические страны отнюдь не друзья народного Китая и дела социализма в КНР. Отказ маонистов от научно-технического сотрудничества с СССР приносит вред делу социалистического строительства в КНР.

ИДЕОЛОГИЯ

На общей платформе антикоммунизма: альянс маоистской и империалистической идеологий

В. Нойберт (ГДР)

Между марксизмом-ленинизмом и буржуазной идеологией существует глубокое противоречие, вытекающее из совершенно различных исторических корней, социальных функций и теоретического содержания обеих идеологий и из того, что носители этих идеологий находятся на противоположных классовых позициях. Поэтому для марксистов-ленинцев неизбежны партийное отмежевание от всех буржуазных мировоззрений, принципиальная критика таких концепций и отказ от всяческих попыток «примирения» буржуазной и марксистско-ленинской идеологий.

Совсем иначе складываются отношения между маоизмом, идеологией нынешних руководителей КНР, и империалистическим и правооппортунистским антикоммунизмом. Фактически в течение последних 10—15 лет между ними возник союз по важнейшим идейно-политическим вопросам. Гегемонистские устремления и беспринципность маоистов являются опорами этой политики «наведения мостов». Она состоит в том, что, с одной стороны, маоизм заимствует идеи из империалистических и правооппортунистических теорий и бьет перед ними поклоны, а с другой стороны, «западный» антикоммунизм эксплуатирует концепции «восточного» маоизма. Это хорошо иллюстрируется словами Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС: «Именно на националистические тенденции, и в особенности те из них, которые принимают форму антисоветизма, буржуазные идеологи, буржуазная пропаганда охотнее всего делают ныне ставку в борьбе против социализма и коммунистического движения. Они подталкивают оппортунистические элементы в компартиях к своего рода идеологической сделке. Они как бы говорят им: докажите, мол, что вы антисоветчики, а мы будем готовы провозгласить, что вы-то и есть подлинные «марксисты» и занимаете вполне «самостоятельные позиции»¹.

В течение многих лет одними из основных поставщиков тем для империалистической и оппортунистической пропаганды являются политика и идеология маоизма. Из этого мутного источника с жадностью черпаются темы и аргументы для антисоветских выступлений, используемых прежде всего для того, чтобы расколоть или парализовать антиимпериалистическое движение. Это соответствует рекомендациям, данным известным идеологом антикоммунизма Збигневом Бжезинским в «работе» «К изучению Китая», согласно выводам которой для пра-

¹ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. М., 1971, с. 44.

вильного развития «советологии» необходимо рассматривать ее через призму «синологии».

Наряду с этим в империалистической пропаганде существует объективистский подход к отдельным событиям в самом многонаселенном государстве, который представляет собой смесь доброжелательного отношения к нынешнему курсу развития в КНР и «утонченного» антикоммунизма, направленного против Советского Союза, стран социалистического содружества вообще.

В маоизме же находят применение понятия, концепции и теории, которые являются неотъемлемой частью арсенала империалистической идеологии, нередко даже ее самых реакционных кругов. Так называемая «китанизация марксизма» маоизмом и империалистический тезис о «национальном коммунизме» соответствуют друг другу подобно тому, как маоистская клевета на внутреннюю политику Советского Союза обнаруживает близкое родство с клеветническими измышлениями идеологов буржуазного антикоммунизма о мнимом «тоталитарном характере» коммунистического строя во всех их разновидностях. Обнаружить созвучие с буржуазной теорией «силы и власти» нетрудно также и в болтовне пекинских руководителей о «сверхдержавах». И наконец, для маоизма так же характерно прагматическое отношение к идее мирного сосуществования, как и для определенной части монополистической буржуазии в последние годы стала типичной некоторая готовность к мирному сосуществованию, потому что их вынуждает к этому соотношение сил, складывающееся в пользу социализма.

Кризис антикоммунизма и эклектичность маоизма — корни политики «наведения мостов»

Причины распространения «моды на Китай» в империалистических кругах отнюдь не следует видеть в потребности получения политической информации или в стремлении удовлетворить интерес трудящихся этих стран в отношении событий в КНР. Единственным истоком этой «моды» являются классовые интересы капиталистических кругов. Как раз на нынешнем этапе противоборства между двумя общественно-политическими системами, ввиду отступления империализма на данном историческом отрезке, когда основное направление его идеологии — антикоммунизм — поражено глубоким кризисом, мы наблюдаем все увеличивающуюся концентрацию антикоммунизма на антисоветизме в самых разнообразных формах его проявления.

Одно из последствий этого — то, что «китайская карта» стала важным козырем в борьбе против коммунизма. Газета западногерманского монополистического капитала «Франкфуртер альгемайне» в связи с этим писала: «В... тени (разногласий между маоизмом и мировым коммунистическим движением)... возрастают шансы западной политики»². Шпрингеровская «Ди Вельт» заявляла: «Для ФРГ... политическое значение Китая состоит прежде всего в том, что он мог бы... создавать напряжение на советском восточном фланге»³. А орган нефашистов «Нацйон Ойропа» считает: «После последнего съезда партии в Пекине капиталистическая Европа с облегчением узнала, что дальнейшее существование маоизма гарантировано. То есть мы можем не опасаться, что

² "Frankfurter Allgemeine", 8.IV.1963.

³ "Die Welt", 12.VII.1972.

китайцы и русские под знаменем мирового коммунизма падут друг другу в объятия»⁴.

Использование маонетской теории и практики в антикоммунистической пропаганде является выражением беспринципного, паразитарного, кризисного характера антикоммунизма последних эксплуататорских классов истории и их идеологов. Теория и практика маоистов используются ими для того, чтобы помешать процессу всемирно-исторического освобождения рабочего класса. Из враждебного отношения к общественному прогрессу вырастают отрицание исторической правды, беспринципность, при одновременной защите реакционного общественного порядка. Беспринципность включает в себя и то, что антикоммунизм оправдывает все средства, пригодные для его человеконенавистнических целей, и то, что он характеризуется идейным паразитизмом. Так объясняется особый интерес империалистического антикоммунизма к «идеям» маоизма, а также ко всяческим видам оппортунизма.

Все уменьшающаяся социальная база господствующего монополистического капитала вынуждает его идеологов заимствовать «теоретические» аргументы и методы у таких идеологий, которые якобы представляют интересы рабочего класса или близки к нему.

С обострением общего кризиса капитализма оппортунизм в глазах антикоммунизма приобретает особую ценность. Несмотря на то что в процессе использования оппортунизма антикоммунизмом главную роль продолжает играть правый оппортунизм, особенно в образе социал-реформизма, это ныне устраивает империализм меньше, чем когда-либо. И в последние годы он поставил себе на службу «левый» оппортунизм, в особенности маоизм.

Это отражает не силу маоизма, а является следствием его эклектического характера. По своей социальной сущности маоизм является мелкобуржуазным течением, которое объединяет в себе социал-шовинизм и гегемонистские устремления на международной арене с принципами «казарменного коммунизма» внутри страны⁵.

С точки зрения своего теоретического содержания маоизм является эклектическим смешением, с одной стороны, откровенно субъективистских, волюнтаристских и других идеалистических идей и, с другой — произвольно толкуемых и неправильно применяемых отдельных тезисов и категорий марксизма-ленинизма. «В совокупности политических, экономических, философских, социологических, тактических воззрений Мао и маоистов ясно ощущается влияние и эклектическая смесь самых разных доктрин, взглядов, теорий и концепций: феодальной китайской философии (преимущественно конфуцианства и даосизма), мелкобуржуазного социализма, мелкобуржуазно-крестьянских, буржуазно-националистических, великодержавно-шовинистических, троцкистских, анархических и т. п. Именно через призму этих взглядов и были восприняты Мао Цзэ-дуном некоторые идеи марксизма-ленинизма...»⁶. Таким образом, маоизм добивается того, что его идеи имеют отдаленное сходство с марксизмом-ленинизмом, но только по форме. «Маоизм берет те или иные понятия и категории марксизма-ленинизма и придает им свое собственное националистическое, антимарксистское содержание»⁷.

⁴ "Nation Europa", 1973, № 10.

⁵ Der Maoismus — ein Ideologischer und Politischer Gegner des Marxismus-Leninismus. Berlin, 1974, S. 9.

⁶ О чем умалчивают в Пекине. М., 1972, с. 3—4.

⁷ Der Maoismus... S. 41—42.

В эклектическом характере маоизма отчетливо проявляется его антимарксистская сущность. Он принципиально отличается от марксизма-ленинизма, который, как подчеркивал В. И. Ленин, является не набором отдельных взглядов и тезисов, а цельной, логически обоснованной системой взглядов⁸. Марксизм-ленинизм, как известно, опирается прежде всего на передовой опыт развитых стран мировой истории. Маоизм же, напротив, прежде всего исходит из опыта отсталой страны — Китая, и к тому же еще стоит на исключительно реакционных позициях, отбрасывая — как показала так называемая «культурная революция» — передовые, гуманистические традиции и прогрессивное наследие других народов и стран мира.

Марксизм-ленинизм есть итог критической переработки всех тех духовных ценностей, которые были созданы человеческим обществом в процессе его истории. «Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли»⁹. Маоизм же, напротив, «обработал» узурпированные им марксистско-ленинские идеи таким образом, что они оказались приспособленными к его идеологии и искажены до неузнаваемости.

Как мелкобуржуазный классовый характер, так и эклектическое «теоретическое» содержание делают маоизм приемлемым и даже привлекательным для империалистического антикоммунизма, пригодным для использования в качестве удобного средства для идейного и практического «наведения мостов». Некоторые мелкобуржуазные позиции маоизма находятся во временном противоречии с интересами монополистического капитала; но вследствие буржуазного характера маоизма и его неустойчивой природы между ним и идеологией крупной буржуазии появляется все больше общего в их борьбе против революционного рабочего класса. Гегемонистские устремления всегда означают конкуренцию между их носителями; но они включают в себя и возможность заключения альянсов между ними против прогрессивных сил. Это полностью соответствует давнему кредо европейских эксплуататоров: «Враг моего врага — мой друг» и политическому принципу китайских феодалов (периода «Трех царств», III в. н. э.): «Подружись с далеким врагом, чтобы напасть на близкого».

Эксплуататоры в поисках союзников по антикоммунизму постоянно выискивают тех, кто отклоняется от идей и принципов марксизма, и воздают им должное. Антикоммунизм маоистов стал ныне реакционной платформой, на которой можно объединить самые разнообразные силы. Всевозрастающий антисоветизм пекинских руководителей направлен, таким образом, непосредственно против единства антимонополистических сил. Маоизм оказывает особое влияние на позиции тех мнимо «левых» групп в империалистических странах, которые лишь прокламируют свое стремление к антиимпериалистическим акциям, но не располагают никакой позитивной программой, которая содержала хотя бы теоретическую альтернативу империализму.

И наконец, эклектическое использование буржуазных и даже добуржуазных идей в маоизме является идейной основой для применения его положений империалистической идеологией, так как сущность буржуазной идеологии составляют плюрализм ложных в своей сути концепций, а также многообразие иллюзорного и реакционного. Этим обусловли-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 50.

⁹ Там же, т. 41, с. 304.

ваются как взаимозаменяемость буржуазных лозунгов, так и быстрый износ идеологических идеалов. Эклектической идеологии нетрудно, впитывая в себя все иллюзорное и реакционное из прошлого, приблизиться к империалистическим позициям настоящего, усвоить их или по меньшей мере распространять. Эклектизм маоизма зашел так далеко, что он в своем «гибком антикоммунизме», именуемом нередко «национальным коммунизмом», заимствовал весьма многое у «грубого антикоммунизма», у реакционных, империалистических кругов.

Маоистские заимствования у империалистической и правооппортунистической идеологий

Анализируя идейные истоки маоистского антисоветизма, нетрудно обнаружить прямую взаимосвязь между «западной» концепцией «национального коммунизма» и идеей «китаизации марксизма».

В то время как марксисты-ленинцы ведут классовую борьбу в каждой стране с учетом диалектического единства общих закономерностей процесса социального развития и национальных особенностей этого процесса, буржуазия внушает трудящимся, что национальные интересы выше любых других интересов. Особенные старания в этом направлении проявляют адепты появившейся в последнем десятилетии концепции так называемого «национального коммунизма», которая используется в качестве средства для идеологических диверсий против социалистических стран. При этом они гипертрофируют реально существующие национальные различия или измышляют несуществующие для того, чтобы затуманить истинное соотношение общего и национально-особенного в социальном развитии той или иной страны и тем самым затормозить ее движение по пути прогресса, наступление социализма. «Руководители Запада могут, если они умны и свободны от предрассудков, — утверждают подобные идеологи, — постепенно усиливать дух национализма, который продолжает скрытно существовать во всех восточноевропейских странах наряду с коммунистическим интернационализмом. Если это произойдет таким образом и в таком темпе, что Москва не заподозрит подготовку смертельного удара, то результаты могут быть для Запада положительными»¹⁰.

Для маоистской идеологии также характерно присущее национализму стремление абсолютизировать различия в историческом развитии и национальные особенности. Еще на пленуме ЦК КПК в октябре 1938 г. Мао Цзэ-дун говорил: «Коммунисты являются сторонниками интернационального учения — марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму... чтобы он во всех своих проявлениях непременно отражал китайскую специфику... Нужно покончить с заморскими шаблонами... и усвоить свежий и живой, приятный для слуха и радостный для глаза китайского народа китайский стиль и китайскую манеру»¹¹.

Это высказывание — типичное для маоистского эклектицизма — в своей основе неправильное и антимарксистское. В противоположность точке зрения Мао марксистский исторический материализм исходит из принципа единства непрерывности и прерывности в историческом про-

¹⁰ "Foreign Affairs", 1964, v. 43, p. 12.

¹¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953, с. 364—365.

цессе; революции прерывают процесс развития в том смысле, что они ведут к победе над старым и расчищают дорогу новому, открывая путь дальнейшему развитию общества. Материалистический взгляд на историю и, таким образом, революционный историзм, основываются на том, что при оценке роли исторических сил и характеристике исторических периодов различают явления прогрессивные и реакционные, революционные и контрреволюционные. Поэтому ему свойствен дифференцированный подход к традициям. Наконец, марксистско-ленинский историзм последовательно научен, поэтому ему чужд такой образ действий, как конъюнктурные «колебания» маоистов между прославлением конфуцианства в 30-х гг. и его осуждением в 70-х гг.

Хотя Мао Цзэ-дун рассуждает об интернациональном характере марксизма и необходимости учитывать при применении его конкретные особенности Китая, в его концепции не содержится действительной диалектики интернационального и национального. У Мао отсутствует понимание правильной взаимосвязи обеих сторон данного диалектического единства; самое большее, что он допускает, — это их простое соединение. Конкретная практика социалистического строительства всегда есть единство, взаимопроникновение общего и национально-особенного. Частное, конкретное никогда не существует рядом с общим или изолированно от него. Частное есть форма проявления общего, в данном случае национальное есть способ проявления интернационального. Еще Гегель говорил: «Особенность не только содержит всеобщее, но и показывает его через свою определенность»¹².

Дуалистическая интерпретация «сосуществования интернационального и национального» обнаруживалась уже в выдвинутом в 1938 г. маоистском тезисе о «национальной форме» марксизма; далее — в провозглашенном в 1943 г. лозунге: «Идеи Коммунистической партии Китая — это идеи Мао Цзэ-дуна, это китаизированный марксизм»¹³; и, наконец, в утвержденном X съездом КПК (1973 г.) уставе партии, в котором говорится: «Коммунистическая партия Китая... руководствуется марксизмом-ленинизмом — идеями Мао Цзэ-дуна как теоретической основой»¹⁴.

Нет никаких «национальных разновидностей» марксизма: ни русской, ни английской, ни конголезской, ни бразильской, ни новозеландской, ни китайской, ни какой-либо иной. Марксизм, как и любая другая теория, является обобщением конкретных фактов. Марксизм интернационален по своему содержанию. Его выводы вытекают из закономерностей развития мировой капиталистической экономики и опыта классовой борьбы во всех странах, являются теоретическим обоснованием всемирно-исторического процесса освобождения класса, по своей сути живущего, действующего и организованного интернационалистически. Поэтому существует только один марксизм, единое, интернациональное учение марксизма-ленинизма.

Маоистская «модель социализма»:

«казарменный коммунизм»

Тезис о существовании «китайского» марксизма вполне определенно направлен против общих интересов международного рабочего класса,

¹² Г. В. Ф. Гегель. Наука логики. Т. 3. М., 1972, с. 40.

¹³ «Цзэфан жибао», 21.VIII.1973.

¹⁴ «Хунци», 1973, № 9.

нацелен на раскол мирового коммунистического движения. Практическая политика маоистов за последнее 15-летие ярко подтверждает это.

Маоизм фактически отказался от принципа признания руководящей роли рабочего класса в революции; маоисты рассматривают деревню как ее базу, а крестьянство — как ее основную силу. Это искажение марксизма экстраполируется маоистами на международную арену, обретая облик лозунга об освободительной борьбе «мировой деревни против мирового города». Вместо цели создания крупного производства и курса на все большее обобществление в экономической жизни ориентация делается главным образом на мелкую промышленность и на изолированную функционирующую и сами себя обеспечивающие хозяйственные единицы. Закону планомерного пропорционального развития народного хозяйства противопоставляется схема «волнообразного движения вперед». Социалистический принцип «от каждого по способностям, каждому по труду» и цель развития социалистической экономики — все большее удовлетворение материальных и культурных потребностей народа — изображаются маоистами как буржуазная политика «государства всеобщего благоденствия» и заменяются проповедью аскетизма (счастья, заключенного в отказе от всего), курсом на «прилежность и нетребовательность», призывами «жить, как буйволы» («работать с большей энергией, наслаждаться меньшими удобствами»).

Вместо руководящей роли марксистско-ленинской партии в Китае осуществляется милитаризация труда и повседневной жизни по принципу «весь народ должен учиться у армии». Принцип необходимости укрепления социалистических вооруженных сил в целях защиты социалистического отечества заменен военно-бюрократической диктатурой военачальников.

Пекинское руководство отрицает диалектику мирной и немирной форм революционного перехода к социализму. Вместо этого оно делает ставку на военную форму перехода соответственно провозглашенному Мао принципу «винтовка рождает власть». В то время как фракционизм противоречит демократическому централизму, Мао Цзэ-дун прославляет его лозунгом «идти против течения». Интернационалистские основы марксистско-ленинского революционного движения в Китае подменены националистическим лозунгом «иностранным должно служить китайскому».

Идеалу социализма — всестороннему развитию личности противостоят культ личности Мао и его производное: каждый простой китаец «должен быть незаменимым винтиком на службе у Красного солнца». Вместо социалистической культурной революции, которая открыла бы трудящимся доступ к знаниям и культурному достоянию всех народов и времен, читается «мудрость» Мао: «Немного читать — это хорошо, но много чтения вредит людям». Выдающиеся достижения мировой культуры — музыка Бетховена, Шуберта и Моцарта, наследие Шекспира, искусство Древней Греции и Рима — отвергаются как «чуждые китайским традициям».

Таким образом, гипертрофирование национальных особенностей «китаизированным марксизмом» маоистов в процессе превращения теории в практику, в ходе претворения в жизнь маоистской «модели социализма», ведет к полному отказу от всеобщих ленинских принципов построения социализма.

В результате такого отказа маоистов от марксистско-ленинских принципов к их «теоретическим» концепциям и к их практическому политическому курсу вполне может быть применена характеристика, ко-

тору К. Маркс дал в 1845 г. «грубому коммунизму» анархиста Прудона и утопистов: в своей первой форме (упразднение частной собственности) «грубый коммунизм» является «лишь обобщением и завершением отношения частной собственности», потому что он, по сути дела, лишь распространяет принцип частной собственности на все общество. «Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство*... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *нестественной* простоте *бедного* и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее»¹⁵.

Совершенно очевидно, что в данном случае имеет место отнюдь не праздный спор, а речь идет о неуклонном признании принципов научного социализма или отказе от них, признании или непризнании реального социализма. Марксисты-ленинцы последовательно отстаивают принцип «путь к социализму в конкретных условиях Китая» (или Нидерландов, Венесуэлы или Австралии) и решительно выступают против лозунгов «национального коммунизма», против концепций так называемого китайского (или нидерландского, венесуэльского, австралийского) пути к коммунизму. Марксизм-ленинизм учитывает объективно существующую диалектику общего и национально-особенного, видя в общих закономерностях строительства социализма основу, всеобщий руководящий принцип при определении практического курса политики в любой стране. Эти общие закономерности первичны по отношению к национально-особенным факторам, однако последние от этого не становятся менее важными. Лозунги же «национального коммунизма», напротив, чрезмерно подчеркивают национальную специфику, либо формально приравнивая национальное к интернациональному, либо оттесняя интернациональное на второй план.

Для марксистов-ленинцев обязательно творческое применение принципов социализма к конкретным условиям каждой страны, каждого народа, каждого исторического периода. Еще Ф. Энгельс писал в 1871 г., споря с «левыми» оппортунистами того времени, а именно с анархистскими силами в Испании, на которые оказал влияние Бакунин: «Детали этой политики могут меняться в зависимости от особых условий каждой страны; но так как основные отношения между трудом и капиталом всюду одни и те же и политическое господство имущих классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, то принципы и цель пролетарской политики будут везде одни и те же...»¹⁶.

Несомненно, положение в Китае имеет множество лишь ему присущих особенностей, среди которых, например, позднее развитие пролетариата, численный перевес крестьянства и других мелкобуржуазных слоев и т. д. Однако вместо того, чтобы творчески использовать опыт марксизма-ленинизма в трудных для социалистической революции условиях Китая, в маоизме с самого начала обнаруживалась, так сказать, в двух планах националистическая тенденция, а именно, с одной сто-

¹⁵ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, с. 586—587.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, с. 291.

роны, предпочтительные особенности Китая общим закономерностям социалистической революции, с другой стороны, идентификация общих закономерностей (если о них идет речь) с особыми условиями Китая¹⁷.

В процессе борьбы большевиков за победу революции в России также существовал ряд особенностей, отличавших ситуацию в этой стране от капиталистических стран Западной Европы. Например, то, что Россия была относительно отсталой капиталистической страной с численным преобладанием крестьянства. Но уже в своей полемике с народником Михайловским, который преувеличивал значение этих особенностей, В. И. Ленин последовательно защищал всеобщность принципов научного социализма. Вместе с тем он подчеркивал как одну из важнейших философских основ марксистскую категорию общественно-экономической формации, которая дает «возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие...»¹⁸. Разработав учение о роли трудящегося крестьянства как главного союзника пролетариата, он подчеркивал руководящую роль рабочего класса в революционном преобразовании страны, которая в значительной степени является аграрной, и одновременно указывал трудящимся крестьянам путь, следуя по которому они могли одержать победу в борьбе против феодальной и капиталистической эксплуатации, политического угнетения и идейного одурманивания.

В. И. Ленин и все марксисты исходят из того, что рабочий класс является руководящей силой революции и строительства социализма даже тогда, когда он еще недостаточно развит в количественном отношении. Его руководящая роль обуславливается не численностью, а прежде всего качественными сторонами, в особенности его местом в системе общественного производства, его социальным положением. Исторический опыт развития СССР и других социалистических стран полностью подтвердил правильность этого основного тезиса марксистско-ленинской теории революции.

Вопреки тезису В. И. Ленина, что «...главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества»¹⁹, Мао Цзэ-дун утверждает с националистическим упорством: «Развитие революции в России шло от города к деревне, а в нашей стране — от деревни к городу, и в этом одно из многих различий между этими двумя революциями...»²⁰.

К чему привел этот тезис Мао Цзэ-дуна на практике за период с тех пор, как маоисты все больше отходили от ориентации марксизма-ленинизма на рабочий класс в общем и от первого победоносного опыта этой ориентации в СССР в частности, уже было нами показано.

Когда Мао Цзэ-дун заявляет, что использование в первом десятилетии существования КНР опыта СССР «было и нашим недостатком, так как нам не хватало творчества, не хватало независимости и самостоятельности»²¹, то в этом отчетливо проявляется его антисоветская позиция. И за это ему, конечно, не нужно долго ждать похвал с Запада. Так, в одной статье по поводу его 80-летия говорилось: «В то время как его товарищи хотели по примеру Советского Союза активизировать пролетариат в больших городах, молодой Мао постигал важнейшую

¹⁷ G. Matthiesen. Kritik der Philosophischen Grundlagen und Gesellschaftspolitischen Entwicklung des Maoismus. Köln, 1973, S. 16.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 137.

¹⁹ Там же, т. 23, с. 1.

²⁰ Мао Цзэ-дун. Беседа с деятелями музыки 24.VIII.1956.

²¹ Мао Цзэ-дун. Выступление на расширенном рабочем совещании ЦК КПК 30.I.1962.

истину своей жизни: что в Китае незначительное число промышленных рабочих не имеет большого значения, а гигантские массы бедных крестьян являются основной армией грядущих изменений»²².

Точка зрения коммунистов-интернационалистов «учиться у Советского Союза — значит учиться побеждать» есть не выражение раболепия или следствие недостатка собственного опыта, а выражение исторической целесообразности и последовательности в достижении пролетарской цели. Ибо из утверждения о всемирно-исторической миссии рабочего класса логически следует, что к рабочему классу той страны, в которой он впервые выполнил свою задачу, складывается особое отношение. Разум говорит: нужно исходить из того, что поставленную перед собой политическую задачу можно решить лучше, если учесть при этом опыт тех, кто уже проделал подобное раньше. И наконец, успешное осуществление большого социального эксперимента означает воплощение в нем общих закономерностей подобно тому, как в удачном лабораторном химическом опыте подтверждается общий принцип массового получения того или иного химического вещества. СССР, страна, в которой впервые была создана партия нового типа, победила социалистическая революция, в которой были созданы социалистические производственные отношения, построено развитое социалистическое общество и создается социальная и материально-техническая база коммунизма, является поэтому одновременно пионером и основой мирового революционного процесса.

Единодушие маоистской и империалистической идеологий в отношении антисоветизма

Эта роль Советского Союза признана в революционном движении преобладающим большинством коммунистических и рабочих партий. В свое время и Мао Цзэ-дун заявлял: «Коммунистическая партия Советского Союза является нашим лучшим учителем, и мы должны учиться у нее»... «Опыт экономического, культурного строительства и строительства в других важнейших областях Советского Союза станет примером для строительства нового Китая»²³. Однако позиция маоизма в отношении Советского Союза, в которой и ранее отмечались националистические тенденции, ныне докатилась до яростной антисоветской вражды. «В области советско-китайских отношений маоисты начали с утверждения, что идеологические разногласия являются «одним из десяти пальцев», и кончили вооруженными провокациями на советской границе»²⁴.

Пекинское руководство клеветет на Советский Союз и его внутреннюю и внешнюю политику. В Пекине разглагольствуют о «реставрации капиталистических отношений» в СССР, советскую экономику называют «государственно-капиталистической».

Все эти тезисы не оригинальны. Так, утверждения о «капиталистическом характере общества в СССР», о его мнимой «бюрократизации» уже давно распространяются на Западе. Буржуазные идеологи, искажая смысл понятия «тоталитаризм», которое первоначально употреблялось в либеральных и даже антифашистских кругах для характеристики

²² "Vorwärts", 20.XII.1973.

²³ См.: О чем умалчивают в Пекине. М., 1972, с. 14.

²⁴ Там же, с. 18.

определенных сторон фашизма, клеветнически пытаются отождествить полностью противоположные политические системы, а именно фашизм, то есть наиболее реакционную государственную форму тоталитарной диктатуры монополистического капитала при полном отрицании даже куцей буржуазной демократии, с диктатурой пролетариата, то есть с формой власти рабочего класса, которая представляет собой высшую форму демократии в классовом обществе, подлинную власть большинства народа.

Лозунг о «перерождении» берет свое начало в троцкизме, который в 20-х гг. продемонстрировал, как может быть оказана действенная помощь «слева» буржуазным врагам молодой тогда Советской власти. Он перекликается с клеветническими измышлениями так называемой концепции «нового класса» югославского ревизиониста М. Джиласа, прилежно используемой социал-реформистами в капиталистических странах.

Так однозначны в классовом отношении идейные источники маоистских утверждений о внутреннем строе Советского Союза, клеветнический характер которых очевиден. То, что в Советском Союзе средства производства принадлежат не капиталистам, а народу; что планирование народного хозяйства — как и всей жизни советского общества вообще — основывается на принципе демократического централизма; что все производство направлено к достижению одной цели — повышению материального и культурного уровня жизни трудящихся; что ни один из руководящих деятелей в СССР не получает средства к жизни эксплуатацией трудящихся, поскольку не является владельцем средств производства и не может их присваивать, — это все и многое другое является уже почти азбучной истиной. Факты советской жизни не соответствовали и не соответствуют антикоммунистическим утверждениям независимо от того, кто является их автором. Знаменательно лишь то, что сторонником таких утверждений выступает ныне и Мао Цзэ-дун, который до 1958 г. был против антикоммунистических происков. Он говорил тогда: «Пролетариат и народы всего мира решительно выступают против антисоветской, антикоммунистической войны»²⁵.

Маоизм и идеология империализма обнаруживают много общего, причем не только в том, что используют одни и те же идеи, не только в своей клевете на внутреннюю и внешнюю политику СССР, но и в своем подвергнутом одинаковым изменениям отношении к принципу мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В то время как этот принцип является основополагающим положением марксистско-ленинской внешней политики, представители монополистического капитала, равно как и маоисты, проявляют прагматический подход к этому принципу, приспособляются к сложившейся ситуации и вместе с тем используют любую возможность для обострения отношений между странами с различным общественным строем. Поэтому крайне антисоветская концепция группы Мао, которая выражается девизом «Все, что идет на пользу русским, плохо; все, что им вредит, хорошо», ведет к тому, что империалистические круги Запада, и особенно агрессивный блок НАТО, все больше в своих планах делают ставку на использование в своих целях пекинского руководства. Лондонская газета «Таймс» заявляла по этому поводу: «Не смотря на то, что нет никаких конкретных планов, само собой разумеется, что в соображениях правительств стран — участниц НАТО пози-

²⁵ См.: О чем умалчивают в Пекине. М., 1972, с. 31.

щин Китая в критические времена оцениваются положительно»²⁶. Поэтому естественно и логично, что антикоммунистические идеологи по заслугам отводят маоизму место в рядах своих союзников.

Маоизм на службе антикоммунистической пропаганды империализма ФРГ

Вряд ли возможно назвать точное число книг, научных исследований, статей и передач, посвященных в ФРГ и Западном Берлине Китаю, в частности политике его нынешнего руководства. Все же следует отметить, что в использовании маоистской идеологии и политики для пропагандистских и практических нужд империализма главными поборниками в ФРГ были и остаются ультраправые и консервативные силы внутри и вне ХСС/ХДС. Политики и идеологи СвДП и СДПГ значительно осторожнее в своем отношении к КНР и к маоизму.

Каковы бы ни были в каждом данном случае конкретные мотивы использования маоизма в антикоммунистических целях самыми различными представителями господствующего класса, характерным является эволюция их «представлений о Китае» в период между 50-ми и 70-ми гг.

Еще не так давно Китайскую Народную Республику осуждали, подвергали оскорблениям, бойкотировали так же, как и другие социалистические государства. «Коммунистам удалось, — писали, например, тогда, — создать в Китае кнопочный аппарат современного тоталитаризма»²⁷.

Развитие КНР по пути социализма в те годы — искаженное в антикоммунистической манере — было возведено в ранг ужасного призрака, нередко даже с помощью расистских лозунгов, таких, как «желтая опасность» и «государство голубых муравьев». По мере антисоветской эволюции маоизма эти оценки также претерпевали изменения.

С момента открытого отхода маоистского руководства от генеральной линии мирового коммунистического движения начинается «новое понимание Китая» в западногерманском антикоммунизме. Этот отход тотчас же привлекает внимание и получает пропагандистскую поддержку, его антисоветское содержание ставится на службу целям империализма. Ф.-Й. Штраус еще в 1968 г. заявлял: «Русско-китайские противоречия не принесут в политическом отношении Западу никакого вреда, а лишь выгоду, так как нам, европейцам, «красная опасность» должна казаться опаснее «желтой опасности»... Представители прагматического образа мышления должны понять, что... наши и китайские интересы частично и временно совпадают»²⁸.

Изменение отношения империалистических идеологов к КНР от изображения ее в качестве «коммунистического страшлища» до возведения в ранг «главного антисоветского союзника» является прямым результатом прагматических стремлений извлекать пользу из любого отклонения от основных принципов марксизма-ленинизма внутри рабочего движения. В своей борьбе против революционного рабочего класса они стремятся воспрепятствовать росту и укреплению его сил, а

²⁶ "Times", 4.IV.1974.

²⁷ "Der Spiegel", 1958, № 40.

²⁸ F.-J. Straus. Herausforderung und Antwort. Ein Programm für Europa. Stuttgart, 1968, S. 110—111.

любые раскольнические явления, слабость, оппортунизм и поражения тотчас же распознают, приветствуют и способствуют их дальнейшему углублению. Учитывая обострение кризиса воинствующего антикоммунизма в ФРГ в первой половине 60-х гг., изменение взглядов маоистского руководства произошло очень кстати и облегчило переход к гибкой антикоммунистической линии.

Изменение отношения империализма к Китаю не означало, что перестали появляться сообщения о трудностях в материальной и культурной жизни, причиной которых стала маоистская политика, и упоминания о событиях, имевших место в первое десятилетие народной власти, а также об угнетении в полуколониальном и гоминьдановском Китае. Это, естественно, не облегчает для читателя возможность получения правильной картины о чуждой народу и контрреволюционной политике пекинских руководителей, так как в сообщениях о Китае правда смешана с ложью или в целях дезинформации одна следует за другой.

Прославление «китайской модели социализма»

К важнейшим аспектам использования маоизма империализмом в антикоммунистической пропаганде относится прославление «китайской модели социализма». «Франкфуртер альгемайне», например, утверждает, что Китай «обещает стать Римом третьего мира»²⁹ явно с целью превознести «достижения» маоизма. Другие органы печати подходят к этому более «тонко», явно с намерением представить антиимпериалистическим и еще ищущим свой путь силам на Западе китайский пример «интересным», «достойным внимания» и «превосходящим во всех отношениях» советскую и восточноевропейскую «модель социализма».

Американский журналист Джозеф Олсон заявляет, что «китайский коммунизм» добился значительных успехов, в то время как остальные страны «топчутся на месте»³⁰. «Шпигель» пишет: «...Срединная империя может быть новой моделью для третьего мира... и равным образом... бросить вызов индустриальным государствам Востока и Запада»³¹. Петер Кунце в «Зюддойче цайтунг» говорит о «Китае как о конкретной утопии»³², избрав, таким образом, в качестве эпитета понятие, которое сложилось в рамках поисков молодыми социал-демократами теорий, альтернативных буржуазным общественным идеалам.

Цель этих пропагандистских композиций состоит единственно в том, чтобы сбить всех с толку и запутать. Их авторы умышленно обходят тот факт, что в странах СЭВ экономическое развитие происходит планомерно и непрерывно, в то время как в результате маоистского «большого скачка» и «культурной революции» экономика Китая потерпела катастрофические неудачи. Фактом является и то, что, хотя маоистская идеология рекламирует себя в качестве «марксизма-ленинизма сегодняшней эпохи», коммунистические и рабочие партии более чем 70 стран земли отвергают эти великодержавные, шовинистические притязания. Поиски «конкретной утопии», которые искренне мог бы вести наивный представитель какой-либо социал-демократической группы, являются, по существу, не чем иным, как стремлением открыть ил-

²⁹ "Frankfurter Allgemeine", 24.XII.1973.

³⁰ "The New York Times Magazine", 20.III.1973.

³¹ "Der Spiegel", 1971, № 3.

³² P. K u n t z e. Die Konkrete Utopie. München, 1974.

люзорный «третий путь». Как известно, попытка его практического осуществления в маоцзэдуновском Китае явила собой новый предостерегающий пример неразберихи, хаоса и в конечном счете неизбежного крушения этого идеала. «Третий путь», как его иногда называют, означает попытку расколоть рабочее движение, вести часть класса по неправильному пути, ослабить его силы, необходимые для достижения цели.

В пропагандистской кампании, ведущейся на Западе вокруг Китая, бросается в глаза то, что пресловутую «великую пролетарскую культурную революцию» объявляют примером, достойным подражания для других социалистических стран, «путем перехода от капитализма к социализму». Идеологи, которых обычно бросает в дрожь от любой революционной мысли и тем более от практических революционных действий, которые обрушивают громы и молнии даже на умеренные реформистские требования, выступают в качестве защитников безобразных акций осквернения культуры и анархии, спровоцированных маоистами для укрепления личной власти Мао Цзэ-дуна и системы военно-бюрократической диктатуры в стране. Эти реакционные события провозглашаются «первой победой, одержанной в социалистической стране над новым классом»³³, попыткой «своевременно предотвратить бюрократизацию системы»³⁴, «бороться с косностью и почиванием на лаврах в партийном и государственном аппаратах»³⁵ и «встряхнуть... политический порядок в стране»³⁶.

Когда противники любых социальных изменений внутри империалистической системы превозносят «культурную революцию» Мао, это явное доказательство того, что речь идет о губительных для народных масс событиях. В действительности они находятся в явном противоречии с социалистической культурной политикой, которая, как известно, освобождает путь для распространения марксизма-ленинизма, для расцвета социалистического искусства и для усвоения народом богатств культуры всех стран и времен. Издание двухмиллиардным тиражом так называемого «цитатника» или «псалтыря Мао» в качестве единственной социологической литературы не может означать ничего иного, кроме канонизации Мао, насаждения догматизма и ограничения свободы мышления в стране с самым большим числом жителей на земле. Театральный репертуар, который ограничен семью-восемью пьесами, также представляет собой яркое выражение враждебного отношения к культуре.

Итак, китайская «культурная революция» — это нечто совсем иное, нежели путь к созданию социалистической демократии. Она, напротив, означает, ликвидацию руководящей роли марксистско-ленинской партии, лишение власти законодательных органов народно-демократического государства. Народу Китая не гарантированы элементарные социальные и гражданские права. В КНР нет ни кодекса законов о труде, ни гражданского кодекса, нет также уголовного законодательства, что создает условия для произвола, злоупотребления властью, бюрократизма. Массовые демонстрации и акции хунвэйбинов отнюдь не были выражением демократических и творческих действий масс, а использовались для беспощадного сведения счетов с теми, кто оказывал сопротивление волюнтаристскому курсу и стремлению Мао Цзэ-дуна к личной власти.

³³ "Der Spiegel", 1971, № 3.

³⁴ "Frankfurter Allgemeine", 7.X.1972.

³⁵ "Die Welt", 4.VII.1972.

³⁶ "Vorwärts", 20.XII.1973.

Маоистская «культурная революция», таким образом, означала не укрепление завоеванной пролетариатом государственной власти, а замену испытанных функционеров революционной рабочей партии ставленниками Мао Цзэ-дуна в целях укрепления его личной власти на базе культа личности и постоянного разжигания фракционной борьбы.

Эти факты прекрасно известны идеологам буржуазии. Тем не менее они расточают похвалы маоистским деятелям «культурной революции». Смысл этих прославлений объясняется намерением сбить с толку трудящихся. Кроме того, буржуа и их идеологи не могут не испытывать чувства своеобразного восторга в связи с процессом деформации, имевшим место в социалистической стране; особенно они ликуют по поводу того, что в КНР были разрушены или парализованы партийная, профсоюзная и молодежная организации. Даже если некоторые из этих пропагандистов с сожалением констатируют, что с момента окончания так называемой «культурной революции» в КНР «всем управляет и все контролирует армия», то они успокаивают себя тем, что руководит все же не марксистско-ленинская партия. «Культурная революция... — ликуют они, — это попытка мобилизовать массы против партии»³⁷. «Сегодня, через четыре года после мнимого культурного бесчестия, оказалось, что апокалиптические пророчества были ложными, страхи непомерно преувеличенными»³⁸, — с торжеством вещают буржуазные идеологи.

После всего этого не удивительно, что прославляется и личность Мао Цзэ-дуна, что происходит самое настоящее буржуазное преобразование образа Мао. Культ Мао в Китае дополняется своеобразным «западным» вариантом. Это особенно проявилось в связи с 80-летием Мао Цзэ-дуна.

В течение многих десятилетий буржуазная пропаганда не делала различий между коммунистами. Для нее все коммунисты были одинаково плохи. Ныне, в рамках «гибкого антикоммунизма», это клише определенным образом изменилось. А именно критика и проклятия или внимание и уважение в адрес коммунистического или считающего себя коммунистическим политического деятеля зависят теперь от его отношения к КПСС, к Советскому Союзу. Благосклонность, поощрения, прославления в адрес Мао Цзэ-дуна являются частью этого «модернизированного» рецепта. При этом империалистических и оппортунистических идеологов ни в малой степени не смущает то, что эти прославления заставляют их делать логические зигзаги. Одни именуют его «социалистом, пользующимся наибольшим успехом из всех, кто был до сих пор»³⁹, «самым выдающимся из живых руководителей коммунистического мира, который связывает теорию с практикой»⁴⁰, «наиболее богатым идеями коммунистом настоящего времени»⁴¹ или «значительным реформатором этого столетия»⁴². Другие называют его «единственно современным социалистом», потому что он «опровергает марксизм» или потому, что у него «развитие и упрощение марксистского учения идут параллельно»⁴³.

Кроме того, Мао превозносят и другим образом. Так, восхищаются его якобы «спартанским духом», подтверждают наличие у него

³⁷ "Frankfurter Allgemeine", 7.XII.1972.

³⁸ "Der Spiegel", 1971, № 3.

³⁹ "Stern", 1973, № 49.

⁴⁰ "Frankfurter Allgemeine", 7.XII.1972.

⁴¹ H. S c h a c h. Die Revision des Marxismus-Leninismus. West Berlin, 1965.

⁴² "Stern", 1973, № 49.

⁴³ "Ost-West Kurier", 24.II.1973.

«творческих сил и художественной натуры», в то время как других политиков КНР обвиняют в бюрократическом упорстве (имеется в виду целеустремленность и последовательность действий. — В. Н.) и «изошренности доктринерского (принципиального. — В. Н.) образа мышления»⁴⁴. С другой стороны, его роль в качестве инициатора политики «большого скачка», явившейся причиной хаоса в стране, преуменьшается такими словами: «Мао охотно экспериментирует, предлагая массам стимулирующие цели, может быть, будучи убежденным, что даже явно бессмысленные начинания в конечном счете смогут вызвать полезную инициативу»⁴⁵. Борьба за власть и интриги Мао расцениваются как тактика «шахматиста», как «нонконформистские действия»⁴⁶ или совсем в духе его стиля за «смертельную борьбу с ревизионистами». И наконец, культ личности Мао изображается как нечто «соответствующее политическому соотношению сил в Китае», и утверждается, что он-де «неприятен» Мао, который в действительности способствовал всеми силами его созданию.

Воспевание курса нынешнего руководства Китая и прославление Мао являются образцом идейных манипуляций, в которых используются ложь и полуправда, стереотипы и фальсификации, в которых допускается множество логических противоречий, лишь бы они соответствовали политическим целям антисоветизма.

Разжигание противоречий между марксизмом и маоизмом

Империалистическая пропаганда прилагает максимальные усилия для обострения противоречий между марксизмом-ленинизмом и маоизмом. Делаются многочисленные попытки свести принципиальный и классовый характер, который носят разногласия между мировым революционным коммунистическим движением, с одной стороны, и маоизмом — с другой, к двусторонним, обусловленным национальными причинами разногласиям между СССР и Китаем. Маонистский антисоветизм и борьба с идеологией и политикой маоизма выдаются за спор между двумя соперниками в борьбе за власть.

Поэтому нужно не только не затушевывать классовые противоречия между марксизмом-ленинизмом и маоизмом, которые совершенно естественно возникли в первую очередь между наиболее опытной и наиболее влиятельной марксистско-ленинской партией, КПСС, и маоистами. Нужно бороться за изменение «нейтралистских» позиций антиимпериалистических сил в этих разногласиях, поскольку маоизм всеми силами старается привлечь их на свою сторону.

Факты свидетельствуют, что маоизм ведет свои атаки не только против КПСС, но и против всех марксистско-ленинских партий. Так, например, правительство КНР не дало разрешения на въезд в Китай депутату фракции ФКП Национального собрания в рамках обмена членами парламентов. Что касается позиции марксистов-ленинцев, то из интернационального характера мирового коммунистического движения, на вооружении которого единая идеология, вытекает, что они не могут относиться к отклонениям, к раскольническому курсу и к анти-

⁴⁴ "Der Spiegel", 1959, № 14.

⁴⁵ Там же, с. 44.

⁴⁶ "Frankfurter Allgemeine", 24.XII.1973.

марксистским позициям ни благожелательно, ни нейтрально, независимо от того, идет ли речь о правом или «левом» оппортунизме.

В основе искажений империалистической пропагандой сущности конфликта между мировым коммунистическим движением и маоизмом лежит замалчивание великодержавного шовинизма маоистов. В 1973 г. западногерманская радиостанция, например, утверждала: «Опасность исходит из Москвы, и подвергается опасности Китай».

Клеветнический характер подобных обвинений Советского Союза очевиден. Фальсификации сущности и причин конфликта между маоизмом и марксизмом-ленинизмом сочетаются с одновременным разжиганием этого конфликта. Чтобы обострить противоречия между Пекином и странами социалистического содружества, антикоммунистические публицисты рьяно взялись за дело. Они используют все средства, включая ложь. Так, в начале февраля 1974 г. — как по чьему-то указанию — в ФРГ были опубликованы статьи под названиями «Смертельный враг Китая. Почему вооружаются русские?»⁴⁷ и «Война СССР против Китая? Военные эксперты опасаются советского нападения еще в этом году»⁴⁸. Эти явно лживые разглагольствования должны были способствовать успеху враждебных разрядке напряженности сил и препятствующих ей шагов Запада. После того как, принимая во внимание осуществление принципов мирного сосуществования между социалистическими и капиталистическими государствами в Европе, стало труднее оправдывать курс НАТО на вооружение лишь европейскими условиями, начали ссылаться на так называемую дальневосточную опасность: Советский Союз-де направляет свои агрессивные действия против Китая и лишь с этой целью выступает за разрядку напряженности на Западе. Следовательно, проводимая им политика не может быть длительной и прочной базой для улучшения отношений с империалистическими государствами. Так, усиленное вооружение необходимо, так как «советская угроза» в любое время может стать первоочередной проблемой. Клевета эта преследует, таким образом, две цели: подстрекательство пекинских руководителей в их антисоветизме и компрометацию советской политики разрядки напряженности.

Бесперспективность идеологической кампании империализма

Итак, ясно, что «коммунизм» Мао для Запада допустим и даже достоин пропагандирования, ибо это вовсе не коммунизм. Состоявшаяся в конце 1974 — начале 1975 г. встреча Штрауса и Мао «предоставила новые доказательства того, что нынешнее пекинское руководство вследствие своего великодержавного шовинизма и антисоветизма находится в одном политическом лагере с реакционными силами в империалистических государствах. Оно вступило в принципиальное противоречие с интересами социализма, всех антиимпериалистических и миролюбивых сил»⁴⁹. Маоизм «в принципе создал второй фронт борьбы против сил мира и социализма»⁵⁰.

⁴⁷ "Der Spiegel", 1974, № 1.

⁴⁸ "Stern", 1974, № 9.

⁴⁹ XIII пленум Центрального Комитета СЕПГ. Из доклада Политбюро ЦК СЕПГ, сделанного Э. Хоннекером. Берлин, 1974, с. 83.

⁵⁰ Der Maoismus — ein Ideologischer und politischer Gegner des Marxismus-Leninismus. Berlin, 1974, S. 9.

Каким бы опасным ни являлся сговор между маоизмом и империализмом, он не будет длительным. Но нельзя недооценивать его нынешнюю роль и его возможности. Между пекинскими руководителями и империалистическими державами не может быть длительного и стабильного союза, а лишь ограниченное и временное партнерство, поскольку каждая из сторон пытается использовать другую для осуществления своих собственных целей. Здесь совпадение интересов не истинных товарищей по союзу, а сообщников и конкурентов.

Уже по этим причинам буржуазные идеологи предостерегают от слишком больших надежд на твердую поддержку маоизма в осуществлении идеологических и политических планов империализма. Еще больше дают себя знать «критики справа», потому что этот идейный союз может привести на своего рода «скользящую наклонную плоскость». Так, особенно воинственно настроенный антикоммунист Маттиас Вальден пишет: «Целесообразно полностью использовать возможности китайской карты. Но по моральным мотивам нужно решительно противостоять прославлению красного китайского коммунизма»⁵¹.

К тому же маоизм сам находится в состоянии кризиса, вызванного противоречием между объективной необходимостью и требованиями развития, с одной стороны, и субъективистской идеологией и политикой маоизма — с другой. Это также ведет к новым фиаско и к разногласиям в маоистском лагере, обуславливая «бегство вперед», к новому союзу с империалистами.

В конце концов и бывшие сторонники Мао все лучше понимают роль, которую маоизм играет в разногласиях между социализмом и империализмом. Так, бывшие члены раскольнической группы в Шри-Ланка заявили: «Политика, на которой основывается маоизм, помогает как местной реакции, так и империализму в целом. Маоизм нанес невосполнимый ущерб прежде всего китайскому народу, но также социализму и всей антиимпериалистической борьбе».

Наиболее значительным объективным фактором, на который наталкивается осуществление целей губительного для народов мира союза империализма и маоизма, есть и будет мировая система социализма, ее сила, ее сплоченность, ее единство. Это проявляется тем сильнее, чем принципиальнее и убежденнее социалистические государства и коммунистические партии ведут борьбу с империалистической, правооппортунистической и маоистской идеологиями и творчески развивают и применяют марксизм-ленинизм.

⁵¹ "Die Welt", 17.X.1974.

ИСТОРИЯ

О совещании в Цзуньи

А. С. Титов

Восстановление исторической правды, очищение отдельных эпизодов истории КПК от искажений и фальсификации маоистов, несомненно, является неотъемлемой частью борьбы против маоизма.

В последнее время в Советском Союзе появилось немало работ советских историков-китаеведов¹, в которых на основе анализа соответствующих документов и других источников показано, что Мао Цзэ-дун и его окружение преднамеренно фальсифицировали всю историю Коммунистической партии Китая, в том числе весь ход внутрипартийной борьбы и роль в ней тех или иных деятелей партии. Цель данной статьи состоит в том, чтобы восстановить историческую правду о совещании Политбюро ЦК КПК, состоявшемся в январе 1935 г. в Цзуньи (провинция Гуйчжоу) во время Западного похода Красной армии Центрального советского района. Маоистская версия об этом совещании, взятая на вооружение и буржуазной синологией*, представляет собой грубое извращение исторических фактов. Согласно этой версии, совещание в Цзуньи явилось якобы «поворотным пунктом» в истории Коммунистической партии Китая и имело «крупнейшее историческое значение»; оно-де «покончило с господством левацкой линии в Центральном Комитете партии», сформировало новое руководство Центрального Комитета во главе с Мао Цзэ-дуном и якобы «спасло партию в самый критический момент»² и т. п. Однако подобные утверждения не имеют под собой никаких оснований. Даже подправленное и заново отредактированное Решение ЦК КПК «Об итогах борьбы против 5-го карательного похода» (1935)**³, которое было

¹ В. И. Глунин, А. М. Григорьев. Фальсификация истории КПК в маоистской историографии. — «Вестник Московского университета». Востоковедение, 1970, № 1; Новейшая история Китая. М., 1972; Коминтерн и Восток. М., 1969; О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. М., 1972; История Китая с древнейших времен и до наших дней. М., 1974.

² Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 4. М., 1953, с. 321—405.

* Rue John E. Mao The-tung in opposition 1927—1937. Stanford, 1966; Jerome Ch'ien. Mao and the Chinese Revolution. New York, 1965; Stuart Schram. Mao Tse-tung. Harmondsworth. Baltimore, 1966; Payne R. Portrait of a Revolutionary. Mao Tse-tung. New York, 1961.

Следует, однако, отметить, что в связи с опубликованием перевода с китайского на английский язык «Решения совещания в Цзуньи», сделанного Д. Чэнем, и его комментария в журнале «Чайна куотерли» (№ 40 за 1969 г.), а также появлением в еженедельнике ГДР «Хорицонт» (№ 23—28 за 1969 г.) воспоминаний О. Брауна между западными буржуазными специалистами по Китаю разгорелась полемика на страницах журнала «Чайна куотерли». Обсуждался главным образом вопрос о том, кто из руководителей КПК скрывается за зашифрованными в решении фамилиями (XX и XXX) и псевдонимом Хуа Фу, действия которых резко критиковались в Цзуньи. Наиболее интересными в этом отношении являются комментарии Д. Чэня и Ху Цзи-си («Чайна куотерли», № 43 за 1970 г.). Хотя ясно также, что авторы этих статей все еще находятся под очень сильным влиянием маоистской историографии и многие вопросы рассматривают с ее позиций.

** Первоначально решение совещания в Цзуньи называлось «Резолюция расширенного совещания Политбюро ЦК КПК», которая сопровождалась подзаголовком «Обзор ошибок в военной линии товарищей Бо Гу, Чжоу Энь-ляя и Ли Дэ».

впервые официально опубликовано в 1948 г. в «Сборнике работ Мао Цзэ-дуна», то есть 13 лет спустя, свидетельствует о грубом извращении значения и фактического хода этого совещания.

Как явствует из документов и других источников, на совещании в Цзуньи Мао Цзэ-дун с помощью своей фракционной группировки задался целью путем инсинуаций, извращений и подтасовки фактов скомпрометировать руководство ЦК КПК, возглавляемое Цинь Бан-сянем (Бо Гу), добиться его замены и узурпации власти в армии.

К этому акту Мао Цзэ-дун стал готовиться сразу же после расширенного совещания Бюро ЦК КПК Центрального советского района в Нинду (август 1932 г.), на котором он потерпел полное поражение и был отстранен от руководящей работы в армии и партии в Центральном советском районе³. Выжидая удобный случай, он вел закулисную деятельность, сколачивая свою фракционную группировку. Когда к весне 1934 г. в связи с окружением этого района противником военная обстановка в Центральном советском районе значительно осложнилась, Мао Цзэ-дун активизировал свою фракционную деятельность. Прикрываясь критикой отдельных военных неудач, в частности неудачного сражения за небольшой уездный город Гуанчан (провинция Цзянси) в конце апреля 1934 г., он повел наступление на партийное и военное руководство, и прежде всего на так называемую военную тройку — Генерального секретаря ЦК КПК Бо Гу (Цинь Бан-сяня), Генерального комиссара Красной армии Чжоу Энь-лая и военного советника немецкого коммуниста-интернационалиста О. Брауна (Ли Дэ). Он стремился любым путем дискредитировать их в глазах руководящих работников ЦК и особенно в среде военных. «Неудачное Гуанчанское сражение, названное им «катастрофой», — указывает О. Браун, — он использовал как повод обвинить Бо Гу, Чжоу Энь-лая и меня — «военную тройку», по его выражению, — во всех смертных грехах: и в пассивной обороне, и в фортификационной войне, и в распылении сил, и в легкомысленных решениях о проведении боя без гарантии победы. Эти обвинения он затем повторял при каждом удобном случае, чтобы подорвать наш авторитет в глазах армейских командиров, не останавливаясь даже перед личными выпадами. И делал это обычно не на официальных заседаниях, а в интимных беседах с преданными ему людьми»⁴.

Исходя из принципа «разделяй и противопоставляй», Мао Цзэ-дун наносил основной удар по Бо Гу, самому молодому в руководстве КПК (ему было тогда 26 лет). Кстати, сам Бо Гу, по свидетельству О. Брауна, будучи Генеральным секретарем ЦК КПК, всемерно стремился восстановить хорошие отношения с Мао Цзэ-дуном⁵. С особой яростью и неприязнью Мао Цзэ-дун обрушивался на «чужеземца» О. Брауна. «Главной мишенью своих нападков, — пишет О. Браун, — он избрал меня, поскольку при сложившихся обстоятельствах я практически не имел возможности защищаться. Играя на националистических чувствах и ксенофобии своих соотечественников, Мао Цзэ-дун распространял идею, которая первоначально была направлена против меня, а впоследствии превратилась в политическую установку о том, что китайская революция отличается такой спецификой, а борьба китайской

³ Подробно о совещании в Нинду см.: А. Титов. Поражение Мао Цзэ-дуна на совещании в Нинду. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3.

⁴ О. Браун. Китайские записки (1932—1939). М., 1974, с. 97.

⁵ Там же, с. 67.

Красной армии такими особенностями, которые чужеземец никогда и ни за что не сумеет постигнуть»⁶.

Одновременно, используя разногласия и раздоры, усилившиеся после Гуанчанского сражения в руководстве КПК, в частности между Бо Гу и Ло Фу (Чжан Вэнь-тянь)⁷, а также играя на тщеславии некоторых руководящих деятелей, стремившихся стать первыми людьми в партии, Мао Цзэ-дун сумел расколоть Политбюро ЦК КПК и постепенно склонить на свою сторону Ло Фу^{***} и начальника Политуправления Красной армии Ван Цзя-сяна; их переход на сторону Мао Цзэ-дуна сильно укрепил позиции последнего. Опираясь на них, Мао Цзэ-дун еще более активизировал свою закулисную, фракционную деятельность. Мао Цзэ-дун, Ло Фу и Ван Цзя-сян, в сущности, и составили ядро фракционной группировки, которая развернула тайную борьбу за захват власти в партии и армии.

Эвакуация главных сил Красной армии из Центрального советского района осенью 1934 г. проходила при соблюдении необходимой военной тайны. Многие участники Западного похода не знали о его целях, и это вызвало недовольство и даже панику среди них⁸. Фракционная группировка во главе с Мао Цзэ-дуном воспользовалась этим обстоятельством и вместо борьбы против таких настроений всячески подогревала их, распространяя слухи о том, будто бы при правильном военном руководстве можно было бы отразить 5-й поход Чан Кай-ши и не покидать Центрального советского района.

На первом этапе Западного похода Мао Цзэ-дун стал постепенно переходить к открытой борьбе против военного руководства и особенно против Бо Гу и О. Брауна. «Любое оперативное решение, — пишет О. Браун, — он встречал в штыки, особенно резко выступал против моих предложений. Игнорируя порядок марша, он метался из корпуса в корпус, обрабатывая командиров и комиссаров корпусов и дивизий в нужном ему духе. Таким образом Мао сеял неуверенность в руководстве и постепенно раскалывал его»⁹. В результате этой интриганской деятельности влияние Мао Цзэ-дуна, особенно среди военных, усилилось, и он стал навязывать свою волю руководителям КПК, принимавшим участие в Западном походе. Так, после прорыва главными силами Красной армии Центрального советского района четырех линий гоминьдановских укреплений и выхода их на оперативный простор он настоял на своем предложении о дальнейшем продвижении на Запад, в глубь провинции Гуйчжоу, вместо того, чтобы, как предусматривалось первоначальным планом, идти на соединение со 2-м и 6-м корпусами Хэ Луна и Сяо Кэ¹⁰. Далее, в декабре 1934 г., после форсирования частями Красной армии Центрального советского района реки Уцзян открылась хорошая возможность ликвидировать две-три дивизии гоминьдановских войск, которые были посланы Чан Кай-ши для преследования частей Красной армии с опозданием. Однако Мао Цзэ-дун, по словам О. Брауна, «не хотел и слышать об этом. Победоносное сражение нарушило бы в тот момент его планы. Он спешил в Цзуньи,

⁶ О. Браун. Указ. произв., с. 97.

⁷ Там же, с. 97—98.

^{***} Ло Фу в то время был членом Секретариата и Политбюро ЦК, считался одним из главных теоретиков партии, после II Всекитайского съезда Советов в январе 1934 г. возглавил Совет народных комиссаров Китайской советской республики.

⁸ Ван Мин. Борьба китайской Красной армии против шестого похода. — «Большевик», 1934, № 22.

⁹ О. Браун. Указ. произв., с. 121.

¹⁰ Там же, с. 126.

так как считал, что наступило время нанести по партийному руководству долго и тщательно готовившийся удар и снова взять армию в свои руки»¹¹.

Еще до совещания в Цзуньи Мао Цзэ-дуну удалось в определенной степени изолировать Бо Гу от других руководителей КПК. В частности, Чжоу Энь-лай, тесно сотрудничавший с Бо Гу и практически отвечавший за военное руководство во время отражения 5-го похода Чан Кай-ши и в начальный период Западного похода, постепенно стал склоняться на сторону Мао Цзэ-дуна. Он поддержал, например, Мао Цзэ-дуна при обсуждении вопросов о направлении движения главных сил Красной армии Центрального советского района (в глубь провинции Гуйчжоу вместо первоначального плана, рассчитанного на соединение с корпусами Хэ Луна и Сяо Кэ), о созыве так называемого Расширенного совещания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи и по другим вопросам.

Следует указать, что совместные совещания членов Политбюро ЦК КПК и Реввоенсовета с привлечением командующих и политкомиссаров корпусов Красной армии практиковались в ходе Западного похода и до совещания в Цзуньи. Так, в декабре 1934 г. аналогичное совещание состоялось в уездном городе Липин в восточной части провинции Гуйчжоу¹². На таких совещаниях обсуждались и решались актуальные, неотложные вопросы, связанные с Западным походом. На совещании же в Цзуньи в повестку дня был включен вопрос о первых итогах борьбы против 5-го похода Чан Кай-ши. Причем обсуждение этого вопроса Мао Цзэ-дун и его сторонники свели к дискуссии о военных «ошибках», совершенных якобы руководством ЦК (Бо Гу и др.) в этот период. «Такое ограничение, если учесть состав совещания¹³, — подчеркивает О. Браун, — гарантировало успех Мао Цзэ-дуну с его платформой, ориентированной не перспективно, а ретроспективно»¹⁴.

С основным докладом «Об итогах борьбы против 5-го карательного похода и первого этапа Западного похода» выступил Бо Гу, докладчиком был Чжоу Энь-лай. В своих выступлениях они утверждали, что политическое и стратегическое руководство ЦК КПК во время отражения 5-го похода Чан Кай-ши в общем было правильным. Уход главных сил Красной армии из Центрального советского района они объясняли действием ряда объективных и субъективных факторов. К объективным факторам они отнесли увеличившуюся помощь режиму Чан Кай-ши со стороны империалистических держав, что выразилось в предоставлении крупных займов, поставке новейшей военной техники, направлении военных советников, военных техников, летчиков и т. п. Благодаря этому Чан Кай-ши укрепил свой режим и смог создать огромный перевес в силе и технике. Бо Гу и Чжоу Энь-лай отметили также слабость коммунистического и рабочего движения в гоминьдановских районах Китая. К субъективным факторам они отнесли слабость работы КПК на территории гоминьдановского Китая как среди

¹¹ Там же, с. 128.

¹² О совещании в Липине см.: Ши Пин (Чэнь Юнь). Героический поход. — «Коммунистический Интернационал», 1935, № 33—34.

¹³ По свидетельству О. Брауна, на совещании в Цзуньи, кроме членов Политбюро и ЦК КПК, принимали участие члены Временного революционного правительства, работники генштаба, командиры и комиссары корпусов. Они составляли подавляющее большинство. См.: О. Браун. Указ. произв., с. 129—130. Из членов Политбюро ЦК в Западном походе участвовали и дошли до Цзуньи: Бо Гу, Ван Цзя-сян, Дэн Фа, Ло Фу, Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь; отсутствовали Ван Мин, Кан Ши, Жэнь Би-ши, Сян Ин, Чжан Го-тао.

¹⁴ О. Браун. Указ. произв., с. 130.

населения, так и в войсках противника, недостаточное развитие партизанской борьбы и некоторые оперативные и тактические ошибки в ходе военных действий.

Мао Цзэ-дун, а вслед за ним его приверженцы (Ло Фу, Линь Бяо и др.) выступили в прениях с критикой этих совершенно правильных выводов и признали доклад Бо Гу и содоклад Чжоу Энь-лая «в основном неправильными»¹⁵.

В качестве главного обвинителя выступил сам Мао Цзэ-дун. Его выступление, как утверждает О. Браун, легло в основу «Решения совещания в Цзуньи». Он обвинил Бо Гу и Чжоу Энь-лая в том, будто они переоценили объективные трудности, особенно «мощь империализма и гоминьдановской реакции», и недооценили революционную ситуацию, якобы существовавшую в то время, что-де и привело их к «оппортунистическому выводу» о невозможности разгрома 5-го карательного похода, а также будто бы они раздули имевшиеся недостатки в работе партии и «явно недооценили те благоприятные условия», которые существовали в Центральном советском районе — «энтузиазм и активность широких масс»¹⁶. В подтверждение своих обвинений Мао Цзэ-дун ссылался на «правильные установки» и решения ЦК КПК в отношении отражения 5-го карательного похода, в частности на решение ЦК КПК от 24 июля 1933 г., в котором, как известно, с левацких позиций оценивалось соотношение классовых сил в стране и утверждалось, будто «в период 5-го похода мы располагаем всеми более полными, чем прежде, условиями для победы в решающем бою»¹⁷. При этом Бо Гу и его сторонники обвинялись в правом уклоне, который якобы выразился в том, что вместо так называемой «наступательной обороны» или «обороны решительным боем» они придерживались «пассивной обороны», или «обороны и только обороны», маневренную войну заменили «позиционной» или «фортификационной войной», вместо «уничтожения врага и завоевания победы в решающем бою» стремились «приостановить вражеское наступление» и т. д. и т. п.¹⁸.

«Расширенное совещание Политбюро, — подчеркивалось в „Решении совещания в Цзуньи“, — считает оборонческую линию в военных делах конкретным проявлением правого оппортунизма. Она проистекает из переоценки противника и объективных трудностей...; она проистекает из недооценки своих субъективных сил и особенно сил советских районов и Красной армии, из непонимания особенностей революционной войны»¹⁹.

Десять лет спустя Мао Цзэ-дун и его группа обвинили Бо Гу и его сторонников в совершенно противоположном, то есть не в правом, а «левом» уклоне. В решении ЦК КПК от 20 апреля 1945 г. «По некоторым вопросам истории нашей партии» ЦК КПК, возглавлявшийся Бо Гу, обвинялся в том, что «он слишком переоценил размеры кризиса гоминьдановского режима и роста революционных сил в стране»²⁰.

¹⁵ В отредактированном варианте «Решения совещания в Цзуньи», опубликованном в 1948 г. в «Сборнике работ Мао Цзэ-дуна», внесено исправление и неправильным признается лишь доклад Бо Гу, а оценка содоклада Чжоу Энь-лая опущена.

¹⁶ Об итогах борьбы против 5-го карательного похода (Далее: «Решение совещания в Цзуньи»). — Материалы по истории китайской революции. Пекин, 1957, с. 120—138 (на кит. яз.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 4. М., 1953, с. 342.

«Представители третьей «лево»-уклонистской линии, — говорилось далее в этом решении, — считали даже, что Красная армия сильнее всей гоминьдановской армии в целом, хотя последняя численно превосходила ее во много раз»²¹. Этот пример довольно ярко вскрывает приемы, к которым прибегал Мао Цзэ-дун и его группа для фальсификации «исторического значения» совещания в Цзуньи: оценки деятельности ЦК КПК, дававшиеся Мао Цзэ-дуном в 1935 г., в 1945 г. были изменены на противоположные.

Другое важное обвинение Мао Цзэ-дуна в адрес Бо Гу и Чжоу Энь-лая на совещании в Цзуньи состояло в том, что они-де не понимали и не желали признать, что основная причина ухода из Центрального советского района главных сил Красной армии заключалась совсем не в том, что объединенные силы гоминьдановской реакции, милитаризма и империализма оказались сильнее революционного движения китайских трудящихся, и не в том, что были недостатки в работе КПК, а прежде всего в том, что военное руководство, стратегия и тактика китайской Красной армии в целом были ошибочными.

Очевидно, что хотя вооруженная борьба в Китае в тот период была одной из главных форм борьбы между революцией и контрреволюцией, тем не менее сводить всю революционную борьбу к чисто военной деятельности, утверждать, будто причины поражения кроются исключительно в ошибках военно-оперативного руководства, как это пытался представить дело Мао Цзэ-дун на совещании в Цзуньи, было неправильно, примитивно и чуждо марксизму-ленинизму.

В. И. Ленин, говоря об условиях победы в вооруженном выступлении как высшей форме борьбы, подчеркивал важность подготовки масс к развертыванию боевого и широкого народного движения в стране в поддержку вооруженных революционных сил. «Победить более могущественного противника, — писал В. И. Ленин, — можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами. . . — так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме *вообще*»²².

Эти ленинские принципы марксистской стратегии и тактики, дающие возможность ориентироваться в сложной и трудной борьбе с самым сильным противником, совершенно игнорировались Мао Цзэ-дуном. Поэтому не случайно Мао Цзэ-дун был одним из наиболее упорных носителей «левацко»-сектантских тенденций в КПК. Сектантское отношение к промежуточным силам, неиспользование благоприятной обстановки, когда в начале 5-го карательного похода в провинции Фуцзянь поднялось античанкайшистское восстание и представилась реальная возможность для активных совместных действий с восставшими против Чан Кай-ши, — все это явилось серьезной ошибкой руководства КПК и в известной степени предрешило судьбу Центрального советского района. И в этом Мао Цзэ-дун был повинен не в меньшей, если не в большей степени, чем другие руководители КПК и Центрального советского района.

Ряд руководителей КПК, в частности Бо Гу, Чжоу Энь-лай и другие, хотя в целом и разделял сектантские взгляды Мао Цзэ-дуна в оценке гоминьдана и других политических группировок в лагере про-

²¹ Там же, с. 369.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 55.

тивника, рассматривая их как контрреволюционную силу, тем не менее выступал за осуществление тесного сотрудничества с фуцзяньским Народно-революционным правительством, полагая, что можно будет повести это правительство за собой и заставить его следовать политике КПК. Другие руководители, в том числе и Мао Цзэ-дун, считали фуцзяньское Народно-революционное правительство даже более опасной силой, чем сам гоминьдан, на том основании, что оно якобы, «прикрываясь демократическими лозунгами», пытается спасти разваливающийся гоминьдан. Выступая с докладом на II съезде Советов в январе 1934 г., Мао Цзэ-дун утверждал, что «появление „революционно-народного правительства“ в Фуцзяни является результатом попытки части реакционного господствующего класса избежать гибели новым маневром обмана масс»²³. Поэтому Мао Цзэ-дун был против оказания конкретной военной помощи фуцзяньскому правительству и 19-й армии под командованием Цай Тин-кая, когда они оказались в критическом положении в связи с карательной экспедицией Чан Кай-ши. Разгром 19-й армии и падение Народно-революционного правительства в Фуцзяни позволили Чан Кай-ши укрепить свой тыл и сосредоточить все силы для борьбы против Центрального советского района. Однако все это не помешало Мао Цзэ-дуну и его сторонникам на совещании в Цзуньи голословно обвинить Бо Гу и других в том, будто они «в корне не поняли важность использования 19-й армии в военном и политическом отношении для раздробления вражеского окружения и отражения 5-го похода». В то же время в оценке 19-й армии Мао Цзэ-дун остался на прежних позициях. Так, в «Решении совещания в Цзуньи» говорится, что поддержка 19-й армии и фуцзяньского правительства была необходима лишь для того, чтобы «вскрыть обман милитаристов 19-й армии» и завоевать на свою сторону рабоче-крестьянские и солдатские массы. В сущности, это была старая сектантская позиция. Поэтому попытка маоистов и промаоистской историографии на Западе представить дело так, будто на совещании в Цзуньи Мао Цзэ-дун противопоставил сектантской установке свою особую правильную установку — «использовать каждый конфликт в лагере контрреволюции и активно расширять каждую трещину в ее стане», является чистой фальсификацией исторических фактов. Мао Цзэ-дун оставался на «левацко»-сектантских позициях и после совещания в Цзуньи. Это особенно четко проявилось в период оформления и действия единого национального антияпонского фронта в 1935—1945 гг., когда он придерживался линии борьбы на два фронта — против гоминьдана и против японских захватчиков. Причем борьбу против гоминьдана он ставил на первый план, а в отношении японцев проводил пассивную тактику сохранения своих сил.

Чтобы скомпрометировать военное руководство Бо Гу и Чжоу Энь-лая на совещании в Цзуньи и добиться их замены, Мао Цзэ-дун, извращая и подтасовывая факты, стремился доказать, будто они не просто были неспособны организовать успешную борьбу против гоминьдановских войск и якобы вследствие этого Красная армия Центрального советского района не смогла отбить 5-й поход Чан Кай-ши, но и вообще совершенно некомпетентны в военных вопросах: «часто и легкомысленно вели упорный штурм вражеских крепостей», «превращали войну в детскую игру» и т. п. То, что в течение года, с октября 1933 и по октябрь 1934 г., плохо вооруженная и сравнительно

²³ Мао Цзэ-дун. Только Советы могут спасти Китай. М., 1934, с. 27—28, 102—103 (на кит. яз.).

немногочисленная Красная армия Центрального советского района не только сдерживала, но в ряде случаев довольно успешно отражала натиск вооруженной до зубов полумиллионной гоминьдановской армии, а затем, произведя перегруппировку своих сил, блестяще вышла из окружения, сохранив живую силу и боеспособность, — все это Мао Цзэ-дун полностью и вполне сознательно игнорировал.

Задавшись целью узурпировать прежде всего военное руководство на совещании в Цзуньи, то есть заменить Чжоу Энь-лая на посту Генерального комиссара Красной армии, Мао Цзэ-дун наносил все эти удары по Бо Гу и Чжоу Энь-лаю с таким расчетом, чтобы возвысить себя и дать понять участникам совещания, что только он, Мао Цзэ-дун, может обеспечить должное и правильное руководство военными действиями Красной армии.

По словам Ван Мина, Мао Цзэ-дун лично говорил ему: «Во время совещания в Цзуньи меня еще считали правым оппортунистом, и в одиночку я не мог добиться влияния. Поэтому мне пришлось прибегнуть к методу «разделяй и противопоставляй». Я подстрекал сначала Ван Цзя-сяна, а затем Ло Фу на борьбу против Бо Гу. Одновременно я создал с Ло Фу «блок Мао — Ло» и договорился с ним о том, что сначала Ло Фу захватит пост генсека ЦК, а затем назначит меня вместо Чжоу Энь-лая Генеральным комиссаром Красной армии»²⁴.

В стремлении Мао Цзэ-дуна захватить пост Генерального комиссара Красной армии наиболее концентрированно проявилась его милитаристская психология; сформулированная им в таких выражениях, как «есть армия — есть власть», «винтовка рождает власть» и т. п. Главным для него была не партия, а армия, поэтому он без особых раздумий «уступил» пост Генерального секретаря ЦК КПК Ло Фу. Он считал, что, имея армию, можно подчинить и даже создать свою партию. Позднее он говорил, что, «располагая винтовкой, можно действительно создать партию... можно также создать кадры, школы, создавать культуру, создавать массовое движение»²⁵.

К моменту созыва совещания в Цзуньи Мао Цзэ-дун был членом Политбюро ЦК КПК и председателем ЦИК Китайской советской республики, но он не имел в своем подчинении частей Красной армии. Исходя из психологии и представлений китайских милитаристов, он считал свою власть номинальной или «гражданской». Позднее он говорил: «После революции 1911 года все милитаристы всегда дорожили армией, как своей жизнью; они всегда чтити истину: «есть армия — есть власть». Тань Янь-кай **** был умным сановником; он не раз занимал руководящие посты в провинции Хунань, не раз и терял эти посты, но никогда он не хотел быть просто гражданским губернатором: он стремился быть военным губернатором, а гражданским — только по совместительству. Впоследствии, став председателем национального правительства сначала в Кантоне, потом в Ухане, он по совместительству занимал должность командира 2-го корпуса. В Китае много таких милитаристов, которые понимают эту особенность Китая»²⁶. Усвоил эту «особенность» и Мао Цзэ-дун. Поэтому не случайно на совещании в Цзуньи он задался целью стать не во главе партии, а во главе Красной армии.

Критикуя Бо Гу, Чжоу Энь-лая и других за их «военные ошибки» и «военную некомпетентность», сам Мао Цзэ-дун, кроме инсинуаций,

²⁴ Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975, с. 36—37.

²⁵ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. Пекин, 1952, с. 511 (на кит. яз.).

**** Тань Янь-кай — земляк Мао Цзэ-дуна, китайский милитарист.

²⁶ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 2. М., 1953, с. 386.

«командовать» Красной армией; он даже набрался наглости и написал письмо в ЦК партии, требуя сместить с поста председателя Мао»³³.

Этот серьезный кризис, возникший в войсках Красной армии Центрального советского района вскоре после совещания в Цзуньи, партии удалось преодолеть на совещании в местечке Хойли в начале мая 1935 г. Это было достигнуто только благодаря здравому подходу к его разрешению со стороны большинства членов Политбюро ЦК КПК, а также успешному форсированию реки Янцзы в ее верховье, открывшему путь в пограничный Сычуань-Сиканский район, где действовала Красная армия 4-го фронта³⁴. Однако объединение с Красной армией 4-го фронта и назначение политкомиссаром объединенной армии не Мао Цзэ-дуна, а Чжан Го-тао, в сущности, свело на нет «завоевания» Мао Цзэ-дуна на совещании в Цзуньи. Чтобы отстоять свои «завоевания» Мао Цзэ-дун умышленно пошел на обострение отношений с Чжан Го-тао, которое привело к расколу партии и ее вооруженных сил³⁵. В результате партия и ее вооруженные силы понесли большие потери и были поставлены на грань катастрофы. Только благодаря помощи Коминтерна и усилиям интернационалистских сил в КПК к концу 1936 г. удалось преодолеть и этот тяжелейший кризис в партии и ее вооруженных силах.

Хорошо понимая всю сомнительность своих «завоеваний» на совещании в Цзуньи, Мао Цзэ-дун долгое время молчал о них. Так, летом 1936 г. во время откровенных бесед со своим «американским другом» Эдгаром Сноу Мао Цзэ-дун, рассказывая ему свою биографию и подробно останавливаясь на своих «заслугах» в китайском революционном движении, ни словом не обмолвился о совещании в Цзуньи. К фальсификации совещания в Цзуньи Мао Цзэ-дун приступил лишь осенью 1941 г. Воспользовавшись тем, что Коминтерн и Советский Союз были заняты смертельной борьбой с немецким фашизмом, Мао Цзэ-дун, не веря в победу советского народа над фашизмом, под видом кампании «упорядочения стиля работы» начал фракционную борьбу против марксистско-ленинского интернационалистского ядра в КПК с целью подмены марксизма-ленинизма, политической линии Коминтерна «идеями Мао Цзэ-дуна», или «китаизированным марксизмом». Именно тогда он сфабриковал версию о существовании так называемой «лево-оппортунистической линии Бо Гу и др., которая якобы была господствующей в КПК, начиная с «событий 18 сентября» (1931), то есть с начала оккупации Японией Маньчжурии и до совещания в Цзуньи. В этой связи член Политбюро и Секретарь ЦК КПК Жэнь Би-ши, выступая в начале января 1943 г., во время кампании «по упорядочению стиля работы», когда выработывалась маоистская версия о роли совещания в Цзуньи, спрашивал: «Когда Центральный Комитет партии дал правильное разъяснение вопроса о том, что линия партии в период от «событий 18 сентября» до совещания в Цзуньи была неправильной? — И отвечал: — Во второй половине 1941 г.»³⁶.

По свидетельству Ван Мина, осенью 1941 г. Мао Цзэ-дун потребовал от Политбюро ЦК «исправления» «Решения совещания в Цзуньи». Причем он настаивал изменить его таким образом, чтобы V пленум ЦК КПК шестого созыва оценивался не как допустивший отдельные

³³ Кунь Цзюнь и Ши Да. Решающий исторический поворот.— «Лиши янь-цзю», 1975, № 1.

³⁴ Подробно см.: О. Браун. Указ. произв., с. 154—162.

³⁵ Там же, с. 166—186.

³⁶ Жэнь Би-ши. Мнение по некоторым вопросам. Доклад на совещании высших кадровых работников Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинси. Б/м, 1943, с. 52 (на кит. яз.).

тактические ошибки, а уже как якобы утвердивший ошибочную политическую линию партии. Это было сделано для того, чтобы квалифицировать решения этого пленума как «лево»-оппортунистическую линию Бо Гу и подготовить почву для пропаганды «исключительной роли» совещания в Цзуньи, а также своих исключительных заслуг на этом совещании и после него. Кроме того, указывает далее Ван Мин, тогда же Мао Цзэ-дун сфабриковал версию о том, будто политическая линия IV пленума ЦК КПК шестого созыва является «лево»-оппортунистической линией Ван Мина, которая якобы была подвергнута критике на совещании в Цзуньи. После этого он намеревался связать сфальсифицированную им линию IV пленума с так называемой «лево»-оппортунистической линией V пленума ЦК КПК и таким путем подтвердить свою версию о господстве в партии третьей «лево»-оппортунистической линии. Этот замысел Мао Цзэ-дун осуществил позднее, когда готовил «Решение по некоторым вопросам истории нашей партии», принятое VII пленумом ЦК КПК 20 апреля 1945 г.

Возникает вопрос, почему в качестве исходного пункта «торжества» своей «правильной линии» в КПК Мао Цзэ-дун избрал совещание в Цзуньи? Прежде всего потому, что совещанием в Цзуньи он решил восменить исторические решения VII конгресса Коминтерна, состоявшегося вскоре после совещания в Цзуньи (июль — август 1935 г.), которые легли в основу новой политики и тактики КПК, направленной на объединение всех национальных сил для отпора японской агрессии, на создание широкого единого национального антияпонского фронта. Известно, что благодаря этой политике и тактике начался новый, более плодотворный этап в жизни и деятельности КПК, в течение которого КПК превратилась в крупный фактор политической жизни Китая и в конце концов привела народы Китая в 1949 г. к победе народной революции. Мао Цзэ-дун узнал о решениях VII конгресса Коминтерна от его участника кандидата в члены ЦК КПК Линь Юй-ина (Чжан Хао) только в конце 1935 г., когда последний прибыл в Северную Шэньси. На совещании же в Цзуньи вопрос о борьбе против японской агрессии даже не затрагивался. Тем не менее западные буржуазные историки (например, американец Джон Э. Руэ в книге «Мао Цзэ-дун и оппозиция 1927—1945 гг.»), идя на поводу маоистской версии о совещании в Цзуньи, пытаются даже утверждать, будто бы победа Мао Цзэ-дуна в Цзуньи помогла руководящим работникам Коминтерна решить вопрос о создании единого фронта в борьбе против фашизма и империализма. Вздорность этих утверждений очевидна также вследствие того, что руководящие работники Коминтерна во время работы VII конгресса Коминтерна не располагали никакими сведениями о совещании в Цзуньи. С другой стороны, факт введения Мао Цзэ-дуна в состав Секретариата ЦК КПК на совещании в Цзуньи давал ему повод брать это совещание в качестве исходного пункта торжества его «линии». В действительности, как видно из изложенного выше, совещание в Цзуньи не играло и не могло играть той «исторической» роли, которую приписывают ему маоисты. Оно явилось всего лишь одним из этапов во фракционной борьбе Мао Цзэ-дуна за власть. Все последующие 40 лет Мао Цзэ-дун вел усиленную борьбу за утверждение своих националистических идей в КПК и государстве. Особое место в этой антимарксистской антипартийной деятельности Мао Цзэ-дуна занимает кампания «упорядочения стиля» (1941—1945) и так называемая культурная революция (1966—1969). Таким образом, ложь, клевета, извращения и подтасовка исторических фактов, фальсификация истории КПК органически присущи маоизму.

Пекин и «второй Бандунг»

Б. А. Соборов

Десять лет назад, в ноябре 1965 г., в Алжире должна была состояться вторая конференция глав государств и правительств афро-азиатских стран, проведение которой предусматривалось еще рекомендациями исторической Бандунгской конференции (апрель 1955 г.). Однако «второй Бандунг» так и не состоялся. Китайское руководство буквально в последний момент сорвало эту встречу, придя к выводу, что ее проведение идет вразрез с гегемонистскими планами Пекина.

Прогрессивные силы в странах Азии и Африки, готовясь к проведению второй афро-азиатской конференции на высшем уровне, рассматривали предстоящий форум как новый важный шаг на пути укрепления единства афро-азиатских народов в борьбе против империализма, за национальную независимость, прочный мир и равноправное международное сотрудничество, как возможность дальнейшего развития и утверждение в практике международных отношений принципов и идей Бандунга в условиях краха колониальной системы империализма.

Китайское руководство в тот период, стремясь расположить к себе общественность афро-азиатских стран и добиться реализации своих великодержавных замыслов, в тактическом плане демонстрировало согласие с таким подходом афро-азиатских стран. Например, в совместном китайско-танзанийском коммюнике, подписанном в результате визита Чжоу Энь-лая в Танзанию в июне 1965 г., выражалась уверенность в том, что планируемая конференция стран Азии и Африки «непременно будет продолжать и развивать бандунгский дух и дальше, вдохновлять борьбу против империализма, старого и нового колониализма и внесет важный вклад в благородное дело завоевания и сохранения национальной независимости, развития национальной экономики и национальной культуры, усиления афро-азиатской солидарности и сотрудничества и защиты мира во всем мире»¹. Однако за такими заявлениями, под которыми тогда ставили подписи китайские руководители, скрывалось стремление использовать антиимпериалистические настроения в странах Азии и Африки во имя корыстных планов Пекина.

Подлинные замыслы маоистов были отличными от их широковетельных заявлений.

Во-первых, китайское руководство в тот период стремилось использовать «второй Бандунг» для утверждения своей гегемонии над национально-освободительными движениями и развивающимися странами. Опираясь на эти силы, оно рассчитывало оказать давление на США и побудить их признать Китай в качестве «достойного партнера». С этой целью маоисты призвали народы Азии и Африки развернуть «народную войну против американского империализма и его приспешников». В сентябре 1965 г., то есть незадолго до созыва конференции афро-азиатских стран, в Китае была опубликована и затем распрост-

¹ «Жэньминь жибао», 9.VI.1965.

Франция во многих других странах статья «Да здравствует победа народной войны». Призывая народы трех континентов разворачивать «народную войну», китайские руководители сами, однако, вовсе не собирались принимать в ней прямое участие.

Во-вторых, Пекин, действуя в соответствии со своим антисоциалистическим, раскольническим курсом, стремился изолировать афро-азиатские страны от социалистических стран, и в первую очередь не допустить участия СССР в работе конференции.

Позиция Советского Союза в связи с предстоящим созывом второй конференции афро-азиатских стран была совершенно ясной и определенной. Хотя СССР не выдвигал вопроса о своем участии, Советское правительство выступало против политики раскола и ослабления единства национально-освободительных сил с социалистическими странами. Позиция СССР была изложена в заявлениях Советского правительства от 5 мая и 14 августа 1964 г.²

За участие Советского Союза в афро-азиатской конференции выступил целый ряд стран, в том числе Индия, ОАР, Цейлон. «Правительство ОАР, — говорилось в совместном советско-египетском коммюнике, — заявляет, что участие Советского Союза в предстоящей конференции будет способствовать успешному выполнению ее задач»³.

Китайское руководство, которое в середине 60-х гг. еще не «успело» сформулировать весь набор антисоветских инсинуаций, используемых официальной китайской печатью в настоящее время, в качестве единственного, открытого возражения против участия Советского Союза в конференции выдвигало положение, что «Советский Союз не является ни азиатской, ни африканской страной»⁴. Беспочвенность подобных утверждений была вполне очевидной, и афро-азиатские страны не могли согласиться с подобной «аргументацией» Пекина. Президент ОАР Г. А. Насер в одном из писем на имя Чжоу Энь-лай накануне намечаемой конференции указывал, что Советский Союз включает обширные районы Азии и что афро-азиатские страны получают выгоду от участия СССР в конференции⁵.

При неофициальных контактах с афро-азиатскими лидерами китайские руководители вели себя в этом вопросе несколько иначе. Они сочетали беспардонную клевету на СССР с попытками при помощи давления склонить собеседников к выгодному для себя компромиссу. В переписке с Насером, например, Чжоу Энь-лай утверждал, что все азиатские территории России были захвачены у Китая. Он заявлял Насеру также то, что «русские введут на конференцию один из блоков холодной войны»⁶.

Во время переговоров с Бен Беллой в марте 1965 г. Чжоу Энь-лай заявил, что Китай обязуется, в случае если СССР не будет приглашен участвовать в конференции, соблюдать правило единогласия во время дебатов и при голосовании резолюций, а также избегать всякой полемики в отношении Советского Союза⁷.

Готовясь к конференции, китайское руководство также всячески стремилось дискредитировать и изолировать Индию, видя в ее авторитете серьезное препятствие для утверждения пекинской гегемонии в афро-азиатском мире. Китайская пропаганда настойчиво утверждала,

² «Правда», 5.V; 14.VIII.1964.

³ Там же, 2.IX.1965.

⁴ «Жэньминь жибао», 8.VI.1965.

⁵ M. Heikal. Nasser. The Cairo documents. L., 1972, p. 280.

⁶ Там же.

⁷ Внешняя политика и международные отношения КНР. Т. 2. М., 1974, с. 72.

что «правительство Индии стремится к саботажу афро-азиатской конференции»⁸. Особенно активно Китай использовал в антииндийских целях возникший летом 1965 г. индо-пакистанский конфликт. Встав на сторону Пакистана, Пекин выдвинул в адрес Индии обвинение в том, что она-де «нарушила линию прекращения огня, спровоцировала и расширила конфликт»⁹. Одновременно Китай обвинил Индию в «использовании территории Сиккима для агрессивных действий против Китая»¹⁰. И здесь китайское руководство допустило явную передержку. На предложение Индии направить на китайско-сиккимскую границу нейтральных наблюдателей, чтобы они могли убедиться в беспочвенности этих обвинений, Китай ответил отказом¹¹.

Пекинское руководство использовало события вокруг индо-пакистанского конфликта также для нападок в адрес ООН и тогдашнего Генерального секретаря ООН У Тана, который характеризовался китайской печатью как «политический маклер США». «ООН — покровительница индийских агрессоров», — утверждала 14 сентября 1965 г. «Жэньминь жибао». Целью этих выступлений было не допустить участия У Тана в конференции.

Пекинские руководители развернули бурную деятельность в ходе подготовки конференции. Премьер Чжоу Энь-лай, министр иностранных дел Чэнь И и другие китайские руководители в 1963—1965 гг. посетили многие афро-азиатские страны, причем некоторые многократно, стремясь направить подготовку и проведение конференции в нужном для себя направлении.

Дата созыва конференции менялась дважды. Намеченное первоначально на 10 марта 1965 г. открытие конференции затем было перенесено на 29 июня, а позднее — на 5 ноября того же года. (28 октября должно было состояться подготовительное совещание министров иностранных дел стран-участниц.) И каждый раз при переносе даты начала конференции, а также во время контактов с представителями афро-азиатских стран китайские руководители выражали уверенность в том, что конференция непременно состоится. При этом они, как правило, подкрепляли это ссылками на «искренние надежды народов афро-азиатских стран, насчитывающих два миллиарда человек»¹².

В стремлении навязать свой подход к задачам конференции китайские лидеры активно внушали афро-азиатским представителям тезис об «общности судеб». «У нас аналогичное прошлое, — говорил Чжоу Энь-лай в Занзибаре на митинге 6 июня 1965 г., — у нас общая задача в борьбе и, следовательно, нам очень легко понимать друг друга и питать друг к другу доверие... В оказании взаимной помощи мы действительно помогаем друг другу, как бедные друзья на одной лодке, а не поступаем по закону джунглей»¹³.

Последующие события, однако, разоблачили лицемерие китайского руководства и обнажили серьезные расхождения, разделявшие Китай и подавляющее большинство афро-азиатских стран. Китай, выступавший все время за проведение конференции в установленные сроки, 15 октября 1965 г. неожиданно внес в подготовительном комитете предложение об отсрочке конференции без указания новой даты ее проведения. 19 октября на заседании подготовительного комитета была вне-

⁸ «Жэньминь жибао», 17.VI.1965.

⁹ Там же, 6.IX.1965.

¹⁰ Из ноты МИД КНР от 17.IX.1965, «Жэньминь жибао», 17.IX.1965.

¹¹ Там же.

¹² «Жэньминь жибао», 12.VI.1965.

¹³ Там же, 8.VI.1965.

сена совместная китайско-камбоджийская резолюция, которая, ссылаясь на «неблагоприятное» стечение обстоятельств, предлагала отложить конференцию¹⁴.

Такой крутой поворот объяснялся определенным развитием международной обстановки, сложившейся неблагоприятно для китайских лидеров, и наглядно продемонстрировал всему миру беспринципность позиции Пекина в «третьем мире», его полное пренебрежение к насущным интересам стран Азии и Африки, которые были мгновенно преданы забвению, как только маоисты убедились, что их линия не получит той поддержки, на которую они рассчитывали.

Мотивировка предложения китайской стороны об отсрочке конференции сводилась к следующему. В письме Чжоу Энь-лая главам государств и правительств от 22 октября 1965 г. указывалось на «конфликты между некоторыми афро-азиатскими странами», а также на «разногласия» между странами Азии и Африки относительно «участия не афро-азиатских стран в конференции, отношений конференции с ООН, необходимости осуждения империализма, колониализма и неокOLONиализма, руководимого США»¹⁵.

Если расшифровать эти формулы, то становится понятным, что в сложившейся в то время международной обстановке китайские руководители не видели возможности осуществить на конференции афро-азиатских стран свои шовинистические цели. Китайские лидеры убедились, что им не удастся помешать участию Советского Союза в афро-азиатской конференции, что ставило под угрозу все их гегемонистские расчеты. Отношения КНР с ведущими азиатскими странами, и прежде всего с Индией, заметно ухудшились. Пекину не удалось использовать индо-пакистанский конфликт в целях подрыва авторитета Индии в афро-азиатском мире. Согласно Пакистана и Индии на прекращение огня и посредничество ООН, а также их благоприятное отношение к добрым услугам, предложенным Советским Союзом¹⁶, расстраивало раскольнические планы китайского руководства. После событий 30 сентября 1965 г. произошло резкое ухудшение отношений Китая с другой крупнейшей азиатской страной — Индонезией. Пекин также не устраивало приглашение Генеральному секретарю ООН принять участие во «втором Бандунге». Стало ясно, что афро-азиатские страны не поддерживают и маоистские лицемерные призывы «открыто осудить американский империализм»¹⁷, отнюдь не собираясь развертывать «народную войну» во имя пекинских интересов.

Осознавая провал своих планов, Пекин заявил в послании Чжоу Энь-лая от 22 октября, что Китай не примет участия в конференции, если она откроется 28 октября, как было предусмотрено ранее¹⁸. Это был открытый ультиматум афро-азиатским странам.

Вместе с тем китайские представители, учитывая возражения со стороны других членов подготовительного комитета и желая, видимо, продемонстрировать свое стремление к «единству и консультациям» с другими странами, внесли 25 октября на заседании подготовительного комитета компромиссное предложение о созыве «особого» совещания министров иностранных дел исключительно для рассмотрения вопроса

¹⁴ Там же, 22.X.1965.

¹⁵ Там же, 27.X.1965.

¹⁶ См.: «Правда», 20.IX.1965.

¹⁷ Ответы заместителя премьера Чэнь И на вопросы корреспондентов. Пекин, 1966, с. 15 (на кит. яз.).

¹⁸ «Жэньминь жибао», 27.X.1965.

об отсрочке или созыве конференции¹⁹. Однако это предложение было отвергнуто.

26 октября правительство КНР опубликовало заявление, в котором говорилось, что оно в интересах «сохранения афро-азиатской солидарности» приняло решение «не участвовать в афро-азиатской конференции 28 октября, которая может привести только к расколу». В заявлении содержалась серия грубых обвинений в адрес Алжира как организатора конференции. В нем, в частности, говорилось, что «Алжир, игнорируя предложение» ряда стран, «самоуправно вынес решение о созыве в установленный срок, то есть 28 октября, второй конференции стран Азии и Африки», что «решение Алжира, как председателя, является серьезным нарушением принципа достижения единства путем консультаций» и такое решение якобы «создало ситуацию раскола среди стран Азии и Африки»²⁰.

Такие заявления вскрывали принципиальные расхождения в целях, которые ставили перед собой в связи с конференцией Китай, с одной стороны, и афро-азиатские страны — с другой. Эти страны отмечали ту ответственность, которую берет на себя Китай, выступая против конференции. Алжирский официоз «Эль-муджахид» писал 27 октября 1965 г.: «Следует подчеркнуть, что конференция интересует все страны Африки и Азии и что если не будет принято во внимание общественное мнение подавляющего большинства этих стран, то это нанесет огромный ущерб афро-азиатской солидарности»²¹.

Отвергая китайскую ссылку на предыдущие отсрочки конференции, производившиеся якобы подготовительным комитетом, газета далее указывала: «Первый раз конференция была отложена в соответствии с полномочиями подготовительного комитета, то есть в связи с недостаточной материальной подготовленностью конференции. Второй раз решение о переносе было принято 35 министрами иностранных дел, находившимися в Алжире... В настоящее время положение иное. Теперь большинство стран требует не отсрочки, а проведения конференции, и поэтому подготовительный комитет, компетенция которого ограничивается лишь оценкой материальной подготовки конференции, не может превышать свои полномочия, входящие исключительно в компетенцию совещания министров иностранных дел»²².

Алжирская сторона, проявляя беспокойство в связи с угрозой того, что конференция может не состояться, пыталась воздействовать на Китай, указывая, что срыв конференции «будет означать, что в 1965 г. империализм одержал еще одну победу над афро-азиатскими народами»²³. «Нельзя забывать, — писала та же газета спустя несколько дней, — что отсрочка конференции будет не победой китайской установки, а прежде всего победой империализма, рассчитывающего на раскол прогрессивных сил»²⁴.

Китай игнорировал все призывы и обращения афро-азиатских партнеров, откровенно продемонстрировав свою великодержавно-шовинистическую позицию. Китайскому руководству удалось склонить на свою сторону правительства таких стран, как Пакистан, Камбоджа, Танзания и некоторые другие. Единство афро-азиатских стран было

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, 27.X.1965.

²¹ "El-Moudjahid", 27.X.1965.

²² Там же.

²³ Там же, 20.X.1965.

²⁴ Там же, 30.X.1965.

«серьезно подорвано. Поэтому собравшееся в Алжире 30 октября 1965 г. совещание министров иностранных дел стран — участниц конференции приняло решение отложить проведение афро-азиатской конференции на неопределенный срок.

* * *

Анализ характера и мотивов поведения китайского руководства в период подготовки второй конференции афро-азиатских стран представляет несомненный интерес с точки зрения действий Пекина на международной арене в настоящее время, когда он вновь активно пытается привлечь на свою сторону страны Азии, Африки и Латинской Америки под лозунгом «сплочения стран третьего мира». Обращает на себя внимание настойчивое повторение китайскими руководителями во время контактов с представителями трех континентов положения о том, что «Китай никогда не станет сверхдержавой». За этой фразой, кроме желания развеять подозрительность развивающихся стран относительно гегемонистских целей маоистской внешней политики, скрываются также попытки сгладить неблагоприятное впечатление, сложившееся у этих стран в связи с эксцессами великодержавного курса Пекина в прошлом, особенно в период подготовки второй афро-азиатской конференции.

Лу Синь и Цюй Цю-бо

В. В. Петров

Лу Синь, как известно, имел обширные знакомства в литературных кругах Китая. Он поддерживал дружеские и деловые отношения с многими писателями, вел большую переписку, охотно помогал молодым авторам. С одними Лу Синя объединяло творческое сотрудничество, с другими — совместное участие в литературных обществах и журналах, с третьими его связывали издательские дела. Среди многочисленных друзей и знакомых выделялись люди, дружба с которыми Лу Синь особенно дорожил. К числу этих самых близких и верных друзей принадлежал Цюй Цю-бо, видный деятель КПК, революционер-интернационалист, выдающийся публицист, критик и переводчик.

Цюй Цю-бо высоко ценил Лу Синя как великого художника-реалиста, создателя революционных традиций в китайской публицистике, энтузиаста переводческого дела.

В свою очередь для Лу Синя авторитет Цюй Цю-бо был непререкаем в вопросах, связанных с марксистской эстетикой и критикой, с переводами на китайский язык русской классической и советской литературы.

Взаимное уважение создавало благоприятные предпосылки для плодотворного творческого сотрудничества, прочной основой которого была общность идейных позиций. По коренным вопросам литературной теории и практики оба писателя придерживались одинаковых или очень схожих взглядов. Они оба оказывали огромное влияние на деятельность Лиги левых писателей Китая и шли в авангарде борцов за революционную китайскую литературу.

О дружбе Лу Синя и Цюй Цю-бо немало написано. Ценные свидетельства и интересные факты приводятся в воспоминаниях Сюй Гуан-пин, Ян Чжи-хуа, Фэн Сюэ-фэна, Цао Цзин-хуа. Взаимоотношения Лу Синя и Цюй Цю-бо рассматриваются в ряде работ советских и китайских исследователей, среди которых следует особо выделить книги и статьи М. Е. Шнейдера и Дин Цзин-тана¹,

¹ М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо (1899—1935). М., 1964; Дин Цзин-тан. Заметки об изучении произведений Лу Синя и Цюй Цю-бо. Шанхай, 1961, и другие работы этих авторов.

а также работы Л. Д. Позднеевой, Р. С. Белоусова, Ши Мана, Цао Цзы-си². Задачу настоящей статьи ее автор видит в том, чтобы привести в систему разрозненные факты, в случае надобности уточнить их и, опираясь на труды предшественников и на результаты собственных изысканий, по возможности полно рассмотреть историю сотрудничества двух выдающихся революционных писателей Китая.

Начало этого сотрудничества относится к осени 1931 г. В то время Лу Синь и Цюй Цю-бо были знакомы только заочно. Впервые их свела вместе борьба против врагов революционной китайской литературы. Оба писателя выступили на страницах журнала «Вэньсюэ даобао» с решительной критикой реакционной программы и творческой несостоятельности движения за националистическую литературу, с помощью которого гоминьдановские идеологи тщетно пытались подорвать авторитет Лиги левых писателей Китая. Цюй Цю-бо под псевдонимом Ши Те-эр опубликовал в «Вэньсюэ даобао» статью «Литература мясников»³ и «Молодежный сентябрь», а Лу Синь под псевдонимом Янь Ао напечатал в этом журнале статью «Задачи и судьбы националистической литературы». В этих статьях была последовательно и бескомпромиссно развенчана националистическая литература, апологеты которой спекулировали на патриотических чувствах китайцев.

Движение за националистическую литературу имело явную антикоммунистическую направленность. Литераторы-националисты, стараясь любой ценой убедить общественное мнение в том, что именно они являются самыми ревностными защитниками национальных интересов Китая, объявляли коммунистов «предателями» и требовали покарать и даже истребить этих «изменников» внутри нации. Действуя по указке своих хозяев из числа ультраправых гоминьдановских лидеров, они, как отмечал Лу Синь, всеми способами старались «подавить пролетари-

² Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936). М., 1959; Р. С. Белоусов. В тысячах нероглифов. О книгах и людях. М., 1963; Ши Ман. Возвышенная революционная дружба — памяти Лу Синя и товарища Цюй Цю-бо. — «Дунхай», 1963, № 9; Цао Цзы-си. Литературная деятельность Цюй Цю-бо. Шанхай, 1958.

³ В Собрание сочинений Цюй Цю-бо она вошла под названием «Собачий героизм» (см. т. 1, с. 265—270).

Разжигаемый писателями-националистами шовинистический психоз служил удобным прикрытием для нагнетания антисоветских настроений. Националистическая литература открыто звала к «священной войне» против Советской России, цель которой, по словам Лу Синя, заключалась в том, чтобы «ничтожить «первое государство пролетарской диктатуры» — «пример для пролетариата»⁴, в частности для китайского. При этом поборники «интересов нации» не задумывались над тем, во что обойдутся Китаю пропагандируемые ими карательные и военные акции. «Ради обмана народных масс они вопят как безумные, надеясь телами четырехсот миллионов людей заткнуть дула орудий» — эти слова Цюй Цю-бо точно характеризуют действительное отношение писателей-националистов к своему народу⁵.

Участники движения за националистическую литературу рьяно встали в тогу защитников независимости суверенитета Китая, признанных, казалось бы, своими произведениями содействовать укреплению могущества нации; но на поверку националистическая литература оказывалась всецело подчиненной интересам империалистов. «Это — литература сторожевых псов. А ее хозяева — помещики и буржуазия, которые сами являются прихвостнями империализма», — говорил о националистической литературе Цюй Цю-бо⁶.

В статье Лу Синя в «Вэньсюэ даобао» очень верно указаны причины, вызвавшие к жизни движение за националистическую литературу:

«Как только крах старого общества стал еще более очевидным, а классовая борьба еще сильнее обострилась, то и они увидели своего смертельного врага — пролетариат, который намеревается создать новую культуру и одним махом вымести всю старую грязь; при этом они почувствовали, что и сами являются той самой грязью, которой предстоит разделить участь находящихся у власти правителей. Вот почему им не оставалось ничего другого, как встать под знамя националистической литературы, поднятое верноподданными внутри нашей нации, пребывающей под властью империалистов, чтобы в одних рядах с хозяевами дать последний отчаянный бой»⁷.

Лу Синь и Цюй Цю-бо проявили полное единодушие в оценке откровенно шовинистического характера манифеста, опубликованного писателями-националистами летом 1930 г. «Так называемый национализм в литературе», — писал Цюй Цю-бо, — «...только проявление великодержавности класса шэнь-

ши и купцов, проявление квасного патриотизма и фашизма, попытка сфабриковать «высочайший приказ» от имени так называемой «нации» о необходимости защиты империализма. Национализм в литературе — это попытка сохранить «природное» рабское повиновение шэньши и купцам и «чувство готовности» служить пушечным мясом для своих заклятых классовых врагов, то есть вызвать у трудящихся такие «нестерпимые эмоции», которые дадут им возможность со спокойным сердцем пойти на братоубийственную бойню»⁸.

Лу Синю и Цюй Цю-бо была ясна классовая природа движения за националистическую литературу, отражавшего интересы реакционных помещичьих и правобуржуазных сил: «Китайские шэньши и купцы делают заказы на романы, подстрекающие к войне, на литературу, подстрекающую к убийствам и поджогам. И все это называется националистической литературой»⁹.

Критику общей направленности националистической литературы Лу Синь и Цюй Цю-бо подкрепляли конкретными примерами. В их статьях был дан анализ «шедевров», созданных писателями-националистами; особое внимание уделялось разбору таких произведений, как роман «Война у ворот родины» Вань Го-ань, роман «На линии Лунхайской железной дороги» и драма в стихах «Кровь желтых людей» Хуан Чжэнь-ся, стихи Шао Гуань-хуа и Су Фэна. Лу Синь и Цюй Цю-бо решительно отвергли все то, что определяло характер содержания этих и подобных им произведений — культу войны, убийства, грубой силы и фанатичной жестокости, смакование кровавых расправ, имеющих целью устранив китайский народ и подавить его сопротивление чанкайшистской диктатуре, разжигание шовинистической истерии, оголтелый антисоветизм.

Злобный антисоветизм писателей-националистов также получил достойную отповедь в статьях Лу Синя и Цюй Цю-бо. Лу Синь, например, четко определил антисоветскую направленность драмы Хуан Чжэнь-ся «Кровь желтых людей». Он без труда разглядел в ней подсказанный исторической аллегорией призыв к организации крестового похода желтой расы против первого в мире государства пролетарской диктатуры и показал, что этот призыв, в сущности, оскорблял достоинство и патриотические чувства самих китайцев, оборачивался предательством национальных интересов самого Китая. Ослепленный ненавистью к Советской стране, Хуан Чжэнь-ся прославлял Бату, забывая при этом, что дед его героя — Чингисхан — до того как двинуть свои полчища на Запад, отдал на разграбление и поругание Китай, «сначала превратил китайцев в рабов, а потом уже погнал их на войну»¹⁰. Ра-

⁴ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 4. Пекин, 1957, с. 246.

⁵ Там же, с. 248.

⁶ Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959, с. 164.

⁷ Цюй Цю-бо. Собр. соч. Т. 1. Пекин, 1953, с. 297.

⁸ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 4, с. 246.

⁹ Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, с. 114.

¹⁰ Цюй Цю-бо. Собр. соч. Т. 1, с. 266.

¹¹ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 4, с. 252.

туя за поход против Советской России, Хуан Чжэнь-ся не хотел замечать, что претендовавшая, по его логике, на роль современного Бату империалистическая Япония уже сделала первый шаг в своем походе на Запад — она предприняла «восточный подход» и захватила три Северо-восточные провинции Китая. «Хотя японские герои, — иронизировал Лу Синь, — и ненавидят Советскую Россию, но китайских героев они тоже не жалуют своей любовью»¹².

А вот в каком неприглядном виде предстали персонажи романа Вань Го-ань «Война у ворот родины» под пером Цюй Цю-бо: «Да, зверски расправляться с пленными они умеют. Какое тут «волнующее» описание! В искусстве убивать они достигли совершенства. Ну а что они еще умеют? Еще они умеют с побагровевшими рожками и с пеной у рта испуганно твердить: «Не трусьте, не знайте пощады!.. Вы сокрушите Красную Россию, дойдете до Москвы! Вперед, вперед!..»¹³. Настоящие патриоты и убежденные интернационалисты, верные друзья нашей страны Лу Синь и Цюй Цю-бо не могли оставаться равнодушными к появлению подобных произведений, пусть художественно убогих, но все же опасных своей патологической ненавистью к Советской России. Поэтому они разоблачали антисоветские выпады писателей-националистов. Это одна из особенностей статей Лу Синя и Цюй Цю-бо в «Вэньсюэ даобао», сыгравших весьма существенную роль в идейном разгроме националистической литературы.

Борьбу за революционную литературу Лу Синь и Цюй Цю-бо связывали с освоением опыта советской литературы, и поэтому оба отдавали много времени и сил переводам произведений советских писателей. В этой области также проявилось их творческое сотрудничество.

* * *

В октябре 1931 г. Лу Синь завершил подготовку к изданию китайского перевода «Железного потока» А. С. Серафимовича. Он отредактировал перевод, написал послесловие, в котором рассказал о том, как создавалась книга, позаботился о ее оформлении, взяв на себя все переговоры с издателем. «Железный поток» был переведен на китайский язык Цао Цзин-хуа, одним из близких друзей Лу Синя, его соратником по литературному обществу «Без названия». Цао Цзин-хуа жил тогда в СССР и преподавал китайский язык в Ленинградском университете. Рукопись перевода он прислал Лу Синю еще в июне 1931 г.¹⁴. В августе

Лу Синь закончил редактировать перевод¹⁵ и попросил Цао Цзин-хуа дополнительно перевести для китайского издания автобиографию А. С. Серафимовича и его статью «Как я писал «Железный поток»». Цао Цзин-хуа тогда же в августе перевел эти материалы в Суйде (под Ленинградом), где проводил летние каникулы. Возобновление занятий в университете вынудило его отказаться от намерения перевести большую статью Г. А. Нерадова «Художник Октября», которую, по замыслу Лу Синя, предполагалось дать в китайском издании в качестве предисловия к роману — подобно тому, как это было сделано в советском издании Полного собрания сочинения А. С. Серафимовича¹⁶. Статья Г. А. Нерадова раскрывала политическое и художественное значение «Железного потока» как «произведения, вобравшего в себя муки и сомнения, борьбу и страдания людей своей эпохи»¹⁷. Г. А. Нерадов подчеркивал, что роман А. С. Серафимовича «и по содержанию, и по форме является произведением, которое могло родиться только в СССР и только как следствие Октябрьской революции»¹⁸. Лу Синь считал очень важным познакомить китайских читателей с содержащимися в статье Г. А. Нерадова обстоятельным анализом романа А. С. Серафимовича, поэтому он обратился к Цюй Цю-бо и попросил его срочно перевести статью. Связь с Цюй Цю-бо он поддерживал через члена Лиги левых писателей Фэн Сюэ-фэна, который в то время часто бывал и у Лу Синя, и у Цюй Цю-бо¹⁹. Цюй Цю-бо с готовностью откликнулся на предложение Лу Синя и вскоре передал через Фэн Сюэ-фэна готовый перевод статьи Г. А. Нерадова.

В декабре 1931 г. книга увидела свет²⁰. Она вышла под маркой издательства «Саньцзянь шуу» («Трижды бездельник»), которого на самом деле не существовало. Лу Синь издал перевод «Железного потока» на собственные средства при содействии своего японского друга издателя и книготорговца Утияма Кандзо.

Таким образом, над китайским изданием «Железного потока» — книги, имевшей, по единодушному мнению Лу Синя и Цюй Цю-бо, очень большое значение для Китая, — трудилось трое верных друзей советской литературы — Цао Цзин-хуа, Лу Синь и Цюй Цю-бо. «В нынешних условиях, — писал Лу Синь, — нелегко найти хорошую

¹⁵ Там же с. 834.

¹⁶ См.: А. С. Серафимович. Полн. собр. соч. Т. 10. М., Изд-во «Федерация», 1931, с. 9—33.

¹⁷ Там же, с. 9.

¹⁸ Там же, с. 11.

¹⁹ См.: Фэн Сюэ-фэн. Воспоминания о Лу Синь. Пекин, 1952, с. 136.

²⁰ Подробнее о подготовке китайского издания «Железного потока» см. в кн.: Р. С. Белоусов. В тысячах иероглифов. с. 28—33.

¹² Там же, с. 249.

¹³ Цюй Цю-бо. Собр. соч. Т. 1. Пекин, 1953, с. 270.

¹⁴ Лу Синь. Дневник. Т. 2. Пекин, 1959, с. 829.

книгу. Эта книга — всего лишь переводной роман, но для ее издания понадобились усилия трех человек — переводчика, сопереводчика и редактора. Причем ни один из них не работал ради пустого времяпрепровождения или с намерением обмануть читателя»²¹.

В связи с выходом в Китае «Разгрома» А. А. Фадеева и «Железного потока» А. С. Серафимовича Цюй Цю-бо 5 декабря 1931 г. обратился к Лу Синю с письмом «О переводах», в котором похвалил перевод «Разгрома» и высоко оценил всю деятельность Лу Синя, направленную на ознакомление китайцев с лучшими произведениями советской литературы: «Выход в свет «Разгрома» в вашем переводе — выдающееся событие в литературной жизни Китая. Переводы лучших произведений мировой пролетарской революционной литературы и систематическое ознакомление с ними китайского читателя, в особенности с произведениями известных советских авторов, которые в конкретных образах, в яркой художественной форме раскрывают перед читателем героизм Великого Октября, гражданской войны и пятилетки, — одна из важнейших задач деятелей пролетарской литературы Китая»²².

Переписка о переводах, внесшая много нового в разработку теории художественного перевода в Китае, упрочила базу творческого сотрудничества Лу Синя и Цюй Цю-бо. Она еще раз подтвердила, что между Лу Синем и Цюй Цю-бо с момента их совместного выступления против националистической литературы установились самые дружеские отношения.

Другим наглядным подтверждением этого может служить история перевода на китайский язык драмы А. В. Луначарского «Освобожденный Дон-Кихот».

В феврале 1930 г. Лу Синь получил от Сюй Шн-цюаня из Германии немецкий перевод «Освобожденного Дон-Кихота», выполненный Готцем²³, и решил перевести пьесу с немецкого на китайский. Кроме немецкого издания, Лу Синь располагал еще японским переводом Сэнда Корэя. 10 июня 1930 г. был закончен перевод первого действия. К тому времени у Лу Синя уже имелось и советское издание, присланное ему 16 мая 1930 г. Цао Цзин-хуа из Ленинграда, но Лу Синь не владел русским языком и поэтому не мог воспользоваться оригинальным текстом. Позже он писал: «Цао Цзин-хуа узнал, что я перевожу эту книгу, и прислал мне очень красивое оригинальное издание. Хотя я и не умею читать на языке оригинала, но все же после сверки

я понял, что в немецком переводе много купюр... Это в равной степени относилось и к японскому переводу — он был сделан с немецкого. В такой ситуации я засомневался в своем переводе и в конце концов, отложив его, не стал переводить дальше»²⁴.

Однако в ноябре 1931 г. Лу Синь под псевдонимом Суй Ло-вэнь все же напечатал свой перевод первого действия «Освобожденного Дон-Кихота» в журнале «Бэйдоу», что, впрочем, не привело к возобновлению работы над переводом. По совету Лу Синя за перевод пьесы взялся Цюй Цю-бо. Он переводил по тексту советского издания, переданного ему Лу Синем. Уже в декабре 1931 г. в «Бэйдоу» было напечатано в переводе Цюй Цю-бо (под псевдонимом И Цзя) второе действие. Весьма возможно, что Лу Синь принял окончательное решение отказаться от перевода «Освобожденного Дон-Кихота» после того, как Цюй Цю-бо подтвердил обоснованность его выводов, касающихся адекватности немецкого издания. Косвенно такое предположение в какой-то мере подтверждается припиской Цюй Цю-бо, помещенной в «Бэйдоу» после текста второго действия пьесы: «Эту пьесу Луначарского сначала стал переводить господин Суй Ло-вэнь. Сейчас, во-первых, из-за того, что господин Суй Ло-вэнь занят другой работой, и, во-вторых, в связи с тем, что получено новое издание, кое в чем отличное от того, по которому переводил господин Суй Ло-вэнь, и полностью соответствующее русскому оригиналу, И Цзя решил перевести пьесу заново. Журнал «Бэйдоу» должен будет в каждом номере печатать по два действия, и тогда самое позднее к пятому номеру публикация всего перевода будет закончена»²⁵.

Лу Синь остался очень доволен согласием Цюй Цю-бо перевести «Освобожденного Дон-Кихота»: «Редактор все-таки получил полный текст, переведенный непосредственно с оригинала, и стал его печатать, начиная со второго действия. Радость мою в ту пору, как говорится, «невозможно было передать словами»²⁶. К сожалению, законченный в мае 1932 г. перевод «Освобожденного Дон-Кихота» не удалось сразу опубликовать целиком. В июле 1932 г. в «Бэйдоу» появился перевод третьего и четвертого действий, но журнал был закрыт гоминьдановскими властями и публикация перевода прервалась. 9 февраля 1933 г. Лу Синь

²⁴ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 663.

²⁵ «Бэйдоу». Т. 1, № 4, 20. XII. 1931, с. 78; под «новым изданием», «полностью соответствующим оригиналу», подразумевалось, видимо, советское издание, не названное прямо по цензурным соображениям; впрочем, речь могла идти и о втором японском переводе Кумадзава Матароку (1928).

²⁶ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 663.

²¹ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 608—609.

²² Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, с. 156—157.

²³ Лу Синь. Дневник. Т. 2, с. 802. *Der Befreite Don-Quichotte. Ein Schauspiel in 9 Bildern mit einem Epilog. Aus dem Russischen von J. Gotz. Berlin, 1925.*

писал Цао Цзин-хуа: «У То ²⁷ несколько раз открывалось кровохарканье, теперь все прошло, он чувствует себя лучше, собирается закончить перевод «Освобожденного Дон-Кихота» ²⁸, но пока еще не нашел, где его издавать» ²⁹. Однако Лу Синь не терял надежды напечатать перевод Цюй Цю-бо в полном виде: «Потом предпринимались попытки пристроить еще неопубликованную часть перевода — ради этого было даже заново переведено первое действие. В новом переводе оно не имело ничего общего с моим старым переводом; к тому же перевод снабжен подробными и четкими примечаниями. Таким образом, получилась вполне надежная книга, на которую можно положиться. Вот уже скоро год, как рукопись валяется в ящике, а случая издать ее за все это время так и не представилось. Теперь ее выпускает издательство «Ляньхуа шуцзюй» — отныне в Китае станет больше еще одной хорошей книгой. Это очень от радо» ³⁰.

Лу Синь умалчивает здесь о своей роли в подготовке китайского издания «Освобожденного Дон-Кихота». А ведь именно он вел переговоры с владельцем шанхайского издательства «Ляньхуа шуцзюй» Фэй Шэньсяном, а в октябре — декабре 1933 г. редактировал перевод и держал корректуру, написал пространное послесловие и передал для перепечатки свой перевод краткой биографии Луначарского, сделанный для китайского издания пьесы «Фауст и город» ³¹. Вместе с Цюй Цю-бо он предложил проект оформления книги — в качестве заставок и концовок были использованы одиннадцать гравюр на дереве советского художника Н. И. Пискарева из советского издания 1922 г. Наконец, Лу Синю пришлось оплатить набор книги ³². Он очень опасался, что весь его труд, равно как и труд переводчика, может пропасть даром из-за произвола цензуры. 25 ноября 1933 г. Лу Синь писал Цао Цзин-хуа: «Я занят изданием «Освобожденного Дон-Кихота». Он пока еще не вышел, но после выхода в свет уже не сможет оставаться «освобожденным» ³³. К

счастью, на этот раз опасения Лу Синя не оправдались, и в апреле 1934 г. издательство «Ляньхуа шуцзюй» выпустило наконец полный перевод «Освобожденного Дон-Кихота», сделанный Цюй Цю-бо и подготовленный к печати Лу Синем.

Сотрудничество Лу Синя и Цюй Цю-бо очень скоро переросло в близкую дружбу. 5 декабря 1931 г. в письме «О переводах» Цюй Цю-бо писал Лу Синю: «Все это я говорю так бесцеремонно, словно речь идет обо мне самом. Если бы дело касалось людей посторонних, то это выглядело бы, конечно, неприлично, но ведь мы такие близкие друзья, такие близкие люди, хотя еще ни разу не виделись. У меня создается впечатление, что когда я обращаюсь к вам, то как будто разговариваю и советуюсь с самим собой» ³⁴.

Дату первой встречи Лу Синя и Цюй Цю-бо пока установить не удалось. Фэн Сюэ-фэн пишет, что она произошла в то время, когда издавался перевод «Разгрома», то есть где-то в конце 1931 г. ³⁵. Вэнь Цзи-цзэ уточняет эту датировку и утверждает, что первая встреча Лу Синя и Цюй Цю-бо состоялась несколько месяцев спустя после издания «Разгрома», то есть в первой половине 1932 г. ³⁶. К концу весны — началу лета 1932 г. относит время первой встречи и Сюй Гуан-пин ³⁷. Наконец, Дин Цзин-тан считает, что Лу Синь и Цюй Цю-бо первый раз встретились в конце лета или в начале осени 1932 г. ³⁸. Следует обратить внимание на слова Дин Цзин-тана о том, что Цюй Цю-бо и его жена Ян Чжи-хуа впервые пришли к Лу Синю вместе с Фэн Сюэ-фэном ³⁹, хотя сам Фэн Сюэ-фэн об этом ничего не говорит. К тому же, вопреки другим версиям, он утверждает, что Лу Синь и Сюй Гуан-пин первыми посетили Цюй Цю-бо ⁴⁰. Сюй Гуан-пин свидетельствует иначе: «Однажды он (Цюй Цю-бо. — В. П.) пришел к нам и провел у нас целый день. Они с Лу Синем вели

²⁷ То (Вэй-то, Цюй Вэй-то) — один из псевдонимов Цюй Цю-бо, под которым он фигурирует в переписке Лу Синя с Цао Цзин-хуа.

²⁸ Вероятно, здесь Лу Синь имел в виду окончательную редакцию перевода, подготовленную для отдельного издания.

²⁹ Цао Цзин-хуа. Цветы. Пекин, 1962, с. 152—153.

³⁰ Лу Синь. Поли. собр. соч. Т. 7, с. 663.

³¹ Автором этой биографии был японский русист и переводчик Осэ Кэйси; Лу Синь перевел ее по тексту журнала «Гэйдзюцу сэнсэн» («Фронт искусств») за 1926 г.

³² См. дневниковые записи Лу Синя за 30 декабря 1933 г. и 7 февраля 1934 г.

³³ Лу Синь. Поли. собр. соч. Т. 10, с. 69.

³⁴ Цюй Цю-бо. Собр. соч. Т. 2, с. 926.

³⁵ Фэн Сюэ-фэн. Воспоминания о Лу Синь, с. 137. Эта версия, принятая в свое время Л. Д. Позднеевой и В. В. Петровым, в какой-то мере ставится под сомнение словами из процитированного выше письма Цюй Цю-бо: «...мы... еще ни разу не виделись».

³⁶ Вэнь Цзи-цзэ. Боевая жизнь товарища Цюй Цю-бо. — В кн.: Речют красные знамена. Вып. 5. Пекин, 1957, с. 98.

³⁷ Сюй Гуан-пин. Воспоминания о Лу Синь. Пекин, 1961, с. 118.

³⁸ Дин Цзин-тан. Заметки об изучении произведений Лу Синя и Цюй Цю-бо. Шанхай, 1961, с. 9, 13.

³⁹ Дин Цзин-тан. Некоторые факты о дружбе Лу Синя и Цюй Цю-бо.

⁴⁰ Фэн Сюэ-фэн. Воспоминания о Лу Синь, с. 137.

себя, как старые друзья, очень подходившие друг к другу»⁴¹.

В дневнике Лу Синя имя Цюй Цю-бо, впервые упоминается в записи, сделанной 1 сентября 1932 г., которая гласит: «Утром вместе с Сюй Гуан-пин и Хай-инном посетил супругов Хэ, обедали у них»⁴². Эту встречу Сюй Гуан-пин и Дин Цзин-тан считают второй. Вскоре произошла еще одна встреча: Цюй Цю-бо и Ян Чжи-хуа нанесли 14 сентября 1932 г. ответный визит Лу Синю. После этого Лу Синь и Цюй Цю-бо встречались много раз, хотя внешние обстоятельства отнюдь не благоприятствовали их общению: Цюй Цю-бо находился на нелегальном положении и избегал часто появляться на людях, а визитами Лу Синя к нему, особенно если бы они были частыми, могла заинтересоваться политическая полиция. Это прекрасно понимал Лу Синь. Понимал он и ту ответственность, которую брал на себя, когда трижды укрывал Цюй Цю-бо, выслеженного полицией ищущими. «Семья Лу Синя, — пишет Ян Чжи-хуа, — стала нашим убежищем. В то время многие хорошо знавшие нас друзья и однокашники, прослышав, что мы ведем революционную работу, избегали нас, боясь, что общение с нами причинит им неприятности. Но несколько друзей, и в их числе Лу Синь, не только не прятались, но и заботились о нас и помогали нам скрываться»⁴³. Первый раз Цюй Цю-бо и Ян Чжи-хуа нашли убежище у Лу Синя в ноябре 1932 г.⁴⁴, второй раз — в феврале 1933 г., когда им пришлось в спешном порядке оставить квартиру на улице Цзыся-лу⁴⁵. Вскоре по рекомендации жены книгопродавца Утияма Кандзо удалось снять для Цюй Цю-бо квартиру в Дунчжаоли по улице Шигаоталу (ныне улица Шаньиньлу). Лу Синь принимал в этом деле непосредственное участие — 3 марта он ходил смотреть эту квартиру. Цюй Цю-бо и Ян Чжи-хуа переехали в Дунчжаоли, и Лу Синь уже 6 марта навестил их. Вскоре после этого, 11 апреля 1933 г., и сам Лу Синь переехал. Его новая квартира в Далу синьцунь находилась совсем недалеко от Дунчжаоли. Теперь друзья получили возможность чаще видеться и охотно пользовались ею. Однако через некоторое время Цюй Цю-бо направили на пропагандистскую работу, и в начале июня 1933 г. он переехал на конспиративную квартиру, где поселился вме-

сте с Фэн Сюэ-фэном. Во второй половине июля эта квартира оказалась под угрозой провала, и тогда Цюй Цю-бо и Ян Чжи-хуа вновь, уже в третий раз, вынуждены были скрываться у Лу Синя.

В те дни, когда Лу Синю и Цюй Цю-бо случалось быть вместе, они вели беседы, которые, как правило, затягивались далеко за полночь. В ходе таких бесед и дружеских споров, по-видимому, окончательно формировалось то единство взглядов, которым характеризовались отношения Лу Синя и Цюй Цю-бо. Цементирующим фактором в их отношениях были верность революции и дух боевого товарищества. Не удивительно, что в письмах о переводах Цюй Цю-бо вопреки принятым в то время эпистолярным нормам, обращаясь к Лу Синю, называл его «дорогой товарищ». В письме «К вопросу об упорядочении истории китайской литературы» от 10 июня 1932 г. он написал это обращение русскими буквами: «Т. Лу-синь» — «товарищ Лу Синь».

Свое отношение к Цюй Цю-бо Лу Синь выразил в парной надписи, которую подарил ему на память: «В жизни достаточно обрести одного настоящего друга. В наш век надлежит относиться к нему, как к родному брату». О теплых дружеских чувствах, которые питал Лу Синь к Цюй Цю-бо можно судить также по его переписке с Цао Цзин-хуа. Цюй Цю-бо платил Лу Синю глубокой взаимностью.

Говоря о дружбе Лу Синя и Цюй Цю-бо, нельзя, наконец, не упомянуть о том, что Лу Синь многие советские книги и журналы, которые он получал из СССР от Цао Цзин-хуа и Сяо Саня, передавал Цюй Цю-бо, а это, по свидетельству Ян Чжи-хуа, было для Цюй Цю-бо, влюбленного в книги, самой большой радостью. Полученные у Лу Синя издания Цюй Цю-бо незамедлительно пускал в работу — одни произведения перевел, другие использовал при написании литературно-критических статей. К сожалению, большинство книг пропало при поспешных переездах с квартиры на квартиру и лишь немногие сохранились у Лу Синя.

Летом и осенью 1932 г. Лу Синь и Цюй Цю-бо вновь выступили вместе в защиту революционной пролетарской литературы — на этот раз борьба велась против сторонников «свободы творчества» и «третьего пути», взгляды которых излагали в своих статьях критики Ху Цю-юань и Су Вэнь⁴⁶. В острой полемике с Ху Цю-юанем и Су Вэнем вновь проявилась общность политических и литературных позиций Лу Синя и Цюй Цю-бо, отстаивавших принципы революционного искусства, открыто связавшего свою судьбу с борьбой пролетариата.

⁴¹ Цит. по: Дин Цзин-тан. Заметки об изучении произведений Лу Синя и Цюй Цю-бо, с. 9.

⁴² Лу Синь. Дневник. Т.2, с. 884.

⁴³ Ян Чжи-хуа. Как родилось предисловие к «Сборнику избранной публицистики Лу Синя». — «Юйвэнь сюэси», 1958, № 1, с. 13.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Сюй Гуан-пин. Воспоминания о Лу Синь. Пекин, 1961, с. 122.

⁴⁵ См. там же, с. 124.

⁴⁶ Анализ и критика взглядов «третьих» см. в кн.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо (1899—1935), с. 124—149; о «третьих» см. также; Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936), с. 414—417.

Опубликованные в журналах «Вэньсюэ юэбао», «Вэнь синьвэнь», «Сяньдай» статьи Цюй Цю-бо «Проблемы массовой литературы», «Движение «свободных людей» за культуру», «Свобода литературы и искусства и несвобода писателя», статьи Лу Синя «О «третьих», «В защиту книжек-картинок» весьма эффективно содействовали развенчанию теории внеклассового «свободного творчества» и явились существенным вкладом в упрочение китайской революционной литературы на марксистских позициях.

Суть программы Ху Цю-юаня и Су Вэня, как убедительно показал Цюй Цю-бо, сводилась к фактическому отрицанию классовости искусства, а также его активной роли в жизни общества, «к освобождению литературы от пролетариата, к свободе литературы от широких народных масс»⁴⁷.

В полемике с писателями, представлявшими революционную пролетарскую литературу, Ху Цю-юань и Су Вэнь использовали серьезные промахи и ошибки, допускаясь левыми критиками, в статьях которых можно было встретить слишком прямолинейное и упрощенное истолкование взаимосвязи литературы и политики, явную недооценку специфики художественного творчества. В отличие от «третьих», использовавших ошибки левой критики для дискредитации пролетарской литературы, Цюй Цю-бо подчинял критику этих ошибок интересам борьбы за чистоту марксистской эстетической мысли.

Лу Синь и Цюй Цю-бо отвергали проповедь аполитичности и нейтрализм «третьих», непримлемый в условиях острой классово-борьбы, происходившей тогда в Китае, и аргументированно защищали принцип классовости литературы. Лу Синь писал в статье «О «третьих», что невозможно жить в классовом обществе — и стать надклассовым писателем, жить в эпоху борьбы — и оставаться в стороне, вне борьбы, жить в настоящем — и создавать произведения будущего⁴⁸.

Слова Лу Синя созвучны многим высказываниям Цюй Цю-бо, который утверждал, что «каждый писатель — сознательно или бессознательно, берется ли он за кисть или же хранит молчание — является представителем идеологии какого-либо класса. От этой огромной западни, называемой классовым обществом, нигде невозможно спрятаться, а тем более невозможно стать неким «надклассовым человеком»⁴⁹. Излагая марксистское понимание принципа классовости искусства и активной роли литературы в жизни общества, Цюй Цю-бо опирался в своих выводах на работу В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Характерно, что критика взглядов Ху Цю-юаня и Су Вэня сочеталась в статье

ях Цюй Цю-бо и Лу Синя с обоснованием позитивной программы пролетарской литературы, с материалистическим объяснением взаимосвязи между искусством и обществом, искусством и политикой.

В ходе полемики Су Вэнь пытался поставить под сомнение идею массовой литературы (дачжун вэньсюэ). Вопреки фактам он обвинял Лигу левых писателей в том, что якобы из-за политики «массовизации» «литература не является больше литературой: она превратилась в некое подобие книжек-картинок, и писатели — уже не писатели: они превратились в агитаторов»⁵⁰. Категоричность суждений Су Вэня означала, что, по сути дела, он вообще отвергал поиски каких-либо путей приобщения широких народных масс к литературе. Выпадам Су Вэня против массовой литературы Лу Синь противопоставил веру в творческий гений народа: «Я верю, — писал он, — что из числа авторов народных драм и народных рассказчиков могут выйти и Толстой и Флобер»⁵¹. Цюй Цю-бо, разделявший взгляды Лу Синя, активно искал пути использования в литературе традиционных фольклорных форм и много писал о «массовизации». При разработке теории массовой литературы он учитывал указания В. И. Ленина, предостерегавшего литераторов от высокомерного сношения к массам и от «подлаживания» к ним⁵².

* * *

В 1932—1933 гг. Цюй Цю-бо, несмотря на неблагоприятные условия — нелегальное положение, полицейская слежка, материальные лишения, плохое состояние здоровья, — интенсивно и плодотворно работал: писал литературно-критические и публицистические статьи, много переводил с русского.

Публикация статей и переводов была для Цюй Цю-бо делом нелегким. Сразу удавалось напечатать лишь немногое из того, что было написано и переведено. Огромную помощь в продвижении работ Цюй Цю-бо в печать оказывал в эти годы Лу Синь.

В трудные годы цензурных и полицейских гонений революционные писатели нередко печатались в журналах, не связанных с Лигой левых писателей, например в журнале «третьих» «Сяньдай», выходившем под редакцией Ду Хэна (Су Вэня) и Ши Чжэцуня. Осуждая аполитичность «третьих», Лу Синь и Цюй Цю-бо считали тем не менее возможным использовать «Сяньдай» как трибуну для выступлений в печати. Лу Синь опубликовал в этом журнале ряд своих

⁵⁰ См. там же, с. 196.

⁵¹ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 4. с. 337.

⁵² О движении за массовую литературу и о роли Цюй Цю-бо в этом движении см.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, с. 159—194.

⁴⁷ Цюй Цю-бо. Очерки и статья, с. 193.

⁴⁸ Лу Синь. Собр. соч. Т. 2. М., 1954—1956. с. 89.

⁴⁹ Цюй Цю-бо. Очерки и статья, с. 203.

статей. Под псевдонимами И Цзя и Цзин Луу в «Сяньдай» выступал и Цюй Цю-бо. Легальные издательские возможности «стремных» Лу Синь решил использовать и для того, чтобы сделать достоянием китайских читателей две книги переводов Цюй Цю-бо — сборник марксистских статей о литературе и искусстве «Действительность» и «Сборник избранных статей Горького». С этой целью в начале августа 1933 г. он вступил в переговоры с издательством «Сяньдай шуцзюй», которое представлял Ду Хэн.

Сборник «Действительность» составили переводы из двух первых томов «Литературного наследства» (М., 1931—1932): два письма Энгельса, одно — Паулю Эрнсту (об Ибсене), другое — Маргарэт Гаркнесс (о Бальзаке); работы Г. В. Плеханова (девятая глава брошюры об Ибсене; статья «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского»; конспекты рефератов «Французская драматургическая литература и французская живопись» и «Искусство с точки зрения материалистического объяснения истории»); статья Поля Лафарга ««Деньги Эмиля Золя», а также переводы-переложения статей советских литературоведов Ф. П. Шиллера, И. Ипполита, В. Ц. Гоффеншера и других.

Двадцать публицистических статей, написанных в 1928—1931 гг., составили «Сборник избранных статей Горького». Они были переведены Цюй Цю-бо по тексту книги А. М. Горького «Публицистические статьи» под редакцией И. А. Груздева (М., 1931).

Лу Синь принял на себя обязанности посредника в издании обоих сборников и передал рукописи издательству. 10 августа 1933 г. он писал Ду Хэну: «Избранные статьи Горького»⁵³ я послал с оказией и полагаю, что они уже дошли до вас»⁵⁴. Ду Хэн согласился издать обе книги, но выполнять свое обещание не спешил. Во время переговоров с «Сяньдай шуцзюй» местонахождение переводчика скрывалось, и в письмах Лу Синя к Ду Хэну Цюй Цю-бо фигурировал как «господин Сяо» — оба сборника предполагалось выпустить под псевдонимом Сяо Цань. В письме к Ду Хэну от 14 августа 1933 г. Лу Синь писал: «О том, где находится переводчик «Сборника статей», мне знаю, и у меня нет возможности встретиться с ним. Только в сентябре, то есть не более чем через месяц, если появится что-то срочное, можно будет придумать, как ему передать»⁵⁵. По всей вероятности, Ду Хэн направил «господину Сяо» через Лу Синя заказ на статью. Отвечая Ду Хэну, Лу Синь сообщал в письме от 12 ноября 1933 г.:

«Господин Сяо находится слишком далеко от Шанхая и пока никак не может написать статью о состоянии литературной жизни, но если от него поступят какие-либо рукописи, то они, разумеется, будут в первую очередь посланы в «Сяньдай»⁵⁶. Лу Синь обсуждал с Ду Хэном и оформление будущих книг. Он подобрал иллюстрации к сборнику горьковских статей, передал в «Сяньдай шуцзюй» две книги из своей библиотеки для репродуцирования иллюстраций.

Заботы о финансовых интересах переводчика также легли на плечи Лу Синя. «Гонорар можно считать делом решенным», — писал Лу Синь 14 августа⁵⁷, а 10 сентября напоминал: «Переводчик «Избранных статей Горького» нуждается в деньгах, к тому же скоро середина сентября. Прошу вас поторопиться и срочно выслать гонорар, согласно договоренности, с тем чтобы я мог передать его переводчику»⁵⁸. В дневнике Лу Синя в записи от 12 сентября 1933 г. говорится, что в этот день Лу Синь вместе с письмом получил от Ду Хэна чек на сто юаней — в счет аванса Цюй Цю-бо за книгу А. М. Горького⁵⁹.

Переговоры Лу Синя с «Сяньдай шуцзюй» затянулись. Между Лу Синем и Ду Хэном, судя по лусиневским дневникам, шла оживленная переписка. Ду Хэн оставался глух к напоминаниям и упрекам. По-видимому, издательство боялось, что за публикацию переводов марксистских литературоведческих работ и публицистики А. М. Горького ему придется держать ответ перед цензурой и властями, и поэтому предпочло «заморозить» обе книги. Выплатив переводчику небольшой аванс, «Сяньдай шуцзюй» приобрело право распоряжаться переводами Цюй Цю-бо и, когда Лу Синь попросил возвратить рукописи, отказалось это сделать.

Поверив обещаниям Ду Хэна, Лу Синь собирался передать в «Сяньдай шуцзюй» и третью книгу переводов Цюй Цю-бо — «Сборник избранных произведений Горького». Эта книга открывалась автобиографией А. М. Горького, которую Цюй Цю-бо перевел по тексту второго издания сборника «Писатели. Автобиографии и портреты» под редакцией Вл. Лидина (1928). Этот сборник Лу Синь получил от Цао Цзин-хуа из Ленинграда.

Рукопись «Сборника избранных произведений Горького» сначала была передана Лу Синем вместе с его публицистическим сборником «Инакомыслящий» издательству «Хэчжун шудянь». Издательство сборник Лу Синя приняло и выпустило в октябре 1932 г., а от переводов Цюй Цю-бо отказалось и лишь после переговоров, которые вел Лу Синь, согласилось издать один «Рассказ о необыкновенном». Он вышел отдельным изданием в октябре 1932 г. Переводчик вы-

⁵³ В письмах Лу Синя названия этого и других сборников переводов Цюй Цю-бо даются сокращенно или несколько видоизмененно.

⁵⁴ Лу Синь. Письма. Пекин, 1952, Т. 2, с. 1031.

⁵⁵ Там же, с. 1032.

⁵⁶ Лу Синь. Письма. Т. 2, с. 1036.

⁵⁷ Там же, с. 1032.

⁵⁸ Там же, с. 1035.

⁵⁹ Лу Синь. Дневник. Т. 2, с. 942.

ступал под псевдонимом Ши Те-эр. Книга сразу же была запрещена чанкайшестской цензурой. После этого Лу Синь передал рукопись «Сборника избранных произведений Горького» издательству «Шэнхо шудянь». Оно предложило изъять из сборника два рассказа и послесловие переводчика. Тогда Лу Синь решил предложить эту книгу Ду Хэну. Он писал ему 14 августа 1933 г.: «Есть еще «Избранные рассказы Горького» около 120 тыс. нероглифов. В сущности, эта книга—родная сестра «Сборника статей»... Я полагаю, что изъятие послесловия переводчика очень повредит книге, читатель лишится хорошего компаса и окажется в затруднительном положении. Сможет ли «Сяньдай шуцзюй» издать книгу в том же виде, как и «Сборник статей», разумеется, без купюр? Посоветуйтесь, пожалуйста, с Ши Чжэ-цунем и дайте знать. Если сможет, тогда я подумаю о возможности встречи с переводчиком, чтобы уговорить его выкупить рукопись и передать ее в «Сяньдай шуцзюй»⁶⁰. Ду Хэн, вероятно, согласился, так как Лу Синь уже 20 августа 1933 г. писал ему: «Сборник рассказов» переведен тем же переводчиком с оригинала, стилистически гладко и красиво. Вчера я отправил письмо в «Шэнхо шудянь» с требованием вернуть рукопись. Полагаю, что никаких проблем тут не возникнет»⁶¹. Однако еще через несколько дней, 27 августа 1933 г., Лу Синь сообщал: «Когда я затребовал рукопись у «Шэнхо шудянь», оно вдруг не пожелало возвращать ее, ссылаясь на договоренность с переводчиком. Теперь ясно, что назад эту рукопись получить не удастся»⁶².

В итоге получилось так, что «Сборник избранных произведений Горького» все-таки был издан издательством «Шэнхо шудянь» в октябре 1933 г., притом в полном составе, тогда как два других сборника переводов Цюй Цю-бо, переданных Лу Синем в «Сяньдай шуцзюй», так и не вышли, вопреки обещаниям и заверениям Ду Хэна.

Однако сразу же после выхода в свет книга была запрещена. А. М. Горький был неугоден реакционным властям ничуть не в меньшей степени, чем переводчик его произведений Цюй Цю-бо. Лу Синь сообщал о судьбе этой книги в письме к Цао Цзин-хуа от 20 декабря 1933 г.: «Сборник рассказов» перевел То, он только что издан, но в издательстве произвели обыск, конфисковали книгу, изъяли матрицы. По-видимому, кто-то донес»⁶³.

Лу Синь придавал большое значение изданию произведений А. М. Горького в переводах Цюй Цю-бо. В августе 1933 г. он писал Дун Юн-шу: «Что касается его (А. М. Горького. — В. П.) произведений, то в Китае переведено уже немало, но, по-моему,

нет ни одной книги, на которую можно было бы положиться, их необязательно покупать и читать. В конце нынешнего года должны выйти его «Сборник избранных рассказов» и «Сборник избранных статей», это хорошие переводы, сделанные непосредственно с оригинала. Вот тогда я пошлю их вам»⁶⁴. Позже Лу Синь признавался в письме к Мао Дуою от 13 августа 1936 г.: «Только по переводам Хэ Ку⁶⁵, которые я редактировал, я познакомился с произведениями Горького»⁶⁶.

В январе — мае 1933 г. в «Цзыю тань» — приложении к шанхайской газете «Шэньбао» — часто появлялись короткие статьи и заметки, подписанные псевдонимом Хэ Цзягань. Двадцать шесть из тридцати пяти статей принадлежали Лу Синю, девять — Цюй Цю-бо. Статьи Цюй Цю-бо надело переписывала Сюй Гуан-пин, затем Лу Синь отсылал их в «Цзыю тань» и публиковал там под своим псевдонимом. Когда в октябре 1933 г. вышел сборник публицистики Лу Синя «Книга о лжесвободе», то в нем были помещены и эти девять статей, лишь слегка отредактированные Лу Синем.

15 июня 1933 г. Лу Синь, использовав еще один свой псевдоним — Ло Вэнь, поместил в журнале «Шэньбао юэкань» две статьи Цюй Цю-бо — «О женщинах» и «Настоящий и фальшивый Дон-Кихот». Обе статьи были включены Лу Синем в его сборник «Южные песни на северный лад», изданный в марте 1934 г. В октябре 1933 г. под псевдонимом Лу Синя Юй Мин в «Цзыю тань» появилась статья Цюй Цю-бо «Китайский язык и китайцы», которая позже была включена Лу Синем в его публицистический сборник «Разрешается болтать о ветре и луне», увидевший свет в декабре 1934 г. Наконец, 15 декабря 1933 г. под псевдонимом Лу Синя Цзы Мин в «Цзыю тань» была напечатана статья Цюй Цю-бо «Детство», в дальнейшем в лусиневские сборники не включавшаяся.

Таким образом, статьи Цюй Цю-бо появлялись в печати не только при содействии Лу Синя, но и под его псевдонимами. Лу Синь прибегнул к такому не совсем обычному приему только ради того, чтобы открыть статьям Цюй Цю-бо, лишенного возможности свободно печататься под своим именем, путь к читателям. Он считал это необходимым еще и потому, что Цюй Цю-бо, как публицист, обращался к актуальным для Китая тех лет политическим и социальным проблемам.

Когда Цюй Цю-бо скрывался на квартире Лу Синя, он по совету последнего составил сборник «Бернард Шоу в Шанхае», в который вошли выдержки из китайской прессы, посвященные пребыванию английского драматурга в Китае. Мысль о сборнике возникла у Лу Синя после того, как он увидел.

⁶⁰ Лу Синь. Письма. Т. 2, с. 1033.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, с. 1034.

⁶³ Цит. по: Цао Цзин-хуа. Цветы, с. 153.

⁶⁴ Лу Синь. Письма. Т.1, с. 510.

⁶⁵ Хэ Ку — один из псевдонимов Цюй Цю-бо.

⁶⁶ Лу Синь. Письма. Т. 2, с. 1006.

с таким лицемерным подобострастием встречали заморскую знаменитость некоторые литераторы, и познакомился с тем, какие небывающие о Шоу распространяли шанхайские газеты проимпериалистического и бульварного толка. По замыслу Цюй Цю-бо, сборник «должен был стать зеркалом, в котором можно увидеть настоящего Бернарда Шоу». 22 февраля 1933 г. Цюй Цю-бо написал предисловие к сборнику, а в качестве приложения к книге поместил свою заметку «Добро пожаловать, Бернард Шоу! Добро пожаловать!» и небольшое шуточное стихотворение. Этот «радикальный литератор и драматург», писал Цюй Цю-бо о Шоу, «будучи выходящим из буржуазного общества, разоблачает закулисную жизнь этого общества. Он всерьез ведет борьбу во имя света... Народные массы Китая вовсе не считают его каким-то «революционным вождем», «последовательным социалистическим писателем», тем более не делают из него идола. Они считают его верным другом угнетенных народных масс Китая и всего современного мира»⁶⁷. Эти оценки разделял и Лу Синь, воспринимавший творчество английского драматурга как «большое зеркало», отражавшее уродства капиталистического мира. Шоу нравился Лу Синю тем, что всегда хранил независимость своих убеждений и не боялся «самой жестокой плетью бичевать хозяев»⁶⁸. 22 февраля 1933 г. Лу Синь написал второе предисловие к сборнику «Бернард Шоу в Шанхае», направленное против измышлений желтой прессы и злопыхательства всех недоброжелателей Шоу.

Уже в марте 1933 г., судя по дневниковым записям, Лу Синь правил корректуру сборника, а в конце марта книга вышла из печати. Цюй Цю-бо воспользовался не только советом, помощью и гостеприимством Лу Синя, но и его псевдонимом: на титульном листе книги составитель значился под именем Ло Вэнь. Издательства «Ецао шуу» («Дикие травы»), также обозначенного на титульном листе, на самом деле не существовало. Лу Синь под его маркой напечатал книгу на свои средства, при содействии Учжяма Кандзо.

После выхода в свет книги «Бернард Шоу в Шанхае» Цюй Цю-бо сразу же приступил к составлению «Сборника избранной публицистики Лу Синя». Он считал себя вправе взяться за такую работу: «Я много беседовал с Лу Синем, неоднократно перечитывал его статьи. Можно сказать, что я знаю Лу Синя». В начале апреля 1933 г. составительская работа была завершена. Цюй Цю-бо предпослал сборнику большое предисловие, в котором дал глубокий и обстоя-

тельный анализ идейной эволюции Лу Синя и особенностей его публицистики.

В сборник вошло 74 статьи из семи публицистических книг Лу Синя 1918—1932 гг. Статьи отобраны очень удачно — состав сборника позволяет читателям получить верное представление о наиболее характерных темах и жанрах публицистического творчества Лу Синя. В мае 1933 г. книга была сдана в печать и в июле вышла в свет. Составитель выступал под псевдонимом Хэ Нин. Предисловие, написанное в Шанхае, смело, однако, помету «Бэйпин» — это было сделано для того, чтобы сбить с толку цензуру. Выпустило книгу издательство «Бэйсинь шуцзюй», но под маркой вымышленного издательства «Цингуан шуцзюй» («Синий свет»). Как и в других случаях, при подготовке этого сборника Лу Синь выполнял миссию посредника в отношениях между Цюй Цю-бо и издательством. Так, например, 21 апреля 1933 г. он передал Цюй Цю-бо сто юаней за составление и редактирование сборника. В мае — июне он держал корректуру книги. Да и сама идея подготовить сборник возникла не без участия Лу Синя, заботившегося о том, чтобы Цюй Цю-бо хоть в какой-то мере мог поправить свои финансовые дела. Позже, 15 мая 1936 г., Лу Синь писал Цао Цзиньхуа: «Сборник избранной публицистики» — «дело рук То, предисловие написано им же. Он тогда жил в Шанхае и нуждался в деньгах, и это предприятие дало ему возможность немного заработать»⁶⁹.

Предисловие к «Сборнику избранной публицистики Лу Синя» явилось одной из первых серьезных работ о Лу Сине. Советский исследователь М. Е. Шнейдер справедливо расценивает это предисловие как «безусловное достижение марксистского литературоведения в Китае»⁷⁰, а китайский литературовед Ван Ши-дэ — «как классическое произведение в истории китайской литературной критики»⁷¹.

Применяя марксистский метод конкретно-исторического анализа, Цюй Цю-бо проследил процесс развития мировоззрения Лу Синя в тесной связи с рассмотрением важнейших вех в истории китайского общества и новой китайской интеллигенции.

Сам Лу Синь, как свидетельствуют близкие знавшие его люди, остался доволен анализом своего творчества, содержащимся в предисловии к «Сборнику избранной публицистики». Отзыв Лу Синя о предисловии приводит в своих «Воспоминаниях о Лу Сине» (Пекин, 1952, с. 132) Фэн Сюэ-фэн: «Верный анализ. Раньше никто так не критиковал меня».

⁶⁹ Цит. по: Цао Цзинь-хуа. Цветы, с. 101.

⁷⁰ М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, с. 203.

⁷¹ Ван Ши-дэ. Образцовая литературно-критическая статья о писателе. — Предисловие к «Сборнику избранной публицистики Лу Синя». — «Юйвэнь сюэси», 1959, № 6, с. 5.

⁶⁷ Цюй Цю-бо. Собр. соч. Т. 1, с. 406.

⁶⁸ О своем отношении к Шоу и о впечатлениях от встречи с ним Лу Синь писал в статьях «Чин противоречия» и «Заметки о встрече с Шоу и о людях, встречавшихся с Шоу». См.: Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 4, с. 377—383.

Лу Синь, как известно, очень интересовался советским изобразительным искусством, особенно успехами советской графики. В 1933 г. он приступил к составлению альбома работ советских графиков. Этот альбом он назвал «Извлечение яшмы». В альбоме были воспроизведены 59 гравюр на дереве, представлявших творчество одиннадцати советских художников — Д. И. Митрохина, А. И. Кравченко, Н. И. Пискарева, В. А. Фаворского, П. Я. Павлинова, А. Д. Гончарова, М. И. Пикова, С. И. Мочалова, Л. С. Хижинского, Н. В. Алексеева и С. М. Пожарского. Почти все гравюры были репродуцированы с авторских оттисков, присланных Лу Синю этими художниками, как правило, через Цао Цзин-хуа. В послесловие к альбому Лу Синь вставил биографические справки о художниках, в том числе автобиографии пяти ленинградских графиков, также присланные Цао Цзин-хуа и переведенные им⁷². К работе над альбомом Лу Синь привлек и Цюй Цю-бо, попросив его перевести статью А. Д. Чегодаева «Книжная и станковая графика за 15 лет». Цюй Цю-бо сделал неполный перевод этой статьи из советского журнала «Искусство» (№ 1—2 за 1933 г.), и она вошла в альбом, подписанная псевдонимом Чэнь Цзе. В марте 1934 г. книга «Извлечение яшмы» увидела свет.

Альбом вышел в превосходном оформлении. Клише репродукций изготовлялись в Шанхае, затем через Утияма Кандзо переправлялись в Японию, и тираж печатался в Токио в типографии Коёся. Тираж первого издания — триста экземпляров. В июне 1935 г. было выпущено повторное издание тиражом в двести пятьдесят экземпляров.

Издание альбома (бумага, печать, переплет, пересылка) обошлось Лу Синю в солидную по тем временам сумму — оно стоило 320 юаней. Кроме того, Лу Синь закупил значительную часть тиража. 1 июня 1934 г. он послал всем советским графикам, представленным в альбоме, по экземпляру книги. Вместе с посылкой было отправлено письмо, адресованное ленинградским художникам. В архиве Л. С. Хижинского удалось обнаружить русский перевод этого письма, сделанный Цао Цзин-хуа. В нем Лу Синь сообщал о подготовке второго издания альбома: «Сейчас предпринимаются меры для переиздания ваших произведений и работ других советских гравюров, так как китайская революционная молодежь очень любит ваши работы и сможет многому научиться у вас»⁷³.

⁷² О подготовке альбома «Извлечение яшмы» см. в кн.: Цао Цзин-хуа. Цветы, с. 138—147; Р. С. Белоусов. В тысячах иероглифов, с. 68—77; Дин Цзин-тан. Заметки об изучении произведений Лу Синя и Цюй Цю-бо, с. 28—34.

⁷³ Цит. по: Р. С. Белоусов. В тысячах иероглифов, с. 70—71. Полный текст письма приводится автором на с. 70—74.

Альбом «Извлечение яшмы» еще печатался, когда Цюй Цю-бо, оставив литературные и переводческие дела, уехал из Шанхая в Жуйцзинь — столицу Центрального советского района. 4 января 1934 г. перед отъездом он заходил к Лу Синю попрощаться. Это была последняя встреча друзей. Больше им не суждено было увидеться. В конце февраля 1935 г. гоминьдановцы схватили Цюй Цю-бо и бросили в тюрьму в Шанхае, где он провел больше месяца. Вероятно, именно в это время он послал письма Лу Синю и Чжоу Цзянь-жэню, содержание которых пересказывает Ян Чжи-хуа. Цюй Цю-бо, назвавшийся в жандармерии Линь Ци-сяном, пытался освободиться под залог, для чего требовались рекомендации влиятельных лиц, готовых подтвердить, что «врач Линь Ци-сян» не имеет отношения к коммунистам, и, разумеется, нужны были деньги. Лу Синь сразу же дал пятьдесят юаней, которые Ян Чжи-хуа отправила по почте. Но было уже поздно. К тому времени Цюй Цю-бо опознали, перевезли в штаб 36-й дивизии в Чантин и 18 июня 1935 г. казнили.

Узнав об аресте Цюй Цю-бо, Лу Синь сразу понял, что на благополучный исход дела рассчитывать трудно. Это видно, например, по его письмам к Цао Цзин-хуа. 14 мая 1935 г. он писал, прибегая по цензурным соображениям к иносказаниям: «Говорят, что То серьезно болен, причем это точные сведения, и я боюсь, что его трудно вылечить»⁷⁴. В письме от 22 мая 1935 г. говорилось: «Известия по делу То вполне достоверные. В прошлом месяце младший брат получил заслуживающее доверия письмо, но что можно было сделать? Это ни с чем не сравнимая потеря для нашей культуры»⁷⁵. Вот, наконец, выдержка из письма от 11 июня: «Дело То закончено. Что теперь можно сказать по этому поводу?»⁷⁶.

Лу Синь тяжело переживал смерть Цюй Цю-бо — и как личное горе, и как невосполнимую потерю для китайской литературы.

Цюй Цю-бо, уезжая из Шанхая, оставил часть рукописей у Се Дань-жу — хозяйки квартиры на улице Цзысялу, сочувствовавшего революционным литераторам, а часть — у Лу Синя. После гибели Цюй Цю-бо Лу Синь сразу же принялся разбирать хранившиеся у него рукописи. 28 июня 1935 г. он писал Ху Фэну: «Просматривая пачку рукописей И Цзя, я обнаружил сорок пять страниц текста перевода романа Горького «Сорок лет» («Жизнь Клина Самгина»). Читать это вонстину больно». Одновременно Лу Синь возобновил переговоры с «Сяньдай шуцзюй» о выкупе двух уже готовых к печати сборников переводов Цюй Цю-бо. Он вновь прилагал немало усилий для то-

⁷⁴ Цит. по: Цао Цзин-хуа. Цветы, с. 156.

⁷⁵ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 79.

⁷⁶ Цит. по: Цао Цзин-хуа. Цветы, с. 156.

го, чтобы продвинуть переводы Цюй Цю-бо в печать. В марте 1934 г. шанхайский журнал «Вэньсюэ» опубликовал рассказ А. М. Горького «Двадцать шесть и одна». Другой рассказ А. М. Горького — «Мальва» был включен в пятый том «Шинце вэньку», вышедший в сентябре 1935 г. Оба перевода Цюй Цю-бо были переданы в эти редакции Лу Синем и напечатаны под псевдонимом Чэнь Цзе. Под этим же псевдонимом в сентябре 1935 г. в журнале «Ивэнь» увидела свет переведенная Цюй Цю-бо, как и рассказы Горького, еще в 1933 г. «Тринадцатая повесть о Лермонтове» П. А. Павленко.

Появлению повести на страницах «Ивэнь» предшествовала переписка Лу Синя с Хуан Юанем, редактировавшим журнал. Сначала Лу Синь спешил с опубликованием повести: он надеялся получить за нее гонорар — по-видимому, забывая о Ян Чжи-хуа, вдове Цюй Цю-бо. Но в письме от 8 сентября уже не чувствуется прежней настойчивости — вероятно, потому, что Ян Чжи-хуа к тому времени уехала из Шанхая⁷⁷.

Несколько позже в шанхайских журналах появились и некоторые другие переводы Цюй Цю-бо, нашедшие своего читателя также без содействия Лу Синя.

Однако Лу Синь не удовлетворился отдельными случайными публикациями. Он подготовил к изданию двухтомное собрание переводов Цюй Цю-бо. Первый том вышел в мае, второй — в октябре 1936 г. Оба тома имели общее название — «Сборник суждений, пришедших из-за моря». На титульном листе стояло имя переводчика — STR. Это начальные буквы одного из псевдонимов Цюй Цю-бо — Страхов, написанного латиницей: Strahov (отсюда Ши Те-эр — Shi Te-er⁷⁸). Книга вышла под маркой несуществующего издательства «Чжуся хуай шуан шэ», название которого расшифровывается следующим образом: «Ведь Китай (Чжуся) хранит память (хуай) о Цюй Шуане (Шуан)». Цюй Шуан — один из псевдонимов Цюй Цю-бо.

В первый том «Сборника суждений, пришедших из-за моря» в полном составе вошли сборник «Действительность» и «Сборник избранных статей Горького», причем к двадцати статьям последнего были добавлены еще две — «Равнодушие не должно иметь места» и «О воспитании правды». Один из разделов первого тома составили статьи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и «Л. Н. Толстой и его эпоха» вместе с комментарием к ним, подготовленным коллективом авторов под редакцией В. В. Адоратского (1878—1945) на важный тем, что в нем приводились большие цитаты из работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Обе статьи и комментарий были переведены Цюй Цю-бо по тексту шестого тома «Избранных сочинений» В. И. Ленина

(М., 1931). В последний раздел первого тома Лу Синь включил переводы работ советских авторов по вопросам литературы, театра и изобразительного искусства. Это статьи М. Левидова «Театр Бернарда Шоу», В. Кирпотина «Горький — великий художник пролетариата», А. С. Бубнова «Горький о культуре», а также уже упоминавшиеся статьи Г. А. Нерадова и А. Д. Чегодаева.

Второй том составили переводы художественных произведений — «Сборник избранных произведений Горького», «Освобожденный Дон-Кихот» А. В. Луначарского, «Тринадцатая повесть о Лермонтове» П. А. Павленко, стихотворение Д. Бедного «Плюнуть некогда», «Ода мещанину» из «Заметок о мещанстве» А. М. Горького. Лу Синь включил также в этот том перевод фрагмента первой главы романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина», найденный среди рукописей Цюй Цю-бо.

Всю тяжесть хлопот, связанных с подготовкой к изданию «Сборника суждений, пришедших из-за моря», вынес на своих плечах Лу Синь. Вскоре после гибели Цюй Цю-бо на квартире Чжэн Чжэнь-до состоялась встреча, участники которой почтили память погибшего друга и обсудили идею издания переводов Цюй Цю-бо. Лу Синь писал об этой встрече в письме к Цао Цзин-хуа от 24 июня 1935 г.: «Тут есть несколько человек, которые хотят собрать в сборник рукописи То, но договоренность еще не достигнута. В издательстве «Сяньдай шуцзюй» находятся две его книги, их нужно выкупить, так как за них уже был выплачен аванс. Этим делом занимаюсь я один»⁷⁹. Собранные Лу Синем, Чжэн Чжэнь-до и другими друзьями Цюй Цю-бо деньги на издание «Сборника суждений, пришедших из-за моря» были переданы издательству «Каймин шудянь»⁸⁰.

После длительных переговоров Лу Синь наконец достиг соглашения с «Сяньдай шуцзюй», и 12 августа 1935 г. рукописи сборника «Действительность» и «Сборника избранных статей Горького» были выкуплены.

Фактически книгу пришлось издавать с помощью двух посредников. Издательство «Каймин шудянь» взялось набрать книгу в типографии Мэйчэн яньшучачан. Затем матрицы через Утияма Кандзо переправлялись в Токио, где печатался тираж. Распространять книгу в Китае взялся опять-таки Утияма Кандзо. Он согласился на это по просьбе Лу Синя, который выполнил всю составительскую и редакторскую работу. Он же заботился об оформлении книги и подбирал иллюстрации. По его словам, «в сборе рукописей и в различных делах, связанных с редактированием и изданием», он «встречал поддержку у многих друзей».

Работе над «Сборником суждений, пришедших из-за моря» Лу Синь отдал целый

⁷⁹ Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 80.

⁸⁰ О сборе денег на издание переводов Цюй Цю-бо Лу Синь писал Цао Цзин-хуа в письме от 21 января 1936 г.

⁷⁷ Там же, с. 754.

⁷⁸ Об этом псевдониме см.: Цао Цзин-хуа. Цветы, с. 48.

год. Второй том вышел уже после смерти Лу Синя.

«Сборник суждений, пришедших из-за моря» имел ограниченный тираж — всего 500 экземпляров. Зато книга была издана в роскошном оформлении — на дорогой бумаге, в прекрасном переплете, с большим числом иллюстраций. Лу Синь говорил о ней: «В Китае еще не выходило книг, изданных так роскошно, как эта»⁸¹.

Второй том «Сборник суждений, пришедших из-за моря» еще печатался в Токно, а Лу Синь уже вынашивал новый план — он задумал подготовить массовое издание переводов Цюй Цю-бо. За два дня до смерти, 17 октября 1936 г., он писал Цао Цзин-хуа: «Второй том переводов То полностью отредактирован и готов к сдаче в печать. В этот том вошли уже печатавшиеся произведения — стихи, пьеса, рассказы. Полагаю, что еще в нынешнем году этот том будет отпечатан... На этот раз выходит мемориальное издание. После распродажи большей части

тиража, собираюсь передать матрицы другому издательству и выпустить на газетной бумаге массовое издание»⁸².

Лу Синь считал, что, издавая «Сборник суждений, пришедших из-за моря», он выполняет долг перед погибшим другом. По воспоминаниям Фэи Сюэ-фэна, Лу Синь говорил об этой книге: «Издание его произведений я рассматриваю и как память, и как протест, и как демонстрацию! Человека убили, но произведения его убить невозможно, они бессмертны!»⁸³. «Сборник суждений, пришедших из-за моря» действительно явился достойным памятником дружбы и творческого сотрудничества Лу Синя и Цюй Цю-бо. Вместе с тем его выход стал важной вехой в истории переводческого дела в Китае. Переводы Цюй Цю-бо, изданные Лу Синем, приобщили к советской литературе и марксистской эстетике немало новых читателей.

⁸¹ Цит. по: Шэнь Пэн-нянь (сост.). Библиография материалов, посвященных изучению Лу Синя. Шанхай, 1958, с. 67.

⁸² Цит. по: Цао Цзин-хуа. Цветы, с. 162.

⁸³ Цит. по: Фэи Сюэ-фэн. Воспоминания о Лу Синь, с. 158.

Послевоенная японская поэзия: реализм или модернизм

А. Г. Долин

Современная поэзия («гэндайси»), прошедшая сложный путь за тридцать послевоенных лет, — мало изученная область японской литературы. За исключением работы А. И. Мамонова¹, не существует ни одного серьезного историко-литературного исследования по данному вопросу за пределами самой Японии. Отдельные аспекты поэзии «гэндайси» находили освещение и в других работах того же автора. Сюда следует отнести прежде всего раскрытие темы Хиросимы² и заметки о творчестве некоторых поэтов демократического направления³. Тем не менее основная часть произведений современных японских поэтов остается белым пятном в советском и западном японоведении. Разумеется, дать исчерпывающий анализ всей послевоенной поэзии, даже оставив в стороне традиционные жанры танка и хайку, невозможно и в большой монографии. Настоящая статья преследует иные цели: обрисовать контуры поэтического мира современной Японии, показать в исторической ретроспективе смену направлений и школ, выделить важнейшие проблемы, обсуждавшиеся в ведущих поэтических журналах, — словом, дать конспект поэтической летописи страны.

* * *

С окончанием войны большинство поэтов впервые после долгих лет господства военной цензуры, прозванных «периодом мрака», получили доступ к печати. В их стихах прозвучали и горькие раздумья о недавнем прошлом, и тревога о сегодняш-

нем дне, полном невзгод и лишений, и забота о дне завтрашнем, когда японский народ должен будет сам решать судьбу своей родины. Все они сходились на том, что поэзия не может оставаться в стороне от действительности. По сравнению с довоенным временем неизмеримо глубже стало осознание как поэтами, так и широкими массами читателей задач этого высокого искусства.

Возрождение поэтического мира началось с создания многочисленных специальных журналов: «Киндайси эн» («Сад поэзии»), «Гэндайси» («Современная поэзия»), «Дзюнсуйси» («Чистая поэзия»), «Рэнсансу» («Возрождение»), «Косумосу» («Космос»), «Сидзин» («Поэт») и др. Однако новые поэтические журналы, основанные с 1945 по 1947 г., еще нельзя назвать отражением современной поэтической мысли. В них прозвучал лишь отзвук поэзии 30-х гг., насильственно законсервированной на время войны. Стихи прошлых лет дали материал и для ряда сборников, опубликованных непосредственно после войны: «Цвет родины» Миёси Тацудзи, «Крестьянская дудочка» Сато Харуо, «Сердце зимы» и «Человеческая песня» Хоригути Даигаку, «Один путь» Кусано Симпэй. Стихи этих сборников — свидетельство недавних бедствий и разрушений, исповедь поколения, пережившего мировую катастрофу и еще не нашедшего себя в хаосе послевоенных преобразований. Таким образом, 1945—1947 гг., с одной стороны, стали временем реализации накопленного поэтического материала. Спроектированное в настоящее прошлое жило своей обособленной жизнью. С другой стороны, отмечают японские литературоведы, эти годы были и «периодом становления, созревания новых сил, формирования будущих направлений и течений»⁴.

Первым важным достижением прогрессивных поэтов старшего поколения явилась организация «движения за демократическую поэзию» («минсююги си ундо»). Инициаторами «движения» выступили члены поэтической секции основанного в декабре 1945 г. «Общества новой японской литературы»⁵. Хотя в целом художественный уровень массовой поэзии оставался невысоким, влияние ее на процесс демократизации в стране было весьма велико. После того как в апреле 1948 г. поднялось движение за об-

¹ Современная Япония. Справочник. М., 1973.

² Три поэта из Хиросимы. Перевод и предисловие А. И. Мамонова. М., 1970.

³ А. И. Мамонов. Свободный стих в японской поэзии. М., 1972.

⁴ А. И. Мамонов. Свободный стих в японской поэзии, с. 24.

⁵ Современная Япония. Справочник, с. 641.

разование всеяпонского единого демократического фронта во главе с компартией, стихи рабочих поэтов стали мощной силой в борьбе за мир и независимость. Направляли развитие «движения» признанные профессиональные поэты.

Необходимость демократизации современного общества отставал один из организаторов «минсююги си ундо» Андо Цугуо, обращаясь в своем сборнике «Ночь в июньской зелени» к теме борьбы против фашизма и ужасов войны. Стремясь выйти за пределы обыденности, поэт создает масштабные героические образы, пропущенные сквозь призму своеобразного художественного видения мира:

...выходят
бесчисленные
промокшие
огромные руки,
бесчисленные
огромные промокшие ноги. —
Идет промокшее человечество
по своему
апокалипсическому
пути*.

(«Планктон»)

Творчество Андо Цугуо близко по духу к поэзии Арагона, Элюара и других поэтов французского Сопротивления, но образность его стихов более условна, стиль намеренно усложнен. Добиваясь зрительного эффекта, Андо Цугуо нередко экспериментировал с формой стиха. Он создавал графические композиции, чередуя вертикальное и горизонтальное расположение строк, азбуку и иероглифику. Хотя поиски новых зрительных форм стиха, предпринятые Андо, и не имели особого успеха, его стихи завоевали единодушное одобрение критики как поэзия, призывающая к переустройству мира на основах свободы, равенства и национальной независимости.

Ту же проблему переосмысления опыта минувших лет в интересах современности решает крупнейший японский поэт XX в. Канэко Мицухару. В период конца 40-х — начала 50-х гг. выходят его сборники «Парашют», «Песни чертенка», «Человеческая трагедия». За последнюю книгу поэт был удостоен литературной премии газеты «Йомиури».

...И попал я в безрадостный край —
То была Япония.
За грязными ширмами,
один среди руин и пожарищ
я очнулся от сна.

(«Автобиография»)

На фоне разоренной войной Японии разворачивается трагедия личности, сконцентрированная в фокусе душевных и физических мук одного человека страдания цело-

го народа. Трагический пафос поэзии Канэко оттеняется нарочито приземленным, простым языком его стихов. Уверенными точными штрихами поэт рисует психологические портреты солдат, крестьян, интеллигенции. Он погружается в пристрастный анализ своего поэтического «я», ищет пути к сердцам людей, постигая свой внутренний мир и сопоставляя его с окружающей действительностью. Поэт-демократ Канэко верит в конечное торжество добра и справедливости, в победу гуманистических идеалов.

К началу 50-х гг. демократическая «левая» поэзия все прочнее завоевывала симпатии читателей, однако на определенном этапе ей пришлось столкнуться с открытой оппозицией внутри поэтического мира. Группа литераторов старшего поколения, переживавших трудные времена за чтением древних памятников, выступила за создание «чистой поэзии». Накамура Синьитиро, Фукунага Такэхико, Като Сюити и еще ряд поэтов организовали общество «Матинэ поэтику» («Утренняя поэзия»), ставшее первым в послевоенной Японии бастионом «искусства для искусства». Единственным значительным коллективным трудом этого общества явилась «Антология стихов» (1948). В предисловии к антологии под названием «Поэтическая революция — о стихах устойчивой формы» утверждалось: «Дабы преодолеть отчаянно застойное положение, сложившееся в настоящее время в неуправляемом японском языке... и сделать этот язык изобразительным средством нового поэтического мира, есть только один путь — установить строго регламентированные формы стиха»⁶. Тем самым, как полагают авторы антологии, удастся преодолеть свойственные японскому свободному стиху неустойчивость формы и расплывчатость смысла. Поэты «Матинэ поэтику» многое заимствовали у романтиков конца XIX — начала XX в. Они не только попытались воскресить четкие метрические схемы «стихов нового стихия» («снитайси»), весьма популярные в поэзии романтизма, но и, следуя примеру Сусукида Кюкин, обратились к созданию изысканных сонетов, труднодоступных для массы читателей. Стремление к вычурной красоте формы сочеталось у членов «Матинэ поэтику» с болезненным мистицизмом, пристрастием к загадочным, эзотерическим образам:

Ответь же, где мы! Лишь смутная
Догадка брезжит в глубинах времени,
И слышно трепетанье легких крыльев —
Волнуется встревоженное сердце.

(Накамура Синьитиро «Песня любви»)

Откровенный эстетизм «Матинэ поэтику» настолько не вязался с насущными нуждами послевоенной японской литературы, что антология стихов этой группы вряд ли мог-

* Здесь и далее произведения японских поэтов цитируются по собранию «Нихон но сика». Т.21—27. Токио.

⁶ Коуми Эйджии. Введение в современную поэзию. Токио, 1970, с. 397.

лав рассчитывать на похвалы критики. С выходом антологии фактически прекратилось существование общества «Утренняя поэзия». Впоследствии Накамура Синъитиро писал: «Не думаю, что наши эксперименты были ошибочны. Просто нам не хватало моральных ценностей»⁷. Недооценка духовного мира художника и отставание приоритета формы стиха над его содержанием явились основными причинами неудач «Матинэ поэтику». Вскоре участники новых обществ и групп окончательно отнесли поэтов «Матинэ поэтику» на задний план.

По-настоящему самобытные течения в современной японской поэзии начали проявляться к концу 40-х гг. Уже в 1947 г. несколько талантливых поэтов объединились вокруг журнала «Арэти» («Пустыня»), однако вплоть до 1951 г. их деятельность ограничивалась публикацией отдельных стихотворений и небольших сборников. Только антология «Собрание стихов пустыни» (1951) объединила лучшие произведения Аюкава Нобуо, Накагири Масао, Тамура Рюити, Китамура Таро, Курода Сабуро. По мнению одного из ведущих исследователей современной японской поэзии, Абэ Масадзи, выход этой антологии означал не больше чем «блистательное завершение движения, начавшегося еще до войны. В целом же успех «Арэти» начался неизбежным следствием развития модернизма в поэзии 30-х гг.»⁸. С такой оценкой трудно согласиться. Действительно, некоторые из участников «Арэти» начали свой путь в литературу со страниц довоенных модернистских поэтических журналов «Син редо» («Новая земля») и «VOU». Тем не менее, хотя влияние модернистских традиций и чувствуется в творчестве поэтов «Арэти», неправомерно было бы ограничивать роль этой новаторской, прогрессивной по своим убеждениям группы возрождением отживших эстетических норм.

Платформу «Арэти» определил литературный манифест «Обращение к X», ставший одновременно предисловием к антологии. Боль пережитых страданий, горечь несбывшихся иллюзий, гнетущее чувство беспомощности за будущее человеческой культуры звучат в строках «Обращения»: «В эпоху, когда человек прикован к машинам, когда индивидуум растворен в коллективе, в эпоху, когда над человеком довлеет страх быть уничтоженным в пламени войны, в такую эпоху у людей, которые поднимают глаза на небо, конечно, разливается в кровь чувство тревоги за культуру»⁹. И все же манифест «Арэти» далек от проповеди отчаяния, бессилия и неверия в собственные силы. Не безотчетный ужас перед «пустыней» буржуазной цивилизации, а стремление к активному действию объединяет ав-

торов «Арэти си сю»: «Не зная покоя, постоянно спрашивать, заставить работать на пределе все органы нашего восприятия мира, чтобы лучше разобратся в жизни, всеми силами углублять наши знания — только такие духовные усилия помогут нам пройти по пустыне современности»¹⁰. Отрицание половинчатой демократии, навязанной Японии американскими оккупационными властями, носит у поэтов «Арэти» не пассивный (как пытаются доказать некоторые критики), а весьма активный характер. Они чувствовали на себе ответственность за судьбу Японии, восстающей из пепла. Напряженное ощущение времени отличает поэзию «Арэти»:

Там, за окном, оно — наше время —
Врезалось в огонь, и в камень, и в кость,
Въелось в ногти, и в зубы, и в волосы...

(Тамура Рюити «Полдень»)

Память о войне, всегда зримо или незримо присутствующая в стихах, придает трагизм поэтическому видению мира, восприятию социальных противоречий послевоенной действительности. Для людей, чудом уцелевших на полях сражений, устройство личной жизни было неотделимо от стремления к преобразованию всего общества. Тем более страшно было для поэтов «Арэти» оказаться свидетелями усиления реакции во внутренней и внешней политике страны, пережить такие события, как «дело Мацукава» или заключение японо-американского договора безопасности. Аюкава Нобуо писал: «Мы, рискующие жизнью на поле боя, сейчас во власти мрачной реальности, разорванного сознания — нам не освободиться от них, мы наблюдаем развитие холодной войны... А ведь все мы, те, у кого за плечами опыт войны, кто остался жить в послевоенной пустыне, не мыслим собственной жизни в отрыве от задач новой эпохи»¹¹.

Осуждение участниками «Арэти» социального строя, калечащего сознание индивида и таящего в себе смертельную угрозу для человечества, «общества, которое вознамерилось превратить их жизнь в существование бездушного трупа»¹², не отличалось последовательностью. Тем не менее борьба трудящихся за свободу и независимость Японии находит известное отражение в поэзии «Арэти». Ее характеризует в основном сопоставление отвлеченных категорий добра и зла, правды и лжи, гуманности и насилия. В «Обращении к X» поэзия навигно трактуется как панацея от всех нравственных недугов современного общества, способная творить чудеса, как единствен-

⁹ Коуми Эйджии. Введение в современную поэзию, с. 388.

¹⁰ Там же.

¹¹ История современной японской поэзии. Т. 4. Токио, 1973, с. 37.

¹² Там же, с. 36.

⁷ Там же, с. 398.

⁸ Катаока Фумио. Что такое «послевоенная поэзия». — «Сп то сисо», 1974, № 11, с. 410.

ное средство, могущее вызвать к жизни дремлющие силы людей доброй воли: «Хотя мы совершенно разные люди по своим убеждениям, взглядам, манере поведения и все живем в обстановке внутреннего неустройства, но ты, наверное, хорошо понимаешь, что между нами протянуты нерасторжимые связующие узы в этом безликом обществе. Стихи поглощают все наше существование... В зависимости от того, выстоит ли наше оружие — наш дух в борьбе против пустыни современности, решится вопрос, получат ли наши стихи право на жизнь или потерпят поражение в попытке постигнуть действительность, прочувствовать ее»¹³.

Выступая за жизненность и правдивость поэзии, участники «Арэти» тем не менее отрицали достоинства реалистического художественного метода. В области формы они ориентировались на достижения довоенного модернизма, сами охотно подчеркивая связь времен и определенную преемственность поколений:

Никто не знает так, как я,
что дороги будущего уходят в прошлое,
а прошлое бесконечно
продолжается в будущем...

(Аюкава Нобуо «Человек на мосту»)

Со временем в творчестве многих поэтов «Арэти» начали преобладать формалистические авангардистские тенденции, не вызывавшие особых симпатий у широкой массы читателей. Ослабление критического накала в поэзии «Арэти» и ее постепенное удаление от насущных вопросов современности объясняют стремительный взлет литературного общества «Рэтто» («Архипелаг»), стоявшего на более прогрессивных позициях.

Первый номер журнала «Рэтто» увидел свет в 1952 г., всего через год после выхода антологии «Собрание стихов «Арэти». Рождение «Рэтто», по существу, ознаменовало наступление новой эпохи в послевоенной японской поэзии.

Поэты «Рэтто» единодушно поддерживали требование демократизации общества при помощи поэзии, провозглашенное в свое время основателями «Арэти». Вокруг нового журнала сгруппировались многочисленные поэты демократического направления, уже добившиеся к началу 50-х гг. некоторой известности: Кисима Хадзимэ, Сэкинэ Хироси, Хасэгава Рюсэй, Нома Хироси. Видную роль играли в «Рэтто» и такие поэты, как Андо Цугуо или Сугавара Кацуми, завоевавший популярность в 1951 г. книгой «Рука». Некоторые образы в стихах Сугавара напоминают вдумчивую, полную внутренней экспрессии манеру Канэко Мицухару:

Решившись наконец,
ты отдохнуть саднишься

¹³ Коуми Эйджии. Введение в современную поэзию, с. 389.

на камни моего сожженного жилища...

(Сугавара Кацуми «Пожарище»)

Лиризм Сугавара подкрепляется глубокой общественной значимостью его стихов. «Хотя после войны уже прошли годы и были предприняты некоторые шаги к демократизации и либерализации общественного строя, произведения Сугавара показывают, что власть насилia, хотя и поколеблена, но еще не преодолена окончательно, — пишет поэт и критик Хорикава Масами. — Его поэзия обнажает корни социальной несправедливости, ведущей к губительным последствиям»¹⁴.

Большинство участников общества впервые начали печататься в поэтических журналах «Косумосу» («Космос») и «Гэйдзюцу дзэнгэй» («Авангард искусства»), пропагандировавших принципы народности и реализма. Однако примитивный подход к искусству и тенденция к консервации пролетарской поэзии в ее изначальных формах не могли удовлетворить талантливую молодежь, искавшую новых, непроторенных путей в литературе. Таким образом, создание «Рэтто» отразило назревшую необходимость реформы демократической поэзии. Произошел тот качественный сдвиг, после которого «проявление классового общественного сознания приобрело характер высокого искусства»¹⁵.

Идеологическая направленность «Рэтто» обозначилась в самом начале деятельности журнала, на страницах которого печатались призывы к прекращению войны в Корее и отмене закона «о подрывной деятельности», воззвания в защиту борцов Мацукава и переводы поэзии французского Сопротивления. «Основная заслуга участников «Рэтто», — пишет поэтесса Кора Румико, — заключается, на мой взгляд, в том, что они сумели проанализировать и запечатлеть в своих стихах революционный процесс в послевоенной Японии»¹⁶.

Поэты «Рэтто» не отделяли прогресс в общественной жизни от прогресса в искусстве, стремясь к созданию поэзии нового типа, соответствующей растущим духовным запросам современности. Их главной задачей было уничтожение невидимой грани между «политикой» и «эстетикой», через которую большинство послевоенных поэтов не решалось переступить. Программная статья Идэдзуми Кэйя, помещенная в первом номере «Рэтто», гласила: «Своим механизмом угнетения действительность пытается пригнуть человека к земле. Наш «Рэтто» вместе со многими единомышленниками решительно встанет на защиту независимости народа, на борьбу против нынешнего поло-

¹⁴ Хорикава Масами. Становление Человеческого документа. Токно, 1972, с. 143.

¹⁵ Коуми Эйджии. Введение в современную поэзию, с. 392.

¹⁶ Кора Румико. Слова вещей. Токно, 1968, с. 168.

жения. Перед нами сейчас стоят такие задачи: в плане движения за обновление стиха — преодоление модернизма в поэзии, преодоление символистского метода, а в плане сближения искусства с народными традициями — создание народной по духу лирики и развитие эпических жанров, дальнейшее совершенствование формы и содержания»¹⁷.

Вопрос о том, насколько передовая идеология «Рэтто» противоречит модернистским методам (в частности, сюрреализму, к которому имели склонность некоторые члены группы), вызвал бурную дискуссию среди поэтов. Часть из них соглашалась с предложением искоренить модернизм и направить все усилия на создание агитационных «стихов протеста» («тэйко си»). Другие отнеслись к этому как к ремесленничеству в поэзии. Их мнение резюмировал в последнем к пятому номеру «Рэтто» Сэкинэ Хироси. Он протестовал против того, чтобы идти «ветшали, как платье», против принижения высоких чувств и стремлений в будничном повторении примелькавшихся лозунгов. «Возникновение такого рода стихов как «стихи протеста», — факт, мне кажется, не слишком отрадный. Есть такая сказка: один мужик все кричал: «Волк идет!», хотя волк-то и не было. Наконец, когда волк и впрямь явился, никто не пришел мужику на помощь. Не таится ли подобная опасность во множестве стихов, протестующих против неблагоприятного положения нашей страны?» Обиждая примитивизм в агитационной литературе, Сэкинэ вовсе не призывает к пассивности и бездействию. Наоборот, его творчество говорит о стремлении к борьбе за счастье трудового народа:

Кто же наш хозяин?

Мы сами! — ответим мы.

И когда каждый будет сам себе хозяин,
Вся Япония станет нашей.

(Сэкинэ Хироси «Заданный рисунок»)

«Классы, революция, народ, мир — вот объединяющие всех нас слова, которые предполагают усиление нашей солидарности»¹⁸ — утверждает Сэкинэ. Но, по его мнению, оружием в борьбе за мир и демократию должны служить не ремесленнические поделки, не стихи-однодневки, а произведения подлинного искусства, одухотворенные высокой идеей, независимо от того, к какому литературному течению их можно отнести.

Выступление Сэкинэ подтверждало репутацию журнала «Рэтто» как авангарда в политике и искусстве, хотя споры о задачах современной поэзии не прекращались вплоть до распада общества «Рэтто» в 1955 г. В дальнейшем в истории литературы они получили название «дискуссии о

волке». После своего критического дебюта Сэкинэ развил аллегорию в большой статье «Волк пришел», обвиняя Окамото Дзюн и еще нескольких поэтов в ходульном героизме или в чрезмерной сентиментальности и непонимании требований сегодняшнего дня. Конечно, критика Сэкинэ не всегда носила объективный характер. Изображая в стихах острые социальные конфликты, он требовал того же и от других. Между тем многим поэтам группы было не чуждо увлечение интимной лирикой. И все же можно сказать, что лицо «Рэтто» выявляет поэзия общественной направленности, с ее гражданским пафосом, богатой палитрой образов, сочным народным юмором, местами переходящим в политическую сатиру.

В поэзии «Рэтто» проходит вереница почерпнутых из жизни персонажей: рабочий и чиновник, музыкант и крестьянин, учитель и рыбак. Иногда гротескные аллегории словно приоткрывают изнанку «процветающего» капиталистического общества, пораженного тайными и явными недугами.

Необычайная живость присуща перу Хасэгава Юсэй и Курода Кюо. Меткое слово, точная деталь, неожиданная и убедительная параллель значат в их поэзии больше, чем изысканная инструментовка стиха или броскость ритмизированного лозунга. Отыскивая свои темы в сутолоке городских будней, поэты «Рэтто» воспроизводят говор толпы, выкрики рыночных торговцев, беседы в парикмахерской, шутки завсегдатаев дешевых кафе. Они стремятся проникнуть в повседневный быт людей труда с его радостями и огорчениями, мелкими личными неурядицами и крупными классовыми столкновениями. В то же время поэзия «Рэтто» прямо противоположна по характеру литературе, обслуживающей средства массовой коммуникации. Не газетные репортажи, а сложные психологические этюды лежат в основе творческой манеры участников общества, поставивших целью «прежде всего органическое слияние политики и искусства»¹⁹.

По мере роста поэты «Рэтто» постепенно начинали стремиться к большей самостоятельности, уже не довольствуясь намеченной сообщаемой программой. Каждый предлагал свой путь к решению поставленных задач. В конце концов со всей очевидностью выявилась невозможность дальнейшего существования группы «Рэтто». Публикация в 1955 г. антологии лучших произведений поэтов группы подвела итог трехлетней деятельности журнала «Рэтто», а в известной степени — и всему процессу развития «гэндайси» за десять послевоенных лет. Распад «Рэтто» явился важной вехой на пути борьбы и исканий современной японской литературы.

В 50-е гг. в связи с такими тревожными событиями, как подписание договора без-

¹⁷ История современной японской поэзии. Т. 4, с. 44.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Катаока Фумио. Что такое «последняя поэзия», с. 414.

опасности, термоядерный взрыв у атолла Бикини и его последствия, размещение ракетно-ядерного оружия на территории Окинавы и расширение сети военных баз США на Японских островах, активизировалась деятельность поэтов в борьбе за демократию и мир. В знак солидарности с пострадавшим при взрыве на Бикини экипажем сейнера «Счастливый дракон» «Гэндай сидзин кай» («Общество современных поэтов») выпустило антологию «Пепел смерти». Тем самым было положено начало так называемой «теме Хиросимы» в поэзии, получившей затем широкое распространение в творчестве Санкити Тогэ, Хара Тамики, Фукагава Мунахико и многих других поэтов. Позже, в 60-е гг., демократическая поэзия обрела голос в журнале «Сидзин Кайги» («Поэтический конгресс»), где преобладает влияние поэтов-коммунистов²⁰.

Несмотря на то что многие поэтические объединения второй половины 50-х — начала 60-х гг. роднит наличие сильных индивидуалистических тенденций и относительная политическая индифферентность, среди них можно также выделить и группировки радикально настроенных поэтов. Так, например, начинания «Рэтто» продолжил созданный в 1954 г. (и закрывшийся в 1958 г.) журнал «Коннити» («Сегодня»). Ядро группы составляли участники распавшихся ранее журналов «Син си ха» («Новая поэзия») и «Син си кодо» («Поэтическое действие»). В первом номере «Коннити» был опубликован коллективный манифест, в котором Накадзима Каитиро, Хирабаяси Тосихико, Идзима Конти, Ивада Хироси, Оока Макото, Танака Киёмицу заявляли: «Новизна наших стихов, нашего поэтического языка — от новизны нашего внутреннего мира, а главное — от новизны наших действий»²¹. «Новизну действий» поэтов «Коннити» в известной мере следует воспринимать как неподтвержденную декларацию. И все же нужно признать их заслугу в стремлении сохранить в поэзии реалистическое начало, обогатить современную поэзию реальными духовными ценностями.

Значительно дальше поэтов «Коннити» в этом направлении пошли участники группы «Гэндайси», ведущего поэтического объединения на протяжении десятилетия 1954—1964 гг. Журнал «Гэндайси», функционировавший первое время на правах печатного органа поэтической секции «Общества новой японской литературы», привлек крупнейших поэтов послевоенной Японии: Канэко Мицухару, Номо Хироси, Акияма Сэй, Хасэгава Рюсей. Активно сотрудничали в журнале Аюкава Нобуо, Сэкинэ Хироси,

Таннгава Сунтаро, Кисима Хадзимэ, Ивада Хироси, Оно Тосабуро. Характер «Гэндайси» определяют не только стихи, но и многочисленные литературно-критические статьи. В частности, на страницах «Гэндайси» были опубликованы такие проблемные работы, как «О течениях современной поэзии» Цубои Сингэди, «Обзор дискуссионных вопросов современной японской поэзии» Есимото Такааки и т. п. Основным программным положением кружка «Гэндайси», объединявшего подчас поэтов различных политических взглядов и эстетических принципов, было стремление к общественному прогрессу и развитие социальной значимости поэзии. Почти каждый из участников «Гэндайси» представляет собой незаурядное и сложное явление в поэтической жизни страны, и трудно переоценить влияние их творчества на современников. Существовало, что поэты «Гэндайси» никогда не отделяли содержание стиха от формы, стремясь к сочетанию гражданственности в поэзии с подлинным лиризмом, создавая прекрасные живописные образы:

День промелькнул...
Из недр разверстых неба
Скользит на землю сепия зари,
И пустота повисла надо мною
гигантским куполом...

(Оно Тосабуро «Дорога»)

В то же время поэты, не столь талантливые, нередко были склонны абсолютизировать программные установки «Гэндайси». Так, несколько упрощенное понимание общественных задач поэзии проявлялось на страницах небольшого журнала «Тёрю ся ха» («Прилив»), вокруг которого сгруппировались молодые поэты Мурада Масао, Ногуты Масаёси, Хирои Сабуро, Хирада Эски, Ногуты Киёко и др. С самого начала характер журнала определялся требованием введения в любое стихотворение социальной проблематики, сформулированным в статье Мурада Масао «Социальная поэзия». Требование это нашло блестящее воплощение в оригинальном сатирическом жанре, о чем свидетельствует сборник Мурада «Современные сатиры», бичующий пороки капиталистического общества. С другой стороны, попытки создания интимной лирики у поэтов «Тёрю ся ха» не всегда удачны и страдают излишним прозаизмом. Сильно уступает сатирическим стихам и лирика самого Мурада в сборнике «Розовая жизнь».

Сходная с группой «Гэндайси» концепция искусства характерна для журнала «Юриика» («Эврика»). Созданный в 1956 г. по инициативе Идаты Токуо и закрывшийся в 1961 г. после смерти этого талантливого поэта и критика, журнал «Юриика» печатал произведения Ямамото Таро и Курода Сабуро, Хасэгава Рюсэй и Оно Тосабуро. Фактически кружка «Юриика», как таковой, не существовало, но журнал помогал многим видным поэтам выявить их кредо. В частности, в «Юриика» была опублико-

²⁰ См.: Современная Япония. Справочник, с. 614—615.

²¹ Каракава Томио. Пояснение к послевоенным поэтическим журналам. — «История современной японской поэзии». Приложение, с. 11.

зна известная статья Танигава Сунтаро «Всему миру», отстаивавшая необходимость воздействия поэзии на различные сферы общественной жизни. Журнал играл также просветительскую роль, регулярно выпускаемая в виде приложения сборники отдельных авторов и поэтические антологии. После семилетнего перерыва, в 1969 г., возобновилось издание «Юриика» под редакцией Киймидзу Ясуо, и в наши дни это один из наиболее популярных молодежных поэтических журналов.

* * *

Деятельность поэтов демократического направления, в особенности тех, кто имел за плечами опыт войны, определила магистральную линию развития современной японской поэзии 50-х гг. Поэзия первых послевоенных лет, а затем «Арэти» и «Рэтто» принадлежит тем, кто прошел войну и хорошо помнит ее уроки. Недаром один из руководителей «Арэти» Аюкава Нобуо сравнивал своих сверстников с европейскими писателями «потерянного поколения» — Олдингтоном, Хемингуэем, Элиотом. В японском литературоведении за поэтами первого послевоенного десятилетия, заложившими фундамент современного стиха, утвердилось название «первое послевоенное поколение».

Молодежь, пришедшая на смену пионерам послевоенной поэзии, известна в японской истории литературы как «второе послевоенное поколение»²². Такое название условно, и отражает оно не столько общность интересов молодых поэтов, сколько их отличие от интересов предшественников. Почти все поэты «второго послевоенного поколения» родились в 30-е гг. и встретили конец войны подростками. По сравнению с адом войны первые годы мира казались им временем, когда можно

читать в книге небес,
воспевать облака
и шептать в упоенье молитвы.

(Танигава Сунтаро «Тень деревьев»)

Если попытаться выделить в калейдоскопе сюжетов и образов «второго послевоенного» какую-либо общую черту, то ее, вероятно, можно передать словами Аюкава Нобуо, адресованными к Танигава Сунтаро: «Особенность его поэтического мира вполне очевидна при сравнении с творчеством «первого послевоенного», членов «Арэти» и «Рэтто»... В его стихах почти не заметно влияние войны»²³.

Считая выработанный «Рэтто» подход к искусству устаревшим и не годным для се-

годняшнего дня, молодые поэты не видят выхода из лабиринта противоречий, порожденных буржуазным обществом.

Новое поколение заявило о себе уже в начале 50-х гг. Одно за другим возникли небольшие поэтические общества вокруг журналов «Каи», «Хан», «Баку» и др. Вначале, пока «Рэтто» еще занимал командные высоты в поэзии, новоявленные группы не пользовались особой популярностью, но со второй половины 50-х гг. они приобретают все большее влияние. Однако все эти поэтические объединения даже в годы расцвета не достигали масштабов «Арэти» или «Рэтто».

Видную роль в становлении современной поэзии сыграл журнал «Каи» («Весло»), основанный в 1953 г. как печатный орган «Общества изучения поэтики» и просуществовавший около трех лет. В журнале, выходящем под редакцией Кавадзаки Хироси, сотрудничали талантливые молодые поэты: Танигава Сунтаро, Ибаракн Норико, Оока Макоито и др. Унаследовав творческий опыт «первого послевоенного» и добавив к нему юношескую страстность, романтический идеализм, они стремились к воплощению новых тем и образов. Поэты «Каи» выдвинули на первый план требования гуманности и справедливости, хотя и не видели конкретных путей ликвидации царящих в капиталистическом обществе противоречий. Наиболее типична для «Каи» лирика Танигава Сунтаро, являющегося и в наши дни одним из наиболее популярных в Японии поэтов. В таких значительных произведениях, как сборник «Два миллиарда световых лет одиночества», Танигава не только раздвигает границы стиха до масштабов Вселенной, но и стремится разрешить самую злободневную проблему буржуазного общества — проблему отчуждения. В эпоху, когда машина социального угнетения всей своей силой обрушивается на человека, заставляя его все глубже уходить в себя, под скорлупу своей раковины, поэт напоминает о том, что люди нужны друг другу и не могут существовать разобщенно:

Люди на маленьком шаре
спят, веселятся, работают.
Но порой им хочется найти друзей на
Марсе.

Сила притяжения —
это сила невыносимого одиночества.
Космос сжимается —
И вот люди тянутся друг к другу.
Космос расширяется —
и люди снова в тревоге.

(«Два миллиарда световых лет одиночества»)

Мертвенному холоду, проникающего в страну экзистенциалистского учения, поэт противопоставляет тепло человеческих чувств, но тень тревоги лежит на его творчестве. Гуманизм Танигава абстрактен, не связан с реальными нуждами народа, не

²² История современной японской поэзии. Т. 4, с. 51.

²³ Собрание лучших произведений современной японской поэзии. Большая серия. Т. 11. Токио, 1966, с. 333.

способен помочь решению насущных социальных проблем. В этом тоже заключена одна из существенных особенностей «второго послевоенного».

Все же нужно признать, что в период экономического бума, когда усилия правящих кругов сосредоточивались на идеологической обработке масс с помощью средств массовой информации, демократическая поэзия была в известной степени ослаблена. Творчество серьезных поэтов «Арэти» и «Рэтто» после распада этих обществ оказалось в состоянии временного застоя; молодежь «второго послевоенного» блуждала в поисках нового; политическая поэзия по своему художественному уровню не всегда отвечала возросшим требованиям читателей. К тому же поэзия постепенно втягивалась в сферу капиталистической коммерции, где действовал непреложный закон «все на продажу». Со второй половины 50-х гг. в Японии начался расцвет «массовой литературы». На прилавки книжных магазинов хлынул поток отечественных и переводных детективов, боевиков, комиксов, научной фантастики — поток, не иссякающий и по сей день. Многие поэты, не желая оставаться в стороне от сулящей солидные барыши конъюнктурной книжной продукции, поспешили предложить свои услуги радио, телевидению, рекламным компаниям. Танигава Сунтаро, обращаясь к собратям по перу, заявлял: «Мы должны продавать свои стихи. Почему?.. Да потому, что стихам можно найти применение и в фильмах-боевиках, и в стрип-шоу — где угодно»²⁴.

Подобными сентенциями Танигава, собственно, не стремится перечеркнуть все свои прежние поэтические начинания, пожертвовав высоким искусством ради низменных меркантильных соображений. Но слова Танигава отражают позицию того весьма широкого круга молодых поэтов, которые считают возможным служение «богу и Мамоне» одновременно. Тенденция удовлетворения вкусов массового читателя особенно явно сказывается в творчестве ряда второстепенных поэтов, дебютировавших в начале 60-х гг. и не без успеха продолжающих свою деятельность в наши дни. К их числу относятся и сотни авторов текстов эстрадных песен, рекламных песенок и стишков и т. п.

Конечно, период конца 50-х — начала 60-х гг. выдвинул и немало подлинных поэтических дарований: Есимото Такааки, Андзай Хитоси, Танигава Ган, Ивада Хироси, Цубураи Тэцудэ, Кора Румико, Такано Кикуо, Такигути Масако, Накаэ Тосио, Савamura Мицухиро, Исихара Тосико и др.

Однако тенденция к сужению тематики и приданию ей сугубо личного характера

ра наглядно проявляется в стихах и манерах многих поэтов «второго послевоенного поколения», в частности у членов группы «Баку» («Чудо-юдо»). Журнал «Баку» был основан в 1953 г. при литературном факультете университета Мэйлзи молодыми поэтами Катаока Фумно, Оно Дзюн, Сасахара Цунэко и др. Как и в «Кан», ядром группы явились участники «Общества изучения поэзии». За семь лет существования журнал «Баку» (до 1960 г.) на его страницах заявило о себе немало талантов. Среди них следует в первую очередь упомянуть Симаока Асита. Индивидуальность стиля Симаока, проявившаяся в стихах его сборника «Розовые парадоксы», обусловлена всем комплексом эстетических воззрений поэта. Выступая за сочетание актуальности тематики с традиционностью образов, Симаока выдвинул в качестве идеала «стиль призрака», «стих-фантазию» («гэнсо син») единственным законом которого является критический гений художника. «Неофантастическое» направление, как окрестили творчество Симаока и его последователей литературоведы, создало поэзию, исполненную горькой романтической иронии, в которой, однако, порой преобладает мистическое начало. Такие сборники, как «Уличная тетрадь» Сасахара Цунэко или «Откуда доносится эта песня?» Оно Дзюн, свидетельствуют о подлинной силе таланта авторов. Участники кружка «Баку» во многом преопределили дальнейшие пути развития «гэндайси». В чем-то их творчество перекликается с фантастической прозой, также побившей силы в тот период.

Дальнейшее обеднение представлений задачах поэзии мы наблюдаем в деятельности журнала «Хан» («Простор», 1954-1959 гг.). Многие члены группы, среди которых выделяются имена Хоригава Масами, Ямада Масахира, Ямагути Ека и Кибаяси Тэцуо, были выпускниками университета и отражали фрондистские настроения студенческой молодежи второй половины 50-х гг., стремившейся противопоставить «независимую личность» обществу. Отмахиваясь от предшественников, Хоригава Масами уже в первом номере журнала писал: «Унылый сезон «Арэти» безвозвратно канул в прошлое»²⁵. «Хан» категорически отказывался от решения важных социальных проблем, поднятых поэтами «первого послевоенного». Экзистенциальная самценность личности выступает в поэзии этого кружка на первый план, а неповторимость его художника признается единственным достойным объектом изображения. Наиболее ярко позиция группы «Хан» отражена в эссе Хоригава Масами «Поэтическая тетрадь», где культ внутренней жизни противопоставляется социальной активности.

На рубеже 60-х гг. многие поэтические журналы, подобно «Юрику», перестали

²⁴ История современной японской поэзии. Т. 4, с. 59.

²⁵ Каракэва Томоо. Пояснение послевоенным поэтическим журналам, с. 1

...жить печатным органом какой-либо определенной группы или школы. В них печатались (а в некоторых печатаются и поныне) стихи, эссе и статьи поэтов самых разнообразных направлений, не связанных ни какой программой, ни общими интересами. В числе таких журналов можно отнести «Киссэцу» («Времена года»), «Сигаку» («Поэтика»), «Гэндайси сютё» («Поэтический блокнот»), «Мугэн» («Бесконечность») и др.

Большое влияние на поэзию этого периода оказала деятельность журнала «Вани» («Крокодил»), выходящего с 1959 по 1961 г. Журнал, основанный некоторыми известными участниками группы «Коннитти», весьма наглядно отразил эволюцию поэтической мысли: намеренную усложненность творческих стремлений к зашифровке действительности, к непомерному возвышению подсознательного начала. Заметный резонанс в литературном мире вызвала программная статья Оока Макото «Попытка оживить вопросительный знак», фактически отвергающая все достижения предшествующей реалистической поэзии. Взгляды автора передает следующий фрагмент: «Было, открытое и одновременно недоступное — только в нем наше сознание, уступает место непостижимому мгновенному разрешению. Бессознательное захлестывает все в себя. Переполющая глубины, оно стремится вылезти на поверхность, но и сама поверхность уже превратилась в неразличимые на глаз сложнейшие напластования»²⁶. Деятельность группы «Вани» создала реальные предпосылки для активизации модернизма и создания многочисленных мелких поэтических объединений в 60-е гг.

Рост индивидуализма в период научно-технической революции, обострение противоречий между личностью и обществом, кризисное состояние модернистского искусства — все эти факторы неминуемо должны были отразиться на положении поэтического мира Японии. Процесс отчуждения, живущий в большей или меньшей степени всей творческой интеллигенции в капиталистическом обществе, нарушил духовные узы, связующие поэтов старшего поколения, обособил многих представителей литературной молодежи. В наши дни, когда новое поколение уже не определяет курс эпохи, стремление к поэтическому единству зачастую уступает место нажитой самостоятельности, и в печати, по словам известного поэта Катаока Фумио, обычно стали употреблять вместо привычного «мы» вызывающее «я»²⁷. Стремление выделить свое поэтическое «я», свою творческую оригинальность, неповторимость, пусть даже в ущерб общественной значимости стиха, захватило большинство поэтов самых различных направлений. Не-

обычное видение мира стало основным требованием дня.

Сюрреалистические тенденции отразились в таких журналах 60-х гг., как «Босокку» («Бешеный бег»), где особенно активно выступали Амэдзава Тайдзири и Ватанабэ Такэнобу; «Оо-сама но мими» («Королевские уши»), где проявились своеобразные дарования Курихара Масако и Акияма Кэндзабуро; «Нагабоси» («Цилиндр»), представивший читателям Гохара Хироси, Адака Нацуо, Такахаси Сюитиро и др. Однако вскоре эти журналы, подчиняясь центробежной силе, распались. В наши дни число специализированных поэтических журналов резко сократилось. В то же время солидные «толстые» литературные журналы предпочитают печатать авторов с громким именем. Нередко поэты сами и распространяют свои сборники, отпечатанные на собственные средства, тиражом в несколько сотен экземпляров. Конечно, далеко не каждый имеет деньги на издание своих стихов, и таким образом даже наиболее талантливой молодежи порой невозможно пробиться в большую литературу.

В последнее десятилетие Японии захлестнула волна увлечения поэзией американского битничества. Появились многочисленные переводы стихов Алена Гинзберга, Руди Шнайдера, Джека Керуака, Лоренса Ферлингетти. Уже после того, как в самих Соединенных Штатах движение битников изжило себя, в Японии такие поэты, как Симидзу Акира и Есимасу Годзо, продолжили традиции своих американских предшественников. В их творчестве поиски смысла жизни и желание приобщить искусство к реальности приобретают форму болезненного, истерического протеста против пошлости и рутинности буржуазного общества. В основе их художественного метода — поток сознания, переданный в нервных «джазовых» ритмах и облаченный в пестрые, многоплановые метафоры. Стихотворение воспринимается только как единое целое, отдельные строки утрачивают смысл. Стремление к динамизму приводит к смещению причинно-временных связей. К тем же результатам, но другими путями приходят и поэты, воплощающие тенденцию ухода в сферу чистого искусства. Так, Кубота Ханья воскресил интерес к поэзии французского символизма, создавая в своих стихах красочные нагромождения метафор и эпитетов, добиваясь вычурности образов и предельной отточенности слога. Зачастую эти «резные мотыльки» не представляют никакой реальной художественной ценности.

И все же можно сказать, что не модернистские изыски определяют пути развития «гэндайси» в наши дни. Эфемерным увлечением противостоит поэзия жизненной правды: творчество Канэко Мицухару и Оно Тосабуро, Хасэгава Рюсэй и Кора Румико, — всех тех, кто обретает в искусстве не эцентрическую забаву, не наркотик для расширенного сознания, а источник новых сил в борьбе за Человека.

²⁶ Там же, с. 14.

²⁷ Катаока Фумио. Что такое «современная поэзия», с. 46.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Тибет и «культурная революция»

*В. А. Богословский,
кандидат исторических наук*

«Культурная революция» в Тибете была частью политической кампании, развязанной Мао Цзэ-дуном и его сторонниками по всей территории КНР, в том числе в национальных районах.

Вместе с тем «культурная революция» в Тибете, ее результаты имели некоторые, довольно существенные, отличия. Они проистекали из особенностей исторического и политического развития Тибета, ситуации, сложившейся здесь к началу «культурной революции», а также целей, которые ставило перед ней маоистское руководство.

Уже задолго до «культурной революции» маоисты рассматривали Тибет как важнейший военно-стратегический плацдарм для осуществления своих гегемонистских устремлений в южном направлении. Это достаточно наглядно показал индийско-китайский пограничный конфликт 1962 г. К началу «культурной революции» в Тибете была построена густая сеть военно-стратегических дорог и аэродромов, размещена многотысячная армия.

Однако реализации замыслов маоистского руководства серьезно мешала внутриполитическая обстановка, сложившаяся в Тибете к середине 60-х гг. Маоисты, разрушив в 1959 г. старую систему управления, так и не смогли создать достаточно эффективный новый административный аппарат. Партийные организации были немногочисленны и состояли почти исключительно из ханьцев (китайцев). Особенно слабы были позиции маоистов в сельской местности: здесь не было народных коммун, а из 22 тыс. бригад взаимопомощи, существовавших к концу 1964 г., только 4 тыс. являлись «постоянными», а остальные, «временные», создавались только на периоды страды. Единственной реальной силой в автономном районе оставалась армия. Но и ей, несмотря на многочисленные и крупномасштабные карательные и репрессивные операции, последовавшие за восстанием в Лхасе в марте 1959 г., не удалось «умиротворить» Тибет, в котором продолжали действовать партизанские отряды, постоянно вспыхивали восстания.

Развязывая в Тибете «культурную революцию», маоисты рассчитывали укрепить свою власть и создать послушный военно-административный аппарат; завершить перестройку социально-экономической структуры по общекайтайскому образцу и, в частности, организовать здесь народные коммуны; усилить идеологическую обработку коренного населения с тем, чтобы «идеи Мао Цзэ-дуна» полностью вытеснили «националистические» предрассудки, в том числе религиозные; и тем самым ликвидировать всякое реальное или возможное противодействие со стороны тибетского народа великодержавному шовинистическому курсу Пекина.

Маоисты начали с «идеологии». В конце августа 1966 г. хунвэйбины-ханьцы, руководимые специально присланными из Пекина студентами, перешли к решительным действиям. Они объявили беспощадную войну «четырем старым» (старым идеям, старой культуре, старым привычкам, старым обычаям), под которыми подразумевалась вся культура тибетцев, их национальные обычаи, привычки, религиозные верования. «Юные революционеры» громили буддийские храмы и монастыри, жгли священные изображения, книги на тибетском языке, врывались в дома, ломали предметы обихода, сделанные в национальном стиле, отрезали у женщин косы.

Бесчинства хунвэйбинов-ханьцев вызвали законное возмущение коренного населения и серьезно накалили и без того напряженную обстановку. Они насторожили и местные власти. Секретарь парткома Ван Ци-мэй (впоследствии объявленный «агентом Лю Шао-ци») счел нужным предостеречь хунвэйбинов, что их действия могут привести к опасным последствиям, так как Тибет является пограничным районом, в котором существуют острые проблемы взаимоотношений национальностей, религии и единого фронта¹. Местные власти решили взять под свой контроль «культурную револю-

¹ Tibet, 1950—1967. Hong Kong, 1968, p. 617. Речь идет о «едином фронте» с представителями «верхушки национальных меньшинств», который был важной частью национальной политики руководства КПК.

цию» и перевести ее в «спокойное» русло. Образованный ими комитет по проведению «культурной революции» во главе с Ван Ци-мэем был составлен без представителей экстремистского крыла хунвэйбинов².

Однако такая «осторожная» «культурная революция» не устраивала ее пекинских организаторов. В январе 1967 г. по указанию Цзян Цин «левые» хунвэйбины и цзаофаня объединились в «Главный штаб лхасских революционных бунтарей» (цзаоцуны). Наиболее активной частью цзаоцунов был «Союз столичных (пекинских) хунвэйбинов».

Вскоре цзаоцуны начали кампанию по захвату «штабов». Они заняли помещения лхасской радиостанции, газеты «Сицзан жибао», разогнали Народный комитет автономного района. В начале февраля цзаоцуны перенесли свои «удары» на руководство Рабочего комитета КПК автономного района, командование и партком военного округа во главе с Чжан Го-хуа, которых они обвиняли в покровительстве реакции, в «ревизионизме», стремлении восстановить крепостничество и власть реакционного духовенства.

Оказавшись перед угрозой утраты власти, местные военные и партийные руководители решили перейти в наступление. Если не по их инициативе, то явно с их согласия и одобрения создаются «новые» отряды цзаофаней, в основном из кадровых работников-ханьцев. Вскоре они объединяются в «Главный штаб пролетарских революционеров, бунтующих на основе большого единения Тибетского автономного района» (далянчжи).

Однако свою главную опору местные власти видели не в далянчжи, а в войсках. В результате нескольких дней боев воинские части выбили цзаоцунов из занятых ими государственных учреждений и установили контроль над Лхасой. Столичных хунвэйбинов заставили возвратиться в Пекин. 21 февраля 1967 г. ЦК КПК принимает решение, в котором говорилось, что хотя Чжан Го-хуа допустил ошибки, но является «хорошим товарищем» и что цзаофаня должны сотрудничать с командованием военного округа.

Но относительное затишье длилось недолго. Уже в июне 1967 г. вновь начались столкновения между цзаоцунами, получившими поддержку Пекина, и далянчжи. Враждующие стороны использовали орудия, пулеметы, минометы. Бои, в которых гибли сотни людей, продолжались неделями. Были нарушены коммуникации между важнейшими городами. К августу 1968 г. обстановка в Тибете обострилась до предела. Чжоу Энь-лай признал в одном из своих интервью, что в автономном районе идет фракционная борьба, равносильная «гражданской войне».

Боясь, что дальнейшая междоусобица цзаофаней чревата опасными последствиями в этом пограничном районе, маоистское руководство принимает экстренные меры для хотя бы внешнего восстановления порядка и создания видимости победы «культурной революции» в Тибете. Оно фактически отмежевывается от поддерживавшихся им в прошлом цзаофаней и предоставляет свободу действий местному армейскому командованию. ЦК КПК посылает в Тибет специальную комиссию «для того, чтобы передать пожелания Центрального Комитета, положить конец вооруженной борьбе и восстановить порядок».

Наконец, 5 сентября 1968 г. агентство Синьхуа объявило о создании «ревкома» Тибетского автономного района.

Итак, организаторами и участниками «культурной революции» в Тибете были ханьцы. Они составляли абсолютное большинство хунвэйбинов и цзаофаней, как цзаоцунов, так и далянчжи. Доля тибетцев равнялась нескольким процентам (так, на июль 1967 г. среди 38 тыс. членов далянчжи тибетцев насчитывалось менее одной тысячи)³.

Но если внешне «культурная революция» выглядела как внутреннее дело ханьцев, то ее последствия и результаты самым непосредственным образом затронули коренные интересы тибетского народа.

В ходе «культурной революции» в Тибете были фактически ликвидированы последние, еще сохранявшиеся элементы национальной автономии коренного населения. Маоисты разогнали конституционные органы самоуправления тибетцев, отстранили от работы и подвергли репрессиям многих кадровых работников тибетской национальности. После кратковременного хозяйничанья хунвэйбинов в «штабах» единственной властью в районе стала армия, которая осуществляла и административные, и фискальные, и судебные функции.

Начавшаяся же в сентябре 1968 г. кампания по насаждению «ревкомов» означала создание военно-бюрократического аппарата, в котором даже специально отобранным тибетцам отводилась второстепенная роль и вся власть была сосредоточена в руках ханьцев, военных по преимуществу. Если раньше большинство членов Народного коми-

² Tibet, 1950—1967, p. 686.

³ Правда, отдельные группы тибетцев иногда выступали на стороне цзаофаней, как цзаоцунов, так и далянчжи, видя в них «разрушителей» навязанных тибетскому народу порядков.

тета автономного района пусть формально, но составляли тибетцы и его председателем был тибетец Нгабо Агванг-джикма, то теперь председателем «ревкома» автономного района стал командующий Тибетским военным округом ханец Цзэн Юн-я, среди 13 его заместителей оказалось 9 ханьцев и 4 тибетцев, а из 17 членов «ревкома» — только один тибетец.

Важнейшим атрибутом «культурной революции» в Тибете следует считать, далее, кампанию по созданию народных коммун, принявшую массовый характер в 1968 г. К 30 ноября 1968 г. в округе Шигацзе, например, были организованы 204 коммуны (включая 10 скотоводческих). В них вошли 45% крестьянских хозяйств округа. Вначале главными и единственными «организаторами» народных коммун выступали армейские агитбригады или просто воинские части. Затем к солдатам присоединились члены «ревкомов».

Навязывая тибетским крестьянам народные коммуны, маоисты вовсе не ставили задачу ликвидировать социальную отсталость Тибета, как утверждала маоистская пропаганда. Их дела сводились к установлению через «народных коммун» политического, экономического и военного контроля над сельским населением.

Маоисты рассчитывали использовать коммуны прежде всего как рычаг увеличения поставок продовольствия на содержание армии. Коммуны должны были расширять посевные площади, поднимать урожайность, строить новые ирригационные системы. И все это исключительно своими силами, без какой-либо помощи со стороны государства (в соответствии с принципами «опоры на собственные силы» и «учиться у Дачжая»).

Одновременно маоисты считали, что военно-казарменная форма организации труда и повседневной жизни тибетских крестьян в коммунах облегчит идеологическую обработку населения, усилит административный контроль над нежелательными элементами, а также даст возможность шире привлекать местное население к строительству военных объектов.

«Культурная революция», вылившаяся в бесчинства хунвэйбинов и цзаофаней, в произвол армии, в реквизицию продовольствия, навязавшая тибетскому народу «ревкомы» и народные коммуны, не имела ничего общего с его интересами. В этом заключается основная причина многочисленных антимаоистских выступлений тибетцев во время «культурной революции». Их участники требовали восстановить политические свободы, покончить с произволом солдат, прекратить гонения на национальные обычаи и религию тибетцев.

Выступления тибетцев приняли самые разнообразные формы. Расширилось партизанское движение. Кроме уже существовавших, действовали новые, появившиеся во время «культурной революции» партизанские отряды. Они нападали на воинские подразделения, опорные пункты войск НОА, перерезали коммуникации, нарушали связь и даже атаковали такие крупные города, как Цзэтханг. В отдельных рейдах числа убитых военнослужащих НОА достигало нескольких сот человек. Китайская пресса неоднократно сообщала о «сокрушительных ударах», якобы нанесенных «бандам тибетских мятежников».

Активизировали свою деятельность подпольные группы в городах и крупных населенных пунктах. Нередко ими руководили молодые кадровые работники-тибетцы, получившие образование в центральных районах КНР. Широкое распространение получили и различные формы антимаоистской пропаганды — лозунги, карикатуры, дацзыбао.

«Культурная революция» привела к резкому росту и стихийных выступлений тибетцев. Они явились реакцией на конкретные факты насилий и издевательств со стороны китайских военных и гражданских властей, цзаофаней и солдат, реквизиций урожая, протестом против создания «ревкомов» и коммун.

Уже через несколько месяцев после начала «культурной революции» (в конце 1966 — начале 1967 г.) произошло восстание, в котором участвовало 7 тыс. человек⁴. В восстаниях, охвативших весь Тибет, принимали участие тысячи крестьян, скотоводов, горожан. Восставшие нападали на продовольственные склады, на солдат, отбиравших урожай, на кадровых работников-ханьцев, приехавших в деревни организовывать коммуны. Особенно участились вооруженные выступления тибетцев летом 1968 г. Хунвэйбиновская печать прямо утверждала, что «изменники и бандиты рвутся к власти».

Стихийные восстания тибетцев продолжались и в последующие годы. Так, 27 июля 1970 г. радио Лхасы сообщило о подавлении вооруженного выступления, организованного «горсткой классовых врагов, пытавшихся посеять раскол между армией и народом, используя религиозные чувства и суеверия». Судя по свидетельствам беженцев, речь шла о восстаниях, происшедших в ряде мест Тибета, главным образом на юго-западе, в ходе которых было убито более тысячи военнослужащих НОА. Подавив восстания, власти казнили 124 «реакционных мятежника»⁵.

⁴ "Janata", vol. 22, 1967, № 1—2, p. 39.

⁵ "Tibetan review", vol. 5, 1971, № 2, p. 2.

Пытаясь сломить сопротивление тибетского народа, маонисты прибегали к целому ряду пропагандистских, предупредительных и репрессивных мер. Они строго ограничили передвижение тибетцев, особенно в сельской местности, даже в пределах одной деревни, запретили жителям собираться группами, кроме как на работе или на официальных собраниях и митингах, регламентировали повседневную жизнь тибетцев, вплоть до брака⁶.

Для усиления контроля и предупреждения возможных выступлений маонисты перевели тибетцев на полужакарменное положение. В 1969 г. в автономном районе развернулась кампания по созданию «народного ополчения», началась перепись всех трудоспособных мужчин и женщин, которые зачислялись в различные отряды ополчения, вспомогательные и медицинские отряды⁷.

Особое внимание маонисты уделили разнообразным «собраниям борьбы». Основная цель этих собраний, созывавшихся зачастую непосредственно на полях или в ночное время, состояла не столько в пропаганде «идей Мао Цзэ-дуна», сколько в устрашении, выявлении «неблагонадежных» и их «искоренении». Организаторами «собраний борьбы» были военные. С конца 1968 г. им стали «помогать» «ревкомы».

Однако все эти «предупредительные» меры не давали желаемого результата, и главное средство «умиротворения» Тибета маонисты видели в массовых репрессиях. В 1969 г. они решили «упорядочить» репрессии. 28 августа ЦК КПК отдает «директиву» «ревкомам» и войскам, расположенным в пограничных районах. Восьмой параграф директивы требовал: «решительно подавить всех контрреволюционеров, которые... замышляют бежать, нарушают общественный порядок, захватывают национальную собственность, мешают производству, совершают убийства, поджоги, отравления или используют религиозные предрассудки для организации мятежа. Те землевладельцы, богатые крестьяне, предатели, плохие элементы и правые, которые еще не перевоспитались надлежащим образом, должны подвергнуться исправлению через работу под строгим контролем революционных масс»⁸.

Во исполнение этой директивы в конце 1969 — начале 1970 г. по всему Тибетскому автономному району началась новая кампания массовых репрессий и публичных судилищ. Тысячи тибетцев были арестованы и «вытащены» на «народные суды». Многих из них публично казнили. Одновременно на стенах домов расклеивались многочисленные листовки, содержащие фотографии осужденных с указанием наказания и перечислением «преступлений», а также фотографии разыскиваемых «преступников»⁹.

Итак, маонисты оказались не в силах достичь главной цели: «культурная революция» не «умиротворила» Тибет, а превратила его в хаос вооруженной междоусобицы изоафаней, превратила в арену ожесточенных боев между тибетцами и китайскими солдатами. Именно поэтому на «оформление» результатов «культурной революции» потребовалось длительное время. Так, например, «ревком» автономного района был создан с большим опозданием (в сентябре 1968 г. вместо марта), а формирование «ревкомов» даже на уровне округов затянулось еще почти на год: «ревком» округа Лходраг (Шаньнань) был образован лишь в конце 1969 г.

С еще большими трудностями встретились маонисты во время кампании по созданию народных коммун: к концу «культурной революции» (середина 1970 г.) коммунизация охватила только 34% волостей автономного района. И лишь в ноябре 1974 г. агентство Синьхуа смогло сообщить, что коммуны созданы в 93% волостей¹⁰.

События «культурной революции» убедили пекинское руководство, что путем только одного открытого насилия им не достичь желаемых результатов. Поэтому, не отказываясь от репрессивных мер, маонисты решили в начале 70-х гг. прибегнуть к некоторым тактическим маневрам в проведении своей великодержавной политики в Тибете. Они выразились главным образом в привлечении некоторого количества тибетцев на работу в государственный аппарат («ревкоммах») и к вступлению их в КПК, а также в возобновлении преподавания тибетского языка в школах и разрешении «традиционных форм национального искусства».

Одновременно маонисты развернули шумную пропагандистскую кампанию, восхваляющую «национальную политику председателя Мао», которая якобы принесла счастье, обеспечила самоуправление тибетского народа, расцвет его национальной культуры.

В действительности руководство «ревкомов» остается в руках ханьцев, военных по преимуществу. Кампания по привлечению тибетцев в ряды КПК носит показательный характер, так как во главе парткомов стоят опять-таки ханьцы. Так, например, первым секретарем комитета КПК автономного района был избран нынешний председатель «ревкома» и первый политкомиссар военного округа Жэнь Жун; из восьми секретарей

⁶ «Tibetan review», vol. 3, 1970, № 7, p. 3; vol. 6, 1971, № 11, p. 3.

⁷ «Жэньминь жибао», 11.VI.1970; «Tibetan review», aug. — sept. 1969, p. 5—6; vol. 4, 1970, № 6, p. 2.

⁸ «China notes», vol. 9, Winter 1970—1971, № 1, p. 10.

⁹ «Tibetan review», vol. 5, 1971, № 9, p. 2—3; vol. 6, 1971, № 9, p. 2; vol. 4, 1970, № 6, p. 5.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 15.XI.1974.

в каждом из окружных парткомов Шигацзе, Нагчу и города Лхасы только двое тибетцев, а среди девяти секретарей парткома округа Чамдо вообще нет ни одного тибетца¹¹.

Что касается национальной культуры тибетцев, то официальная печать прямо указывает, что право на существование имеют лишь те «национальные по форме» произведения, в которых проповедуются «идеи Мао», и в качестве эталона приводит «революционные образцовые пьесы»¹². Одновременно маонисты полностью отрицают национальные культурные традиции тибетского народа и открыто заявляют, что воссоздание народного искусства, народных песен и танцев в том виде, в каком они существовали в прошлом, было бы популяризацией «феодалного хлама»¹³. Вместе с тем усиленно китаизируется тибетский язык. В него искусственно вводится китайская лексика. Идет подготовка к переводу тибетского языка на латиницу, разработанную для китайского языка.

Политика Пекина, следовательно, направлена не на «расцвет» тибетской культуры и языка, а на их ликвидацию, что, по расчетам маонистов, должно облегчить насильственную ассимиляцию тибетцев.

Тибетские трудящиеся по-прежнему подвергаются жестокой эксплуатации на промышленных предприятиях, строительстве военных объектов и дорог и в народных коммунах. Весь урожай идет на содержание многотысячной армии и переселенцев-ханьцев. Сами же крестьяне далеко не всегда могут получить скудный паек в 12 кг зерна в месяц на работающего.

В последнее время маонисты предпринимают дополнительные меры по насильственной ассимиляции тибетцев. Не ограничиваясь переселением тысяч ханьцев в города, пекинское руководство развернуло массовую кампанию по переселению в Тибет демобилизованных солдат из центральных районов КНР. Они направляются непосредственно в коммуны и должны «строить и укреплять границу»¹⁴.

Формально «культурная революция» закончилась в Тибете около пяти лет назад. Но и поныне маонистская пропаганда не перестает воспевать ее. Это не случайно, ибо великодержавная, ассимиляторская сущность политики пекинского руководства в Тибете, особенно откровенно выявившаяся в годы «культурной революции», сохраняется и в настоящее время.

¹¹ "Tibetan review", vol. 7, № 8, 1972, p. 7.

¹² «Жэньминь жибао», 2.XII.1973.

¹³ Там же, 23.V.1972.

¹⁴ «Гуанмин жибао», 4.VIII.1975.

Великое наследие (К 475-летию со дня рождения У Чэн-эня)

*А. П. Рогачев,
кандидат филологических наук, профессор*

В китайской средневековой литературе У Чэн-энь занимает особое место как создатель нового жанра — фантастического романа, как острый сатирик и как подлинный знаток Китая. Выдающееся произведение У Чэн-эня «Путешествие на Запад» дорого китайскому народу не только своими замечательными художественными образами, но и величием содержащихся в нем идей.

Вполне естественно, что роман У Чэн-эня не мог не привлечь внимания советских исследователей.

Наиболее раннее упоминание об этом романе мы находим в трудах известного русского китаевода прошлого века В. П. Васильева¹. Не обошли его молчанием и советские китаеведы. Так, Н. Т. Федоренко в своей работе «Китайская литература»² приводит основные сведения о романе и дает ему краткую характеристику. В совместной работе «Китайская литература»³ Л. З. Эйтли и В. Ф. Сорокин также останавливаются на значении романа в рамках китайской художественной литературы. Определенное место уделено исследованию романа О. Л. Фишман в работе «Китайский сатирический роман»⁴. Наконец, позволю себе упомянуть вступительную статью к переводу романа «Путешествие на Запад», принадлежащую автору этих строк, а также другие его работы, опубликованные в разное время⁵.

На русском языке роман У Чэн-эня был издан в 1959 г. в переводе автора данной работы (первые два тома) и профессора В. С. Колоколова (третий и четвертый тома). Перевод осуществлен с пекинского издания 1954 г., выпущенного издательством «Цзоцзя». В предисловии к этому изданию сообщалось, что над текстом романа У Чэн-эня была проделана большая редакционная работа, направленная к устранению и исправлению неточностей, вкравшихся в различные издания романа. Для этого была проведена тщательная проверка и сопоставление текстов различных изданий романа, появившихся как во время правления Минской династии (XVI), так и более поздних изданий, опубликованных в эпоху Цинской династии (1644—1911).

• • •

У Чэн-энь родился 475 лет тому назад в уезде Хуайань, (провинция Цзянсу) в 1500 г.

Пронсходя из небогатой семьи, У Чэн-энь с малых лет познал жизнь простого народа. Невзгоды, разочарования и огорчения были постоянными спутниками У Чэн-эня. Однако неудачи не ожесточили его сердце. Они помогли ему понять всю несправедливость общественного строя и заклеймить пороки современного ему общества.

¹ В. П. Васильев. Очерк истории китайской литературы. Спб., 1880, в: Материалы по истории китайской литературы (литограф. изд.).

² Н. Т. Федоренко. Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы. М., 1956.

³ В. Сорокин, Л. Эйтли. Китайская литература. М., 1962.

⁴ О. Л. Фишман. Китайский сатирический роман. М., 1966.

⁵ А. П. Рогачев. У Чэн-энь и его роман «Путешествие на Запад». — Вступительная статья к переводу романа У Чэн-эня «Путешествие на Запад». М., 1959; его же. О мировоззрении классика китайской средневековой литературы У Чэн-эня. — Вопросы китайской филологии. М., 1963; его же. Элементы сатиры в романе У Чэн-эня «Путешествие на Запад». — Вопросы китайской филологии. М., 1974.

Летописи уезда Хуайань⁶, как и другие источники, свидетельствуют о том, что У Чэн-энь был высокообразованным и начитанным человеком, наделенным поэтическим даром. Уже в молодые годы он стал подлинным мастером весьма трудного и с давних пор распространенного в Китае стихотворного жанра надгробных надписей и строф, посвященных юбилейным датам. Это давало ему заработок, в котором он так нуждался.

Неудачными были неоднократные попытки У Чэн-эня выдержать государственные экзамены на получение ученой степени, открывавшей путь к официальной должности, а следовательно, и к благополучию. К этим экзаменам готовились многие годы, порой до глубокой старости и зачастую безуспешно. Особенно трудно давались схоластические науки людям талантливым и мыслящим. Лишь в возрасте 45 лет, на отборочных экзаменах в провинции, У Чэн-энь получил звание «суйгуншэна» — отличного студента, кандидата для прохождения столичных экзаменов. Но сдать экзамены в столице ему так и не удалось.

У Чэн-энь начал писать «Путешествие на Запад» в возрасте 70 лет. Огромный жизненный опыт, глубокое знание культуры своего народа позволили писателю создать вполне реальный фон для своего фантастического по форме романа.

Несмотря на скудость дошедших до нас сведений об У Чэн-эне, об обстановке, в которой он жил и творил, по имеющимся немногочисленным источникам⁷ все же можно составить некоторое представление о тех условиях, которые оказывали влияние на формирование мировоззрения этого замечательного писателя и художника.

Основная концепция, определяющая содержание романа У Чэн-эня, сводится к утверждению мысли о том, что все живое, способное мыслить, то есть постигать истины, порождается материальным. Эта мысль четко выражена в самом начале романа, в описании происхождения мира.

С первых же страниц автор, рисуя картину мироздания, исключает участие каких-либо божественных сил. Мир возникает и развивается в результате взаимодействия извечно существующих материальных начал инь и ян.

В наивно материалистической форме У Чэн-энь изображает эволюцию вселенной, ведет речь о происхождении неба и земли, о первоначальном хаосе, об образовании вод, гор, о зарождении жизни.

Стремясь постичь внутреннюю сущность вселенной, У Чэн-энь утверждает в своем романе, что природа существовала всегда, независимо от человека и его сознания.

Жизнеутверждающая оптимистическая философия У Чэн-эня одухотворена его верой в народ, в его силу, в конечную победу добра над злом. Эта вера выразилась, в частности, в том, что все козни духов и оборотней, все их попытки нанести вред людям не увенчались успехом. Сам же У Чэн-энь предстает как писатель, отражавший мировоззрение наиболее передовых демократически настроенных кругов тогдашнего общества.

Мировоззрение У Чэн-эня прослеживается и при конкретном анализе героев романа, прежде всего Сунь У-куна, который является центральным и несет главную идейную нагрузку, через него автор утверждает свои идеалы.

Образ Сунь У-куна, несомненно, заимствован писателем из устного народного творчества. Существует мнение, что прообразом Сунь У-куна послужил Царь обезьян Хануман, герой индийского эпоса «Рамаяна».

Не располагая достаточными материалами для детального исследования вопроса о генезисе образа Сунь У-куна, мы тем не менее считаем, что связи между Китаем и Индией в тот период отнюдь не исключали возможности подобного заимствования. Это не отрицают и китайские литературоведы, в том числе такой известный в литературе авторитет, каким был Чжэн Чжэнь-до⁸. Несмотря на это, у вчерашних и сегодняшних китайских националистов одна мысль о каком бы то ни было заимствовании вызывает чувство негодования. По их мнению, Сунь У-кун — это «гохо» — «продукт отечественного производства». А кто думает иначе, того они обвиняют во всех смертных грехах, называют изменниками, преклоняющимися перед иностранцами⁹.

В наше время, когда проблема взаимного влияния литератур разных народов приобретает особое значение, являясь необходимым условием для создания истории мировой литературы, нигилистическое, псевдопатриотическое отношение китайских национа-

⁶ Лю Сю-е. Сборник по исследованию классической художественной прозы и пьес. Пекин, 1958, с. 2.

⁷ Довольно обстоятельная хронология жизни У Чэн-эня, основанная на семейных и уездных хрониках, а также на других источниках, дана в работе литературоведа Лю Сю-е «Сборник по исследованию классической художественной прозы и пьес» (Пекин, 1958).

⁸ Чжэн Чжэнь-до. Эволюция романа У Чэн-эня «Путешествие на Запад». — «Вэньсюэ». Т. I, № 4, октябрь 1933 г., с. 73.

⁹ Ли Да-чунь. Некоторые мысли по поводу романа «Путешествие на Запад». — «Цзефанцзюнь вэнь и», 1956, № 1.

листов к любому сопоставлению героев китайского эпоса с литературными героями их ближайших соседей, кажется не только странным, но и вредным, наносит ущерб связям китайской культуры с культурой всего человечества.

А между тем, если бы и удалось доказать, что Хануман явился прообразом Сунь У-куна, то это несколько не умалило бы последнего, как подлинно национального литературного героя, настолько вросшего в китайскую почву, что обнаружить в нем что-нибудь некитайское уже невозможно.

То, что Сунь У-кун — фигура очень популярная в средневековом фольклоре, — факт сам по себе немаловажный. В центре романа оказывается герой, не только стоящий вне официальной литературной традиции, но и противопоставленный ей. Это противопоставление подчеркнуто его антиподом — образом благочестивого и вполне традиционного монаха Сюань-цзана.

Образ Сунь У-куна оказался свободным от власти той литературной традиции, в силу которой положительный герой непременно наделялся определенными, наперед установленными достоинствами. Им наделяет писатель Сюань-цзана как верховного жреца. Сунь У-куну же присущи качества, совершенно противоположные, что, однако, не снижает его достоинств как положительного героя. Подлинное новаторство У Чэн-эня сказалось именно в том, что он создал нового героя, в сопоставлении с которым герой традиционный сильно поблек и утратил свою привлекательность.

Творческий опыт в сочетании с существующей традицией помогли У Чэн-эню в эстетическом освоении образа главного героя романа, в раскрытии его психологии, его характера.

Сунь У-кун — плоть от плоти природы, он столь же неуравновешен, как и она, — то ласков, то суров, то необуздан, то смирен. Лишив своего героя конкретных «живых» родителей, автор освободил его и от «бремени» наследственности, и от пут обязанностей, тяготеющих над всяким смертным, — сыновней почтительности, культа предков, долга «слуги отечества» в их изуверском неоконфуцианском толковании. Герой — сын природы (неба и земли) и потому не связан никакими узми с остальными живущими на земле, отсюда его естественное неприятие всех и всяческих «нестественных» установлений и порядков, которыми опутали себя люди за многие века своего существования, его стремление уничтожить их как нечто надуманное и противоестественное, а потому неразумное. Таким образом, в Сунь У-куне читатель мог уже видеть предтечу «естественного» человека, который либо зло профанирует, либо, наделенный от природы могуществом, решительно сокрушает все то, что является порождением зла и неведения на земле.

Благодаря уму, храбрости и отваге Каменная обезьяна очень скоро берет верх над своими сородичами. Она первой проникает сквозь водопад — Водный занавес, находит для обезьян благословенный край, обетованную землю, где они могут жить вольно и безмятежно, а обезьяны беспрекословно признают ее своим царем. С этого момента Каменная обезьяна превращается в Прекрасного Царя обезьян.

Являясь частью природы, Каменная обезьяна выступала как бы обособленно от обстоятельств, но стоило ей превратиться в царя, как тут же вступили в силу законы социальной жизни со свойственной ей иерархией.

Однако вскоре выясняется, что ни почетное положение Царя обезьян, ни привольная жизнь на лоне природы — не удовлетворяют героя романа. Его начинает одолевать беспокойство. Забота о будущем, опасение, что жизнь может пройти напрасно, влекут Сунь У-куна на стезю познания Истины. Перед нами встает царь, стремящийся к просвещению, причем не ради собственной выгоды, а для того, чтобы принести счастье всем своим подданным. Сунь У-кун видит, что жизнь на земле основана на вере в могущество идолов и кумиров, построена на чудовищных химерах. Странствия в поисках Истины приводят его к патриарху Суботи, который перечисляет ему области познания — религиозные учения конфуцианцев, даосов и буддистов, магию, гадание, ясновидение и прочие изобретенные человеком премудрости, но герой У Чэн-эня их отвергает. Завоевав доверие наставника, Сунь У-кун приобретает тайные знания, о которых автор говорит лишь намеками, не раскрывая сути. Желание же героя познать секрет вечной жизни в данном случае только скрывает подлинный характер тайной науки, которую ему отдельно от других учеников преподносит проповедник. Строгое предупреждение последнего не разглашать тайны и угрозы в случае нарушения запрета, а в конечном счете удаление героя, когда тот решил похвастаться своим умением перед другими учениками, свидетельствует лишь о том, что патриарх приобщал его к одной из тех ветвей религиозного учения, которая рассматривалась властями как «еретическая» и под знаменами которой вызревали средневековые восстания крестьян и городских низов. Строгое напутствие, а равно и постоянное бунтарство героя, его неустанная борьба со всеми и всякими носителями зла, как и встречающиеся в романе отдельные детали и реплики, намекающие на связь героя с сектами даосского толка, — все это прямые отголоски современного У Чэн-эню политического положения страны во второй половине XVI в. Осторожность и лаконичность автора в обрисовке этой стороны деятельности героя вполне закономерны. Будучи аллюзией на тогдашние события, назревшие или уже имевшие место вспышки народной войны, которая подго-

товлялась в лоне тайных буддистско-даосских сект, такая деятельность героя, особенно связь героя с «крамольниками», опиши ее У Чэн-энь открыто, повлекла бы уничтожение не только произведения, но и самого автора.

Вместе с тем именно эти аллюзии и делают «Путешествие на Запад» не просто фантастическим романом, полным чудес и невероятных сказочных приключений, каковым его нередко считают, но произведением крайне злободневным, теснейшим образом связанным с общественной и политической жизнью своего времени¹⁰.

Борьба Сунь У-куна с небесными владыками всех рангов, занимающая важное место в романе, не могла не навести читателя на мысль об окружающей его действительности, о борьбе, которую вел народ со всякого рода злодеями, начиная от мелких чиновников и кончая высшими сановниками-царедворцами. Перенесение реальной, земной борьбы в заоблачные выси — это лишь прием, с помощью которого У Чэн-энь выражал свою веру в конечную победу в этой пока что неравной борьбе и вселял эту веру в читателя. Вот почему в романе «Путешествие на Запад» небесные духи и божеества с их иерархией так сильно напоминают иерархию земную. Небесные правители пытаются усмирить «бунтаря» теми же приемами, что и земные: либо насилем, либо подачками, приманками и разного рода компромиссами. В этом плане роман у Чэн-эня прямо перекликается с эпопеей «Речные заводи» Ши Най-аня. Такие совпадения, как нам кажется, нельзя объяснить одной лишь традиционностью художественных средств и композиционных приемов, но следует рассматривать как продуманный авторский замысел. Волшебник Сунь У-кун в читательском воображении должен был сливаться с восставшим народом, а небесные силы — с земными властителями. Сказочные герои, в частности Сунь У-кун, позволяли автору показать конечную победу добра над злом, что в тогдашних исторических условиях фактически было исключено.

Следовательно, роман У Чэн-эня — это не что иное, как развитие эпосов о борцах с тиранией, только перенесенной в иную обстановку.

¹⁰ В связи с этим следует отметить, что маоистская пропаганда пытается сегодня использовать образ Сунь У-куна в целях идеологической обработки, представляя его как олицетворение «небывалого боевого духа» в борьбе с «злыми оборотнями» («Жэньминь жибао», 10.IX. 1972). Профессор М. С. Капица в своей книге «Левее здравого смысла» обращает внимание на то, как китайский руководитель использует в своих стихотворениях образ Сунь У-куна для многозначительных аллегорий, призванных оправдать нынешний политический курс Пекина.

За линией фронта

И. Н. Никитин

Осенью 1943 г. меня, молодого работника II Дальневосточного отдела Народного Комиссариата иностранных дел СССР, вызвали в отдел кадров НКВД и предложили ехать в качестве секретаря нашего генерального консульства в Харбин.

Оформление шло медленно, так как очень долго пришлось ждать получения въездных виз в Маньчжоу-го. Японцы, настоящие хозяева этого марионеточного государства на Северо-Востоке Китая, очень неохотно давали визы советским гражданам, едущим на работу в наши консульства в Харбине, Дальнем и в городе Маньчжурия. Наконец мне сказали, что визы можно будет получить в японском консульстве в Чите и что пора собираться в дальнюю дорогу. Вместе со мною отъезжала группа более 20 человек наших работников с семьями.

Выехали мы из Москвы в середине июля. В Чите нам еще около месяца пришлось ждать этих злосчастных виз. Наконец они были получены, и мы поездом отправились на пограничную станцию Отпор. Переехали на «кукушке» границу и оказались в китайском городе Маньчжурия.

Нас встретил советский консул А. И. Забелин и другие консульские работники. Они помогли пройти все процедуры на таможне. Тех, кто не имел дипломатического паспорта, просматривали очень придирчиво, долго рылись в чемоданах. Мы постоянно находились в окружении каких-то людей в штатском. В общем, «охрана» была надежная. В тот же день сели в поезд на Харбин.

В город приехали во второй половине дня. Было солнечно и тепло. На вокзале нас встречали генеральный консул СССР в Харбине Г. И. Павлычев и другие сотрудники генконсульства. Снова процедура с паспортами. Наконец, выходим в город. На площади большая толпа. С любопытством рассматривают нас, прибывших из далекой и загадочной Москвы.

На другой день я принял дела у секретаря генконсульства Гайка Никитича Дульяна, большого знатока Китая. Так началась моя новая жизнь.

Работы было много. Чувствовалась напряженность в наших отношениях с японцами. Они явно готовились к войне. Хотя Советский Союз и не воевал с Японией и с ее марионеткой Маньчжоу-го, однако она была союзницей гитлеровской Германии, которая 22 июня 1941 г. напала на нашу Родину и вела против нас четвертый год жестокую войну. Вместе с тем Япония находилась в состоянии войны с нашими союзниками по антигитлеровской коалиции — Соединенными Штатами Америки и Великобританией. Кроме того, она держала на границах с нами лучшую из своих армий, Квантунскую армию, и многочисленные войска Маньчжоу-го. Не так давно, в 1938 г., эта армия совершила агрессию у озера Хасан, в 1939 г. напала на территорию нашего союзника — Монгольскую Народную Республику в районе Халхин-Гола. Теперь эта армия, сконцентрированная на границах Советского Союза и готовая в любой момент напасть на нашу Родину, сковывала наши войска вдали от советско-германского фронта, тем самым помогая гитлеровской Германии.

Харбин был забит японскими войсками. С утра до вечера слышались гортанные выкрики «банзай». Это японские солдаты под руководством своих офицеров разучивали приемы штыкового боя. Усиленно готовились резервы из гражданских лиц японской национальности. Все мужчины были одеты в полубоевую форму, повсюду проводились военные занятия, учения по противовоздушной обороне. Причем, все женщины-японки должны были быть в шароварах: по мнению японских руководителей, традиционное кимоно могло помешать им во время воздушных налетов. Что касается китайцев, то их обязывали отбывать трудовую повинность на строительстве военных сооружений и на других физических работах.

Стремясь замаскировать усиленную подготовку к войне против Советского Союза, японские власти делали все возможное, чтобы ограничить наше общение с населением. Они запретили выезжать за пределы города, да и в самом городе передвижение было очень ограничено. В домах, рядом с консульством, жили семьи жандармов и полн-

цейских. Отсюда, из квартир вели наблюдение за тем, что делается на нашей территории. Против ворот консульства в полицейской будке круглосуточно дежурили полицейские и жандармы. Стоило кому-либо из нас выйти за ворота, как из будки появлялись два японца и пристраивались рядом. Вполне понятно, что такие «спутники» были нежелательны, и прежде всего потому, что при них никто не решался с нами разговаривать, а продавцы, хозяева ларьков и магазинов отказывались продавать свои товары. Если же из ворот консульства выезжала машина, к ней пристраивались две полицейские машины, битком набитые шпиками. Как-то в выходной день шутки ради мы вышли за ворота всем составом консульства, и мужчины и женщины. Японцев это не смутило. К каждому из нас тут же было приставлено по два полицейских. Со штатами у них дело обстояло, видимо, хорошо.

Что касается местных жителей, желающих посетить консульство, то полицейские их просто туда не пускали. Местные же советские граждане могли посещать нас, но у них при входе проверяли документы, а иногда и дотошно выпрашивали, зачем и к кому они идут.

Так продолжалось до апреля 1945 г. 5 апреля Советское правительство денонсировало пакт о нейтралитете с Японией, заключенный 13 апреля 1941 г. сроком на 5 лет. Этот пакт, по сути дела, был денонсирован уже давно самой Японией, которая систематически его нарушала. Советское правительство неоднократно предупреждало правительство Японии об этом. Однако оно не сделало необходимых выводов, так как считало, что СССР не пойдет на ликвидацию пакта, имея у своих границ мощную Квантунскую армию. В заявлении говорилось: «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным»¹.

Мы в Харбине могли убедиться, что это заявление явилось для японцев громом среди ясного неба. Они как-то поникли, растерялись, стали даже заноситься перед нами, когда узнавали, кто мы такие. На улице японцы тоже стали относиться к нам более предупредительно. Шпики перестали открыто сопровождать нас по городу. Правда, следить они продолжали по-прежнему, но делали это не так открыто.

Мы понимали, что скоро с Японией начнется война. И вот, 8 августа 1945 г. Советский Союз, верный союзническим обязательствам, взятым на себя на Ялтинской конференции, и желая ускорить окончание второй мировой войны, объявил войну Японии. Об этом мы узнали рано утром 9 августа из сообщений московского радио. Ко мне на квартиру в 5 час. утра прибежал наш завхоз и, волнуясь, сказал: «Иван Николаевич, вставайте! Советское правительство объявило войну Японии». Я разбудил жену и трехлетнего сына Женю, велел им одеваться, а сам поспешил в консульство. Там уже собрались товарищи по работе.

Японские власти появились в 9 час. утра. К воротам генконсульства подъехала машина с представителем министерства иностранных дел Маньчжоу-го в Харбине японцем Оиси и полицейскими чиновниками. Вслед за ней появились легковая и грузовая машины с жандармами. К воротам бежали полицейские, но дежурный комендант успел их закрыть. Тогда один из полицейских, угрожая оружием, закричал: «Открывайте ворота!» По распоряжению генконсула ворота открыли, и на территорию ворвалось около сотни полицейских и жандармов во главе с начальником иностранного отдела полицейского управления Харбина.

Прибывшие с первой машиной представители МИД вошли в приемную, в которой находились генконсул Г. И. Павлычев, вице-консул А. Н. Логинов и я. Сославшись на тот факт, что между СССР и Японией начались военные действия, они потребовали немедленно собрать в приемной всех сотрудников генконсульства и членов их семей. Затем приказали полицейским спустить советский флаг и снять герб СССР. Тем временем в служебных и жилых помещениях шел обыск. Во дворе начался осмотр личных вещей, после чего нам приказали возвратиться в свои квартиры. На территории генконсульства расставили полицейские посты, в вестибюле главного служебного здания расположился полицейский караул, во дворе дежурили жандармы.

Таким образом, все сотрудники, их жены и дети оказались под домашним арестом. В дневное время разрешалось выходить во двор, но не дальше, чем на 20—30 метров от жилых помещений. Продукты питания не выдавали и приходилось питаться теми скудными запасами, которые до этого были получены по карточкам.

Мне как секретарю генконсульства разрешалось заходить в вестибюль главного здания и на квартиру к Г. И. Павлычеву, который жил в отдельном здании. В вестибюле я всегда заставал жандармов, некоторые из них от нечего делать, или желая поугагать, размахивали передо мной длинными шашками.

Мы оказались совершенно отрезанными от внешнего мира, не знали, что делается вокруг. Воспользовавшись тем, что в больнице после родов находилась жена одного нашего сотрудника, мы добились свидания с ней. Поехал муж и одна из наших женщин.

¹ «Известия», 6.IV.1945.

От больной и от врача узнали, что многие местные советские граждане арестованы и находятся в тюрьме. Вот и все, что удалось выяснить. Поскольку я получил право свободно передвигаться по территории консульства, мне поручили достать японскую газету. У ворот, в будке всегда дежурили два японца. Спросив у них, есть ли свежие газеты, я взял лежавшую перед ними на столе «Мансю ниппо» и медленно, не оборачиваясь, пошел прочь. Японцы, видимо, растерялись и не стали меня преследовать. Газета сообщала, что советские войска по всему фронту продвигаются в глубь Маньчжурии, что ими занят ряд крупных городов и что — это было особенно важно — японский посол в Москве находится на свободе. Эти новости позволили потребовать от японцев нашего освобождения.

Обстановка на фронте военных действий складывалась явно не в пользу Японии. Уже на четвертый день войны можно было видеть, как к домам на улице, где находилось генконсульство, подъезжали грузовики и увозили имущество и семьи японцев. Чувствовалось, что фронт приближается к Харбину, и что началась эвакуация гражданского японского населения на юг. Лица японских полицейских и жандармов были растеряны.

13 августа генконсул СССР потребовал от прибывшего в тот день в консульство начальника Харбинского полицейского управления снять внутреннюю охрану, предоставить генконсульству возможность приступить к выполнению своих функций, освободить из-под ареста местных советских граждан, возвратить конфискованные архивы, вещи и деньги и наладить снабжение сотрудников генконсульства продовольствием.

14 августа утром японские солдаты начали рыть окопы, строить укрытия и ставить противотанковые мины. Повсюду были расставлены пулеметы и пушки. Позднее стало известно, что в этот день Харбин был объявлен на военном положении и движение по городу разрешалось только с 5 до 20 час. В 11 час. неожиданно прибыл представитель японских властей и заявил, что в связи с приближением фронта к Харбину правительство Маньчжоу-го, якобы опасаясь за нашу безопасность, приняло решение эвакуировать нас на юг. Мы заявили протест, но безрезультатно.

В 11 час. вечера прибыли автобус и две автомашины. Весь двухкилометровый путь от генконсульства до вокзала мы проделали между двумя шеренгами вооруженных солдат. Когда началась посадка в поезд, пришлось цепочкой идти сквозь лес штыков, направленных в сторону проходивших советских людей. Шедшую в конце цепочки с десятилетним сыном А. И. Логинову — жену вице-консула — ударили прикладом.

Всех нас посадили в один вагон. Никто не знал, куда везут и что ждет впереди. Было душно и тесно. Окна зашторены, в тамбурах дежурили японские жандармы. Поезд шел медленно, подолгу простаивал на станциях и разъездах. В «столицу» Маньчжоу-го, город Синьцзин (Чанчунь), прибыли вечером. На вокзале царил невообразимый суматоха. Японцы, военные и гражданские, осаждали составы, уходившие на юг. Тут же с белыми повязками на голове шатались пьяные фанатики из отрядов «камикадзе».

Поезд с советскими людьми ожидал вице-министр иностранных дел Маньчжоу-го, сообщивший генконсулу, что 14 августа Япония объявила о согласии на капитуляцию. В связи с этим, сказал он, маньчжурское правительство решило отправить сотрудников генконсульства обратно в Харбин. В 8 час. вечера 15 августа поезд отошел из Синьцзина в Харбин и в 1 час. 30 мин. следующего дня мы были уже на месте. На вокзале паника. Как и в Синьцзине, японцы осаждали поезд, уходившие на юг. И снова шли сквозь строй японских солдат, но на этот раз штыки были направлены уже не на нас, советских людей, а на толпу японцев. В сопровождении японских полицейских возвратились в генконсульство, на территории которого охраны уже не было. Там находились три местных советских гражданина, работавших в генконсульстве переводчиками, которые по собственной инициативе пришли охранять консульское имущество.

Еще 15 августа в городе начались грабежи. Громили склады, учреждения, магазины и предприятия. Повсюду шла перестрелка. Японское командование прилагало все усилия к тому, чтобы уничтожить или вывезти на юг вооружение, боеприпасы и другое военное имущество. Чтобы помешать этому, генконсульство создало штаб охраны города. С помощью местных советских граждан штаб взял под охрану более 150 объектов, в том числе склады, предприятия, железнодорожный узел, три моста через реку Сунгари и др. Помимо охраны объектов, штаб занимался сбором брошенного японцами оружия: пулеметов, винтовок, гранат, пистолетов. Была подобрана даже одна пушка. Отряд охраны на железнодорожном узле сохранил до прихода советских войск 90 паровозов, 5 тыс. вагонов с боеприпасами и вооружением, подготовленных для отправки на юг, три железнодорожных моста и обеспечил бесперебойную переброску советских войск. Грабежи и стрельба в городе прекратились.

Утром 17 августа из Синьцзина в генконсульство прибыл начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата в сопровождении японского генерального консула в Харбине Миякава и нескольких штабных офицеров. Он попросил советского генконсула установить связь со ставкой главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршалом А. М. Василевским.

В 10 час. утра 18 августа стало известно, что через час на харбинском аэродроме приземлятся несколько советских самолетов с представителями советского командования и что на одном из этих самолетов Хата должен вылететь в ставку А. М. Василевского. Однако в указанное время самолеты не прибыли. В 12 час. из Синьцина прилетел Хата. Он сообщил, что харбинский гарнизон сосредоточен в районе Старого Харбина для сдачи оружия. В середине дня над аэродромом появился советский истребитель. Примерно в 17 час. 30 мин. приземлился наш бомбардировщик. Вице-консул А. Н. Логинов и я подъехали к нему на машине и сообщили советским летчикам обстановку, после чего бомбардировщик поднялся в воздух. В 18 час. приземлились 7 самолетов с особоуполномоченным 1-го Дальневосточного фронта генерал-майором Г. А. Шелаховым и 120 десантниками. Г. А. Шелахова у здания аэропорта приветствовали выстроившиеся в шеренгу около 40 японских генералов и офицеров во главе с Хата. Г. А. Шелахов потребовал от Хата безоговорочной капитуляции японских войск: немедленно прекратить сопротивление и приступить к сдаче в плен, до подхода советских войск ответственность за сохранность и порядок сдачи вооружения, боеприпасов, баз и другого военного имущества возлагается на японское командование; поддержание порядка в Харбине и его окрестностях возлагается на японские части; военные объекты в Харбине и его окрестностях, аэродромы, мосты, железнодорожный узел и др. подлежат занятию десантом немедленно; японское командование будет доставлено на самолете на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта. Хата доложил, что части японских войск в районе Харбина дезорганизованы и почти не управляются. В 23 час. японцы доставили Г. А. Шелахову в генконсульство приказ о капитуляции Квантунской армии, список генералов, сведения о численном составе японского гарнизона в Харбине и другие документы. Сотрудники генконсульства приступили к их переводу.

19 августа к Харбину подошли корабли Амурской военной флотилии, а затем стали прибывать армейские части. Началась сдача японских войск в плен. Война закончилась.

Из законодательных актов Китайской советской республики (1931 г.)

З. Е. Майстрова

Борьба под лозунгом Советов в Китае явилась важной вехой в истории революционного движения китайского народа. В это десятилетие (1927—1937) наряду с основными задачами — завоевание национальной независимости и создание политически единого государства на демократических основах — ставилась задача силами самих крестьянских масс под руководством коммунистической партии решить основной вопрос китайской революции — наделение крестьян землей. Этому периоду принадлежит особое место в истории китайской революции еще и потому, что именно тогда с учетом ленинских принципов закладывались основы государственности будущей Китайской Народной Республики.

Подлинные документы всегда представляют исторический интерес, однако обращение к ним особенно актуально в наше время, когда маоистская историография, переделывая историю революционного движения в Китае в националистическом духе, грубо фальсифицирует факты, приписывая основные успехи борьбы китайского народа «правильной линии» Мао Цзэ-дуна, его «гению», и замалчивает ту огромную роль, которую сыграл Коминтерн в разработке основных проблем китайской революции.

После поражения революции 1925—1927 гг. Компартия Китая вынуждена была перевести свою работу в сельские районы страны, где на части территории, в основном в провинциях Центрального, Восточного и Южного Китая (Хубэй, Хунань, Аньхой, Цзянси, Фуцзянь), более или менее удаленной от крупных городов, в конце 20-х — начале 30-х гг. стали складываться советские районы. (Ко времени проведения I Всекитайского съезда Советов на территории пятнадцати советских районов проживало около 10 млн. человек). Состоявшийся в ноябре 1931 г. I Всекитайский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов объединил разрозненные революционные базы в Китайскую советскую республику. Съезд избрал Центральный исполнительный комитет Китайской советской республики, президиум и председателя ЦИК и образовал Временное центральное правительство. Тогда же были выработаны основные программные документы Китайской советской республики: основные конституционные принципы, земельный закон, закон о труде, резолюции об экономической политике, о Красной армии, по национальному вопросу, положение о советском строительстве, правила о льготах для Рабоче-крестьянской Красной армии и ряд других постановлений¹. Эти документы в значительной мере носили программный характер, так как в условиях непрерывавшейся гражданской войны трудно было претворять в жизнь их основные положения. Они призваны были мобилизовывать широкие трудящиеся массы на борьбу против социального и национального угнетения, показать перспективы революции.

Основные конституционные принципы Китайской советской республики провозглашали: «Китайская советская власть строит государство демократической диктатуры рабочих и крестьян. Вся власть принадлежит рабочим, крестьянам, солдатам и всем трудящимся массам»². Трактовка Советов как органов демократической диктатуры рабочих и крестьян сказалась на содержании основных законодательных актов Китайской советской республики, в том числе и на «Положении о выборах» и «Временном законе о выборах советов», которые будут рассмотрены ниже.

Согласно основным конституционным принципам на территориях, где устанавливалась власть Советов, рабочие, крестьяне, красноармейцы и все трудящиеся и их семьи, без различия пола, национальной принадлежности, вероисповедания объявлялись гражданами Китайской советской республики, и для того, чтобы они действительно пользовались своей политической властью, закон о выборах предоставлял им право выби-

¹ Советы в Китае. М., 1934, с. 417—446.

² Программные документы китайских Советов. М., 1935, с. 12.

рать и быть избранными в Советы (ст. 4)³. Впервые в истории Китая полное избирательное право предоставлялось женщинам. Статья 2 основных конституционных принципов не допускала участия в осуществлении власти и лишала всех политических свобод милитаристов, чиновников, помещиков, шэньши, капиталистов, кулаков, монахов, все эксплуататорские и контрреволюционные элементы⁴. Однако этот вынужденный в условиях непрекращавшейся гражданской войны с гоминьданом акт советской власти на буржуазно-демократическом этапе революции, каким по своему характеру было и движение под лозунгом Советов, имел свои негативные стороны: он лишал Советы возможного союзника — широкого слоя мелкой буржуазии.

Основные положения конституции по вопросам о выборах в органы народной власти развивало принятое тогда же на I съезде Советов «Положение о советском строительстве», в котором указывалось на необходимость создания во всех занятых Красной армией местностях, начиная от маленькой деревни и кончая городами выборных Советов рабочих, трудящегося крестьянства и красноармейцев⁵. Особыми преимуществами при выборах — выборы пропорционально большего числа депутатов — пользовались рабочие, кули и батраки: «Для обеспечения в Советах крепкой пролетарской и батрацкой базы I съезд Советов устанавливает как принцип следующие нормы представительства: один представитель избирается от каждых 25 рабочих, кули, батраков, один — от каждых 50 красноармейцев и один — от каждых 100 крестьян, ремесленников, мелких купцов, пользующихся правом голоса»⁶. Однако в условиях отсталых сельских районов, где, по существу, не было промышленного пролетариата, эти нормы представительства не могли быть реализованы, а следовательно, и не изменяли классового характера китайских Советов — органов крестьянской диктатуры. С целью унификации порядка выборов на советской территории первая сессия Центрального исполнительного комитета приняла «Положение о выборах в Китайской советской республике», развивавшее основные принципы, изложенные в конституции и «Положении о советском строительстве». Согласно «Положению о выборах для проведения выборов при городских и сельских советах создавались избирательные комиссии (ст. 7). Выборы депутатов производились по производственно-территориальному принципу: рабочие участвовали в выборных собраниях на предприятиях или в определенном пункте района; в сельских местностях выборные собрания проводились по деревням (ст. 18). В условиях практически поголовной неграмотности трудящихся масс «Положение» предусматривало проведение выборов открытым голосованием — поднятием рук: «Те, за кого поднято большее количество рук, считаются выданными (ст. 30). Выборы в Советы предполагалось проводить во всех единицах административного деления советских районов: волостях, городах, уездах, провинциях. Избирательная система Китайской советской республики сочетала в себе прямые и многоступенчатые выборы, при которой путем прямых выборов избирались волостные и городские Советы, путем многоступенчатых — уездные и провинциальные, а также городов центрального подчинения (их депутаты избирались нижестоящими Советами). Специальная статья (50) «Положения» предоставляла право избирателям отзываться депутатов городских и волостных Советов, не выполняющих свои обязанности, не оправдывающих доверия или совершающих противозаконные действия.

Первая сессия Центрального исполнительного комитета приняла также «Положение о работе избирательных комиссий Китайской советской республики», в соответствии с которым создавались избирательные комиссии, проводились предвыборные кампании и выборы. В августе 1933 г. Центральный исполнительный комитет издал «Временный закон о выборах Советов» и постановление Центрального исполнительного комитета о проведении в жизнь «Временного закона о выборах в Советы». В последнем документе упоминается «Временное положение о выборах в Красной армии и партизанских отрядах», которое, к сожалению, отыскать не удалось. Пятая глава «Временного закона о выборах» специально устанавливала порядок выборов и нормы представительства для Красной армии.

В условиях непрекращавшейся войны с гоминьданом выборы в Советы, конечно же, не могли проводиться повсеместно, однако сами эти законодательные акты свидетельствовали о демократизации власти на территории советских районов.

Несмотря на военную обстановку в Китайской советской республике, все же ежегодно проводились выборы в органы местной власти, о чем, например, сообщается в отчетном докладе на II Всекитайском съезде Советов. В выборных кампаниях 1932, 1933 гг. участвовало до 80% избирателей⁷. В резолюции о советском строительстве,

³ Программные документы китайских Советов. М., 1935, с. 12.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 37.

⁶ Там же. Нормы представительства были несколько изменены в «Положении о выборах» (1931) и во «Временном законе о выборах в Советы» (1933). Следует отметить, что этот принцип заимствован из практики советского строительства в нашей стране. См. Конституцию СССР 1924 г.

⁷ Второй съезд китайских Советов, М., 1935, с. 79.

принятой на II съезде Советов, также констатируется: «Количество участников в выборах в Советы значительно увеличилось (явка избирателей на выборы в среднем достигла свыше 75%, а в некоторых местах — 95%)»⁸. Съезд обязал Центральное правительство и местные Советы по возможности больше привлекать избирателей к участию в выборах.

Некоторый опыт советского строительства позволял шире осуществлять отчетность депутатов перед избирателями, о которой говорилось еще в резолюции о советском строительстве, принятой I съездом Советов: «Каждый делегат должен периодически отчитываться перед своими избирателями, для чего необходимо созывать общие собрания избирателей деревень, городов, фабрик и имений»⁹.

Выборные кампании использовались главным образом для пропаганды роли Советов — органов народной власти и мобилизации широких масс на борьбу с врагом. В Советы выдвигались наиболее сознательные, активные люди, способные организовать массы на защиту своих завоеваний.

Рассмотренные выше законодательные акты Китайской советской республики свидетельствуют о стремлении Коммунистической партии Китая в период борьбы под лозунгом Советов завоевать массы политическими средствами. Политика КПК на советской территории являла собой полную противоположность политике реакционного гоминьдановского режима.

Принципы демократического строительства, заложенные в период существования Китайской советской республики, получили дальнейшее развитие в первые годы социалистического строительства в КНР. В частности, принятый тогда в соответствии с конституцией Китайской Народной Республики закон о выборах определял нормы представительства, порядок избрания депутатов во Всекитайское собрание народных представителей — высший орган власти республики — и Собрания народных представителей всех ступеней.

Однако в последние годы в Китае основательно подорвано народно-демократическое строительство. Свидетельство тому реальная действительность сегодняшнего Китая. Состоявшаяся в январе 1975 г. первая сессия ВСНП четвертого созыва проходила в обстановке полной секретности (о ее работе китайский народ узнал уже по окончании сессии). Непрерывающаяся борьба за власть, хронический политический кризис в маоистском руководстве мешали созыву очередной сессии (последняя сессия предыдущего созыва состоялась в декабре 1963 — январе 1964 г.¹⁰).

По официальным сообщениям, формирование нынешнего состава ВСНП происходило не на основе демократических выборов, а путем «консультаций и многократных обсуждений». Одним из вопросов сессии ВСНП, состоявшейся в этом году, явилось принятие новой конституции. И хотя Чжан Чун-цзя в сделанном на сессии «Докладе о внесении изменений в конституцию КНР» заверил, что новая конституция «есть продолжение и развитие конституции 1954 года», что «основные ее принципы применимы и по сей день», нельзя не видеть, что она свидетельствует о лишении китайского народа основных прав, завоеванных им в длительной антиимпериалистической, антифеодальной, национально-освободительной революции. Так, этот важнейший документ Китайской Народной Республики даже не упоминает о системе демократических выборов законе о выборах, определявшем нормы представительства, порядок избрания депутатов в ВСНП и Собрания народных представителей всех ступеней. Это дало маоистскому руководству возможность полностью отказаться от системы выборов и заменить ее системой консультаций (по существу, представляющей собой назначение нужных кандидатур), ибо их форма, порядок и участники конституцией не определяются. В подтверждение отсутствия выборной системы говорит и положение 16 статьи, согласно которому «в случае необходимости можно специально приглашать в качестве депутатов некоторых патриотических деятелей». Конституция устанавливает срок созыва сессии ВСНП — один раз в год. Однако постоянная напряженность в стране заставляет пекинское руководство специально оговорить: «В случае необходимости она может быть созвана досрочно или с отсрочкой». Такие оговорки говорят о внутренней неустойчивости маоистского режима, о страхе маоистской группировки перед народом.

Ниже публикуется один из первых законодательных актов Китайской советской республики — «Положение о выборах», взятый из готовящегося к печати в издательстве «Наука» сборника «Из истории революционного движения под лозунгом Советов в Китае. (Законодательные акты Китайской советской республики)».

⁸ Программные документы китайских Советов, с. 39—40.

⁹ Там же, с. 37—38.

¹⁰ Сроки созыва сессии так же, как и сроки выборов в представительные органы всех ступеней, стали систематически нарушаться после 1958 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫБОРАХ В КИТАЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(Принято на первой сессии Центрального исполнительного комитета
в ноябре 1931 года)

Глава 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Ст. 1. В целях унификации порядка выборов на территории Китайской советской республики согласно установлениям о выборах статей 73—78 Конституции¹¹ специально публикуется настоящее Положение о выборах.

Ст. 2. Настоящее Положение о выборах вступает в силу на территории Китайской советской республики.

Ст. 3. Центральный исполнительный комитет имеет право отменять и изменять настоящее Положение.

Ст. 4. Право толкования при появлении неясных или спорных вопросов в процессе исполнения настоящего Положения принадлежит Центральному исполнительному комитету.

Глава 2. ПРАВО ИЗБИРАТЬ И БЫТЬ ИЗБРАННЫМ.

Ст. 5. Согласно статье 73 Конституции устанавливается: «Все граждане, проживающие на территории Китайской советской республики, достигшие 16-летнего возраста, независимо от пола, вероисповедания, национальной принадлежности имеют право выбирать и быть избранными в Советы. Однако это право предоставляется ниже перечисленным категориям граждан:

1) Всем, не эксплуатирующим чужого труда, например трудящимся по найму, крестьянам, самостоятельным труженикам, городской бедноте и их семьям.

2) Военнослужащим сухопутных, морских и воздушных сил Китайской советской республики.

3) Гражданам двух вышеупомянутых категорий в настоящее время нетрудоспособным или безработным».

Ст. 6. Согласно статье 74 Конституции устанавливается: «Лица, попадающие под один из нижеперечисленных параграфов, лишаются права избирать и быть избранными:

1) Эксплуатирующие чужой труд (включая кулаков).

2) Живущие за счет доходов от земли и капитала и не работающие сами.

3) Торговцы, капиталисты и их агенты, посредники и компраторы.

4) Религиозные проповедники, миссионеры, буддийские, даосские монахи, гадатели и все сделавшие проповедование религии своим занятием.

5) Полицейские, сыщики, жандармы, чиновники, милитаристы гоминьдана и других реакционных правительств, а также члены реакционных группировок, выступающих против интересов рабочих и крестьян.

6) Душевнобольные.

7) Преступники, по решению суда отбывающие наказание.

8) Члены семей лиц, перечисленных в параграфах 1, 2, 3, 4, 5».

Согласно статье 75 Конституции устанавливается следующее: «Лица из трех категорий, перечисленные в статье 73 Конституции, попавшие под один из параграфов статьи 74, также лишаются права избирать и быть избранными.

Глава 3. ОРГАНЫ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ВЫБОРОВ.

Ст. 7. Согласно статье 76 Конституции устанавливаются следующие органы по проведению выборов:

1) В городах городские Советы создают избирательные комиссии в составе, не превышающем 9 человек.

2) В сельских местностях районные исполнительные комитеты создают районные избирательные комиссии в составе, не превышающем 11 человек.

Ст. 8. В крупных городах и районах при городских и районных избирательных комиссиях учреждаются подкомиссии, которые проводят работу по выборам под руководством избирательных комиссий.

¹¹ В настоящее время не удалось обнаружить текст конституции, на которую дается ссылка в этом документе. Ранее публиковавшиеся «Основные конституционные принципы Китайской советской республики», по-видимому, составляют только часть этой конституции.

Ст. 9. Кандидатуры членов избирательных комиссий рассматриваются по представлению городских Советов и районных исполнительных комитетов, после чего окончательное их назначение утверждается уездным исполнительным комитетом, провинциальным исполнительным комитетом или его президиумом по представлению уездного исполнительного комитета; при этом члены избирательных комиссий должны быть жителями данной местности. В особых случаях допускается назначение вышестоящими правительствами лиц не из числа местных жителей.

Ст. 10. Председатели городских и волостных Советов не должны назначаться членами и председателями избирательных комиссий.

Глава 4. ПОРЯДОК ВЫБОРОВ.

Ст. 11. За две недели до начала выборов следует провести регистрацию избирателей.

Ст. 12. Для регистрации избирателей избирательная комиссия может назначить специального человека. Организованное население может регистрироваться соответствующими организациями, неорганизованное — специально назначенными людьми.

Ст. 13. При регистрации необходимо заполнить регистрационную карточку избирателя, установленную Центральным исполнительным комитетом.

Ст. 14. По окончании регистрации регистрационные карточки избирателей необходимо передать в избирательную комиссию.

Ст. 15. По завершении регистрации избирательная комиссия должна объявить общее число избирателей в данном районе и количество избираемых депутатов.

Ст. 16. Перед началом выборов избирательные комиссии должны через городские Советы или исполнительные комитеты обнародовать список лиц, лишенных избирательных прав.

Ст. 17. Избирательная комиссия должна заранее объявить в каждом районе, в каждой организации, на каждом предприятии место и день выборного собрания.

Ст. 18. В городах выборы проводятся по производственному принципу: каждое производство — избирательная единица. Те, кто не может участвовать в выборах на производстве, участвуют в выборных собраниях в определенном пункте района. Семьи рабочих и трудящихся участвуют в выборах по месту работы этих рабочих и трудящихся. В сельских местностях выборные собрания проводятся по деревням, являющимся избирательными единицами.

Ст. 19. После регистрации избирательная комиссия вручает всем, обладающим избирательным правом, уведомление о выборах с указанием времени и места проведения выборного собрания. Только при наличии этого письменного извещения избиратели могут участвовать в выборах.

Ст. 20. Место проведения выборного собрания предварительно подготавливается избирательной комиссией. У входа к месту собрания специально назначенный человек должен вести регистрацию и допускать на собрание только лиц, имеющих уведомление о выборах.

Ст. 21. Президиум выборного собрания формируется в составе трех человек: двое выдвигаются выборным собранием, а один является председателем или полномочным представителем избирательной комиссии. Особо избирается секретарь, обязанностью которого является ведение протоколов выборов.

Ст. 22. Председатель президиума выборного собрания обязательно должен быть председателем избирательной комиссии или ее полномочным представителем.

Ст. 23. После объявления выборного собрания открытым председатель должен сообщить собранию, соответствует ли закону число присутствующих.

Ст. 24. Повестка дня выборного собрания устанавливается следующая:

1) Председатель избирательной комиссии или ее полномочный представитель согласно установлениям статей 74 и 75 Конституции объявляет лиц, имеющих право выбирать и быть избранными, и лиц, лишенных избирательного права.

2) Выборы депутатов.

3) Выборы кандидатов в депутаты.

4) Принятие наказов избирателей депутатам.

Ст. 25. Протоколы выборного собрания, регистрационные списки собрания, а также все документы, связанные с выборами, передаются в избирательную комиссию, которая проверяет итоги выборов.

Ст. 26. Протоколы выборных собраний должны быть скреплены подписями всех членов президиума и секретаря.

Ст. 27. Вышеуказанное собрание избирателей можно проводить только при явке на него большинства избирателей, участвующих в выборах.

Ст. 28. В случае если число избирателей, явившихся на собрание, меньше установленного законом, следует отложить собрание и избирательной комиссии назначить новый срок его созыва. При вторичном созыве выборного собрания должны быть заново вручены письменные уведомления о выборах.

Ст. 29. В случае если на выборном собрании, созванном вторично, число избирателей снова меньше установленного законом и оно снова откладывается, то на выборном собрании, созванном в третий раз, можно проводить выборы независимо от числа избирателей, установленного законом, и выбирать необходимое число депутатов.

Ст. 30. На выборах не используются письменные бюллетени, а голосование проводится поднятием рук: те, за кого поднято большее количество рук, считаются выбранными.

Ст. 31. Выдвигать ли кандидатуры на выборах в индивидуальном порядке или списком, решается большинством избирателей на собрании.

Ст. 32. Нельзя одновременно выдвигать для голосования депутата и кандидата в депутаты. Необходимо сначала закончить выборы депутатов, а затем выбирать кандидатов в депутаты.

Глава 5. ПОРЯДОК ВЫБОРОВ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ РАЗЛИЧНЫХ СТУПЕНЕЙ И НОРМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.

Ст. 33. Депутаты волостных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов избираются на общеволостном собрании избирателей. От каждых 50 жителей избирается один депутат волостного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Ст. 34. Городские Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов избираются на общегородском собрании избирателей. От каждых 200 жителей избирается один депутат в городской Совет.

ПРИМЕЧАНИЕ: В волостные и городские Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, кроме депутатов, избираются кандидаты в депутаты; их количество составляет одну пятую часть от числа депутатов.

Ст. 35. Депутаты, избранные в волостные советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избирают делегатов, образующих районный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; норма представительства — один депутат от каждых 400 жителей.

Ст. 36. Депутаты, избранные на съезды районных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и в городские Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избирают делегатов, образующих съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избирают делегатов, образующих съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов уезда, норма представительства — один депутат от каждых 500 городских жителей и один депутат от каждых 1500 сельских жителей.

Ст. 37. Депутаты, избранные на уездные съезды рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов городов провинциального подчинения, избирают делегатов, составляющих съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов провинций; норма представительства — один депутат от каждых 5000 городского населения и один депутат от каждых 25 000 сельского населения.

Ст. 38. Депутаты, избранные на съезды Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов провинций и в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов городов центрального подчинения, избирают делегатов, образующих съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Китайской советской республики. Норма представительства — один депутат от каждых 50 000 сельских жителей и один депутат от каждых 10 000 городских жителей.

Ст. 39. Полномочия делегатов районных, уездных, провинциальных съездов Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов проверяются мандатными комиссиями, образуемыми съездами Советов соответствующих ступеней.

Ст. 40. В районах, где число избирателей меньше установленного законом, также можно выбрать одного депутата с правом совещательного, но без права решающего голоса.

Ст. 41. Вооруженные отряды рабочих и крестьян и войска Красной армии в районах компетенции районных Советов участвуют в выборах в уездные Советы; отряды и войска в районах компетенции уездных Советов участвуют в выборах в уездные Советы; отряды и войска в районах компетенции провинциальных Советов или находящиеся в провинции временно, участвуют в выборах в провинциальные Советы. Правила о выборах в Красной армии отдельно издаются Центральным исполнительным комитетом.

Глава 6. ПРИЗНАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ОСНОВНЫХ (ГОРОДСКИХ ВОЛОСТНЫХ) ВЫБОРОВ И ОТЗЫВ ДЕПУТАТОВ.

Ст. 42. Считаются соответствующими закону и должны быть признанными действительными только те выборы, которые проводились в соответствии с порядком, установленным Конституцией и настоящим Положением.

Ст. 43. В случае, если имели место выборы, не соответствовавшие порядку, установленному Конституцией и настоящим Положением, избиратели могут обжаловать их в городской Совет или районный исполнительный комитет. По получении такой жалобы соответствующее советское правительство¹² должно создать комиссию для проверки.

Ст. 44. По окончании выборов избирательные комиссии должны передать все связанные с выборами документы городскому Совету или районному исполнительному комитету для проверки.

Ст. 45. Городской Совет или районный исполнительный комитет после получения документов по выборам должны создать специальную комиссию для их проверки.

Ст. 46. При выявлении частичных несоответствий порядку выборов право частично аннулирования выборов принадлежит городскому Совету или районному исполнительному комитету.

Ст. 47. При выявлении полного нарушения порядка выборов право аннулирования выборов принадлежит вышестоящему советскому правительству.

Ст. 48. Возникающие в процессе выборов спорные вопросы решаются городским Советом или районным исполнительным комитетом.

Ст. 49. Центральный исполнительный комитет является органом, окончательно разрешающим жалобы по делам, связанным с выборами.

Ст. 50. Если кто-либо из депутатов городского и волостного Советов не исполняет своих обязанностей, не оправдывает доверия народа или совершает действия, нарушающие закон, то городской или волостной Совет имеет право лишить их полномочий. Избиратели также имеют право отзываться вышеуказанных депутатов, при этом проводятся дополнительные выборы. Однако в таких случаях необходима санкция вышестоящего правительства.

Глава 7. РАСХОДЫ ПО ВЫБОРАМ.

Ст. 51. Расходы по выборам несет казна.

Ст. 52. Каждая избирательная комиссия должна составить смету расходов по проведению выборов и через городской Совет или районный исполнительный комитет передать его уездному исполнительному комитету на утверждение; выплату производит Центральный исполнительный комитет из средств, предназначенных на проведение выборов.

Ст. 53. По окончании выборов избирательная комиссия должна представить финансовый отчет городскому Совету или районному исполнительному комитету, составить отчет и через городской Совет или районный исполнительный комитет передать уездному исполнительному комитету на утверждение.

Глава 8. ДОПОЛНЕНИЕ.

Ст. 54. Настоящее Положение о выборах вступает в силу со дня его опубликования.

(Материалы по истории государства и права Китая. Пекин, 1954, с. 16—24.)

Перевод З. Е. Майстровой под редакцией доктора юридических наук Л. М. Гудошниковой

¹² В данном случае имеются в виду Совет или Исполком.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Международные связи русских синологов

П. Е. Скачков

14 октября 1899 г. на XII международном съезде ориенталистов в Риме, на котором в числе представителей от России были русские ученые востоковеды К. Г. Залеман, Н. И. Веселовский, С. Ф. Ольденбург, А. М. Позднеев, В. В. Радлов, В. Д. Смирнов, В. Г. Тизенгаузен, В. Р. Розен, А. А. Цагарели, Ф. И. Щербатский, А. Э. Шмидт. В. В. Радлов внес предложение: учредить Международную ассоциацию для исследования археологии и лингвистики Центральной Азии и Дальнего Востока. Предложение В. В. Радлова съездом было принято. Центральным комитетом Ассоциации был утвержден Русский комитет в Петербурге. Разработка проекта Устава Ассоциации была поручена русским ученым.

На следующем съезде востоковедов в Гамбурге в 1902 г. проект Устава Ассоциации был утвержден, В. В. Радлову, и С. Ф. Ольденбургу была поручена организация центрального Русского комитета. В феврале 1903 г. проект Устава Русского комитета был «высочайше» утвержден.

По Уставу Русский комитет должен был стать, по замыслу его организаторов, ученым органом, который «соединял бы в себе представителей русских ученых учреждений, изучающих крайний Восток и Среднюю Азию, а также представителей министерств и мог бы интенсивней, чем ученые учреждения с более широкими задачами, посвятить себя исследованию Средней и Восточной Азии».

Первым параграфом Устава были определены основные цели Комитета: изучение сохранившихся памятников, выяснение «у местных деятелей и учреждений», какие памятники должны быть изучены в первую очередь и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношении, и, таким образом, «спасены для науки».

Следующий параграф Устава подчеркивал необходимость обращения к «соответствующим правительствам» с просьбой установить официальную охрану памятников, «которым грозит разрушение от времени или от рук человека». По дальнейшим параграфам предложено «наметить планы совместного исследования и обсуждения общих научных вопросов» и «облегчать всем ученым, без различия национальности, участие в предстоящей научной работе в районе действия Комитета». В состав Комитета входили представители (по одному) от Академии наук, Восточного факультета университета, Археологической комиссии, Географического общества, Русского археологического общества и министерств: императорского двора, иностранных дел, военного, финансов, народного просвещения и внутренних дел.

На первом заседании, на котором председательствовал В. В. Бартольд, присутствовали: Н. И. Веселовский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, Д. А. Коменец, П. М. Мелиоранский, В. Л. Котвич, П. С. Попов, И. Я. Коростовец, К. К. Случевский, Л. Я. Штернберг. Впоследствии в число членов Комитета были приглашены Ф. И. Щербатский и другие ученые.

Выбранное на первом заседании Бюро состояло из В. А. Жуковского (председателя) и секретарей В. В. Бартольда и Л. Я. Штернберга.

Таким образом, в состав Комитета вошло несколько крупных русских ученых, что обеспечивало научное руководство всеми отдельными трудами по изучению исторических памятников как восточных окраин России так и северо-западного края цинского Китая и научной организации экспедиций.

Комитет выпустил информацию об организации Ассоциации, а также были опубликованы Устав Русского комитета и список его членов. В дальнейшем Комитет публиковал «Протоколы» заседаний (ежегодно за 1903—1918 гг.), в приложении помещались «Отчеты Комитета» и «Известия Комитета».

В последующие годы подобные комитеты были организованы во всех странах Европы.

В 1903 г. Комитет принял решение командировать в Тибет Б. Б. Барадийна с предварительной подготовкой в течение трех лет под руководством С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского. По окончании трехлетних занятий Барадийн должен был прожить еще год в одном из буддийских монастырей — Гумбуне или Лавране. Б. Б. Барадийн приобрел впоследствии известность своими трудами о Лавране и Тибете, он в течение многих лет был лектором монгольского языка на Восточном факультете.

В 1904 г. Комитет развернул свою работу, отправив М. М. Березовского в Кучу и С. М. Дудина в Турфан.

В 1905 г. член Комитета Ф. И. Щербатский получил от Далай-ламы предложение сопроводить его в Тибет, где он мог бы найти обильный материал для научных работ. Комитет предлагал отправить Ф. И. Щербатского с Б. Б. Барадийном, но министр иностранных дел просил из-за возможных дипломатических осложнений не командировать Ф. И. Щербатского. В Тибет был послан под видом паломника один Б. Б. Барадийн.

Значительную помощь русским ученым оказывали работавшие в Западном Китае русские консулы. Например, консул в Урумчи Н. Н. Кротков (1869—1919) неоднократно привозил археологические коллекции, собранные им главным образом путем покупок; Н. Ф. Петровский (1837—1908) — консул в Кашгаре, собирал сведения об остатках в Восточном Туркестане «древностей несторианских, буддийских и всяких других...» и посылал собранные им археологические коллекции в Эрмитаж, Азиатский музей, в Музей археологического общества. Хотя С. Ф. Ольденбург называл Н. Ф. Петровского «просвещенным любителем», однако последнему принадлежит несколько статей археологического характера. Можно отметить также интерес к археологическим розысканиям секретарей консульств: из Урумчи — Б. В. Долбежева; из Кашгара — И. П. Лаврова, приславшего в Комитет пять ящиков собранных им различных древностей и отчет о поездке на Лобнор.

В 1909—1910 гг. на средства Русского комитета была организована первая экспедиция С. Ф. Ольденбурга в Западный Китай.

В 1909—1910 гг. в экспедиции в Южной Монголии (Долонор, Хух-Хото, Ордос) по поручению Комитета находился Ц. К. Жамцарано. В том же 1909 г. в районы от Хами до Кашгара и Хатана (Западный Китай) был отправлен для изучения тюркских наречий С. Е. Малов. В 1912 г. он был вторично командирован Комитетом в те же районы Западного Китая.

В 1913 г. ассигнование на нужды Комитета было увеличено до 100 тыс. руб., и это позволило приступить к организации и отправлению второй экспедиции в Западный Китай для исследования пещер Могао с целью, как писал в докладной записке С. Ф. Ольденбург, «найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства в Китае и китайского Туркестана и собрать достаточный материал для характеристики разных стилей этого искусства».

Состав второй экспедиции был подобран весьма тщательно: во главе ее встал академик С. Ф. Ольденбург — инициатор экспедиции, блестящий знаток буддийского искусства, его ближайшим помощником был художник и фотограф С. Н. Дурин — участник первой экспедиции, художник В. С. Банкенбург, топограф Д. А. Смирнов — член предыдущей экспедиции, этнограф Б. Ф. Ромберги, 10 человек вспомогательного состава с переводчиком-китайцем. Экспедиция пробыла в Китае менее года (с 20 мая 1914 г. по 26 января 1915 г.).

Благодаря правительственным ежегодным пособиям Комитет получил возможность территориально расширить сферу своих экспедиций. В 1911 г. им был отправлен в Китай В. М. Алексеев и в 1912 г. Н. И. Конрад — в Корею.

Кроме русских исследователей, в Западном Китае со второй половины XIX в. находились ученые Англии, Германии, Франции.

Иностранные ученые не раз обращались за помощью и советами в Русский комитет. Некоторые из них, как, например, экспедиция германского комитета Ассоциации, потребовали исключительного права (I) производства исследований в местности между Турфаном и Кучей. Притязания экспедиции были отвергнуты, но между представителем Комитета в Западном Китае Клеменцом и Грюнведем, возглавлявшим германскую экспедицию, было достигнуто соглашение о разграничении районов работ экспедиций.

С полной ответственностью можно сказать, что методы работы русских ученых в Западном Китае значительно отличались от практики их западно-европейских коллег. С. Ф. Ольденбург постоянно ратовал за бережное отношение к древним памятникам. В 1914 г. С. Ф. Ольденбург на одном из заседаний Комитета поделился своими впечатлениями о местах, пройденных экспедицией в 1909—1910 гг., и о «следах разрушительной работы некоторых путешественников-исследователей, способствовавших не столько изучению памятников древности, сколько обесценению их для науки». Он указал на необходимость более бережного отношения к «этим единственным памятникам при будущих экспедициях» и зачитал проект обращения ко всем Комитетам Ассоциации об охране памятников древности в местах исследований и о согласовании работ экспедиций, направляемых в Западный Китай.

Призывы Русского комитета добиться «бережного отношения» к памятникам, Дуньхуана в особенности, не встретили сочувствия со стороны руководителей экспедиции Англии, Франции, Соединенных Штатов, Германии (Стейн, Пеллио, Уорнер, Грюнведель, Лекко и др.), которые, пользуясь своим положением иностранных подданных и продажною местною чиновничества, вывезли из Западного Китая громадное количество фресок, статуй, рукописей и других археологических ценностей. Причем некоторые из них, не имея специальной подготовки, разрушали и бросали немало предметов искусства, нанося непоправимый ущерб пещерам.

В 1916 и 1917 гг. Комитет подводил итоги работы предыдущих лет, а в 1918 г. Комитет вообще закончил свою работу.

* * *

В начале века назрела практическая необходимость в объединении, в котором сосредоточивались бы все сведения по изучению Востока. Такого рода организацией явилось Общество востоковедения. В феврале 1900 г. Министерство финансов утвердило Устав Общества востоковедения. Задача Общества была определена в первом параграфе Устава: «Содействовать сближению России с восточными странами». Подлежало изучению 47 государств! Китай был одним из основных объектов изучения.

Представители Общества принимали участие в XIII, XIV, XV международных конгрессах востоковедов. В 1908 г. на XV конгрессе в Копенгагене в числе других шести русских представителей был член общества А. И. Иванов.

Параграф четвертый Устава Общества предоставлял возможность открывать отделения в других городах России. Из намеченных отделений в городах, граничащих с восточными странами, на Дальнем Востоке было открыто в 1903 г. Благовещенское отделение.

В 1912 г. в Хабаровске был открыт Приамурский отдел Общества, в состав которого вошли питомцы Владивостокского Восточного института: Н. В. Слуни, П. В. Шкуркин, Л. Г. Ульяницкий. Наступившая через два года война не позволила отделу развернуть свою работу.

В 1908 г. группа бывших воспитанников Восточного факультета Петербургского университета и Владивостокского Восточного института, проживавших в Пекине и Тяньцзине, задумала основать в Пекине Союз ориенталистов на Дальнем Востоке. В Пекине это осуществлено не было. В том же году более энергично за организацию объединения научных сил взялись китаисты, проживавшие в Харбине.

Проект Устава Общества русских ориенталистов, составленный И. А. Добролювским в 1909 г., был утвержден, и Общество, число членов которого на 1909 г. составляло 66 человек, начало свою деятельность. В 1909 г. Общество востоковедения предлжило открытому в том же году в Харбине Обществу русских ориенталистов объединиться. Новая организация, образовавшаяся в результате слияния, получила название Общества русских ориенталистов с отделом в Харбине. Положительным началом деятельности Харбинского отдела Общества русских ориенталистов было издание журнала «Вестник Азии», выпуск которого с 1909 г. продолжался до 1926 г. и закончился пятьдесят третьим номером.

Статьи о Китае в журнале занимали доминирующее место. В них затрагивались вопросы антропологии, этнографии, археологии, геологии, ботаники, литературы, искусства и др. Преобладали заметки информационного характера.

Так же, как и в Петербурге, в Харбинском отделе члены общества эпизодически читали доклады. Общество вело и популяризаторскую работу. В железнодорожном собрании (клубе) был прочитан ряд лекций популярного характера.

В Ханькоу находилось отделение Общества, насчитывающее около десяти членов и возглавлявшееся А. Г. Софокловым — преподавателем русского языка в русско-китайской школе коммерческих знаний. А. Г. Софоклов редактировал журнал «Долина Янцзы. Обзорение китайской прессы», издававшейся, очевидно, по его инициативе. В журнале, который издавался всего один год, помещались переводы, сделанные учениками школы.

Объединяя главным образом выпускников Владивостокского Восточного института, Харбинский отдел Общества спланивал китаеведческие кадры, которые, в меру своих сил, делали все возможное для пропаганды знаний о Китае: публиковали статьи в научно-популярном журнале, распространяли знания по истории, культуре и современному положению в Китае.

В январе 1901 г. Общество востоковедения открыло курсы, на которых предполагалось преподавание персидского, турецкого и японского языков.

Однако вскоре курсы были закрыты. С января 1906 г. за организацию курсов взялся А. М. Позднеев — член Совета Общества и Совета министерства народного просвещения. Основной задачей курсов было «научно-практическое изучение восточных языков». Трехгодичные курсы были платными, вечерними. Преподавателем китайского языка был приглашен А. И. Иванов, который, кроме китайского языка, читал курс новейшей истории и географии Китая.

В 1909 г. курсы были переименованы в Практическую Восточную академию, существовавшую вплоть до Октябрьской революции. Преподавателем китайского ряда был почти беспрерывно А. И. Иванов (заместитель директора академии и с 1917 г. — ее директор).

Кроме А. И. Иванова, китайский язык преподавал Г. Ф. Смыкалов, окончивший Восточный факультет в 1902 г. С 1911 г. Г. Ф. Смыкалов преподавал китайский язык в Практической Восточной академии, где читал курс грамматики и газетные тексты. Основная преподавательская работа Г. Ф. Смыкалова протекала в советское время. Мне пришлось быть слушателем Георгия Феофановича в 1913—1914 гг. и в 1922—1925 гг., и я должен подчеркнуть его неизменное, исключительно доброжелательное отношение к каждому слушателю.

* * *

Итак, в конце XIX — начале XX в. русское Китаеведение вступило в новую фазу своего развития. Открытие Владивостокского Восточного института, вызванное настоятельной потребностью в переводчиках китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков, стало обеспечивать правительственные и частные учреждения специалистами, знающими китайский разговорный язык. Преподаватели института П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер, А. В. Гребенщиков создали за короткий срок ряд учебников и пособий, ставших необходимыми не только для подготовки студентов института, но и использовавшихся на Восточном факультете Петербургского университета. Ясно наметилась и научная творческая работа преподавателей института.

Необходимость более широкой подготовки профессорско-преподавательского состава Восточного факультета вызывала длительные командировки в Западную Европу и Китай, оставленных при университете А. И. Иванова и В. М. Алексеева, что сказало благотворно в дальнейшем на постановке преподавания китайского языка и программных дисциплин на Восточном факультете.

Педагогические усилия А. И. Иванова, и в особенности В. М. Алексеева, проложили новые пути в преподавании языка и Китаеведческих дисциплин. Одновременно с преподавательской деятельностью и созданием учебных пособий молодые преподаватели Восточного факультета стали известны своими учеными трудами.

Особенность русской школы востоковедения заключалась в ее самобытности, в своеобразии ее становления и развития. Это своеобразие не раз отмечали занимавшиеся историей востоковедения наши корифеи востоковеды — академики В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург. В отношении Китаеведения эта характеристика особенно русской школы подчеркнута в статье В. М. Алексеева в строках о школе академика В. П. Васильева: «Это была подлинно русская школа и по своему духу и по языку, которая весьма неохотно шла на поводу других и самобытность мысли ставила на первое место».

К словам В. М. Алексеева нужно добавить, что, будучи самобытным, русское Китаеведение в лице его представителей не чуждалось достижений западноевропейской синологии, но относилось скептически к концепциям, лежащим в основе большинства трудов западноевропейских синологов. Присущие «старой школе» западноевропейской синологии концепции, прямо противоположные новой, вероятно, и были причиной скептического отношения к ней со стороны русских Китаеведов, ибо никакого деления на две школы в этом смысле в отечественном Китаеведении никогда не было. Внимательно рассмотрев как опубликованные, так и рукописные труды русских Китаистов с самого становления отечественного Китаеведения, можно сказать, что ни в одном труде, начиная с Россохина и даже на сто лет ранее, в «Росписи Китайского государства» Ивана Петлина, в «Ведомости о Китайской земле» Годунова «с товарищи», в статейных списках Байкова, Милованова и позже в трудах А. Леонтьева, И. Бичурина, Кафарова, В. П. Васильева, С. М. Георгиевского и во многих других Китаеведческих трудах нельзя найти какого-либо противопоставления русского и китайского народов, никаких шовинистических, европоцентристских взглядов на Китай, его историю, культуру, народ. Наоборот, подавляющее число трудовых русских Китаеведов проникнуто глубокой симпатией к китайскому народу, сочувствием к его страданиям от феодального гнета и национального унижения в условиях Цинской маньчжурской империи.

Громадное большинство русских Китаеведов стояло на передовых позициях современного им общества. В своих трудах они разъясняли, что китайский народ, как и другие народы мира, имеет многовековую историю, выдающуюся культуру; они вселяли уважение к трудолюбивому китайскому народу и благотворно влияли на русско-китайские отношения.

Начиная с критики Сенковским трудов И. Бичурина, русских Китаистов неправильно упрекали за оторванность от западноевропейской науки.

Но в том же можно упрекнуть и синологов Западной Европы. Академик В. В. Бартольд пишет («Известия Академии наук», 1918 г.): «к сожалению, в синологии не было почти никакого общения между представителями русской и западноевропейской науки, к явному ущербу для обеих сторон», и далее подчеркивает, что еще меньше ин-

тересовались на Западе работами русских синологов. Это не совсем правильно, факты говорят иное, они свидетельствуют о том, что западноевропейские синологи следили за успехами русского китаеведения и между ними и русскими китаеоведами неоднократно устанавливались тесные научные связи.

Вопрос о роли и значении русского китаеведения в мировой науке — предмет особого исследования, которым ни на Западе, ни у нас никто не занимался. Но в порядке постановки вопроса можно показать некоторые факты, свидетельствующие о немаловажном значении отечественного китаеведения в общем мировом процессе изучения Китая.

Широкая публикация в XVII в. в Западной Европе результатов путешествий Петлина, Байкова, Венюкова, Спафария и других, использование привезенного русскими путешественниками картографического материала Аврилом, Абланкурром, Витсенном и некоторыми другими — это первые, весьма примечательные факты в истории мирового китаеведения. Приоритет русских здесь не подлежит сомнению.

В первой половине XVIII в. Академия наук вела деятельную переписку с западноевропейскими миссионерами, главным образом с иезуитами, находившимися в Китае, посылала им книги, получала от них семена растений и другое. Публикация в Западной Европе описаний поездок в Китай Избранта Идеса и А. Брандта, Лоренца Ланга, Унферцагта, Белля, ездивших в составе свиты русских представителей, значительно продвинуло изучение Китая, в особенности его северо-восточных районов.

Имя И. Россохина как китаеведа стало известно за границей раньше, чем в России благодаря ссылке на его переводы с китайского в исторических сочинениях академика Г. Ф. Миллера.

Издание за границей на немецком и французском языках в 1773 г. книги А. Леонтьева «Китайские мысли» возбудило на Западе большой интерес, и некто фон Мур из Нюрнберга выразил желание вступить с А. Леонтьевым в переписку по вопросам китайской литературы. Известный французский синолог иезуит Антуан Гобиль, будучи в Петербурге, познакомился с А. Леонтьевым. Встреча их, очевидно, не была единственной; в предисловии ко второму тому «Тайцин гурунь и Ухари колу», где приложен перевод небольшой части «Ицзина», А. Леонтьев указал, что мысль о переводе «Ицзина» ему подал Гобиль.

В XIX в. связи русских китаеведов с западноевропейскими были весьма значительны. Бывший академик Юлий Клапрот, уволенный из Академии наук за неблагоприятные поступки, своими постоянными необоснованными нападками на труды И. Бичурина, добился обратного результата. Он возбудил к сочинениям И. Бичурина большой интерес у западноевропейских синологов и вызвал обращение С. Жюльена к И. Бичурину как к арбитру в споре с Потье. В своей книге Жюльен приложил факсимиле письма И. Бичурина, в котором последний подтверждал вывод С. Жюльена, что Потье плохо знает китайский язык. В предисловии к своей книге С. Жюльен называет И. Бичурину «одним из опытейших синологов Европы». В архиве И. Бичурина находится статья С. Жюльена на французском языке с его корректурными пометками, присланная, вероятно, И. Бичурину на отзыв.

Есть не вполне достоверные данные, что Джордж Барроу, приехавший в Петербург для издания части Библии на маньчжурском языке, в 1833—1835 гг. брал у И. Бичурина уроки китайского языка.

При попытке в 1817 г. издания словаря Петра Каменского о состоянии иероглифического шрифта во Франции были запрошены синологи Дэ Гинь и Абель Ремюза, приславшие обстоятельный ответ. А. Ремюза присоединил к ответу рецензию на словарь. Весьма удачные опыты в 20-х гг. XIX в. с литографированием восточных шрифтов П. Л. Шиллинга вызвали на Западе большой интерес.

В 30-х гг. XIX в. С. В. Липовцов выполнял задание Британского библейского общества, переводя на маньчжурский язык части Нового завета, изданного в Петербурге.

В 40-х гг. XIX в. С. Жюльен ведет деятельную переписку с Академией наук о высылке ему тибетско-санскритского словаря из коллекции Восточного факультета. Вместе с этой просьбой С. Жюльен затрагивает ряд вопросов и, между прочим, предлагает прислать в Париж молодого ученого, знающего другие языки, для подготовки его в китайском языке для работы в Академии наук. В 1842 г. С. Жюльен повторяет свое предложение. Детальное ознакомление с перепиской, несомненно, выявит еще много интересных и важных подробностей о связях С. Жюльена с Российской Академией наук.

В 50-х гг. связь с С. Жюльеном поддерживал К. А. Скачков, который, будучи в Париже, бывал у С. Жюльена, познакомился через него с Потье, Бис, путешественником Гюком. По их рекомендации избран членом Азиатского общества. В 1874 г. К. А. Скачков был в Париже, где вел переговоры о покупке китайского шрифта, снова встречался с французскими синологами, о чем писал В. П. Васильеву.

В статьях «Трудов членов российской духовной миссии в Пекине» можно встретить доказательства хорошего знания авторами статей западноевропейской литературы по Китаю.

Международный съезд ориенталистов в 1876 г. в Петербурге положительно повлиял на установление более прочных связей между русскими и западноевропейскими китае-

ведами. На следующем съезде ориенталистов в Берлине присутствовал В. П. Васильев, познакомившийся там с Анри Кордье и принявший его приглашение приехать в Париж. К сожалению, переписка В. П. Васильева не сохранилась, и потому многие подробности его научных связей остаются неизвестными.

Палладий Кафаров вел переписку со многими синологами. В частности, интересна его переписка с Бушеллем и Вэдом по поводу надписи на китайской вазе. XIX в. завершает имя Э. В. Бретшнейдера, который на Западе широко известен не только благодаря тому, что публиковал свои статьи на английском, немецком и французском языках, но и в связи с исключительной насыщенностью его трудов первоклассным материалом из первоисточников.

Громадное эпистолярное наследие Э. В. Бретшнейдера, до сих пор не изученное, насчитывает более ста адресатов и так же, как переписка других русских китаеведов, откроет много нового в истории связей русских и западноевропейских китаеведов.

Мерилом этих связей может быть и избрание русских китаеведов членами ученых обществ западноевропейских стран и член-корреспондентами академий наук этих стран.

Труды русских китаеведов, основанные на глубоком знании китайских источников, занимают в истории мирового китаеведения почетное место, зачастую оспаривая приоритет у западной синологии. Еще больше раскрываются достижения отечественного китаеведения при ознакомлении с трудами, оставшимися в рукописях.

Русское китаеведение оставило нам в наследство не только многие тысячи опубликованных и рукописных трудов, богатые книжные собрания и этнографические коллекции, но и блестящих знатоков китайского, маньчжурского и тибетского языков, способствовавших развитию советского китаеведения, которое благодаря заботам партии и правительства заняло исключительное положение в мировом китаеведении.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Летопись героического подвига

Рецензируемая книга * написана большим коллективом авторов. Она строго документальна, обильно проиллюстрирована фотографиями и читается с живейшим интересом, повествуя об истории тихоокеанской окраины России, пробужденной к жизни русскими людьми и преобразенной за полвека в мощный индустриальный край, в край цветущего сельского хозяйства и развитой культуры.

В этой книге идет речь о той самой земле, в отношении которой маоисты неперестанно выражают свои амбициозные претензии. Вот почему ее выход, помимо других аспектов, приобретает определенное политическое значение, поскольку вся история этой дальневосточной окраины России, особенно ее история в послереволюционные годы, вплоть до сегодняшнего дня, — это история великих подвигов русского и советского народа.

Материалы книги, повествующие об историческом прошлом этого края, показывают, что до прихода на эти земли русских людей здесь проживали только аборигены — нанайцы, ульчи, нивхи, эвены и другие родственные им племена. Это было крайне малочисленное население, разбросанное по глухому таежному краю, не ведавшее даже зачатков цивилизации. «Никакого постоянного китайского населения, — пишут авторы, — на этих землях никогда не было. Это подтверждается отчетами наших землепроходцев и историческими документами. Вот почему, — подчеркивают они, — законное возмущение у советских людей вызывает лживое утверждение клики Мао Цзэ-дуна о том, что Приамурье когда-то было китайской территорией. Это утверждение ни на чем не основано и является выдумкой нынешних пекинских руководителей» (с. 20).

Вся история развития русского Дальнего Востока представляет собой неотъемлемую часть истории нашей Родины. Почти четыре

столетия назад — в 1581 г. перешел Уральский хребет отряд Ермака. Отважные русские люди сквозь непроходимую тайгу, через горные хребты, преодолевая бурные реки, вышли к Байкалу, к Северному Ледовитому океану, к Тихоокеанскому побережью — к самым дальним окраинам России, к ее неосвоенным землям.

Постепенно эти земли стали заселять и осваивать те, кто бежал от царской неволи, кто стремился к свободе. Недаром великого русского демократа-революционера А. И. Герцена так восхищали отвага и созидательный порыв, которые владели русскими людьми, отправившимися обживать эти далекие земли. Он писал: «Горсть казаков и несколько сот обездоленных мужиков перешли на свой страх и риск океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки, в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана».

Это был перспективный край. К нему потянулись те, кто стремился разведать его несметные богатства. Так, промышленник Ерофей Хабаров в 1649 г. добился разрешения идти на восток с отрядом вольных людей. В 1650 г. он достиг Амура. Это была подлинная эпопея. Известный исследователь Амура Г. И. Невельский писал, что все последующие поколения людей должны помнить «и с удивлением взирать на героические подвиги самоотвержения первых пионеров Приамурского края, часто плативших жизнью и кровью за свое молодечество и удачу».

Подвигами, а то и жизнью русских людей оплачивался каждый шаг по освоению дальневосточной окраины России. Приход русских принес местному населению новые для него формы хозяйственной деятельности, новые социальные отношения, новые производительные силы. Он принес культуру и цивилизацию тем, кто веками жил в полнейшей изоляции от мира. Кроме того, русские надежно обеспечивали защиту местным малочисленным народам от набегов маньчжурских племен.

Материалы рецензируемой книги особенно интересны тем, что они ярко и наглядно показывают, каких усилий стоило русскому, а особенно советскому, народу в период после Великого Октября преобразовать свою дальневосточную землю, отстоять от врагов, вывести ее на светлый путь прогресса по всем сферах жизни — социальной, экономической и культурной.

Книга повествует о длительной и тяжелой борьбе за установление Советской вла-

* Индустрия шагнула к океану. Хабаровское книжное издательство, 1974, 648 с.

сти на Дальнем Востоке. Авторы книги пишут: «Распространение марксистских идей и появление социал-демократических организаций на Дальнем Востоке связано с именами ближайших соратников и учеников В. И. Ленина, таких, как И. В. Бабушкин, Б. К. Куринатовский, М. В. Фрунзе, П. П. Постышев, отбывавших каторгу в Сибири и на Дальнем Востоке» (с. 22).

После русско-японской войны, в период первой русской революции 1905—1907 гг., революционное движение на Дальнем Востоке стало расти особенно быстро. Многие страницы рецензируемой книги посвящены показу революционных выступлений матросов, солдат и гражданского населения Дальнего Востока, которые в 1917 г. вместе со всем трудовым народом России установили Советскую власть. Белогвардейский мятеж в Благовещенске, попытки свергнуть власть Советов в Забайкалье, налеты банд атаманов Семенова, вооруженных японскими миттаристами, контрреволюционный мятеж во Владивостоке, нашествие банд барона Унгерна, наконец, высадка войск иностранных интервентов — все эти события нашли отражение в книге, поскольку они отняли у нас тяжелейших лет, разорили этот край и обильно полили кровью советских людей его земли.

Но вот наступил 1922 г. Красная гвардия под командованием прославленного советского полковника В. К. Блюхера при поддержке партизан и всего населения разгромила врагов всех мастей. После пяти лет кровопролитной войны дальневосточный край целиком и полностью был возвращен в состав Советской России. В те дни, выступая на пленуме Московского Совета, В. И. Ленин говорил: «Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько она взяла. И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко), но ведь это город-то нашенький, позовало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — СФСР»¹.

В книге есть вдохновенные страницы о живших легендой «Волочаевских днях» и «турмовых почвах Спасска». Все это знаменитое, но здесь, в контексте книги, читается как-то заново, поскольку дает возможность зановому оценить, во что обошлось советским людям освобождение от врага своей земли дальневосточной!

Материалы, документы и фотографии, помещенные в книге, воссоздают яркую картину последующих лет, картину тех битв и тех свершений, которые под руководством великой партии большевиков осуществлялись на Дальнем Востоке. Недаром автор вынес в качестве посвящения строки: «Последникам славы героев первых пятиле-

ток — первостроителей индустриальных форпостов Приамурья и Тихоокеанского побережья, славы юности Хабаровского края и ее передовому отряду — молодым строителям Байкало-Амурской магистрали посвящается эта книга».

С интересом читаются страницы, в которых рассказано о героическом подвиге рабочего класса Хабаровского края, усилиями которого была создана на тихоокеанской окраине нашей Родины многоотраслевая индустрия, где были воздвигнуты и построены железнодорожные магистрали, где ныне — край богатой промышленности, современного развитого сельского хозяйства, край передовой культуры, край высокого уровня жизни советских людей.

В главе первой (с. 41—94) рассматриваются события, относящиеся к 1922—1927 гг. Интересны документы и воспоминания непосредственных участников о том, как преодолевались последствия пятилетней гражданской войны и принесенной врагами разрухи, как вся страна помогла дальневосточникам залечивать тяжелые раны. Летом 1923 г. наша партия направила на Дальний Восток «всесоюзного старосту» М. И. Калинина. Выступая перед трудящимися, он говорил: «Вы считаетесь потомками сильных людей, не смирившихся с рабством и очутившихся благодаря тому в такой тайге, у вас должна быть здоровая кровь и много энергии, поэтому я предлагаю развернуть все силы на пользу развития и укрепления Советской власти — нашей власти».

И дальневосточники развернули силы! Уже в начале 20-х гг. бывший завод «Арсенал» (ныне «Дальдизель») выпустил первые плуги и молотилки для крестьян Приамурья. Ныне это громадное предприятие, выпускающее дизели и дизель-генераторы для судов нашего Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов, а также для флотов Кубы, Вьетнама, Югославии.

Глава вторая книги рассказывает о событиях 1928—1941 гг. В эти годы дальневосточники трудились под лозунгом «Превратим край в могучий форпост индустрии!».

Проникновенно говорил Л. И. Брежнев о героических годах первых пятилеток в докладе «50 лет великих побед социализма»: «Вспомните, товарищи, как люди жили в те годы: хлебные пайки, нехватка одежды и обуви, острая жилищная нужда и целый ряд других трудностей. И, несмотря на все трудности и лишения, страна буквально кипела трудовым энтузиазмом масс, потоки добровольцев устремлялись на стройки Днепрогэса, Магнитки, Турксиба, Комсомольска-на-Амуре...»

Подвигом юности 30-х гг. был рожден Комсомольск-на-Амуре. Ныне это большой современный город, раскинувшийся на десятки километров левобережной равнины великой реки. Это и крупнейший промышленный центр Дальнего Востока.

Дальневосточный край вступил в полосу индустриального развития. Однако враги не оставляли своих замыслов отторгнуть от

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45, 302—303.

Родины Дальний Восток. На другом берегу Амура китайские власти проводили политику провокаций и шантажа. В 1929 г. они захватили Китайско-Восточную железную дорогу. Осенью этого же года Особая Дальневосточная армия нанесла сокрушительный удар по захватчикам, и происки белокитайцев не смогли помешать развернувшемуся строительству. В 30-х гг. враги не раз пытались проверить мощь наших вооруженных сил на Дальнем Востоке. Японские милитаристы, оккупировавшие Маньчжурию, совершали одну провокацию за другой. Хасанские события, события у реки Халхин-Гол, происходившие на протяжении 30-х гг., не смогли остановить победного шествия социализма на дальневосточной земле. Вскоре после Комсомольска вырос город Советская Гавань с превосходным портом Ванино. В прошлом пустынные берега, где накануне революции проживало около четырехсот эвенков, орочей, удэгейцев и не более трехсот русских, превратились в большой город. «Великий Октябрь пришел и в эту дичь и глушь,— пишут авторы книги. — И вырос здесь город судоремонтников, портовиков, рыбаков. Морскими воротами в Тихий океан стал порт Ванино. В Советской Гавани появились благоустроенные улицы с многоэтажными домами» (с. 590). Сегодня порт Ванино третий по величине и грузообороту в Дальневосточном бассейне. Громадный плавающий мост через Татарский пролив соединяет Ванино с островом Сахалин.

В третьей главе книги (с. 209—304) отражены подвиги дальневосточников в годы Великой Отечественной войны. В приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР рабочим, колхозникам, интеллигенции, воинам дальневосточникам и морякам Краснознаменного Тихоокеанского флота, всем трудящимся Дальнего Востока по случаю 50-летия освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев говорилось: «Дальневосточники внесли достойный вклад в разгром фашистских захватчиков и японских империалистов... Примеры самоотверженного служения родине показали представители промышленности, сельского хозяйства, моряки и портовики, снабжая армию и флот боеприпасами и продовольствием».

И в тяжелые годы войны строительство

социализма на Дальнем Востоке продолжалось, ибо советская индустрия, шагнув к океану, пустила здесь глубочайшие корни.

На страницах книги выступают герои пятилеток и герои сражений за Родину. Здесь приводятся выступления партийных руководителей, в различные годы возглавлявших хабаровскую краевую парторганизацию: первого секретаря Хабаровского краевого комитета ВКП(б) Р. Назарова, посвященное задачам коммунистов края в четвертой пятилетке; выступление руководителя парторганизации Хабаровского края А. П. Шитикова, а так же отрывки из отчетного доклада первого секретаря Хабаровского краевого комитета КПСС А. К. Черного на XVI краевой партконференции. В этом докладе дан отчет о политической и организаторской работе партийной организации края по мобилизации трудящихся на выполнение исторических решений XXIV съезда КПСС.

В другом докладе А. К. Черного, сделанном на III пленуме Хабаровского крайкома, особое место занимает вопрос о строительстве Байкало-Амурской магистрали и тех перспективах, которые сулит эта стройка дальнейшему развитию экономики края. Как известно, БАМ будет проходить через Хабаровский край от его границы с Амурской областью, через Ургал и заканчиваться в городе Комсомольск-на-Амуре. И недаром парторганизация края считает, что все, что сделано до сих пор, является лишь стартовой площадкой в десятую и последующие пятилетки, поскольку БАМ даст новые импульсы всему развитию Дальнего Востока.

Как предвидел В. И. Ленин, созидательная деятельность советских людей, руководимых Коммунистической партией, превратила дальневосточный край — эту некогда пустынную и отсталую окраину России — в край высокоразвитой экономики и культуры, где в братской семье советских народов малые народности совершили скачок от патриархальщины к современной цивилизации, от феодализма — к социализму.

Рецензируемая книга дает наглядное представление о том, как дорога дальневосточная земля советским людям, которые берегут ее как зеницу ока.

*А. Д. Макаров,
кандидат экономических наук*

Преображенный край

Сахалин и Курильские острова — своеобразная часть нашей страны на Дальнем Востоке. Область, расположенная на островах, является форпостом нашей отчизны на Тихом океане.

Интересны история открытия и освоения этих островных земель, их природные богатства, особенности флоры и фауны. Поэтому появление новых работ, расширяющих знания о них, читатели воспринимают как событие большой важности.

В рецензируемой книге* сделана попытка на обширном материале осветить в исторической последовательности основные события прошлого и настоящего единственной в нашей стране островной области, показать большой вклад нашей Родины в открытие и освоение Сахалина и Курильских островов, несостоятельность чьих-либо притязаний на эти исконно русские земли. Авторы стремились рассказать, с каким мужеством и настойчивостью советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза, претворяя в жизнь ленинские заветы, в сравнительно короткий срок превратил Сахалин в область с развитой многоотраслевой экономикой и высокой культурой.

Исследуя историю открытия Сахалина русскими в XVII в., авторы приводят сведения, полученные от русских землепроходцев, об этой островной земле, о быте его аборигенов — нивхов. Все первоходцы и исследователи Сахалина отмечали, что нивхи являются аборигенным населением острова. При окончательном включении Сахалина в состав России в XIX в. нивхи сыграли в этом большую роль, оказывая помощь экспедиции Г. И. Невельского в исследовании и освоении Сахалина. Приоритет России в освоении Сахалина неотделим от истории нивхского народа.

История открытия и изучения русскими Сахалина и Курильских островов связана с их экономическим и культурным освоением. В книге подробно характеризуется их освоение в дореволюционное время. Подробно излагается и материал, характеризующий трудный период в истории Сахалина — период борьбы за установление Советской

власти. В 1917—1925 гг. народным массам под руководством большевиков приходилось бороться против белогвардейцев и интервентов. Благодаря мужеству советских людей 14 мая 1925 г. на Северном Сахалине был навеки поднят флаг нашей Родины. С этого периода начинается исходный рубеж социалистического строительства на Сахалине. Из книги мы подробно узнаем, что здесь, на островной земле, как и на всей территории нашей необъятной Родины, развернулась борьба за выполнение первых пятилеток. Большую помощь в этом деле сыграли посланцы многих районов страны. Так, согласно решению правительства, по путевкам партии и комсомола приехали трудиться на Сахалин многие специалисты, при участии которых к 1930 г. народное хозяйство Сахалина было в основном восстановлено. Уже в 1932 г. на Сахалине добывали в год 201 тыс. т нефти и 160 тыс. т угля. За период 1932—1940 гг. количество больниц выросло в 3 раза, а число врачей — в 5,6 раза. В области трудилось 147 врачей, около 400 работников среднего медицинского персонала. К 1940 г. в области имелось 109 школ, в том числе 20 средних. Было создано 3 средних специальных учебных заведения — горный и нефтяной техникумы, педагогическое училище. На каждую тысячу человек населения приходилось 6 человек с высшим образованием и 79 — со средним и неполным средним образованием. Для малых народов севера открылись школы-интернаты, красные юрты и культбазы, которые сыграли большую роль в просвещении нивхов, эвенков и ороков.

Мирная жизнь сахалинцев была нарушена вероломным нападением на СССР гитлеровской Германии. Япония, расположенная за проливом Лаперуза, усиленно готовилась к войне с СССР. Японская военщина постоянно совершала провокации. Сахалинцы, проявляя максимум бдительности и выдержки, мобилизовались для защиты своей отчизны. Вместе со всем советским народом они приняли участие в разгроме империалистической Японии. Сахалинцы справедливо назвали свои новостройки именами героев, отдавших жизнь за свободу островной земли — Л. В. Смирнова, А. Е. Бююклы и др.

После Великой Отечественной войны сахалинцы приступили к развитию многоотраслевой промышленности. В рецензируемой книге на большом фактическом материале и конкретных примерах показано развитие в Сахалинской области таких отраслей промышленности, как лесная, нефтяная, угольная, целлюлозно-бумажная, рыбная, легкая и др. Широко показаны размах электрификации в области, создание и развитие железнодорожного, водного и автомобильного транспорта. Успехи промышленного освоения края огромны. Об этом можно судить по следующим показателям, приводимым в книге. За 1925—1970 гг. добыча угля в области возросла в 691 раз,

* П. А. Леонов, И. В. Панькин, И. Е. Белоусов. Область на островах. Краткий очерк истории, развития экономики и культуры, деятельности партийной организации Сахалинской области. М., «Мысль», 1974, 318 с.

рыбы — в 172 раза. Добыча нефти по сравнению с 1930 г. увеличилась в 26 раз, вывоз леса — в 21 раз. Сахалин производит сейчас бумаги и картона не меньше, а газа добывает в 61 раз больше, чем вся царская Россия в 1913 г. В 1970 г. промышленность области только за один день производила около 7 тыс. т нефти, почти 3 млн. куб. м газа, 13 тыс. т угля, 764 т целлюлозы, 762 т бумаги и картона, 237 т цемента, более 10 тыс. куб. м пиломатериалов, добывала почти 17 тыс. ц рыбы, вырабатывала 374 тыс. условных банок консервов из рыбы и морепродуктов, 136 т цельномолочной продукции, 4213 пар кожаной и резиновой обуви, на десятки тысяч рублей мебели.

Характеризуя современную промышленность области, авторы книги излагают историю развития каждой отрасли с дореволюционного периода до наших дней. Этот исторический экскурс имеет не только познавательное, но и большое практическое значение. Для молодежи, едущей на Дальний Восток, эти очерки являются зовом на новые подвиги.

Сахалин и Курилы — островные земли, но их жители живут одной жизнью с народами всей многонациональной страны Советов. Поэтому на островах наблюдается общий закономерный процесс развития социалистической культуры. В книге обстоятельно показан процесс создания и развития в Сахалинской области системы народного образования, здравоохранения, искусства и науки. Так, в конце XIX в. на Сахалине было всего 6 школ, где работало 6 учителей и обучалось 222 русских ученика. На содержание школ царское правительство отпускало мизерные средства, и поэтому они работали с перебоями. На острове не было ни одной школы, где бы учились дети народов Дальнего Востока — нивхи, айны, ороки. С установлением Советской власти, как отмечается в книге, начался этап создания новой школы на Сахалине. В 1928 г. только на советской северной части Сахалина уже работало 32 школы, охватившие 88% детей школьного возраста. В 1970 г. в Сахалинской области действовало 378 школ, в них работало 7164 учителя, в том числе 3830 с высшим образованием.

В год окончательного утверждения Советской власти на Северном Сахалине (1925) весь медицинский персонал состоял из одного врача, 7 фельдшеров и одного фармацевта. На острове было всего 2 больницы на 45 коек. В 1971 г. в сфере медицинского обслуживания трудилось уже свыше 18 тыс. человек, в том числе 2233 врача. На каждые 10 тыс. человек приходилось 32 врача и 128 лиц среднего медицинского персонала.

На Сахалине с большим вниманием относятся к развитию науки, литературы, искусства. Здесь в 1972 г. имелось 11 различных научно-исследовательских учреждений. С 1946 г. на Сахалине действует Сахалин-

ский комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра Академии наук СССР. Ученые Сахалина тесно связаны с научными центрами страны. В книге показана также роль науки в развитии производительных сил и социалистической культуры на Сахалине. Здесь есть своя писательская организация, трудятся художники, создающие произведения о людях Дальнего Востока. В книге приводятся материалы, характеризующие связи местных писателей, художников и артистов с коллегами из других районов страны, в том числе из Москвы и Ленинграда.

В специальном разделе книги излагается история малых народов Сахалина, рассказано об изменениях в их жизни, происшедших в годы Советской власти. Даже эти краткие данные свидетельствуют об огромном скачке, сделанном ими в годы Советской власти — от родового строя к социализму.

Успехи социалистического строительства в Сахалинской области — это результат претворения в жизнь политики Коммунистической партии, Советского правительства. В книге всесторонне освещается история образования и деятельности областной партийной организации на всех этапах социалистического и коммунистического строительства. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов последовательно показан количественный и качественный рост партийных рядов, партийное руководство советами, комсомолом, профсоюзам, раскрывается авангардная роль областной парторганизации в деле мобилизации трудящихся на борьбу за претворение в жизнь планов и решений партии. Первая ячейка РКП(б) на Сахалине сформировалась 19 марта 1925 г. В ней тогда объединились 18 членов и 5 кандидатов в члены партии. В основном это были коммунисты, прибывшие по направлению Дальбюро ЦК РКП(б) для постоянной работы на Сахалине. К 1 января 1973 г. Сахалинская областная партийная организация насчитывала в своих рядах 38 472 члена и кандидата партии, в том числе рабочих и колхозников — 54,6%.

В книге подробно исследуется работа областных партконференций, пленумов обкома, характеризуется работа всех звеньев партийных организаций — от партийных групп до обкома КПСС. Глава «Авангард трудящихся Сахалина и Курильских островов» содержит большой материал, свидетельствующий о ведущей роли коммунистов, партийных комитетов во всех отраслях хозяйства и культуры. Население Сахалина и Курил мужественно трудится в суровых климатических условиях на благо отчизны.

В книге названы лучшие коллективы области, удостоенные высоких наград государства. Передовые люди области, заслужившие высокие правительственные награды, нашли достойное место на страницах книги. Их имена золотыми буквами вписаны в историю Сахалина и Курил. Среди

ных — Герои Социалистического Труда, Герои Советского Союза, передовики производства, видные деятели науки и культуры. Их трудовой подвиг — пример для новых поколений, растущих на территории области, для тех, кто придет туда трудиться.

В заключение авторы приводят сведения о планах и перспективах развития орденоносной Сахалинской области. Планы эти большие, но реально обоснованные.

Коллективный труд о Сахалинской области рассчитан на широкий круг читателей. В нем используются многочисленные литературные источники, архивные материалы, партийные документы и т. д. Труд хорошо оформлен и богато иллюстрирован, цветные фотографии делают его нарядным.

Положительно оценивая книгу, хотелось бы высказать ряд замечаний и пожеланий. Прежде всего, в ней названы не все, кто внес весомый вклад в изучение Сахалина в революционное и советское время, в частности не упомянуты Б. Пилсудский, В. Бражников, В. Панфилов и др. Некоторые разделы книги носят характер отчета

и написаны как газетные статьи. В работу включены и хорошо известные сведения, которые довольно подробно представлены в литературе по Дальнему Востоку. Это имеет место в основном в первых разделах работы.

Эти замечания, однако, не умаляют достоинств рецензируемой книги. Думается, что она стала настольной не только для сахалинцев и курильчан, но и для всех тех, кто интересуется советским Дальним Востоком. Книга П. А. Леонова, И. В. Панькина, И. Е. Белоусова является результатом большого и кропотливого труда авторов. Нельзя не согласиться с академиком А. П. Окладниковым, написавшим в предисловии, что эта коллективная работа имеет актуальное значение и научную ценность.

Ч. И. Таксами,

кандидат исторических наук

К. Е. Черевко,

кандидат филологических наук

Борьба монгольского народа против маньчжур (XVII—XVIII вв.)*

Рецензируемая книга посвящена важной и недостаточно изученной проблеме — антиманьчжурской освободительной борьбе монгольского народа в XVII и в первой половине XVIII в.

Работа состоит из трех глав, в которых автор рассматривает различные аспекты антиманьчжурской агрессии в Монголии, политику монгольских ханов, монголо-русских и монголо-тибетских связей, антиманьчжурской освободительной борьбы монголов на основе международной обстановки в Центральной Азии в XVII—XVIII вв.

Монография Ш. Б. Чимитдоржиева в настоящее время приобретает большую актуальность, ибо, как показывает действительность современного Китая, теория и практика маоистов в области внешней поли-

тики и в национальном вопросе мало чем отличаются от политики экспансии императоров маньчжурской династии Циннов. Они идут в фарватере традиционного курса богдоханов, заимствуя и развивая концепции гегемонизма, великоханьского шовинизма. Автор правильно подчеркивает, что «попытки маоистов взять под защиту захватническую политику китайских и маньчжурских императоров, идеализация ими жестоких завоевателей и пренебрежительное отношение к истории других народов объясняется экспансионистскими устремлениями нынешних руководителей КНР» (с. 90).

Ш. Б. Чимитдоржиев на базе большого фактического материала разоблачает маньчжурскую политику по отношению к монголам как глубоко агрессивную, захватническую. «Цинны. — подчеркивает автор, — не были заинтересованы в существовании независимых монгольских государств» (с. 52). В книге также раскрывается прогрессивный характер справедливой освободительной борьбы монгольского народа против иностранных поработителей. Ш. Б. Чимитдоржиев, опираясь на монгольские и другие источники, показывает важную роль Ойрато-Джунгарского ханства в этой борьбе, весьма активную внешнюю политику независимых ойратских ханов. Как известно, после завоевания Циннами Южной и Восточной Монголии Ойратское ханство в конце XVII в. и в первой половине XVIII в. представляло собой единственное независимое монгольское государство, получившее признание со стороны России и других соседей. В рецензируемой книге показано ойрато-цинское противоборство, описаны ойрато-

* Ш. Б. Чимитдоржиев. Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII—XVIII вв.). Улан-Удэ, 1974, 90 с.

цинские войны, в ходе которых маньчжуро-китайские войска неоднократно терпели поражение. Однако в середине XVIII в. ценой огромных усилий, когда были мобилизованы громадные людские и материальные ресурсы, Циннам удалось ликвидировать свободу и независимость Ойратского государства. «Эта победа, — как правильно подчеркивается в «Очерках истории Китая», вышедших в Китае в конце 50-х гг. под редакцией Шан Юэ, — была одержана путем самого безжалостного, почти поголовного истребления населения Джунгарии»¹.

Современные китайские авторы проявляют полное пренебрежение к общезвестным фактам истории монгольского народа. Маоисты изборажают захватнические войны Цинской империи против монголов как прогрессивные акции цинских императоров. Пекинские фальсификаторы дошли до того, что вообще начали отрицать даже сам факт существования Ойратского государства.

Книга Ш. Б. Чимитдоржиева наряду с монографией И. Я. Златкина по истории Джунгарского ханства** и исследованиями монгольских ученых академика Ш. Нацагдоржа, докторов наук Н. Ишжамца, Д. Гонгора убедительно показывает, что монгольский народ вел активную борьбу за свободу и самостоятельность, отражая натиск цинских агрессоров, что независимое монгольское государство — Ойратское ханство, его население сыграли в этой борьбе видную роль.

В данной работе автор широко использовал монгольские источники и архивы,

¹ «Очерки истории Китая». М., 1959, с. 557.

** И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М., 1964.

часть которых им впервые введена в научный оборот. Это дало возможность значительно дополнить и по-новому осветить ряд вопросов, мало изученных или не затронутых в монголоведческой литературе. Ш. Б. Чимитдоржиев рассматривает деятельность Галдан-Бошокту не как ставленника тибетских иерархов, а «как борца за свободу и независимость монголов в борьбе с чужеземными поработителями, как инициатора создания антиманьчжурского фронта всех монгольских ханств» (с. 53). Одновременно Ш. Б. Чимитдоржиев правильно отмечает классовую ограниченность отдельных феодальных руководителей освободительной борьбы, которые в своих корыстных целях шли на компромисс с завоевателями.

На наш взгляд, в работе имеются отдельные пробелы, которые, правда, не умаляют в целом достоинства и ценности исследования. В монографии подробно описываются феодальная междоусобица и политическая обстановка в стране в тот период, но не дается достаточно полная социально-экономическая характеристика феодальной раздробленности Монголии, что позволило бы лучше понять причины раздоров монгольских феодалов.

В работе Ш. Б. Чимитдоржиева содержится богатый фактический материал, много верных наблюдений и обобщений. Она сообщает читателю полезные сведения по истории Халхи, Внутренней Монголии и Джунгарии XVII—XVIII вв. Книга, безусловно, вызовет интерес у научных работников, аспирантов, студентов и у всех тех, кто интересуется историей стран и народов Азии, проблемами международных отношений на Дальнем Востоке.

Б. О. Гатанов,
кандидат исторических наук

* * *

Новый китайско-русский словарь*

Создание словаря какого-либо языка всегда трудоемкий процесс. Словари появляются не так уж часто. Поэтому выход в свет нового китайско-русского словаря — заметное событие в советской синологии.

* Китайско-русский словарь-минимум. Составил А. В. Котов. Под редакцией профессора В. И. Горелова. М. Изд-во «Русский язык», 1974.

Он был с интересом встречен советской китаеведной общественностью. Издание, о котором идет речь, — это словарь малого объема, словарь-минимум, включающий, как указано на титульном листе, 6200 слов, записанных с помощью 2750 иероглифов.

По замыслу автора, он предназначен прежде всего для учебных целей.

В нем имеется отдельный список важнейших географических названий (китайских и иностранных). Словарь снабжен различного рода таблицами и указателями, облегчающими его использование.

Важная особенность этого издания состоит в том, что словарные единицы (речь идет об односложных гнездовых единицах — словах или морфемах) расположены в алфавитном порядке в соответствии с порядком букв китайского фонетического алфа-

чита¹, а не в соответствии с особенностями иероглифов — единиц официального китайского письма. Фонетические словари — сравнительно мало распространенный у нас жанр словарей китайского языка. Объясняется это тем, что фонетическим словарем удобно пользоваться для отыскания слов, звучание которых известно, и невозможно пользоваться для отыскания слов, звучание которых неизвестно. Иероглифическое письмо не дает информации о звучании записанных с его помощью слов. Поэтому с помощью чисто фонетического словаря невозможно читать и понимать тексты, содержащие незнакомые иероглифы. По этой причине фонетические словари китайского языка обычно снабжаются приложениями (таблицами или указателями), с помощью которых в словаре можно найти какой-либо иероглиф, «чтение» (звучание) которого неизвестно. Такая таблица иероглифический указатель) имеется и в рецензируемом издании. Чтобы найти иероглиф в словаре, сначала надо найти его в указателе, где приведено его «чтение». Затем по «чтению» можно найти данный иероглиф в корпусе словаря и установить его «значение» (говоря точнее, значение слова или морфемы, записанных этим иероглифом). Но это «окольный путь» отыскания нужного иероглифа.

С помощью фонетического словаря по звучанию слова можно быстро отыскать иероглиф, записывающий то или иное слово. Необходимость в этом возникает в тех случаях, когда слово известно, но нужно установить или вспомнить, как пишется соответствующий ему иероглиф. Чаще всего это бывает нужно лицам, изучающим китайский язык. В этом состоит одно из главных назначений фонетического словаря, и в этом мы видим его главную пользу.

Интересно отметить, что его назначение в условиях иероглифического письма в известном смысле противоположно назначению фонетического словаря в условиях алфавитного (звуко-буквенного) письма. В первом случае словарь прежде всего нужен для написания, то есть для установления, как писать те или иные знаки письма (иероглифы). Во втором случае он нужен для чтения и понимания текста: по начертанию, разумеется, звучанию) устанавливается значение и достигается понимание.

Хотя с помощью иероглифического указателя в рецензируемом издании можно отыскать нужный иероглиф (если он входит в число имеющихся в словаре), однако малый объем общего количества иероглифов в словаре (менее 3 тыс.) и небольшой объем слов (около 6 тыс.) значительно сужают возможности практического применения словаря для чтения оригинальных иероглифи-

ческих текстов даже средней степени сложности.

По-видимому, было бы целесообразнее (при переработке и переиздании словаря) довести количество иероглифов в корпусе словаря примерно до 4 тыс. знаков, то есть до количества, необходимого для чтения современных газетных текстов. Количество слов целесообразно также увеличить до 12—15 тыс. Увеличение объема словаря в полтора-два раза значительно расширит сферу использования словаря, в то же время словарь по-прежнему останется словарем малого объема.

Возможен еще один путь расширения сферы применения словаря без увеличения его объема: значительно увеличить количество односложных единиц и, соответственно, иероглифов (до 6—7 тыс. единиц) и снять всю двусложную лексику.

В настоящем объеме словарь имеет прежде всего учебно-справочное значение. Содержащиеся в нем иероглифический и лексический минимумы могут быть использованы для отбора иероглифики и лексики при составлении различных пособий и учебников; с помощью словаря изучающие китайский язык могут контролировать степень усвоения иероглифического и лексического минимума; как уже отмечалось, он очень удобен для наведения справок о написании иероглифов, если известны записываемые иероглифами звуковые единицы.

Как и все словари китайского языка, рецензируемый словарь построен по принципу гнездовых словарных единиц. Гнездовой единицей является односложное слово или морфема, фиксируемые на письме иероглифом. После каждой гнездовой единицы приводятся двусложные лексические единицы (статистически господствующая норма слова в современном китайском языке), реже — более чем двусложные единицы. Гнездовое слово или морфема входят в состав следующих за ними двусложных единиц в качестве первого или второго компонента, тем самым объединяя их в одну группу. Такое построение всех словарей китайского языка обусловлено особенностями фонетико-семантического или, говоря точнее, фонетико-морфологического строения китайского языка. Каждый слог в китайском языке, как известно, морфологически значим, то есть является звуковой оболочкой слова или морфемы. Поэтому в многосложных единицах деление на слоги есть в то же время деление на морфемы. По этой причине в китайских словарях сначала дается гнездовая односложная единица, а потом уже все те единицы (сложные или производные слова), в которые она входит. Отыскав в словаре гнездовую односложную единицу, далее легко найти производную от нее двусложную (многосложную) единицу.

В рассматриваемом издании предпринята попытка на основе различных, в том числе китайских словарных работ, дать характеристику гнездовых односложных единиц с точки зрения возможности (или невозмож-

¹ Китайский фонетический алфавит, использующий латинскую графику, употребляется в настоящее время в Китае во вспомогательных целях (главным образом для транскрипции).

ности) их самостоятельного употребления в речи. Иначе говоря, сделана попытка указать, чем являются эти односложные единицы — самостоятельными словами современного китайского языка или морфемами². Такого рода указания имеют очень большое практическое значение. Изучающему китайский язык практически важно знать, чем является тот или иной односложный элемент — словом или морфемой и как его употреблять в речи. По внешнему облику и по значению невозможно определить, имеет ли тот или иной элемент статус самостоятельного слова. Это просто нужно знать. Поэтому в словаре и требуется специальная пометка. Сведения о том, как употребляется тот или иной элемент, часто бывают важны и в научно-исследовательской работе по китайскому языку.

Придача подобной характеристики гнездовым элементам заслуживает всякого одобрения. В наличии таких помет мы видим большое достоинство словаря. Здесь, однако, надо сделать некоторые замечания. Далеко не во всех случаях гнездовые элементы, которые, согласно словарю, должны быть самостоятельными словами современного китайского языка, могут, бесспорно, считаться таковыми. Это, например, следующие односложные элементы: *bā* — мишень, цель; *bǎ* — прекратить, перестать, кончить; *bǎn* — 1. печатная доска, 2. издание, 3. полоса, страница; *bǎn* — сопровождать, составлять компанию; *bìān* — всюду, повсеместно, и т. д. и т. п. Перечень спорных с этой точки зрения словарных единиц можно значительно расширить и продолжить.

Вопрос о самостоятельности (несамостоятельности) многих односложных элементов, конечно, не так прост. Поэтому мы говорим прежде всего о спорности соответствующих трактовок, а не об их ошибочности. В отдельных случаях, правда, к числу самостоятельных слов в словаре отнесены заведомо несамостоятельные с точки зрения современного языка единицы, что будет видно из последующего разбора. Сложность этого

вопроса обусловлена тем, что китайский язык существует в виде множества функциональных стилей. В современном языке сплошь и рядом можно встретить «вэньяньшэнь», то есть элементы старого литературного языка, вплетенные в ткань современного (главным образом письменного) языка. В зависимости от употребления в том или ином стиле, в составе или не в составе «вэньяньшэнь», один и тот же элемент может выступать то как синтаксически самостоятельный элемент (слово), то как синтаксически несамостоятельный элемент (морфема). Поэтому при определении статуса той или иной односложной единицы следует руководствоваться определенными критериями, например способностью или неспособностью выступать в роли отдельного члена предложения (для существительных, например, выступать подлежащим или прямым дополнением без послелога), служить однословным ответом на вопрос «что это?», способностью или неспособностью иметь перед собой в качестве определения указательное местоимение и т. д. и т. п. Критерии должны быть специально разработаны с учетом стилевой дифференциации китайского языка. Здесь названы лишь некоторые возможные критерии. В тексте словаря в некоторых случаях даются примеры, иллюстрирующие использование того или иного элемента как слова. Отдельные случаи вызывают возражение, как истолкованные неверно. Так, употребление элемента *bìān* — всюду, повсеместно (согласно словарю — самостоятельное слово) иллюстрируется примером *ī tā zhāobìānle* — он искал всюду. Здесь *bìān* никак не является самостоятельным словом. Это второй компонент сложного, или составного глагола. Согласно, например, другому фонетическому словарю³ об этом элементе в аналогичном употреблении говорится совершенно иное: «вторая часть составных глаголов со значением сплошь, целиком»; эта вторая трактовка *bìān* представляется более правильной.

Аналогичное замечание можно сделать и относительно элемента *bǎ* — прекратить. Приведенный в словаре пример иллюстрирует как раз несамостоятельное употребление *bǎ*: *ī tā shuōbǎ jīu zǒule* — он кончил говорить и пошел. Здесь *bǎ* никак нельзя считать самостоятельным словом, как это следует из словаря.

Остановимся далее кратко на вопросе о разработке значений, как гнездовых элементов, так и многосложных слов. В целом можно считать, что значения и морфем и слов (односложных и двусложных) даны достаточно подробно и правильно. Для практических целей трактовки значения вполне удовлетворительны. Составитель словаря — опытный лингвист, хорошо владеющий китайским языком.

³ Б. С. Исаенко. Опыт китайско-русского фонетического словаря. М., 1967.

² В китайском языке многие древние односложные слова утратили со временем способность к самостоятельному синтаксическому употреблению и перешли, таким образом, на положение морфем. Вместе с тем они сохраняют свою словообразовательную роль, входя в качестве компонентов в различные ряды сложных или производных слов. Китайские морфемы так же, как и морфемы языков иных систем, лишены синтаксической самостоятельности, однако, поскольку морфемы — это бывшие слова (слова древнего языка), они сохраняют такие свойства, которые обычно присущи словам, — понятийную определенность (выражают понятия, как и слова) и грамматическую характеристику, как часть речи. Последние свойства не присущи морфемам, например, индоевропейских языков.

Однако и здесь можно указать на некоторые недостатки, вкравшиеся в добротную ткань словаря. В разработке значений имеются три вида упущений: 1) неточно указаны некоторые значения; 2) введены контекстно-обусловленные значения (или навеянные переводом на русский язык); 3) не учтены некоторые важные значения. Покажем эти упущения на типовых примерах.

Первый вид упущений можно иллюстрировать следующими примерами: слово *baihua* — байхуа, согласно словарю, трактуется как «современный литературный китайский язык». Это толкование термина «байхуа» ошибочно. Современный китайский литературный язык называется, как известно, «путунхуа». Что же касается «байхуа», то этим термином называют различные формы (в том числе и диалектные) современного разговорного языка, противопоставленные старому письменному языку «вэньянь». Так, существуют термины «северный байхуа», «южный байхуа» и т. д. Далее. Слово *laobaixing* в словаре (с. 21) трактуется как «народ», точно так же, как и слово *genmin* — народ. Здесь, однако, следовало бы сделать уточнение. Слова *laobaixing* и *genmin* семантически неравноценны. Первое означает «простые люди», в то время как второе означает «народ» в терминологическом смысле⁴.

Второй вид упущений можно иллюстрировать следующими примерами. В числе значений слова *daibiao* в словаре указаны значения «от имени, от лица». Это — контекстовые значения, отраженные в русском переводе при употреблении слова *daibiao* в определенной конструкции: *A daibiao B... — A, представляя B... (что-то сделал)*. Вряд ли можно считать, что указанное значение есть, собственно, значение данного слова. Точно так же вряд ли следует у слова *da* в качестве самостоятельного выделять значение «высший», на том основании, что сложное слово *daixue* — университет — на русский язык иногда переводится как «высшее учебное заведение». Приведем еще пример. У слова *ha* под рубрикой «1» указаны значения «выдохнуть, подышать». Эти значения иллюстрируются предложением, в котором китайский глагол *ha* переведен на русский язык глаголом «подышать». Этот последний глагол благодаря приставке «по-» передает (выражает) специфическое значение действия, длившегося короткое время. Наличие такого значения в переводе отнюдь не говорит о том, что такое значение, собственно, присуще китайскому глаголу *ha*. Следовательно, форма «подышать» в этом случае неуместна.

Вообще нужно заметить, что при раскрытии собственных (парадигматических, контекстно не обусловленных значений) иностранных слов желательно избегать специа-

лизированных форм слов языка, на который делается перевод; следует выбирать минимально маркированные формы слов, как семантически менее специализированные.

Упущение третьего вида можно показать на примере односложного гнездового элемента *bo*. В рецензируемом словаре указано, что *bo* имеет лишь значение «отнимать, отбирать» (с. 37). Между тем ряд китайских словарей отмечает у *bo* и другие значения, в том числе значение «сдирать кожу или кожуру»⁵. (См., например: Синьхуа цыдянь. Пекин, 1955; Гоюй цыдянь. Пекин, 1948; Ханьюй цыдянь, Пекин, 1957).

В малоформатном словаре вряд ли целесообразно одно и то же слово давать дважды. Между тем очень большое количество слов в словаре повторяется два раза. Это относится к двусловным и трехсловным словам. Повторение образуется за счет того, что одно и то же многосложное слово первый раз приводится там, где гнездовым элементом является его первый компонент, а затем второй раз приводится там, где гнездовым элементом выступает его же второй (или третий) компонент. Например, слово *tianhua* — оспа, состоящее из компонентов *tian* — небо и *hua* — цветок, приведено после гнездового слова *tian* — небо. Оно же дается еще раз после гнездового слова *hua* — цветок. Аналогично: слово *wandi* — закончить (с. 31 и 302); слово *julebu* — клуб (с. 39 и 163); слово *silinbu* — штаб (с. 39 и 277); слово *zhandou* — бой (с. 81 и 369) и т. д. и т. п. Кроме того, в отдельных случаях имеются расхождения при указании значений этих повторенных дважды слов. См. слово *laobaixing* (с. 21 и 179).

Повторение в корпусе словаря лексических единиц может быть в какой-то мере объяснено учебным характером словаря. Однако рассматриваемая книга — это все же словарь, а не учебник и не учебное пособие. Вряд ли кто будет учить слова «прямо по словарю».

Вряд ли также нужно доказывать, что есть нерациональное использование и так весьма ограниченного листажа.

В целом можно сказать, что словарь нуждается в более тщательной редакции, что позволило бы снять целый ряд имеющихся недостатков.

В пояснительных замечаниях, предваряющих корпус словаря, имеются формулировочные неточности, например утверждения, что омофоны — это иероглифы и слова, одинаковые по фонетическому написанию и звучанию (с. 8). Речь, очевидно, должна идти о морфемах и словах, а не о иероглифах, поскольку иероглифы — это только знаки для записи морфем и слов. Но это тоже, пожалуй, вопрос редактирования.

Несмотря на ряд упущений и недостатков, которые, впрочем, сознает и сам состав-

⁴ Слово *laobaixing* второй раз встречается на с. 179, где перед значением «народ» имеется уточнение «простой», что совершенно верно.

⁵ То есть то же значение, которое в устной речи передается обычно элементом *bo*, записываемым тем же иероглифом.

витель (см. с. 6), выход словаря, безусловно, очень полезен. Это важное и нужное дело. На базе этого словаря (либо в виде переработанного переиздания, либо в виде нового издания) может быть создан более полный словарь с более широкой сферой применения. Пожалуй, самое главное, что требуется на будущее, — это значительное увеличение иероглифических знаков в словаре.

Но и в том объеме и виде, в каком он существует, китайско-русский словарь-минимум, несомненно, сослужит полезную службу советским Китаеведам и в первую очередь лицам, изучающим китайский язык.

Оценивая его, мы не должны упускать из виду, что это, по существу, один из первых опытов словарей такого типа, изданных в СССР в послевоенные годы. Предыдущий фонетический словарь, составленный

Б. С. Исаенко, почти 18 лет назад, преследовал определенные научные цели — решение вопроса о границах сложного слова в китайском языке. Он не случайно был назван «Опыт китайско-русского фонетического словаря». Рецензируемый словарь имеет непосредственно практическую цель — помочь лицам, изучающим китайский язык. Этим объясняются значительные различия в структуре этих двух словарей. Но новый словарь — это тоже опыт. И, в известном смысле, — опыт пионерский. Составитель словаря смело пошел по неизведанному у нас пути и заложил важные основы для создания специальных учебных словарей китайского языка. А это нужно всячески приветствовать.

*В. М. Солнцев,
доктор филологических наук*

* * *

Библиография работ Ван Мина¹

Имя товарища Ван Мина занимает видное место в истории Коммунистической партии Китая и революционной борьбы китайского народа. Уже в юношеские годы, будучи в рядах Коммунистического союза молодежи Китая, он принимал активное участие в студенческом революционном движении, а после вступления в 1926 г. в ряды КПК работал в различных городских и провинциальных организациях партии. С 1931 г. Ван Мин длительное время входил в состав руководства КПК. На IV пленуме ЦК КПК (январь 1931 г.) он избирается членом ЦК и Политбюро, входит в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. С ноября 1931 г. по ноябрь 1937 г. Ван Мин возглавлял делегацию КПК в Коммунистическом Интернационале, на VII конгрессе был избран членом Президиума Исполкома Коминтерна и кандидатом в члены Секретариата ИККИ. После роспуска Коминтерна в 1943 г. он оставался в составе руководства КПК, а на VIII съезде КПК в 1956 г. был вновь избран членом ЦК.

Будучи последовательным интернационалистом-ленинцем, Ван Мин всегда решительно выступал за тесное сотрудничество КПК с КПСС и другими братскими коммунистическими партиями, за изучение опыта революционной борьбы КПСС и социалисти-

ческого строительства в СССР, за дружбу между народами Китая и Советского Союза.

Ван Мин оставил богатое и разностороннее идейно-теоретическое наследие. В своих работах он отстаивал интернационалистские позиции в КПК, вел непримиримую борьбу против разного рода оппортунистических уклонов, против троцкизма и маоизма в Китае.

Особое значение для Компартии Китая имела его работа «Бороться за дальнейшую большевизацию КПК». В ней в соответствии с решениями Коминтерна подвергнуты резкой критике антиленинские политические установки Ли Ли-сяня, сложившиеся к 1930 г., и контрреволюционная линия Ло Чжан-луна, нанесшие большой ущерб Компартии Китая и китайской революции. В работе содержится глубокий анализ ошибочных положений Ли Ли-сяня, в частности его оценки третьего периода послевоенного капитализма, закономерностей неравномерного развития капитализма, оценки значения социалистического строительства и мирной политики СССР, взаимосвязи китайской и мировой революций. Критикуя взгляды Ли Ли-сяня, Ван Мин остановился на таких важных проблемах китайской революции, как характер китайской экономики, движущие силы китайской революции, ее характер на современном этапе, вопрос о революционной власти, о гегемонии в революции и ее перспективах.

В «Решении по некоторым вопросам истории нашей партии» (20 апреля 1945 г.), в котором маоистам фальсифицируется история КПК, отмечалось, что IV пленум ЦК КПК шестого созыва (январь 1931 г.) «на деле одобрил брошюру тов. Чэнь Шао-юя» «Две линии» («Борьба за дальнейшую большевизацию Коммунистической партии Китая»), выражающую идеи новых «левых»

¹ Ван Мин — один из псевдонимов Чэнь Шао-юя.

«клонистов; некоторые в то время и в последующие десять с лишним лет считали эту брошюру документом, играющим роль «правильной программы»...»².

Таким образом, признавая на словах важность для партии этой работы, маоисты одновременно подвергли ее нападкам. Дело в том, что в ней подвергаются критике и осуждению не только вредные для КПК и китайской революции ультралевацкие взгляды Ли Ли-саня. Эта критика и осуждение распространяются, без указания имени, и на Мао Цзэ-дуна, который не только воспринял порочные взгляды Ли Ли-саня, находившегося в 1930 г. у руководства КПК, но просто был послушным исполнителем его установок, но в ряде случаев еще в 1929 г. был своего рода предтечей авантюризма и левачества Ли Ли-саня.

В апреле 1929 г., то есть еще до оформления лилисаневской линии в качестве господствующей в Политбюро ЦК КПК, Мао Цзэ-дун вопреки решениям VI съезда и указаниям Коминтерна об осторожном подходе к оценке момента наступления революционного подъема в письме в ЦК КПК утверждал, что в Китае «революция будет развиваться очень быстро»³. При этом Мао Цзэ-дун рассматривал главным образом на искусственное создание революционного подъема в стране путем наступления китайской Красной армии на крупные города и завоевание отдельных провинций, в частности Цзянси с ее столицей Наньчаном, в течение года. «Только уничтожив более крупные силы противника и захватив города, — писал Мао Цзэ-дун, — можно поднять широкие массы народа и создать органы власти... Только таким образом можно воздействовать на умы и чувства всего народа (это и называется расширить политическое влияние) и добиться практических результатов в смысле ускорения подъема революции»⁴.

На объединенной партийной конференции 5 и 6-го корпусов в Потоу 7 февраля 1930 г., проходившей под руководством Мао Цзэ-дуна, было принято решение о наступлении на города, в том числе на Наньчан и Цзянь. Это решение было принято еще до того, как руководство КПК под воздействием Ли Ли-саня приняло установку об организации восстания по всему Китаю и о наступлении китайской Красной армии на крупные города. Другими словами, Мао Цзэ-дун толкал Ли Ли-саня и руководство КПК на путь авантюризма как в оценке сроков революционного подъема, так и в осуществлении практических мероприятий.

Ли Ли-сань и его сторонники считали, что китайская революция является новым и основным центром мировой революции,

что, подтолкнув революцию в Китае, можно вызвать мировую войну, мировую революцию и что победа китайской революции возможна лишь в случае мировой войны и победы мировой революции; Политбюро ЦК КПК 11 июня 1930 г. одобрило подготовленную Ли Ли-санем резолюцию «О новом революционном подъеме и необходимости завоевания победы сначала в одной или в нескольких провинциях» и назначило на июль—август 1930 г. восстания в крупнейших промышленных центрах Китая. На заседаниях Политбюро Ли Ли-сань говорил, что, «когда Ухань будет у нас в руках, мы сможем поговорить с Коминтерном и русской братской партией и скажем им, что теперь наступил момент, чтобы развязать мировую войну и чтобы советская армия вмешалась... наша стратегия должна заключаться в том, чтобы вызвать международную войну, что теперь Коминтерн, прежде всего Советский Союз, должен взять наступательный курс».

Таковы звенья политической платформы Ли Ли-саня. Как видно, они во многом перекликаются с положениями современной руководящей группировки Мао Цзэ-дуна. Мао Цзэ-дун разделял важнейшие положения левацкой авантюристической платформы Ли Ли-саня и активно проводил ее в жизнь.

Когда в середине 1930 г. Мао Цзэ-дун получил резолюцию ЦК КПК от 11 июня 1930 г., он одобрил ее и начал активно проводить в жизнь. Следует отметить, что Ван Мин за несогласие с этой резолюцией был исключен на 3 месяца из КПК. Поддержка Мао Цзэ-дуном лилисаневского курса была расценена как заслуга, и его ввели в состав Политбюро. Мао Цзэ-дун неоднократно пускал в ход версию о своей якобы непричастности к «линии Ли Ли-саня». Впервые он опробовал такой метод в беседах с Э. Сноу, а затем в 1945 г. в «Решении по некоторым вопросам истории КПК». Там утверждается, что он с «исключительным терпением исправлял левацкие ошибки, имевшие место в частях 1-го фронта Красной армии...»⁵.

Приведенные факты убедительно показывают, что изображение позиции Мао Цзэ-дуна в период лилисаневщины — один из самых беззастенчивых актов фальсификации истории КПК и китайской революции и самим Мао Цзэ-дуном и промаоистской историографией.

В период борьбы против японских захватчиков Ван Мин выступал за сплочение национальных сил китайского народа и организацию всенародного отпора японской агрессии.

В работах Ван Мина много внимания уделялось политике единого национального антияпонского фронта, которая строилась на базе сотрудничества всех антияпонских сил, и прежде всего двух основных поли-

² Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 4. М., 1953, с. 340.

³ Там же, с. 202.

⁴ Там же, с. 204.

⁵ Мао Цзэ-дун. Указ. соч., с. 334.

тических партий — Компартии и Гоминьдана. По этому вопросу им написаны статьи: «О положении в Маньчжурии и новом наступлении Японии на Китай», «Новые задачи КПК», «Новая ситуация в Китае и новая политика Компартии», «Ключ к спасению китайского народа», «Растет и крепнет сотрудничество между Гоминьданом и Компартией», «За укрепление и расширение единого национального антияпонского фронта». Этому же вопросу посвящен раздел его доклада на VII конгрессе Коминтерна «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике компартий».

В этих работах Ван Мина намечены пути претворения в жизнь разработанной Коминтерном политики единого фронта. Они имели важное значение для КПК в условиях того времени. Являясь одним из самых активных проводников линии Коминтерна в вопросе единого антияпонского фронта в Китае, Ван Мин ориентировал партию на сплочение всех антияпонских сил в Китае и противостоял авантюристическому курсу Мао Цзэ-дуна.

В связи с изменившимися внутренней обстановкой в Китае и международным положением, писал Ван Мин в статье «Новые задачи Китайской Компартии», и в соответствии с задачами, намеченными решением VII конгресса Коминтерна, Компартия Китая пришла к глубокому убеждению, что в условиях растущего национального кризиса нет другого средства спасти Китай, кроме общей мобилизации всего китайского народа на решительную и беспощадную борьбу против японского империализма. И вместе с тем нет у коммунистической партии другого средства для этого, кроме тактики антиимпериалистического единого народного фронта.

Начало этой новой тактике было положено опубликованием 1 августа 1935 г. ЦИК Китайской советской республики и ЦК КПК «Обращения ко всему народу о сопротивлении Японии и спасении родины», автором которого был Ван Мин. В этом обращении различные партии и группировки, весь народ страны призывались объединиться для совместной борьбы против японской агрессии, несмотря на различие в политических взглядах и интересах, на различие мнений и стремлений разных классов и слоев. Правительство и Коммунистическая партия Китая призывали образовать всекитайское Объединенное народное правительство национальной обороны и организовать всекитайскую Объединенную антияпонскую армию.

Несмотря на то что Мао Цзэ-дун видел в Ван Мине, пользовавшемся в КПК большим авторитетом теоретика, своего главного противника — претендента на пост руководителя КПК, при встрече возвратившегося из Москвы Ван Мина он вынужден был заявить: «Что является источником нашего успеха в установлении единого фронта? Это декларация от 1 августа 1935 г., с которой

берет начало единый фронт. Кто открыл этот источник — декларацию 1 августа? Это был товарищ Ван Мин, которого мы встречаем здесь. Он составил в Москве проект этой декларации. Таким образом, мы можем считать создание единого фронта за слугой товарища Ван Мина».

Ван Мин уделял много внимания вопросу укрепления и расширения массовых организаций, в частности профсоюзных и молодежных организаций в революционной борьбе китайского народа, в деле мобилизации народных масс на освободительную борьбу против японской агрессии. Этой проблеме посвящены его выступления на VIII сессии Центрального Совета Профинтерна «О революционном профдвижении в Китае», статья «Революционный кризис в Китае и задачи ревпрофдвижения».

Солидарности комсомола капиталистических стран с китайской революцией Ван Мин посвятил статью «Вторая советская республика». Страстным призывом к зарубежным комсомольцам звучали слова автора: «Наши зарубежные КСМ должны учиться у ВЛКСМ, руководимого большевистской партией, завоевавшего своей борьбой за победу Октябрьской революции, своим героизмом в гражданской войне и беззаветной преданностью социалистическому строительству право называться ленинским. Они должны учиться у комсомола Китая, под руководством компартии борющегося за победу советской революции в Китае... Комсомол борется за действительную массовую работу среди рабочей и трудящейся молодежи, за защиту Советского Союза, советского Китая, за свержение фашизма и буржуазии в собственной стране, за победу мировой советской социалистической республики».

Видное место Ван Мин отводил вопросам расширения и укрепления китайской Красной Армии, ее укомплектования командными и политическими кадрами, изучению и использованию боевого опыта Красной Армии Советского Союза («Борьба Китайской Красной армии против шестого похода», «Новые условия — новая тактика» и другие).

Ван Мин разоблачал и беспощадно бичевал изменников китайского народа и контрреволюционеров. Так, в статье «Против предателей китайского народа» он вскрывал предательство прояпонской группировки Ван Цзин-вэя.

Ван Мин широко популяризировал революционные традиции китайского рабочего класса. В статьях «Пятилетие Кантонской коммуны и современное положение в Китае», «Шестая годовщина Кантонской коммуны» и в других работах он с позиций коммуниста-революционера описал историю Кантонской коммуны, одну из славных страниц международного коммунистического движения.

Большой интерес представляют две ранние работы Ван Мина: «Перспективы китайской революции и проблема гегемонии в

Революции» и «К вопросу о разрыве дипломатических отношений между Англией и Россией».

В 20-е гг., особенно в период революции 1925—1927 гг., в КПК остро стоял вопрос о гегемонии в революции. В статье «Перспективы китайской революции и проблема гегемонии в революции» Ван Мин разбирает две возможные перспективы развития китайской революции — капиталистическую и некапиталистическую, а также проблему борьбы между пролетариатом и буржуазией за гегемонию в революции.

«У китайской революции», — писал Ван Мин, — неизбежно имеются две перспективы развития — капиталистическая и некапиталистическая. Первая перспектива будет осуществима при условии, если китайская буржуазия, захватив гегемонию в революции, пойдет на сговор с силами внешней и внутренней реакции. Вторая перспектива будет осуществима при условии, если китайский пролетариат завладеет гегемонией в революции, доведет до конца дело борьбы против международного империализма и остатков китайского феодализма и установит прямой контакт с международным пролетариатом и, в первую очередь тесно сплотится с социалистическим государством — Советским Союзом.

Ван Мин убежденно подчеркивал в этой статье, что «В центре нынешней борьбы за гегемонию стоит китайский пролетариат и его политическая партия — коммунистическая партия Китая. Они должны быть особенно активны в этой борьбе».

В своих последних статьях «О событиях в Китае», «Ленин, ленинизм и китайская революция» Ван Мин решительно осудил великодержавно-шовинистический гегемонистский курс Мао Цзэ-дуна, разоблачил антиленинскую сущность внешней и внутренней политики нынешнего маоистского руководства Китая.

Работы Ван Мина дают возможность еще лучше представить действительную картину двух линий в КПК и убедиться в беззастенчивой фальсификации маоистами истории Компартии Китая.

Многие работы Ван Мина в разное время были опубликованы в партийной и советской печати в Советском Союзе, а также в других странах.

Список основных работ Ван Мина

К вопросу о разрыве дипломатических отношений между Англией и Россией. — «Сяндао», 8.VI.1927, № 197 (на кит. яз.).

Перспективы китайской революции и проблема гегемонии в революции. — «Сяндао», 15.VI.1927, № 198 (на кит. яз.).

Антиимпериалистическое движение в Китае. — «Коммунистический Интернационал», 1931, № 36.

Бороться за дальнейшую большевизацию КПК. Шанхай, февраль 1931 г. (под названием «Две линии»); в 1932 г. издана в

Москве под названием «Бороться за дальнейшую большевизацию КПК». То же. Яньань, 1940.

Новая тактика Гоминьдана в организации сил китайской контрреволюции. — «Коммунистический Интернационал», 1932, № 25—26, с. 77—81.

Пятилетие Кантонской коммуны и современное положение в Китае. — «Коммунистический Интернационал», 1932, № 35—36, с. 12—20.

О революционном профдвижении в Китае (содоклад т. Ван Мина на VIII сессии Центрального Совета Профинтерна). — «Международное рабочее движение», 1931, № 36.

Революционный кризис в Китае и задачи ревпрофдвижения. — «Красный Интернационал профсоюзов», 1932, № 1-2.

Советский Китай как база развертывания аграрной революции и национально-революционной войны. — «Коммунистический Интернационал», 1932, № 23.

Шестая годовщина Кантонской коммуны. — «Правда», 1933, № 341 (5867).

Советы в Китае как особая форма демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (доклад т. Ван Мина на расширенном заседании кафедры ленинизма ВКСХУ им. Я. М. Свердлова 28 мая 1934 г.). — «Коммунистический Интернационал», 1934, № 31.

Борьба Китайской Красной армии против шестого похода Чан Кай-ши. — «Коммунистический Интернационал», 1934, № 32—33.

Положение в Китае и задачи Китайской компартии. М., 1934.

Китайская революция непобедима (речь т. Ван Мина на XVII съезде ВКП(б)). — «Правда», 1934, № 35 (5921).

Борьба на Дальнем Востоке. — «Аграрные проблемы», 1934, № 7—8.

Вторая советская республика на Востоке. — «Интернационал молодежи», 1934, № 3.

Пути большевизации компартии и победа ленинизма в Китае. — «Коммунистический Интернационал», 1934, № 3.

13 лет Китайской коммунистической партии. М., 1935.

Новые условия — новая тактика. М., 1935 (на кит. яз.).

О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах и тактике компартии (сокращенная стенограмма речи т. Ван Мина на VII Конгрессе Коминтерна 7 августа 1935 г.). — «Коммунистический Интернационал», 1935, № 25.

Борьба с дилетантством в Китайской компартии (сокращенная стенограмма речи т. Ван Мина в КУТВ 27 апреля 1932 г.). — «Революционный Восток», 1932, № 3—4 (15—16).

Современное политическое положение в Китае и нынешние основные задачи Китайской компартии. М., 1932 (на кит. яз.).

КПК. — «Партработник». М., 1932, № 18.

Углубление революционного кризиса в Китае и задачи Китайской компартии. — «Большевик», 1932, № 5—6.

Выступление т. Ван Минна на XII пленуме ИККИ 12 сентября 1933 г. в прениях по докладу т. Окано (заседание 26-е). Стенографический отчет. Т. 3. М., 1933.

Выступление т. Ван Минна на XII пленуме ИККИ 2 сентября 1932 г. в прениях по докладу тт. Куусинена и Тельмана. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1933.

Письмо Ван Минна Анри Барбюсу, Ромену Роллану и всем делегатам Антивоенного конгресса молодежи в Париже. — «Коммунистический Интернационал», 1933, № 8.

О положении в Маньчжурии и новом наступлении Японии на Китай. — «Коммунистический Интернационал», 1933, № 4—5.

Экономическая политика советской власти в Китае. Шанхай, 1933 (на кит. яз.); «Коммунистический Интернационал», 1933, № 24.

Революция, война и интервенция в Китае и задачи компартии (речь т. Ван Минна на 13-м пленуме ИККИ). М., 1934; «Коммунистический Интернационал», 1933, № 36; 1934, № 1—2.

Новые задачи китайской компартии. — «Большевик», 1935, № 20.

Проблемы национально-революционной войны в Китае. М., 1935 (на кит. яз.).

Памяти товарищей (Цюй Цю-бо и Хо Су-ханя). — «Коммунистический Интернационал», 1935, № 20—21.

По вопросу о едином антиимпериалистическом фронте. Париж, 1935 (на кит. яз.).

Мужественный большевик — национальный герой Китая Фан Чжи-минь. — «Коммунистический Интернационал», 1936, № 2.

15 лет борьбы за независимость и свободу китайского народа. — «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14.

Новая ситуация в Китае и новая политика компартии. М., 1936 (на кит. яз.).

Бороться за независимость, свободу и

счастье китайского народа. М., 1936 (на кит. яз.).

Борьба китайского народа против японского агрессора и Великая социалистическая революция в СССР [М.], 1937; «Коммунистический Интернационал», 1937, № 10—11.

Ключ к спасению китайского народа. М., 1937 (на кит. яз.); «Коммунистический Интернационал», 1937, № 3.

Новый этап агрессии японского империализма и новый период борьбы китайского народа [М.], 1937 (на кит. яз.); «Большевик», 1937, № 17; «Коммунистический Интернационал», 1937, № 8.

Растет и крепнет сотрудничество между гоминданом и компартией. — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 10.

За укрепление и расширение единого антияпонского национального единого фронта. — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 4.

Интервью с американским корреспондентом Б. — «Коммунистический Интернационал», 1938, № 5.

Против предателей китайского народа. — «Коммунистический Интернационал», 1939, № 6.

Новые формы старого заговора (речь на антияпонском митинге населения Яньани 15 января 1939 г.). — «Синьхуа жибао гуань». Чунцин, 1939.

О событиях в Китае. Газета компартии Канады «Кэнэднен трибюн», 19 марта 1969. М., 1969.

Ленин, ленинизм и китайская революция. М., 1970.

Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975.

А. П. Киреев

* * *

Новый этап эволюции маоизма (По страницам советской печати)

В последнее время в советской печати опубликован ряд материалов, посвященных актуальным проблемам внутренней и внешней политики КНР¹. В них указывается, что на фоне коренного изменения соотношения

сил на мировой арене в пользу социализма, на фоне углубления разрядки напряженности на земном шаре и превращения принципов мирного сосуществования в общепризнанную норму взаимоотношений государств с различным социальным строем не прекращается острое противодействие наступлению сил социализма, революции и мира со стороны наиболее реакционных кругов империализма. Ныне их открытым союзником выступает группировка Мао Цзэ-дуна, которая предав революционные принципы, изменила дружбе и сотрудничеству с социалистическими странами, поправа интернациональный долг перед мировым революционным движением.

¹ См.: «Коммунист», № 12, 1975; «Международная жизнь», № 9, 1975; «Правда», 10.IX и 1.X. 1975; «Известия», 11.IX.1975.

Анализируя политическую практику маоизма последнего времени, журнал «Коммунист» (№ 12, 1975) в редакционной статье приходит к выводу, что «действия китайского руководства на международной арене после X съезда КПК, возведение гегемонистского, экспансионистского внешнеполитического курса в закон, закрепленный маоистской конституцией, ужесточение маоистского режима и усиление военно-бюрократической диктатуры обозначают новый этап в борьбе Пекина за осуществление своих геополитических планов».

«Китайская проблема,— говорится в журнале,— все больше становится одним из острых политических вопросов современности», поскольку оголтелый авантюризм маоистского руководства Китая несет растущую опасность всем прогрессивным силам планеты, всем миролюбивым государствам независимо от их социального строя. В настоящее время маоизм полностью сомкнулся с антикоммунизмом — наиболее реакционной философией современного империализма, он с порога отвергает любые шаги, направленные на разрядку напряженности, стал открытым проповедником второй мировой войны.

В редакционной статье указывается также, что характерной чертой нового этапа борьбы маоистского руководства за свои великодержавные цели являются нарастающие попытки Пекина «раздробить революционный, антиимпериалистический фронт, исключить из него СССР, другие социалистические страны и их союзников, противопоставить их остальному миру». Для этих целей маоистами была сконструирована так называемая «теория трех миров» и подхвачен тезис империалистической пропаганды о «двух сверхдержавах». Маоистское руководство открыто заявляет о своих стремлениях создать под главенством Китая «единный фронт», включая в него реакционные силы всех мастей — от правых и реваншистов до крайне «левых» экстремистов.

Другой особенностью нового этапа является то, что в попытках воспрепятствовать процессу разрядки маоизм выступил за ревизию итогов второй мировой войны и пересмотр результатов послевоенного развития. Выступая против основополагающих принципов современных международных отношений (таких, как нерушимость границ, неприкосновенность сил, уважение суверенитета), маоистские лидеры цинично прибегают к «обоснованиям» и методам, почерпнутым из теории и практики фашизма.

Новый этап отмечает также то обстоятельство, что группировка Мао Цзэ-дуня «перешла от политической и идеологической конфронтации с социалистическим сотрудничеством к межгосударственному противоборству по всем линиям». При этом главный удар направлен против Советского Союза.

Несмотря на прощанье маоистов на международной арене, им не удалось поме-

шать достижению значительных позитивных сдвигов в мировой политике. Это стало возможным в результате тесного единства социалистических стран, их твердости и последовательности в идейно-политической борьбе с маоизмом, в результате активизации борьбы международного коммунистического движения против теории и практики маоизма, в результате отпора попыткам маоистских лидеров оторвать национально-освободительное движение от стран социализма и поставить его на службу достигну «мирового величия» Китая.

Однако Мао и его подручные пока не собираются прекращать борьбу. Более того, они зловеще вешают на весь мир о готовности пожертвовать двумя третями человечества ради достижения своих бредовых замыслов. «Знаменем» маоистов остается установка, данная Мао Цзэ-дунем в сентябре 1959 года: «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар... где мы создадим мощную державу». Анализ политики Пекина последнего времени убедительно доказывает, что все устремления маоистов направлены на достижение именно этой цели.

Как указывается в материалах советской печати, во внутривнутриполитическом плане в КНР происходит ужесточение маоистского режима, продолжает углубляться антисоциалистический процесс. Основными проявлениями этого стали: политическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», сессия ВСНП в январе 1975 г. и принятие новой конституции КНР, кампания «по изучению теории диктатуры пролетариата».

Основной целью кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» была задача, выдвинутая X съездом КПК — «закреплять и множить завоевания великой пролетарской культурной революции», а на самом деле контрреволюционного переворота, произведенного группой Мао, создать обстановку насилия и духовного террора в стране, когда любые противники «линии Мао» заранее ставятся вне закона и против них применяются самые жестокие меры расправы. Однако принципиальная особенность новой политической кампании, начатой в 1974 г., состояла в том, что она проходила в условиях нового режима, с использованием созданного им аппарата насилия. Маоистские лидеры в ходе кампании ставили прежде всего следующие задачи:

1) преодолеть среди части китайского населения (в особенности среди руководящих кадров высшего и среднего звена) осуждение результатов «культурной революции»;

2) усилить контроль центра над периферией, лишить командующих военными округами постов первых секретарей провинциальных парткомов и председателей «ревкомов» (перед кампанией «критики» были произведены перемещения в командованиях 8 из 11 больших военных округов), уре-

зать политическую власть руководителей на местах;

3) обеспечить выдвижение «новых», или «молодых», кадров в соответствии с «великим стратегическим планом» Мао Цзэ-дуна — воспитать «многомиллионную смену продолжателей революции», то есть фактически — слепых и беспрекословных сторонников правящей верхушки и ее антинародной политики, обеспечивая таким образом преемственность маоистского курса;

4) расширить идеологическую базу маоизма путем раздувания крайнего национализма, создания новой концепции «национальной судьбы» Китая, в основу которой положена идея об исключительном, непреходящем, всемирно-историческом значении китайской нации, идея оправдания и восхваления территориальной экспансии Китая, наращивания любыми способами политического влияния в мире и собственного военного и экономического могущества;

5) повернуть «дело Линь Бяо» против несогласных с маоизмом, объявляя любого инакомыслящего сообщником «величайшего национального предателя».

Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» с самого начала своим острием была направлена против СССР и имела целью «выкорчевать» его влияние в Китае, а в более широком плане — окончательно выкорчевать влияние марксистско-ленинской теории социалистического строительства, опыта социалистических стран.

Другой важной вехой в развитии Китая стало принятие в январе 1975 г. сессией Всекитайского собрания народных представителей новой конституции КНР, которая, по словам ее составителей, должна была подытожить «новый опыт» маоистов и «новые победы», а в действительности — законодательно оформить и закрепить антинародную и антисоциалистическую политику группировки Мао Цзэ-дуна, придать необратимый характер маоизму.

В советской печати новый основной закон КНР был подвергнут всестороннему анализу (см., например, «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2), был полностью выявлен его политический смысл, показан явный регресс по сравнению с прежней конституцией (в области национальной политики, государственной структуры, гражданских прав и др.). При этом указывалось, что конституция 1954 года не исчерпала своей исторической роли, и ее действие было прервано искусственно, потому что основанный на ней механизм государственной власти мешал маоистам «развернуться».

Как подчеркивается в редакционной статье «Коммуниста», использование в тексте конституции в целях маскировки фраз о «марксизме-ленинизме», «социалистическом строе» и т. п. не может скрыть того, что новый основной закон КНР на самом деле создает юридически оформленные преграды для возвращения Китая на путь подлинного социалистического разви-

тия и дружбы со странами социализма. Более того, конституция неоднократно провозглашает задачу борьбы с «социал-империализмом» (как маоисты именуют СССР и его союзников) в течение «довольно длительного времени».

Необходимо также особо выделить тот факт, что вновь принятая китайская конституция, пожалуй, впервые в послевоенной истории провозглашает милитаризм государственным курсом КНР, заявляя, что «государство осуществляет курс на... стимулирование подготовки на случай войны». Этой задаче отвечает и экономический курс группы Мао, который в условиях сравнительно низкого уровня экономического развития Китая в ущерб интересам трудящихся предусматривает расходование более 40% государственного бюджета на создание мощного военно-промышленного потенциала и подготовку к войне. Тем самым маоисты надеются выполнить задачу, поставленную сессией ВСНП — вывести Китай к концу текущего столетия «в первые ряды стран мира», то есть обеспечить предпосылки для реализации великодержавных, гегемонистских установок Мао Цзэ-дуна.

Реализовать на практике положения новой конституции КНР призвана кампания «по изучению теории диктатуры пролетариата», развернутая сразу после сессии ВСНП, в феврале 1975 года. В более общем плане цель новой кампании — тотальная идеологическая обработка населения в духе маоизма на новом этапе, закрепление «маоистской модели» развития общества. Прикрываясь лозунгом «укрепления диктатуры пролетариата», правящая верхушка приписывает стихийным или сознательным противникам режима стремление «реставрировать капитализм». Система заработной платы в зависимости от квалификации, распределение по труду, обмен посредством денег объявлены «остатками буржуазного права» и подвергаются беспрепятственной критике.

Кампания «по изучению диктатуры пролетариата» еще в самом разгаре, но, судя по сообщениям китайской печати, она встречает сопротивление части рабочих, да и сами ее инициаторы остерегаются форсированного осуществления ее установок, опасаясь падения темпов экономического развития. Становится также все более очевидным, что с помощью этой кампании левая часть маоистской верхушки пытается укрепить свои позиции, видя в методах внеэкономического принуждения (насаждению которых главным образом и подчинена критика «остатков буржуазного права») путь к достижению «величия» Китая к 2000 году.

Попытки упрочить маоистский режим решениями X съезда КПК, принятием конституции 1975 года и новыми кампаниями сопровождаются постоянными усилиями правящей группировки по укреплению механизма военно-политической диктатуры в КНР

ни превращению всего китайского населения в «послушных волов». Рабочий класс ныне лишен политического авангарда — коммунистической партии, он расслоен, ущемлен политически и экономически; крестьянство («составляющее 4/5 населения Китая») превращено в объект эксплуатации; интеллигенция обречена на духовное рабство, ей не доверяют; молодежь обманута и лишена свободы жизненного выбора. В условиях полного антидемократизма (ликвидации выборов во всех звеньях государственного и партийного механизма) КПК превращена в орудие осуществления «линии Мао Цзэ-дуна» во всех областях жизни страны, массовые общественные организации под прикрытием лозунга «единого руководства партии» стали инструментом обработки населения в духе маоистских установок. Маоисты по-прежнему рассматривают армию как свою главную опору: в соответствии с новой конституцией председатель ЦК КПК объявлен главой вооруженных сил, в их состав включено и народное ополчение, которому в своих планах руководящая верхушка отводит весьма значительную роль; чистка в армии в ходе кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», назначение на ключевые командные посты преданных Мао лиц имели своим следствием концентрацию в одних руках всей полноты партийной, государственной и военной власти.

Суммируя результаты внутривнутриполитических событий последнего времени в КНР, журнал «Коммунист» приходит к выводу, что «в Китае речь идет уже не просто о деформации социалистического развития и «эрозии» основ социализма, заложенных в первое десятилетие существования КНР, а о законодательном оформлении режима диктатуры военно-бюрократической группировки».

В сфере внешней политики, задавшись стратегической целью превратить Китай в мирового гегемона, державу № 1 на земном шаре, маоизм проявляет себя как откровенный противник социализма, демократии и мира. В настоящее время, как подчеркивается в материалах советской печати, китайское руководство прилагает все свои усилия, чтобы превратить КНР в «мировой центр» с собственной сферой влияния. Путь к этому оно видит в обострении противоречий между классовыми антитепами — социализмом и империализмом, в провоцировании между ними вооруженных конфликтов, которые привели бы к взаимному истощению двух социально-политических систем. В то же время, отдавая себе отчет в том, что только социалистическое сотрудничество может быть принципиальным и последовательным противником маоизма, а империализм не прочь использовать Китай в качестве «противовеса» в исторической борьбе социализма и капитализма, правящая маоистская верхушка острее своей борьбы направила против СССР и других стран социализма, ис-

пользуя на определенных этапах империализм в качестве своего союзника во имя достижения главной стратегической цели.

Теоретическим «обоснованием» подобного рода политики служат бесконечно меняющиеся маоистские теории. Ныне ими являются теория «трех миров» (СССР и США — «первый мир», другие развитые страны — «второй мир», развивающиеся страны — «третий мир»), а также доктрина «борьбы против двух сверхдержав», которая, призывая к борьбе против «сверхдержавного гегемонизма», проводит недвусмысленную дифференциацию на том основании, что американский империализм идет к упадку, а на смену ему идет — де «советский социал-империализм».

В статьях советских авторов (см., например, «Международная жизнь», 1975, № 9) убедительно показано, что «отказ от классовой пролетарской позиции в международных делах, привел к тому, что господствующими во взглядах китайских руководителей становятся геополитические воззрения на мир как на арену борьбы за гегемонию, за передел сфер влияния». «Деидеологизация» международных отношений, — подчеркивают авторы указанной статьи, — внеклассовый подход к событиям в мире, по расчетам китайских лидеров, позволяют им прибегать к беспринципному лавированию, привлекать на свою сторону любые силы, совершать любой зигзаг во внешней политике, формировать под своей эгидой блок, направленный в первую очередь против СССР и мирового социализма, в который были бы втянуты отдельные социалистические и развивающиеся страны, а также империалистические государства и который был бы основой для утверждения мировой гегемонии Китая».

В духе подобных «теоретических» схем строится практическая деятельность маоистов на международной арене. Ныне китайское руководство, пройдя этап обычной нормализации отношений с западными странами, перешло к открытому блокированию с самыми реакционными силами империализма на националистической, антисоциалистической основе. Это находит свое выражение в совпадении их внешнеполитических доктрин, в параллельных действиях по ослаблению позиций мирового социализма, в поддержке военно-политических блоков, в попытках сорвать разрядку напряженности на земном шаре, в стремлениях оторвать развивающиеся страны от сотрудничества с социалистическим сотрудничеством, подорвать антиимпериалистический характер движения неприсоединения.

Пекинские политики открыто ратуют за укрепление НАТО и «Общего рынка», призывают европейские капиталистические страны к наращиванию военной мощи и созданию собственных ядерных сил. В унисон с натовскими генералами они выражают опасения по поводу «стратегического ослабления» южного фланга НАТО (в результате событий в Греции и Португа-

лин). Маоисты стремятся спасти от развала азиатские военно-политические блоки, откровенно выступают за сохранение американского военного присутствия в Восточной и Юго-Восточной Азии, обеспокоены уходом США из Южного Вьетнама и требованиями других стран региона вывести иностранные войска и базы с их территории.

Забота об американском присутствии в Азии продиктована тем, что Мао и его группа надеются через несколько лет, когда Китай окрепнет, «заполнить вакуум» в этом районе. Уже сейчас маоистская дипломатия подсовывает всем, кто вступает в переговоры с ней, тезис о необходимости «борьбы с гегемонизмом третьих держав в Азии и районе Тихого океана». Смысл этого тезиса особенно ясно раскрылся в апреле 1975 года, когда на переговорах с Японией о заключении договора о мире и дружбе китайская сторона ультимативно потребовала включения статьи о системе «необходимых консультаций» для претворения этого принципа в жизнь. Недаром японская печать отмечала, что тезис о гегемонии, да еще с таким дополнением, напоминает военный союз.

Переход маоистов на позиции крайней реакции ярко выражается и в том, что они любой ценой во все нарастающих масштабах пытаются сорвать процесс оздоровления международного климата, делают откровенную ставку на «потрясения и беспорядки», на нагнетание международной напряженности вплоть до развязывания новой мировой войны.

В последние годы китайские лидеры навязчиво внушают китайскому народу и всем своим гостям мысль о неизбежности «третьей огромной мировой войны», утверждая, что «в этом мире нет разрядки». Китайская дипломатия не жалеет усилий, чтобы задержать превращение разрядки в необратимый процесс, не допустить создания систем коллективной безопасности в Европе и Азии. Хорошо известно, что она не прекращала своих подрывных усилий даже в те дни, когда руководители 33 европейских государств, США и Канады собрались в Хельсинки, а после окончания работы совещания сеяла сомнения в возможности реализации принятых решений, утверждая, что разрядка в Европе «выгодна только Варшавскому блоку».

Политическому курсу на смыкание с империалистической реакцией соответствует и курс Пекина в области экономических отношений. В 1974 году товарооборот КНР с капиталистическими странами составил 2/3 всей его внешней торговли, в то время как доля социалистических стран упала с 16% до 13,5%. Ориентация на капиталистический рынок привела к тому, что дефицит торгового баланса в результате кризисных явлений на Западе составил 1,3 млрд. долл. Тем не менее пекинские лидеры настойчиво побуждают некоторые социалистические и многие развивающиеся

страны переориентировать свои торгово-экономические связи на капиталистический рынок в ущерб связям с социалистическим сотрудничеством, проводя по существу линию на укрепление неокolonизма.

Большую ставку в своих гегемонистских устремлениях Пекин делает на развивающиеся страны, пытаясь превратить их в свою опору. Главную задачу в этом плане маоисты видят в том, чтобы противопоставить «третьему миру» мировому социализму, международному коммунистическому и рабочему движению, изображая его как главную революционную силу, движущую вперед колесо истории, как основную силу в борьбе против империализма, колониализма и «гегемонизма». Стратегия группировки Мао строится на том, чтобы дискредитировать идею социалистической ориентации развивающихся стран и некапиталистического пути развития, навязать развивающимся странам пекинские концепции экономического развития, использовать их отсталость в своих корыстных интересах.

Однако большинство лидеров «третьего мира» прекрасно осознают конъюнктурный и спекулятивный характер политики Пекина в «третьем мире», видят ее несоответствие национальным интересам своих стран, борьбу за укрепление независимости от империализма, потребностям их социально-экономического развития.

В своем анализе внутренней и внешней политики Пекина и идеологической платформы маоизма советские органы печати указывают на то, что в настоящее время маоисты все свои акции на международной арене соизмеряют с тем уроном, который они могут нанести мировому социализму. Их главные усилия направляются на подрыв социалистического сотрудничества, которое Пекин объявил «несущей основой», на отрыв его членов от Советского Союза. Попытки «дифференцированного подхода» к европейским социалистическим странам, двойственная и лицемерная политика в отношении социалистических стран Азии, аннексионистские устремления в отношении МНР, сопровождаемые политическим и экономическим давлением, актами диверсии и шпионажа — таковы слагаемые этого курса.

Нынешний этап подрывной деятельности маоистского руководства Китая в международном коммунистическом движении характеризуется продолжающимися попытками превратить маоизм в международное течение, ослабить интернациональную сплоченность братских партий, вызвать идейную разобщенность внутри коммунистического движения. В плане теории маоисты стремятся извратить марксизм-ленинизм как единое интернациональное учение, размыть идейно-теоретическую базу сплоченности социалистических стран и коммунистического движения.

Практические результаты этой деятельности хорошо известны: они не принесли Мао и его группе желаемых результатов. А в идейном плане совместными усилиями

маоистов-ленинцев доказана абсолютная беспочвенность притязаний маоистов изображать «идеи Мао Цзэ-дуна» как «вершину развития марксизма-ленинизма в современную эпоху», показан их полный разрыв с этим учением и тем самым сорвана идеологическая маскировка маоизма под социализм.

Маоизм — бесперспективен, а режим, созданный маоистами, неустойчив и обречен на гибель. Это вполне очевидные истины, ибо теория и практика маоизма противоречат потребностям прогресса, противоречат чаяниям всех народов, включая и китайский.

Вместе с тем было бы неправильным недооценивать разлагающего влияния маоизма и даже на короткое время ослаблять решительную борьбу против него. Как подчеркивает журнал «Коммунист», «борьба

против теории и практики маоизма — это борьба за отстаивание принципов научного социализма, за чистоту марксистско-ленинского учения, за защиту завоеваний китайской революции, интересов мирового революционного движения. Такая деятельность братских партий является по своей сущности формой интернациональной помощи революционному делу китайского народа, она не имеет ничего общего с пренебрежительным, высокомерным отношением к китайскому народу, его революционным традициям, истории и культуре... Борьба марксистов-ленинцев против маоизма — это способ поддержки китайской революции в трагический для нее период, борьба за социалистическую перспективу Китайской Народной Республики, за возвращение этой страны в общий строй борцов против империализма».

II Международный семинар молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана

Новым важным этапом в укреплении сотрудничества молодежи тихоокеанских стран стал II Международный семинар молодых исследователей по проблемам сотрудничества в бассейне Тихого океана, состоявшийся 27 августа—3 сентября 1975 г. в Находке.

Семинар был организован Комитетом молодежных организаций СССР и Студенческим советом СССР совместно с Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки и Академией наук СССР. Семинар продолжил обсуждение проблем участия молодежи в борьбе за мир, безопасность и сотрудничество народов в бассейне Тихого океана, начатое на первом семинаре в августе—сентябре 1974 г. в Находке—Хабаровске. По мнению участников, встреча в Находке явилась еще одним позитивным шагом в деле налаживания и развития сотрудничества молодежи стран региона.

В работе семинара участвовали представители широкого круга молодежных, студенческих, профсоюзных, научных и других организаций различной политической и идеологической ориентации, выступающие с конструктивных позиций по проблемам сотрудничества: молодые исследователи 5 азиатских, 8 латиноамериканских стран бассейна Тихого океана, США, а также представители трех международных организаций—Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ), Международного союза студентов (МСС) и Азиатского совета молодежи (АСМ).

С советской стороны приняли участие представители КМО СССР, Студенческого совета СССР, Союза советских обществ

дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, Дальневосточного научного центра, институтов Академии наук СССР, Дальневосточного морского пароходства и других учреждений и организаций.

Дискуссия на семинаре проходила по трем основным темам: «Взаимовыгодное международное сотрудничество как фактор укрепления мира, добрососедства и взаимопонимания между странами Тихоокеанского бассейна», «Молодежь и национальные культурные ценности. Роль молодежи в развитии международных культурных связей в бассейне Тихого океана»; «Развитие молодежного сотрудничества. Основные формы контактов между молодежью стран Тихого океана».

В ходе обсуждения состоялся широкий и откровенный обмен мнениями по актуальным проблемам дальнейшего расширения всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества стран бассейна Тихого океана, а также роли молодежи в этом процессе.

На семинаре выступил заместитель директора Института Дальнего Востока АН СССР, член Президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, кандидат экономических наук В. И. Потапов. Оратор обратил внимание собравшихся на то, что ускоренное развитие международно-экономического обмена во всемирном масштабе представляет собой результат целенаправленных действий, приведших благодаря инициативе и последовательной политике стран социализма к существенному улучшению международного политического климата.

Выступавшие на семинаре с удовлетворением отмечали, что за прошедший год были активизированы и приумножены усилия, направленные на превращение Тихого океана в зону стабильного мира.

Выдающееся значение в этом отношении имело окончание после длительной борьбы народов Индокитая кровопролитной войны в этом районе, что привело к ликвидации одного из самых острых и сложных международных конфликтов со времени окончания второй мировой войны и тем самым сыграло огромную роль в улучшении международной обстановки как в Азии, так и по всему миру.

Участники призвали все стороны присоединиться к международным и национальным усилиям по оказанию помощи в восстановлению экономики стран Индокитая.

Широкое признание на семинаре получила мысль о том, что решения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе имеют важное значение и для бассейна Тихого океана, превращение которого в зону мира, безопасности, стабильности и сотруд-

ничества народов является актуальной исторической задачей, что в усилия по прогрессу коллективной безопасности в регионе должны внести вклад все государства этого района и особенно большая ответственность ложится на ядерные державы. Участники семинара выступили за нераспространение ядерного оружия как в региональном, так и в глобальном масштабе. Решение этих задач требует от всех миролюбивых сил региона новых серьезных усилий.

Одобрив заключительное комюнике семинара, участники высказались за последовательное применение принципов мирного сосуществования, за невмешательство, добрососедство, за уважение национального суверенитета, за расширение военной и политической разрядки, за сокращение гонки вооружений, за ликвидацию последствий «холодной войны» в странах бассейна Тихого океана, против любых попыток разжигать враждебность и недоверие, осудили попытки использовать двусторонние отношения в целях подрыва многостороннего регионального сотрудничества.

По мнению участников встреч в Находке, оздоровлению политического климата в регионе мог бы способствовать роспуск военных блоков, важным элементом развития идеи всеобщего мира и безопасности народов явилось бы укрепление безопасности и расширение сотрудничества на коллективной основе стран Азии. Это принесло бы азиатским народам великое благо прочного мира, открыло бы новые перспективы для решения стоящих перед ними гигантских задач развития, укрепления национальной независимости, равноправного участия в мировых делах. Участники семинара приветствовали все шаги, предпринимаемые общественностью и правительствами ряда стран в направлении упрочения мира и безопасности в Азии, выступили за то, чтобы разрядке международной напряженности был придан необратимый характер, для чего политическая разрядка должна быть дополнена разрядкой военной. Решение проблемы разоружения имеет в этой связи исключительное значение.

Участники встречи высказались в поддержку скорейшего проведения Всемирной конференции по разоружению, за претворение в жизнь всеми тихоокеанскими странами основных положений Декларации об укреплении международной безопасности, принятой на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также резолюции «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия», принятой на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

На семинаре была особо подчеркнута та конструктивная роль, которую играют неприсоединившиеся страны в деле разрядки международной напряженности и утверждения принципов мирного сосуществования в международных отношениях. Они вносят значительный вклад в дело разрядки международной напряженности, которая в свою оче-

редь способствует обеспечению их эффективного и равноправного участия в мировой политике.

В Латинской Америке, несмотря на остающиеся серьезные трудности и проблемы, получают все более широкую поддержку позитивные тенденции: стремление поставить развитие экономики латиноамериканских стран на службу интересам народов этих стран, успешное осуществление планов создания «Латино-американской экономической системы», нормализация экономических связей с Кубой несколькими странами Латинской Америки; в последнее время и Соединенные Штаты предпринимают шаги в этом направлении.

Участники семинара гневно осудили фашистскую диктатуру в Чили, выразили свою солидарность с прогрессивными и демократическими силами страны, борющимися за свержение антинародного режима, за освобождение чилийских патриотов, томящихся в застенках военной хунты.

Участники выступили в поддержку стремления корейского народа к мирному объединению страны без вмешательства извне и обратили особое внимание на недопустимость действий, направленных на обострение обстановки в районе Корейского полуострова.

Происходящий ныне общий процесс разрядки в международных отношениях создает благоприятные условия для социально-экономического прогресса стран бассейна Тихого океана, открывает возможности для активного участия в нем молодежных и студенческих организаций.

На семинаре была констатирована важная роль культурного сотрудничества для развития взаимопонимания между народами, установления атмосферы сотрудничества и добрососедства. В ходе обмена мнениями широко обсуждались проблемы участия молодежи в культурном строительстве, в создании культурных ценностей. В этой связи серьезное внимание привлекли проблемы образования. Было отмечено, что еще не во всех странах тихоокеанского бассейна юноши и девушки могут получить полноценное образование. Борьба молодежи за право на полноценное образование должна вестись постоянно и последовательно, с тем чтобы молодежь каждой страны могла вносить достойный вклад в дело социального прогресса своего народа.

Прошедший после проведения первого семинара год продемонстрировал развитие конструктивного сотрудничества молодежных организаций различной политической и идеологической ориентации в интересах мира и международной безопасности, перспективность развития контактов в области труда, образования, профессиональной подготовки, науки, культуры, спорта, туризма, обмена молодежными изданиями и информацией о деятельности организаций, в области проведения общих мероприятий на двусторонней и многосторонней основе при участии национальных молодежных органи-

заций и международных организаций, таких, как ВФДМ, МСС, ИСМУН, АСМ, которые готовы внести свой вклад в развитие этих процессов.

Участники семинара высказались за то, чтобы придать контактам и сотрудничеству молодежных организаций стран бассейна Тихого океана постоянный и устойчивый характер, поставить их на более широкую основу как в региональном плане, так и на уровне двусторонних отношений. Они полагают, что молодежный обмен между странами региона находится на начальной стадии. Поэтому целесообразны его интенсификация и расширение.

В этой связи необходимы более регулярные консультации и обмен мнениями, углубление старых и выработка новых форм сотрудничества и его конкретизация. По мнению участников встречи, это будет способствовать углублению взаимопонимания и сотрудничества между странами бассейна Тихого океана. Различие в общественно-политическом строе не является непреодолимым

препятствием на пути развития такого сотрудничества.

Участники семинара единодушно сошлись в том, что проведение II Международного семинара является важным мероприятием в развитии сотрудничества молодежных организаций стран Тихого океана, и поддержали предложение о продолжении таких встреч и в дальнейшем, высказались за популяризацию результатов семинара.

Программой проведения семинара был предусмотрен не только обмен мнениями по актуальным проблемам международного сотрудничества, но и целый ряд культурных мероприятий.

Участники семинара получили возможность посетить Хабаровск, Находку и Владивосток, встретились с молодежью этих городов и ознакомились с работой различных предприятий научных и культурных учреждений, совершили много увлекательных экскурсий.

А. Г. Луньков

НОВЫЕ КНИГИ

Малухин А. М. Пэн Бай. М., «Мысль», 1975, 142 с., 22 000 экз., 47 к.

Книга посвящена одному из представителей поколения замечательных китайских коммунистов 20-х гг., зачинателю крестьянского движения в Китае, участнику революции 1925—1927 гг., память о котором неуживаема ныне Мао Цзэ-дуну.

Гломбиньский С. Китай и США. Пер. с польск. Ред. и вступит. статья В. Лукина. М., «Прогресс», 1975, 310 с. с илл., 10 000 экз., 92 к.

Станислав Гломбиньский — известный польский публицист и журналист, многолетний корреспондент ПАП на Дальнем Востоке и США. Настоящая книга — результат основательного изучения «на месте» внутренней и внешней политики Пекина, серии поездок по странам Азии, а также работы в качестве корреспондента в Китае и США.

Кычанов Е. И. и Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М., «Наука», 1975, 302 с. с илл., 10 000 экз., 1 р. 09 к.

Насыщенная богатым фактическим материалом, хорошо иллюстрированная книга дает отчетливое представление о тибетской цивилизации, о своеобразной истории, культуре, быте и нравах тибетского народа.

Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., «Наука», 1975, 350 с., 5500 экз., 1 р. 57 к.

Рассматривая проблему соотношения периодизации истории стран Востока со всемирно-исторической периодизацией (главным образом древней и средневековой), автор на основе анализа материалов дискуссий и результатов конкретных современных исследований истории восточных стран приходит к выводу об общности основных закономерностей развития всех стран мира.

Таипов З. В борьбе за свободу. М., «Наука», 1974, 120 с., 15 000 экз., 22 к.

Зунан Таипов, в прошлом генерал-майор НОАК, в 1950—1960 гг. заместитель начальника штаба Синьцзянского военного округа, в 1961 г. был вынужден эмигрировать в Советский Союз из-за преследования маоистов. В своих воспоминаниях он рассказывает об одном из важнейших периодов в истории национально-освободительной борьбы народов Синь-

цзяна против гоминьдановской реакции в 1944—1949 гг. и о рождении в результате этой борьбы Восточно-Туркестанской Республики.

Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925—1927 гг. Изд. 2-е доп., М., «Наука», 1975, 277 с., 20 000 экз., 1 р. 22 к.

Воспоминания бывшего военного советника в революционных войсках Китая в 1925—1927 гг. воссоздают яркую картину самоотверженной советской помощи китайскому народу в его борьбе за свободу.

Владимиров О. и Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна. 3-е доп. изд. М., Политиздат, 1975, 112 с., 200 000 экз., 18 к.

В работе советских китаеведов, рассчитанной на массового читателя, рассказывается о причинах и истоках той великодержавной антисоциалистической политики, которую проводит ныне Мао Цзэ-дун и его группа внутри страны и на международной арене.

Япония 1974. Ежегодник. Глав. ред. И. И. Коваленко. М., «Наука», 1975, 318 с. с илл., 20 000 экз., 1 р. 83 к.

Авторы ежегодника — крупнейшие советские специалисты по Японии, знакомят советского читателя с последними результатами своих научных исследований по широкому кругу проблем современной экономической, политической и культурной жизни Японии. В ежегоднике помещен обширный информационный материал об отдельных отраслях промышленности, науки и техники, искусства и т. д.

Ле Зуан. Избранные статьи и речи. 1970—1975. Пер. с вьет. М., Политиздат, 1975, 374 с., 56 к.

В произведениях Первого секретаря Центрального Комитета Партии Трудящихся Вьетнама освещаются важнейшие моменты деятельности ПТВ, достижения вьетнамского народа в борьбе за свободу и независимость, успехи ДРВ на пути социалистического строительства. Ряд статей и речей публикуются на русском языке впервые.

Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. Отв. ред. М. И. Сладковский. М., Политиздат, 1975, 126 с., 34 000 экз., 41 к.

Совместный труд ученых Академии Наук МНР и Института Дальнего Востока АН СССР посвящен анализу политики Пекина в отношении национальных районов КНР, которая носит откровенно шовинистический характер и направлена на насильственную ассимиляцию неханьских народов Китая.

Барышникова О. Г. и Жулев И. Ф. Филиппины. М., «Мысль», 1975, 151 с., 52 000 экз., 23 к.

В брошюре рассматриваются главным образом социально-экономические аспекты развития страны, попытки правительства преодолеть наследие колониального прошлого.

Опасный курс. Выпуск шестой. М., Политиздат, 1975, 384 с., 50 000 экз., 88 к.

Материалы сборника свидетельствуют о дальнейшем ужесточении маоистского режима, о нарастании антисоветизма и великодержавного шовинизма в политике группировки Мао.

Внешнеполитические концепции маоизма. Отв. ред. Юрков С. Г. и Петров Г. П. М., «Межд. отношения», 1975, 256 с., 14 000 экз., 1 р. 01 к.

В коллективном труде впервые в советском Китаеведении теория и практика маоизма подвергнуты разоблачению с международно-правовых позиций.

Далин А. С. Китайские мемуары. 1921—1927. М., «Наука», 1975, 360 с., 15 000 экз., 74 к.

Автор мемуаров, неоднократно бывавший в Китае и принимавший участие в революционном движении, рассказывает о героической борьбе китайских трудящихся за свое освобождение, о бескорыстной помощи советских людей борющемуся Китаю, о встречах с великим революционером-демократом Сунь Ят-сеном и руководителями Коммунистической партии Китая.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА» за 1975 год

Статьи

СЛАДКОВСКИЙ М. И. Историческая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Азии, № 2(14)

О некоторых актуальных вопросах марксистского китаеведения, № 4(16)

К 30-летию Великой Победы

БОРИСОВ О. Б. Советский Союз и Маньчжурская революционная база, № 3(15)
ТОЛУБКО В. Ф. Всемирно-историческое значение Победы Советского Союза на Дальнем Востоке, № 3(15)

«Круглый стол» журнала

Актуальные проблемы Китая, № 2(14)

Экономика и политика

АВСЕНЕВ Ю. М., КАРШИНОВ Л. Н., ПОТЕМКИНА И. И. Внешняя торговля Китая, № 3(15)

БЕЛЯЕВ И. П. Африканская политика Пекина, № 1(13)

ВОРОНЦОВ В. Б., КАПУСТИН Д. Т. Коллективная безопасность в Азии, № 4(16)

ГЕТЕЛЬ И. (ГДР). Современные тенденции развития Южной Кореи и их воздействие на ее внешнюю политику, № 1(13)

ГРИГОРЬЕВА Е. А., КОСТИКОВ Е. Д. Спекуляция маоистов понятием «неравноправный договор», № 1(13)

ГУДОШНИКОВ Л. М. Две конституции Китайской Народной Республики, № 2(14)

ИВАНЬШИН С. И., ОСОТОВ И. А. Новая страница в истории Вьетнама, № 3(15)

КАПРАЛОВ П. Б. Социально-экономические аспекты кампании «изучения теории диктатуры пролетариата» в Китае, № 4(16)

КАРЫМОВ В. Г. Внутриполитические маневры маоистов после X съезда КПК, № 3(15)

КОРКУНОВ И. Н., МОРОЗОВ А. П., НИКОЛЬСКИЙ М. М. КНР, итоги 1974 г.: Экономика, № 1(13)

МЕЩЕРЯКОВ М. В. Советско-корейским отношениям — 30 лет, № 3(15)

МИХАЙЛОВА М. В. Принципы Бандунга и великодержавный курс КНР в «третьем мире», № 1(13)

НАЗАРОВ М. Г. Вклад восточных районов страны в создание материально-технической базы коммунизма, № 2(14)

НИКОЛАЕВ Н. Н. К 50-летию установления дипломатических отношений СССР с Японией, № 2(14)

НИКОЛАЕВ Н. Н., АНДРЕЕВ Б. В. Китайско-японские переговоры о заключении договора о мире и дружбе, № 3(15)

ОГНЕВ Ю. И. Важный вклад в дело мира и прогресса, № 3(15)

ОЛЬГИН В. С. Экспансионизм в пограничной политике Пекина, № 1(13)

ОСТРОВСКИЙ А. В. Политика китайского руководства по вопросам труда и заработной платы, № 3(15)

УСУБАЛИЕВ Т. У. Торжество ленинской национальной политики в СССР и великодержавный шовинизм в современном Китае, № 4(16)

ФИЛАТОВ Л. В. К вопросу о советско-китайском научно-техническом сотрудничестве, № 4(16)

ШИПОВ Ю. П. Япония: экономика, энергетический кризис и перспективы развития, № 4(16)

ЮРКОВ С. Г. КНР, итоги 1974 г.: Внешняя политика, № 1(13)

Идеология

АНДРЫСЕВИЧ Б. (ПНР). Об организационных и идеологических основах маоистской партии, № 3(15)

КОВАЛЕВ Е. Ф. Маоизм на службе буржуазной идеологии, № 2(14)

НОЙБЕРТ В. (ГДР). На общей платформе

- антикоммунизма: альянс маоистской и империалистической идеологий, № 4(16)
 ПОСПЕЛОВ Б. В. Идеология левого радикализма в Японии, № 2(14)
 СЕНИН Н. Г. Софистика под видом диалектики, № 3(15)
 СИДХМЕНОВ В. Я. Научный коммунизм и его фальсификаторы, № 1(13)
 ХИДАШИ Г. (ВНР). Об антимарксистской сущности маонизма, № 1(13)

История

- ГЛУНИН В. И. О роли пролетариата в китайской революции (к 50-летию IV съезда КПК), № 1(13)
 ГЛУНИН В. И., ЮРЬЕВ М. Ф. К вопросу о китайской революции 1925—1927 гг., № 2(14)
 МУРАШЕВА Г. Ф. Развитие исторической науки в ДРВ, № 3(15)
 СОБОРОВ Б. А. Пекин и «второй Бандунг», № 4(16)
 ТАСКИН В. С. Отношения Китая с северными соседями в древности, № 3(15)
 ТИТОВ А. С. К вопросу о совещании в Цзуннь, № 4(16)

Комментарии

- ИВАНЬШИН С. И., ОСОТОВ И. А. Народ Вьетнама в борьбе за выполнение Парижского соглашения, № 1(13)
 МИХЕЕВ Ю. Я. Камбоджа вновь обретает независимость, № 3(15)
 СОРОКИН В. Ф. «Ла нувель Шин», Мишель Луа и китайская литература, № 3(15)

Культура

- ГРАДОВ В. Г. «Критика» у Ханя — канун «культурной революции», № 1(13)
 ДОЛИН А. Г. Послевоенная японская поэзия: реализм или модернизм, № 4(16)
 МАЗУР Ю. Н. Становление норм литературного языка в КНДР, № 1(13)
 ПЕТРОВ В. В. Лу Синь и Цюй Цю-бо, № 4(16)
 ФЕДОРЕНКО Н. Т. Дуньхуанские рукописи, № 2(14)
 ФЕДОРЕНКО Н. Т. Дуньхуанские рукописи, № 3(15)

Из научного наследия

- АЛЕКСЕЕВ В. М. Китайская история в Китае и в Европе, № 1(13)
 ЭФДЛИН Л. Э. Несколько замечаний к статье академика В. М. Алексева, № 1(13)

Очерки и сообщения

- БЕЛОУСОВ Р. С. Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя, № 2(14)
 БОГОСЛОВСКИЙ В. А. Тибет и «культурная революция», № 4(16)
 НИКИТИН И. Н. За линией фронта, № 4(16)
 РОГАЧЕВ А. П. Великое наследие (к 475-летию со дня смерти У Чэн-эня), № 4(16)
 ЧЕРЕВКО К. Е. Игнатий Козыревский — автор «Описания Апонского государства», № 2(14)

Воспоминания

- ДАЛИН С. А. Китайские мемуары, № 1(13)
 МАЙСКИЙ И. М. Дипломат, ученый, литератор, № 2(14)

Публикации и документы

- МАЙСТРОВА З. Е. Из законодательных актов Китайской советской республики (1931 г.), № 4(16)

Из истории отечественного востоковедения

- СКАЧКОВ П. Е. «Бичуринский период» русской синологии, № 1(13)
 СКАЧКОВ П. Е. От миссии к университетам, № 2(14)
 СКАЧКОВ П. Е. На рубеже веков, № 3(15)
 СКАЧКОВ П. Е. Международные связи русских сиологов, № 4(16)

Критика и библиография

- БАДЫЛКИН Л. Е. Сборник статей по китайской филологии, № 3(15)
 ВАЛЕНТИНОВ Б. В. Азиатская политика США: расчеты и просчеты, № 3(15)
 ВАСИЛЬЕВ В. А. Вопреки интересам китайского народа, № 2(14)
 ГАТАНОВ Б. О. Борьба монгольского народа против маньчжур (XVII—XVIII вв.), № 4(16)
 ДУБИНСКИЙ А. М. Историческое исследование судеб корейского народа, № 1(13)
 ЕФИМОВ Г. В. Американский ученый о Китае, № 2(14)
 КАЧАНОВСКИЙ Ю. В. Как заселялся Дальний Восток, № 3(15)
 КИРЕЕВ А. П. Библиография работ Ван Минна, № 4(16)
 КРИВЦОВ В. А. Маонизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма, № 3(15)
 МАКАРОВ А. Д. Летопись героического подвига, № 4(16)
 НЕКЛЮДОВ С. Ю. Монография о Нацагдорже, № 1(13)
 НИКИФОРОВ В. Н. Капитализм и китайское общество, № 3(15)

Сдано в набор 27/IX 1975 г. Подписано к печати 14/XI 1975 г.
Формат 70×108^{1/16} Бум. л. 6,25 Печ. л. 17,5 Уч.-изд. л. 19,23
Изд. № 21057 А 13356 Зак. 2244 Цена 50 коп. Тираж 15 800 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва Г-21, Зубовский бульвар, 21

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

